

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ

III 619321

81

ВОЛОГОДСКАЯ
областная библиотека
им. И. В. Бабушкина

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

1968

Том содержит в основном статьи, освещающие ряд вопросов подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции. Кроме того, публикуются статьи, посвященные истории России XIX — начала XX в.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Л. Г. Бескровный, М. Г. Брагин, Э. Б. Генкина, М. Я. Гефтер, В. П. Данилов, Г. М. Деренковский (зам. ответственного редактора), А. А. Зимин, А. В. Карасев, Н. Е. Носов, Н. М. Пирумова (ответственный секретарь), М. К. Рожкова, П. Н. Соболев, А. И. Юхт.

СТАТЬИ

П. Н. АБРАМОВ

К ИСТОРИИ ПЕРВОГО ЭТАПА ОКтяБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В ДЕРЕВНЕ

(октябрь 1917 — май 1918 г.)¹

Своеобразная обстановка, сложившаяся в деревне на первом этапе социалистической революции (до введения комбедов), не получила освещения в исторической литературе. Как правило, исследователи истории советской деревни, опуская этот период, сразу переходят от октябрьских дней к комбедовскому движению². В настоящей статье делается попытка в некоторой степени восполнить указанный пробел.

В пореформенной России до самого октября 1917 г. развивалось и росло общекрестьянское движение против помещиков. Эта первая, по словам В. И. Ленина, социальная война³ неизменно занимала доминирующее положение. Сила общекрестьянского движения против помещиков свидетельствовала о слабой еще в то время дифференциации деревни. В этом выражалась одна из особенностей русской революции. Нигде на Западе, даже в таких аграрных странах, как Венгрия, Польша, Румыния, в новейшее время подобных явлений не наблюдалось. Последним общекрестьянским выступлением здесь следует считать вооруженное восстание в Румынии 1907 г.⁴

Наличие в царской России общекрестьянского движения не исключало усиления второй социальной войны — острых противоречий между

¹ Статья ныне покойного П. Н. Абрамова была написана до выхода в свет последних исследований по истории Октябрьской революции в деревне (П. Н. Першин. Аграрная революция в России, т. I—II. М., 1966 и др.), в которых обстоятельно рассматриваются и проблемы первого этапа революционных преобразований в деревне. Однако редакция не сочла возможным вносить какие-либо дополнения в текст, тем более что как по подходу к теме, так и по исследованному материалу статья и ныне полностью сохраняет научный интерес. — *Ред.*

² А. В. Шестаков. Советы крестьянских депутатов в 1917—1918 гг. М.—Л., 6 г.; X. А. Ерицян. Советы крестьянских депутатов в Октябрьской революции. М., 1960; Д. Баевский. Из истории советского крестьянства (1918—1920 гг.). — «Вопросы истории», 1945, № 5—6; М. Снегирев. Великая Октябрьская социалистическая революция и распределение земель в 1917—1918 гг. — «Вопросы истории», 1947, № 11; А. И. Лелешкин. Местные органы власти Советского государства (1917—1920 гг.). М., 1957; Ф. В. Чебаевский. Строительство местных Советов в конце 1917 г. и первой половине 1918 г. — «Исторические записки», т. 61 и др.

³ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 11, стр. 282—283.

⁴ Восстание это в течение нескольких недель бушевало по всей стране и было подавлено со страшной жестокостью: целые деревни были снесены артиллерийским огнем, убито 11 тыс. крестьян (Тимов. Крестьянское восстание 1907 г. в Румынии. — «Аграрные проблемы», 1927, № 1).

кулачеством и беднотой. Поэтому Октябрьскую революцию разные слои крестьянства встретили по-разному. Беднейшее крестьянство первым пошло за рабочим классом и его партией. К бедноте постепенно примыкали и середняки, ибо лозунги партии о земле и мире выражали кровные интересы тружеников деревни. К борьбе против кулачества середняки еще не были готовы, и поэтому партия проводила политику нейтрализации середняков, с тем чтобы в дальнейшем привлечь их к союзу с пролетариатом. Позиция кулачества была сложной и противоречивой. Кулачество жадно тянулось к барской земле, поэтому оно не могло оставаться равнодушным к большевистскому декрету о земле, в силу которого на деле осуществлялись вековые чаяния деревни о переходе всей земли в крестьянские руки. Получив же землю, кулаки хотели занять господствующее положение, не допустить дальнейших социалистических преобразований на селе; этим определялось стремление кулаков захватить Советы в свои руки. Исход дела решили классовая борьба в самой деревне, помощь деревенской бедноте со стороны городского пролетариата, руководящая роль Коммунистической партии в развитии революции.

При неуклонном проведении общего курса на дальнейшее развертывание социалистической революции в деревне Коммунистической партии и Советской власти приходилось соблюдать известную постепенность при переходе от демократических преобразований к социалистическим. Общекрестьянское движение следовало умело использовать, чтобы быстрее покончить с помещичьим землевладением и расчистить тем самым путь для дальнейшего развития социалистической революции на селе, не дав при этом усилиться кулакам. Ликвидация помещичьего землевладения была главной экономической задачей первого этапа революции в деревне, а установление на селе Советской власти — главной политической задачей.

С первых дней победы Октябрьской революции работа с крестьянской беднотой стала одной из важнейших задач Советской власти и большевистских партийных организаций в деревне.

Большую политическую активность проявило само беднейшее крестьянство. В деревнях стали созываться особые бедняцкие собрания. В Николаевском уезде Самарской губернии перед выборами делегатов на уездный крестьянский съезд, состоявшийся 18 декабря 1917 г., семеновская волостная ячейка РСДРП(б) провела собрание бедноты с участием ста человек⁵. В казанской губернской газете «Знамя революции» 11 января 1918 г. было помещено сообщение о том, что в с. Аттикове (Чебоксарского у. Казанской губ.) 7 января состоялся сход бедняков по вопросу о снабжении хлебом неимущих⁶. В марте 1918 г. проведение бедняцких собраний практиковалось в Самарской губернии⁷. Уже в конце 1917 и в январе 1918 г. в четырех уездах Воронежской губернии состоялись уездные съезды деревенской бедноты (далее на них мы остановимся подробнее). Подробный же съезд 26 ноября 1917 г. был проведен и в Усмани (Тамбовской губ.). В Петергофе (Петроградской губ.) созывались уездные съезды батраков⁸. Возник вопрос о вооружении бедноты, о формировании бедняцких красногвардейских отрядов. Керенский

⁵ Ф. Ф. Захаров. Самарские большевики в Октябрьскую революцию. Куйбышев, 1957, стр. 132.

⁶ «Октябрьская революция и установление Советской власти в Чувашии». Чебоксары, 1957, стр. 155.

⁷ «Борьба за Советскую власть в Самарской губернии». Куйбышев, 1957, стр. 135.

⁸ Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (ЦПА ИМЛ), ф. 17, оп. 1, д. 29, л. 54.

(Пензенская губ.) уездный крестьянский съезд 18 января 1918 г. вынес решение о создании Красной гвардии «только из беднейшего класса»⁹. В информационном листке бюро печати при Наркомземе от 16 февраля 1918 г. было помещено сообщение из Великоархангельской волости (Бобровский у. Воронежская губ.): «С приездом солдат на места организуется в волостях и деревнях из бедняков Красная гвардия. Она раскинута по всей губернии, для осведомленности устраивают съезды по 1 человеку из волости. Такое вооруженное крестьянство представляет большую силу»¹⁰.

Городские рабочие оказывали помощь крестьянской бедноте. Так, Самарский городской Совет 11 ноября 1917 г. принял решение: «Создать и отправить в деревню рабочие дружины, чтобы помочь беднейшему крестьянству дать отпор эксплуататорам-кулакам». В ноябре такие дружины были посланы в девять волостей Самарского уезда. Дружины реквизировали хлеб у кулаков, вели борьбу со спекуляцией, проводили агитационно-пропагандистскую работу среди крестьян, помогали деревенской бедноте организовываться¹¹. Смоленский городской Совет, обсуждая 18 января 1918 г. действия местных саботажников, пригласил на свое заседание группу городских рабочих и представителей деревенской бедноты Смоленского уезда¹². Можно назвать два обращения исполкома Саратовского Совета рабочих и солдатских депутатов к крестьянству губернии: о проведении в жизнь декрета о земле от 14 ноября 1917 г. и о помощи стране хлебом—вторая половина ноября. Оба адресованы прямо к деревенской бедноте. Во втором обращении говорилось: «К тебе, деревенская беднота, обращаемся мы: позови на сход всех богатых односельчан и всех имеющих хотя бы небольшие запасы хлеба, скажи им, что страна гибнет от голода»¹³. Все эти примеры представляют из себя, разумеется, лишь малую часть той большой работы, которая широко и повсеместно проводилась с деревенской беднотой в первые месяцы после победы Октябрьской революции.

Но особенно важно отметить, что уже тогда, в отдельных, правда, случаях, стали создаваться разного рода союзы деревенской бедноты, своеобразные предшественники будущих комбедов. На VIII съезде РКП(б) в марте 1919 г. делегат от пензенской организации В. В. Кураев говорил: «Более передовые революционные элементы уже в январе, феврале, марте прошлого года создали организации деревенской бедноты, не в форме комитетов бедноты, как это было впоследствии, а в других формах, ставящих, однако, те же задачи — защиту интересов беднейших слоев деревни как при проведении закона о социализации земли, так и во всех остальных условиях жизни в деревне. Уже тогда появились организации бедноты в виде объединения фронтовиков и в то же время появились первые коммуны в деревне»¹⁴.

В ноябре 1917 г. в с. Остречины (Петрозаводский у. Олонецкая губ.) был организован союз солдат и солдаток, решительно выступивший за

⁹ «Подготовка и победа Великой Октябрьской социалистической революции в Пензенской губернии». Сборник документов и материалов. Пенза, 1957, стр. 205—206.

¹⁰ «Советы в Октябре». Документы по истории советского строительства. М., 1928, стр. 223.

¹¹ «Борьба за Советскую власть в Самарской губернии», стр. 133.

¹² П. С. Степанов. Борьба за укрепление Советской власти в Смоленской губернии (1917—1920 гг.). Смоленск, 1957, стр. 15.

¹³ «1917 год в Саратовской губернии (февраль 1917 — декабрь 1918 г.)». Сборник документов. Саратов, 1957, стр. 209—226.

¹⁴ «Восьмой съезд РКП(б)». Протоколы. М., 1959, стр. 229.

переизбрание волостной земской управы и за изъятие хлеба у кулаков¹⁵. В декабре 1917 г. возникла организация бедноты в с. Новокленском (Иловай-Дмитриевская вол. Козловский у. Тамбовская губ.)¹⁶. В последних числах января 1918 г. в дер. Ледне (Богдановская вол. Орловский у.) на сходе обнаружили резкие расхождения между зажиточными и беднотой по вопросу о снабжении хлебом нуждающегося населения. Тогда беднота собралась отдельно и вынесла постановление: «Организовать комитет, который, помимо существующей продовольственной управы, немедленно должен проверить и отобрать запас хлеба у зажиточных хозяев и отдать таковой нуждающимся». Это постановление спустя несколько дней стало проводиться в жизнь комитетом, в помощь которому был создан отряд Красной гвардии¹⁷. В феврале 1918 г. бедняцкая организация была создана в Булгаковской волости (Кирсановский у. Тамбовская губ.). Организоваться бедноту заставило то, что помещичий хлеб и инвентарь оказались здесь в руках кулаков. В двух волостях того же уезда ввиду кулацкого засилья отмечалось даже возникновение подпольных организаций бедноты¹⁸. 2 февраля жители пос. Заварухинского (Челябинский у. Оренбургская губ.) высказались за создание в каждом селении «боевой дружины» для борьбы с контрреволюцией. В конце февраля в с. Троицком (Камышловский у. Пермская губ.) была создана «партия деревенской бедноты». В марте в с. Кожевском (Екатеринбургский у. Пермская губ.) беднота под руководством вернувшихся с фронта солдат организовала «кружок пролетариев»¹⁹. В марте 1918 г. батраки и беднота дер. Атабаево (Сарапульский у. Вятская губ.) создали свой комитет, чтобы отобрать землю у кулаков и поделить ее среди неимущего крестьянства²⁰. В середине марта 1918 г. в Староклевской волости (Раненбургский у. Рязанская губ.) на многолюдном собрании крестьян разных деревень было принято решение об организации «союза бедноты», задачи которого должны были заключаться в «беспощадной борьбе с кулачеством» и в «изыскании способов по улучшению быта неимущего населения»²¹. 12 марта 1918 г. в сибирской газете «Знамя революции» сообщалось, что в с. Коурак (Новониколаевский у. Томская губ.) «не так давно состоялось общее собрание в числе 50 беднейших граждан, на котором обсуждался вопрос об организации союза деревенской бедноты; собранием единогласно был избран комитет из 5 человек и принят устав союза деревенской бедноты»²². В апреле 1918 г. возник совет бедноты в с. Красный Яр (Камышинский у. Саратовская губ.)²³. 13 апреля 1918 г. сельский комитет бедноты был избран на общем собрании бедноты дер. Абросово (Якимовачинская вол. Вятский у.). Было решено создать такие комитеты по всей волости и отобрать у семи кулаков 270 пудов

¹⁵ М. И. Шумилов. Борьба большевистских организаций Карелии за победу и упрочение Советской власти (1917—1918 гг.). Петрозаводск, 1957, стр. 62.

¹⁶ «Комбеды РСФСР». М., 1933, стр. 10.

¹⁷ В. А. Пережогин. Организация комитетов бедноты в Орловской губернии.— «Труды Московского государственного историко-архивного института», т. 10. Сборник студенческих работ. М., 1957, стр. 91 (есть ссылка на «Орловский вестник», 24 февраля 1918 г.).

¹⁸ «Комбеды РСФСР», стр. 10; «Комбеды Воронежской и Курской областей». Воронеж, 1935, стр. 20.

¹⁹ А. И. Лепешкин. Указ. соч., стр. 185.

²⁰ А. С. Быстрова. Комитеты бедноты Вятской губернии. Киров, 1957, стр. 13.

²¹ «Борьба за установление и укрепление Советской власти в Рязанской губернии (1917—1918 гг.)». Рязань, 1957, стр. 183.

²² «Установление Советской власти в Кузбассе (1917—1919 гг.)». Кемерово, 1957, стр. 210.

²³ «1917 год в Саратовской губернии», стр. 633.

хлеба²⁴. Группа бедняков пос. Орловского (Ново-Рачейская вол. Сызранский у. Симбирская губ.) 7 апреля 1918 г. обратилась в Сызранский уездный комитет РКП(б) со следующим заявлением: «Ввиду того, что наше Орловское общество состоит в большинстве из кулаков... мы, стоящие на стороне революционных интересов беднейшего класса, решили организовать комитет бедноты. Просим вашего содействия». Такой комитет был создан²⁵.

Вообще весной 1918 г. в связи с ростом сопротивления кулачества и обострением классово-борьбы в деревне попытки организации бедноты на местах участились. Есть сообщение, что весной 1918 г. в ряде деревень Симбирской губернии возникли и стали активно выступать «солдатские секции бедняков из бывших фронтовиков»²⁶. Тогда же в Тырковской волости (Пронский у. Рязанская губ.) был организован «Союз беднейших крестьян». Он распределил землю и приступил к изъятию у кулаков излишков семян и хлеба²⁷. В мае возникли организации бедноты в Костромском, Буйском и Солигаличском уездах (Костромская губ.). Они занимались учетом и конфискацией излишков хлеба у кулаков²⁸. 29 мая 1918 г. в уфимской газете «Вперед» появилась корреспонденция под заголовком «Советы деревенской бедноты». В ней говорилось: «В Свято-Троицкой волости классовые противоречия, благодаря наплыву беженцев, стоят особенно остро. Деревенская беднота, видя, что волостной Совет крестьянских депутатов, выбранный всеобщим голосованием, не в состоянии защищать ее интересы, решила сама организовать вокруг своего Совета деревенской бедноты. Выборы депутатов в Совет деревенской бедноты проходили 18, 19 и 20 мая. Первое заседание избранного Совета происходило 22 мая. Совет деревенской бедноты выбирали все батраки, безземельные, бывшие мелкие арендаторы, беженцы-безземельцы и те из малоземельных, которые согласны бороться в одних рядах с деревенской беднотой за социализм»²⁹. 10 июня в дер. Таловке (Аткарский у. Саратовская губ.) была принята программа крестьянского союза бедноты³⁰. В середине июня в с. Клейменовке (Пензенский у. Пенз. губ.) возник «пролетарский организационный союз беднейших крестьян», имевший 50 членов³¹.

Важно отметить, что к этому времени стали расти и масштабы объединения бедноты. Весной 1918 г. в Олехновской волости (Брянский у. Орловская губ.) после того, как в ряде деревень возникла целая сеть так называемых обществ голодающих, был создан в качестве их центра волостной комитет³². В Тверской губернии еще до издания декрета о комбедах, в Кашинском, Ржевском и Бежецком уездах, отличавшихся наи-

²⁴ «Установление и упрочение Советской власти в Вятской губернии». Сборник документов. Киров, 1957, стр. 482—483.

²⁵ «Борьба за установление и упрочение Советской власти в Симбирской губернии». Ульяновск, 1957, стр. 206—207.

²⁶ Б. Н. Чистов. Симбирск в годы гражданской войны. Ульяновск, 1951, стр. 12.

²⁷ «Беднота», 25 апреля 1918 г.

²⁸ Л. Н. Талов. Борьба большевиков Костромской губернии за организацию комитетов бедноты и дальнейшее развитие социалистической революции в деревне. Канл. дисс. М., 1952, стр. 60.

²⁹ «Подготовка и проведение Великой Октябрьской социалистической революции в Башкирии (февраль 1917 — июнь 1918 г.)». Сборник документов и материалов. Уфа, 1957, стр. 422—423.

³⁰ «1917 год в Саратовской губернии», стр. 427—428.

³¹ «Подготовка и победа Великой Октябрьской социалистической революции в Пензенской губернии», стр. 275.

³² В. А. Пережогин. Указ. соч., стр. 91.

большим расслоением деревни, по инициативе вернувшихся в деревню рабочих-питерцев стали создаваться «комитеты голодных», а в Кайской волости (Кашинский у.) 24 апреля 1918 г. были приняты решения об организации таких комитетов во всех селениях волости; 24 июня «голодные комитеты» были здесь реорганизованы в комбеды³³. Об организации бедноты стали приниматься решения и на уездных съездах Советов. 5 мая 1918 г. такое постановление было принято в Чистополе (Казанская губ.)³⁴. 3 июня в Болхове (Орловская губ.) уездный съезд Советов, сославшись на голод, предложил создать при каждом волостном Совете для выявления и реквизиции всех имеющихся хлебных излишков «комиссию из местного беднейшего населения»³⁵. Р. М. Раимов сообщает интересный материал по Башкирии. Здесь крестьянская беднота стала организовываться еще в 1917 г., притом в разных формах — на местах создавались объединения фронтовиков и деревенской бедноты, возникали Советы бедняцких и батрацких депутатов, но чаще всего по опыту революции 1905—1907 гг. организовывались боевые дружины. Эти дружины, пишет автор, «сыграли более значительную роль, чем все другие организации бедноты. Они были тесно связаны с рабочими дружинами южноуральских заводов. Под руководством рабочих дружины бедноты превратились в основную опору Советской власти в деревнях Башкирии». 12 декабря 1917 г. уфимские большевики созвали первый съезд боевых дружин. В период с января по апрель 1918 г. только по Уфимской губернии по преимуществу при волостных и сельских Советах было создано более 50 сельских боевых дружин, насчитывавших в своем составе от 10 до 150 вооруженных боевиков³⁶.

Уфимская большевистская организация продолжала активную работу с беднотой и в 1918 г. Несмотря на упорное сопротивление левых эсеров, она созвала 29 мая съезд представителей деревенской бедноты. Это был первый в стране бедняцкий съезд в губернском масштабе. На нем присутствовало свыше 200 делегатов, было много татар и башкир. Съезд принял решение по земельному вопросу в большевистском духе. Особенно много внимания было уделено вопросу организации бедноты. Были заслушаны три доклада: о создании Советов деревенской бедноты и батраков и об изгнании из Советов кулачества; об организации бедноты в группы сочувствующих партии большевиков; о создании коммун как производственных объединений бедноты. Было решено провести организацию бедноты по всей губернии³⁷.

Любопытные сведения имеются о Веневском уезде (Тульская губ.). Здесь в мае 1918 г. стали возникать отдельные бедняцкие организации, так называемые союзы бедноты. Большую роль в их создании сыграли коммунисты-рабочие из Венева и Тулы, которые вели агитационную и организационную работу в деревнях уезда. Первый такой союз был организован беднотой слободы Староказачьей (Новоприборная вол.). 21 мая 1918 г. на совместном заседании уездного комитета РКП(б) и уездного Совета было решено создать в каждой деревне подобные союзы.

³³ В. А. Крайнов. Создание комитетов деревенской бедноты в Тверской губернии.— «Ученые записки Калининского государственного пединститута», т. XXVII; «Великая Октябрьская социалистическая революция в Твери и Тверской губернии». Калинин, 1958, стр. 55—56, 89.

³⁴ А. А. Шошин. Под руководством казанских большевиков комитеты деревенской бедноты в борьбе за хлеб, за социализм. Канд. дисс. Казань, 1954, стр. 101—102.

³⁵ «Комбеды Воронежской и Курской областей», стр. 56.

³⁶ Р. М. Раимов. Аграрная революция в Башкирии 1917—1923 гг.— «Исторические записки», т. 32, стр. 50.

³⁷ Там же, стр. 51—53; Г. Котов. Партийная и советская работа в Уфе.— «Пролетарская революция», 1928, № 6-7, стр. 292—302.

17 июня в Веневе уже состоялся первый съезд этих организаций и было избрано правление союза бедноты.

«Таким образом, — пишет историк В. И. Смирнов, — еще до издания декрета от 11 июня 1918 г. (об организации комбедов) почти во всем Веневском уезде возникли союзы бедноты»³⁸. Этот опыт тогда же отметил Наркомпрод РСФСР. В справках о комитетах бедноты он писал: «В Веневском у. Тульской губ. еще до издания декрета беднота начала организовывать так называемые союзы бедняков»³⁹. В заключение приведем выдержку из материалов III Тульской губернской конференции РКП(б) (17—18 июля 1918 г.), касающуюся Веневского уезда: «Издается своя партийная газета. Организован также там союз крестьянской бедноты, который сам себе реквизирует хлеб»⁴⁰.

Все эти материалы говорят о том, что созданию комбедов предшествовала широко развернутая работа с крестьянской беднотой.

Создание разного рода бедняцких союзов явилось выражением возросшей политической активности бедноты. Однако в целом союзов этих было немного и их возникновение не знаменовало еще начала решительного наступления против кулачества. Такое наступление можно было осуществить лишь в масштабах всей страны под руководством не только местных, но прежде всего центральных властей. Для усиленной борьбы с кулачеством, как указывал В. И. Ленин, необходимы три условия: «централизация продовольственного дела, объединение пролетариата, организация деревенской бедноты»⁴¹.

Столь широко поставленную программу отдельные бедняцкие организации и выдвигать, разумеется, перед собой не могли. В этом отношении характерна упомянутая выше программа крестьянского союза бедноты дер. Таловки: она говорит об объединении бедноты в целях защиты своих интересов, требует всемерной поддержки крестьянских Советов, «если таковые стоят на принципе Советской власти». Что касается нажима на кулачество, то в ней выдвигаются весьма робкие меры: всякого рода платежи «по возможности больше налагать на крупное крестьянство», «выработать максимум допуска скота на пастбище» и сверх него «облагать ... платой каждую отдельную голову скота». Вместе с тем авторы программы, не надеясь, видимо, на эффективность предложенных мер, обращаются за помощью к государству: «Возбудить широкое ходатайство перед Советской властью об обеспечении бедноты хлебом».

Несколько шире ставился вопрос в уставе упомянутого выше союза бедноты с. Коурак (Новониколаевский у. Томская губ.). Здесь речь шла и о введении прогрессивно-подходящего налога, и о реквизиции укрываемых кулаками продуктов питания, и о содействии в устройстве сельскохозяйственных товариществ. Но о подготовке решительного наступления против кулачества и в этом документе не говорится ни слова⁴².

Факты показывают, что изолированные попытки уездных и даже губернских органов развернуть на местах наступление против кулачества в тот период терпели неудачу. Так было, например, в Вятской губернии. Глазовский уездный исполком 14 мая 1918 г. направил в волости директиву об организации на местах дружин из бедноты для принудительного обмолота у кулаков хлеба и об оказании за этот счет продовольственной помощи бедноте, о создании волостного совета снабжения с введением в его состав особого представителя из бедноты, о сборе недоимок по на-

³⁸ В. И. Смирнов. Комитеты бедноты Тульской губернии в борьбе за развитие социалистической революции в деревне. Канд. дисс. Л., 1952, стр. 105—106.

³⁹ «Известия Наркомпрода», 1918, № 24-25, стр. 26.

⁴⁰ «Упрочение Советской власти в Тульской губернии», стр. 167—168.

⁴¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 412.

⁴² «Установление Советской власти в Кузбассе», стр. 210—212.

логам, о посылке из Глазова по отдельным волостям вооруженных отрядов «для ареста сытых кулаков, зажавших в своих преступных руках хлеб и деньги»⁴³. В связи с этим предписанием в Быковской, Балахнинской, Карсавайской, Юрской, Лемской, Афанасьевской волостях были избраны представители бедноты в советы снабжения. Но в целом проведение этой директивы было сорвано. Три волостных Совета (Порезский, Лудошурский и Балахнинский) прямо отказались ее выполнять; при этом Лудошурский волостной Совет высказался за «добровольные пожертвования» в пользу бедноты⁴⁴. Бельский волостной Совет все дело свел к сбору недоимок, Георгиевский, промолчав об изъятии излишков хлеба, решил выдать по списку каждому из 169 бедняков по 10 руб. «из сумм налогов»⁴⁵. Некоторые волостные Советы приняли уклончивые решения: «Излишков хлеба нет... Бедноту всеми силами поддерживать» (Быковская вол.); «Помочь» (Юкаменская вол.); «Оставить вопрос открытым» (Ягошурская вол.)⁴⁶. Балезинский волостной Совет высказался за создание дружины из бедняков, но для обмолота хлеба не у себя, а в двух соседних волостях, где, «по имеющимся сведениям, имеются достаточные запасы хлеба»⁴⁷. В особом положении оказалась Пышкетская волость; здесь волостной Совет 5 июня отказался от создания дружины, а 13 июня в этой волости состоялось собрание бедноты, которое переизбрало состав волисполкома и организовало дружину⁴⁸.

Елабужский уездный исполком 18 апреля разослал всем волостным Советам предложение «о снабжении лошадьми безлошадных крестьян, кладя в основу отобрание лошадей у граждан, имеющих таковых более, чем требует нынешняя обработка полей». Но и эта директива, по-видимому, была сорвана: три волостных Совета отказались отбирать лошадей у богатых, в трех случаях были приняты уклончивые решения: вопрос «отложить», «оставить открытым», «поручить сельским комитетам», один волостной Совет ограничился установлением таксы за оплату пахоты»⁴⁹.

Котельнический уездный совнархоз 9 мая 1918 г. предложил волостным Советам помочь солдаткам в обработке полей⁵⁰. Совет снабжения того же уезда 22 мая дал указание (как и по Глазовскому уезду) организовать волостные советы снабжения так, чтобы один из членов совета был представителем бедноты. В двух волостях — Казаковской и Шембетской — это последнее указание было выполнено⁵¹. В Казаковской волости 8 июня был проведен «сход из голодающих населения», присутствовало 400 домохозяев⁵². Но среди протоколов волостных Советов этого уезда никаких сведений нет о помощи солдаткам в обработке полей. Так, попытка оказывать помощь бедноте за счет кулачества через тогдашние крестьянские волостные Советы в Вятской губернии не удалась.

В Тульской губернии соединенное заседание губисполкома и губпродкома 22 февраля по существу ввело продовольственную диктатуру, высказавшись «за самое решительное, неотложное проведение в жизнь

⁴³ Текст этой директивы обнаружить не удалось. Ее содержание установлено на основании протоколов волостных Советов, прежде всего Балезинского (Центральный государственный архив Октябрьской революции, высших органов государственной власти и органов государственного управления СССР, далее — ЦГАОР СССР, ф. 393, оп. 3, д. 111, лл. 82—83).

⁴⁴ Там же, д. 110, лл. 101, 134; д. 111, лл. 49, 50, 54, 61, 91, 128, 180.

⁴⁵ Там же, д. 111, лл. 77, 146.

⁴⁶ Там же, лл. 88, 62; д. 110, л. 113.

⁴⁷ Там же, д. 111, л. 82.

⁴⁸ Там же, лл. 110, 163, 175.

⁴⁹ Там же, д. 114, л. 31; д. 115, лл. 5, 9, 25, 27, 50, 68, 69.

⁵⁰ Там же, д. 117, л. 194.

⁵¹ Там же, лл. 199, 224.

⁵² Там же, л. 217.

организованного насилия над буржуазной частью крестьянства»⁵³. В деревни были посланы продовольственные отряды. В частности, в Новосильский уезд был направлен отряд в 50 человек во главе с губпродкомиссаром Бундуриным. Этот отряд сумел заготовить до 50 тыс. пудов хлеба. Однако положение отрядов оказалось крайне тяжелым. «Банда озверевших кулаков,— пишет В. И. Смирнов,— убила губпродкомиссара Бундурина и четырех других рабочих, членов продотряда. Погиб в борьбе с кулаками начальник рабочего продотряда, действовавшего в Богородицком у., вместе с ним погибли 13 членов отряда. Был растерзан кулаками крапивенский уездный продкомиссар Елохин». В заключение автор отмечает: «2 июня 1918 г. руководители губпродкома в своих выступлениях на съезде инструкторов и представителей уездных продкомитетов, созванном в Туле для обсуждения декрета от 13 мая 1918 г. о введении продовольственной диктатуры по всей стране, вынуждены были признаться в том, что намеченный ими курс на насильственное изъятие хлебных излишков у кулачества и объявление продовольственной диктатуры в губернии не принес ожидаемых результатов, хотя политика эта и была правильна»⁵⁴.

Рост активности деревенской бедноты имел особенно большое значение в организации Советов на селе. Покажем это на примере Воронежской губернии. Первое время здесь большую активность проявляли правые эсеры. Их центром в губернии являлась крестьянская секция Воронежского Совета, которая не переизбиралась с июля 1917 г. и целиком состояла из эсеров. Позже секция выделилась из Совета и провозгласила себя Советом крестьянских депутатов⁵⁵. Через губернские и уездные газеты эсеры распространяли обращение «Всероссийского комитета спасения родины и революции», призывавшего не признавать власти большевиков и бороться за Учредительное собрание. Некоторые уездные земские управы отказались признать власть Советов⁵⁶.

4 декабря 1917 г. в воронежской большевистской газете «Путь жизни» была опубликована статья председателя губкома РСДРП(б) Н. Кардашева об организации Советов в селах и деревнях. «В деревне,— отмечал автор,— в настоящее время нет никакой власти, которая смогла бы наладить деревенскую жизнь... Имеющиеся волостные земства и земельные комитеты... избраны в то время, когда крестьяне слепы за правыми эсерами, и теперь не пользуются доверием деревенской бедноты». Статья призывала бедноту создавать на местах вместо волостных земств Советы и давала практические указания, как приступить к этому делу⁵⁷. 6 декабря общее собрание воронежской организации большевиков, на котором присутствовало около 300 человек, обсуждало «проект организации деревенской бедноты»⁵⁸. Вслед за этим в конце декабря 1917 г. и в январе 1918 г. в Нижнедевицке, Острогожске, Валуйках и Новохоперске состоялись упомянутые уже нами уездные съезды деревенской бедноты⁵⁹. Эти съезды помогли местным большеви-

⁵³ «Упрочение Советской власти в Тульской губернии», стр. 74.

⁵⁴ В. И. Смирнов. Указ. дисс., стр. 167—168.

⁵⁵ П. Е. Павленко. Воронежская коммунистическая организация в борьбе за упрочение Советской власти.— «Записки Воронежского сельскохозяйственного института», т. XXVIII, вып. II. Воронеж, 1959, стр. 4.

⁵⁶ П. Соболев. Подготовка социалистической революции и установление Советской власти в Воронежской губернии. Воронеж, 1955, стр. 104—105.

⁵⁷ Там же, стр. 109.

⁵⁸ «Борьба за Советскую власть в Воронежской губернии 1917—1918 гг.» Воронеж, 1957, стр. 214—215.

⁵⁹ Характерно, что острогожский съезд удалось провести лишь после повторной попытки — в первый раз собрались одни кулаки, и съезд пришлось распустить. Созыву валуйского съезда пыталось помешать уездное земство.

стским организациям установить Советскую власть в уездных центрах, а затем делегаты съезда развернули работу в волостях по ликвидации земств и созданию Советов. Так, 23 января 1918 г. в слободе Буйловке (Белогорская вол. Острогжский у.) состоялось общее собрание с участием 106 человек. Был заслушан доклад М. Д. Болдырева, участника уездного съезда бедноты, и было решено «организовать власть деревенской бедноты» в соответствии с постановлениями съезда. Беднота Землянского уезда 29 декабря 1917 г. в числе 600 человек явилась в уездный город и помогла большевикам заменить правозсеровскую власть Советской⁶⁰. Несколько позже, в конце февраля 1918 г., исполком Острогжского уезда утвердил инструкцию по организации Советской власти на местах. В ней предлагалось начинать дело с созыва «общего собрания бедноты хутора или деревни»⁶¹.

Во всех перечисленных выше уездах, где в конце 1917 г. была развернута работа с беднотой, Советская власть была установлена уже к январю 1918 г. В остальных же уездах губернии Советская власть утвердилась позже: в Коротояке, Павловске, Бирюче и Задонске — в феврале, а в Богучаре — в марте 1918 г.⁶²

Во многих случаях Советская власть в деревне устанавливалась в острой борьбе против волостных земств. В канун Октября на основании закона Временного правительства от 21 мая 1917 г. эти земства были повсеместно созданы по 43 так называемым земским губерниям. Кулачество, сумевшее в большинстве случаев захватить в их составе довольно крепкие позиции, часто выступало против организации Советов, защищая единовластие волостных земств. В других случаях кулаки пытались включать деятелей земств в состав новых волостных Советов с тем, чтобы отстаивать свои классовые интересы уже под советским флагом⁶³. Сторонникам этого курса в отдельных случаях удавалось даже свести дело к простому переименованию волостных земств в Советы. В итоге, по-видимому, в большинстве волостей в конечном счете, иногда после неудачного сопротивления, земства более или менее мирно уступали свое место Советам.

Таким путем в волостные Советы проникали кулаки и их ставленники. Происходило это из-за слабой еще дифференциации деревни. Характерно, что почти повсеместно применялось всеобщее избирательное право при выборах в крестьянские Советы весной 1918 г.; поэтому волостные и сельские Советы в большинстве случаев носили еще общекрестьянский характер и не выражали интересов бедноты. Эта последняя в ряде случаев развернула уже в первые месяцы Советской власти борьбу за очищение волостных и сельских Советов от кулацких элементов. В номере от 14 мая 1918 г. «Беднота» писала об обстановке в Воронежской губернии: «В деревнях ведется упорная борьба между кулаками и беднотой. Беднота организуется и смещает правые элементы с должностей, занимаемых ими в общественных учреждениях. Борьба временами доходит до вооруженных столкновений».

В отдельных случаях под давлением бедноты начали отстранять кулаков от участия в выборах деревенских Советов. «Относительно Пет-

⁶⁰ «Борьба за Советскую власть в Воронежской губернии 1917—1918 гг.», стр. 227; П. Соболев. Указ. соч., стр. 119, 120; А. В. Шестаков. Классовая борьба в деревне ЦЧО в эпоху военного коммунизма. Воронеж, 1930, стр. 45; «Комбеды РСФСР», стр. 10; «Комбеды Воронежской и Курской областей», стр. 257.

⁶¹ ЦГАОР СССР, ф. 393, оп. 3, д. 101, л. 183.

⁶² П. Соболев. Указ. соч., стр. 149.

⁶³ Более подробно изменения позиции кулачества по отношению к земствам и Советам рассмотрены в статье П. Н. Абрамова «Волостные земства». — «Исторические записки», т. 69.

роградской губернии имеется сообщение, что здесь «уже в феврале 1918 г. по всем уездам прокатилась первая волна перевыборов тех волостных Советов, которые не оправдали доверия избирателей». На этот раз в «ряде волостей в выборах участвовало уже не все население, а бедняки, середняки, рабочие»⁶⁴.

Ответы, встречавшиеся в опросном листе волостного Совета, который был разослан отделами связи исполкома Московского областного Совета по 14 губерниям этой области 2 апреля 1918 г.⁶⁵, также содержали данные об отстранении кулачества от участия в выборах, хотя прямого вопроса об избирательном праве в этом листе не содержалось: «Зажиточные, кулаки и оборонцы участия в выборах не принимали» (Фофановская вол. Клинский у. Московская губ.); «всеобщее тайное голосование без буржуазии» (Хованская вол. Епифанский у. Тульская губ.); «общим голосованием беднейшего населения» (Алеферовская вол. Новохоперский у. Воронежская губ.). Правда, среди тысячи анкет таких ответов имелось всего лишь шесть. С другой стороны, мы насчитали 67 анкет, где прямо говорилось о всеобщем избирательном праве — 47 случаев при выборах в волостные Советы и 20 (по другим волостям) — в сельские. Но все же и по данным московской анкеты отдельные случаи отстранения кулачества от голосования были уже в начале 1918 г.

В Паранейской, Сандюковской, Пемзинской волостях (Симбирская губ.) в мае 1918 г. бедняцкие по составу Советы отбирали оружие у кулаков. Сенгилеевский уездный съезд Советов по требованию делегатов-бедняков принял решение «создать отряды при каждом надежном Совете». В той же губернии ряд Советов весной 1918 г. приступил к проверке запасов хлеба и имущества у кулаков, к реквизиции хлеба у спекулянтов, к обложениям кулаков в пользу голодающих волостей, к сбору расхищенного инвентаря, к охране бывших помещичьих усадеб⁶⁶.

Московская анкета, в свою очередь, дает убедительный материал о том, что уже весной 1918 г. было немало волостных Советов, проводивших политику, рассчитанную на ущемление интересов кулачества. Анкета содержала, в частности, такой вопрос: «Собирает ли Совет земский подесятинный сбор, если нет, то не предполагается ли ввести прогрессивно-подоходный, единовременный с имущих и пр.?».

Из 1023 анкет, которые были розданы, на 1015 получены ответы. Результаты этих ответов по волостям таковы:

Собирали средства с населения	664
Жаловались на отсутствие средств	44
Прочие случаи	124
Неясно сформулированных ответов	183

К прочим случаям отнесены волости, где средства волостных Советов получались путем дотаций из уездного центра, выручки от распродажи помещичьего имущества, наценок на отпускаемые населению товары или займов в местных кредитных учреждениях.

⁶⁴ В. М. Губарева. Развертывание социалистической революции в деревне в 1918 г. По материалам Петроградской губернии. Л., 1957, стр. 37, 38.

⁶⁵ В дальнейшем мы будем называть этот опросный лист московской анкетой. Об этой анкете см.: П. Н. Абрамов. Опросный лист волостного Совета (1918 г.). — «Исторический архив», 1960, № 3. 91% всех анкет был заполнен в апреле — июне 1918 г., остальные — позже.

⁶⁶ Б. Н. Чистов. Указ. соч., стр. 12.

Что касается волостей, где проводились сборы с населения, то их можно подразделить на три группы:

	Число волостей	%
Сборы взимались		
со всего крестьянства	488	73,5
только с имущих	123	18,5
с тех и других	53	8,0
	664	100,0

Как и следовало ожидать, в тех условиях явно преобладали сборы общекрестьянские. Однако свыше четверти (18,5+8,0=26,5%) всех волостных Советов, давших ответы, уже тогда практиковали классовое обложение имущих. 1023 заполненных бланка московской анкеты поступили из 117 уездов 14 губерний. В 10 уездах даже преобладали волости, где практиковалось тогда обложение имущих (три уезда Костромской губернии, два — Тамбовской, два — Ярославской и др.). В ряде волостей Глазовского и Котельнического уездов (Вятская губ.) весной 1918 г. проводилось особое налоговое обложение учетчиков — лиц, в годы империалистической войны не призванных в царскую армию и оставшихся на военном учете⁶⁷. Упомянутый выше первый съезд деревенской бедноты Острогского уезда Воронежской губ., проходивший 22—25 января 1918 г., принял решение: «Взимание налогов (производить) пропорционально имущественному состоянию»⁶⁸. 25 апреля в Можайске (Московская губ.) состоялся уездный съезд Советов. При рассмотрении финансового вопроса возникли споры, какой принять вид обложения — подесятинный или прогрессивно-подоходный. Приняли второй, как «более справедливый». В прениях в защиту такого решения говорили: «Нельзя создавать врагов Советской власти среди беднейшего крестьянства», «нельзя доступ к земле ограждать рubeжами (налоговыми)»⁶⁹.

В московской анкете выделен вопрос о наличии в волости готовых дров и о том, как волостной Совет отпускает их учреждениям и населению. В 356 анкетах подтверждалось наличие дров и лесоматериалов, а в 172 указывались условия отпуска дров. Почти везде производилась их продажа за наличный расчет всем желающим. Иногда речь шла о продаже «по вольным ценам», в нескольких случаях даже жаловались на отсутствие сбыта: нуждаясь в средствах, волостной Совет, очевидно, устанавливал такие «вольные» цены, что дров никто брать не хотел. Вместе с тем в 12 волостях дрова отпускались бедноте бесплатно или по льготным ценам.

Значительную активность проявляла деревенская беднота и на продовольственном фронте. В ряде случаев она оказывала давление на местные Советы, добиваясь изъятия у кулаков хлебных излишков. В начале апреля 1918 г. беднота дер. Кугеси (Чебоксарский у. Казанская губ.) вместе с местным сельсоветом обсуждала продовольственный вопрос и «решила выработать план, как у буржуев взять денег и хлеб». Узнав об этом, кулаки напали на бедняцких активистов. Буйство кулаков было подавлено прибывшим из Чебоксар отрядом, 19 кулаков было арестовано⁷⁰. 26 февраля 1918 г. в Ростовском уезде Ярославской губ. состоя-

⁶⁷ ЦГАОР СССР, ф. 393, оп. 3, д. 109, лл. 47, 154; д. 110, л. 98; д. 111, лл. 15, 97; д. 117, лл. 72, 76—77, 120—121.

⁶⁸ «Комбеды Воронежской и Курской областей», стр. 254.

⁶⁹ ЦГАОР СССР, ф. 393, оп. 3, д. 219, л. 6.

⁷⁰ «Октябрьская революция и установление Советской власти в Чувашии», стр. 204—205.

лась конференция батраков 11 волостей заозерного Угодичского района с участием 112 человек; она выдвинула требование: «Организовать беднейшие, необеспеченные классы, кои должны входить в волостные Советы депутатов». Советам предложено было ввести «беспощадное обложение на состоятельные классы — торговцев и спекулянтов». В решении сказано: «Распределение продуктов по деревням поручить самим голодающим»⁷¹. В Веневском уезде (Тульская губ.), видимо, еще в январе 1918 г. (сообщение об этом появилось в губернской газете 2 февраля) состоялось общее собрание бедноты Дьяконовской волости. Собрание постановило: «Поддержать Советскую власть и идти с ней по одной дороге, побороть капитализм и деревенских кулаков. Следить, чтобы хлеб не уничтожался кулаками-мироедами, взять его весь на учет, взять на учет весь живой и мертвый инвентарь бывших помещиков». Активно занимались продовольственными делами беднейшие крестьяне в Раненбургском и Пронском уездах (Рязанская губ.), в Орловском, Брянском и Болховском уездах (Орловская губ.), в Костромском, Буйском и Солигаличском уездах (Костромская губ.), в Чебоксарском уезде (Казанская губ.), в Кирсановском и Самарском уездах (Тамбовская губ.).

Так, еще до организации комбедов среди огромной массы общекрестьянских Советов отдельные из них становились на защиту неимущей части деревни. Некоторые Советы уже тогда очищались от кулацких элементов, во многих случаях шла напряженная борьба между кулачеством и беднотой как внутри самих Советов, так и вокруг них.

Острейшая борьба в деревне развернулась при переделе земли. Экспроприацию помещиков кулаки стремились произвести с максимальной выгодой для себя и уж во всяком случае при сохранении своих земель — наделных и купчих. Ради этой цели кулачество иногда шло на тот или иной компромисс с местными помещиками. Известно, например, что во многих волостях Романово-Борисоглебского, Ярославского, Рыбинского и других уездов (Ярославская губ.) помещиками, церковниками и кулаками были созданы «организации борьбы за возвращение отобрабанных земель»⁷².

Для более подробного рассмотрения вопроса обратимся к материалам московской анкеты. Она включала в себя среди прочих и следующие вопросы:

«27. Знаком ли Совет с положением о социализации земли?

28. Собраны ли сведения о количестве имеющихся в волости земель и лесов?

29. Взяты ли на учет земли: помещиков, удельные, государственные, монастырские и церковные?

30. Все ли имения взяты на учет, если не взяты, то почему?»

Ответы на эти вопросы отличаются редким единодушием:

№ вопроса	Всего анкет	Нет ответов	Всего ответов	Из них		
				да	нет	уклончиво
27	1023	21	1002	907	47	48
28	1023	18	1005	865	55	85
29	1023	11	1012	934	62	16
30	1023	138	885	826	43	16

⁷¹ В. И. Андрианов. Комитеты бедноты и их роль в укреплении союза рабочего класса и крестьянства. (По материалам Ярославской губернии).— «Ученые записки Ярославского пединститута», вып. XVIII (XXVIII). Кафедра марксизма-ленинизма и политэкономии. Ярославль, 1955, стр. 25.

⁷² В. И. Андрианов. Указ. соч., стр. 25—26.

В нижней строке в составе 138 отсутствующих ответов в 101 анкете говорится, что в волости совсем не было помещичьих имений. В той же строке среди 43 отрицательных ответов в 20 случаях делается ссылка на разгромы помещичьих имений. Удельный вес положительных ответов весьма высок: соответственно, по порядку вопросов, 90,5% (907 из 1002), 86,1, 92,3 и 93,4% (не считая уклончивых ответов, из которых многие, в свою очередь, близки к ответам утвердительным).

Совсем иначе выглядят ответы на вопрос анкеты: «Обсуждался ли вопрос о разделе земли, лесов в волосте, ВИКе, в сельских комитетах и что решено?» Из розданных волостям 1023 анкет ответ получен от 993 волостей. Результаты полученных ответов таковы:

	Число полученных ответов	%
Вопрос о разделе земли в волости		
не обсуждался	185	18,6
обсуждался, но к решению не пришли	50	5,0
обсуждался, но в кратком сообщении о решении не упомянуто	101	10,2
обсуждался и принято определенное решение	657	66,2

Прежде всего обращает на себя внимание тот факт, что чуть ли не в одной пятой всех анкет содержались сообщения отрицательного порядка (вопрос о земле в волости не обсуждался). Такое положение нельзя объяснить равнодушным отношением крестьян к земле. Неверным было бы также предположение, что именно здесь отсутствовали помещичьи имения. Напомним, что отсутствие имений отмечалось в 101 волости, а вопрос о разделе земли не обсуждался в 185. При этом тут почти не было территориального совпадения. В 101 волости, где не было имений, вопрос о разделе земли не обсуждался только в 24 случаях. Надо признать, что, как правило, во всех волостях имелись малоземельные и вовсе безземельные, везде аграрный вопрос стоял с большей или меньшей остротой, повсюду беднота нуждалась в земле. Если волостной Совет до лета 1918 г. вопрос о разделе земли даже не обсуждал, объяснить это можно только одним: местное кулачество срывало деловое обсуждение земельного вопроса, полагая его рассмотрение по тем или иным соображениям для себя невыгодным. Некоторое представление на этот счет могут дать ответы на те 50 анкет, которые отнесены к группе: «обсуждался, но к решению не пришли». Здесь мы встречаем такие ответы: «вопрос обсуждался неоднократно, но в окончательной форме не решено» (Богородицкая вол. Ельнинский у. Смоленская губ.); «при обсуждении ничего определенного не вынесено» (Хотьковская вол. Дмитровский у. Московская губ.); «вопрос обсуждался, служит злобой дня» (Еськовская вол. Бежецкий у. Тверская губ.); «обсуждали много раз, но ни к чему не пришли» (Овсищенская вол. Вышневолоцкий у. Тверская губ.); «о разделе земли не обсуждался, а только о равнении, и не разрешено» (Лукмосская вол. Спасский у. Рязанская губ.); «вопросы острые» (Мишино-Полянская вол. Белевский у. Тульская губ.); «обсуждался, но провести в жизнь приходится с большими затруднениями» (Путятинская вол. Сапожковский у. Рязанская губ.); «вопрос обсуждался и обсуждается; решено переделить, но много препятствий со стороны собственников» (Бабичевская вол. Малоярославецкий у. Калужская губ.). В восьми анкетах сообщили о своеобразном маневре со стороны местных кулаков — здесь волостные инстанции (Совет или сход) от обсуждения вопроса о разделе земли уклонились и передали его на

рассмотрение сельских Советов или земельных обществ. При этом из Доркской волости (Вышневолоцкий у. Тверская губ.) сообщали: «Вопрос обсуждался. Волостной Совет предоставил решить сельским Советам, а последние решили оставить в пользовании прежних владельцев». В Запонерской волости (Богородский у. Московская губ.) о переделе земли дали предписание сельским старостам, едва ли сторонникам бедноты (анкета заполнялась 22 июля 1918 г.).

Рассмотрим теперь последнюю группу анкет, где говорилось о вынесении определенного решения. Таких анкет всего 657. В 255 не указан порядок раздела земли, 327 высказываются за уравнильный раздел, 75 сообщают о решении землю не делить, оставить все по-старому. Иногда в анкетах указывался срок, на который раздел был отложен — чаще на год, реже до осени 1918 г. Вместе с тем, надо полагать, что во всех этих случаях по-старому оставались лишь крестьянские владения, помещичьи земли подвергались разделу. В анкетах же об этом особых оговорок не делалось, как о чем-то само собой разумеющемся. Встречались, например, такие сообщения: «Земля оставлена прежним владельцам. Безземельным и малоземельным предоставлены частновладельческие земли» (Беспятовская вол. Зарайский у. Рязанская губ.); «решено владеть по старым владениям, а безземельным и малоземельным дать из частновладельческих» (Артемовская вол. Зубцовский у. Тверская губ.). В отдельных анкетах прямо отмечалось, что крестьянские земли в раздел не входили: «Надельные земли остались по-старому, частновладельческие отдать неимущим» (Супоневская вол. Брянский у. Орловская губ.); «до введения закона о социализации наделные земли не переделывать, конфискованные земли — в пользу малоземельных и безземельных» (Стригановская вол. Ильинский у. Смоленская губ.); «общественной землей — по-старому, а помещичью распределить земотделу» (Семейская вол. Острогжский у. Воронежская губ.); «крестьянские земли оставить по-старому» (Милюковская вол. Ковровский у. Владимирская губ.). В анкете из Мелаховской волости (Романово-Борисоглебский у. Ярославская губ.), где отсутствовали помещичьи имения, было указано: «Земли и лесов, подлежащих разделу, в волости нет».

Решения о том, чтобы не делить крестьянские земли, бесспорно, соответствовали лишь интересам кулаков и были явно невыгодны безземельной и малоземельной бедноте. Приходилось их так или иначе «мотивировать». Недаром в ряде анкет делается ссылка на отсутствие у многих крестьян семян — дескать, бедноте все равно сеять нечем.

Укажем еще на данные по Краснококшайскому уезду (Казанская губ.). Здесь весной 1918 г. из 498 селений по 12 волостям передел земли был произведен лишь в 84 селениях (16,9%). При этом уездный земельный отдел правильно объяснил это явление, выдвигая на первый план следующую причину — «давление местных деревенских кулаков, подпольное влияние лиц, стоящих у власти в сельских и волостных управлениях, в большинстве случаев лично заинтересованных в задержке передела»⁷³. По поводу того же уезда приводится еще следующий факт: 21 мая 1918 г. представители бедноты Арбанской волости в своей жалобе писали: «Местные деревенские кулаки препятствуют производить всякое уравнение (земли.— П. А.) по какой бы то ни было норме»⁷⁴.

⁷³ М. А. Кибардин. К вопросу о реализации ленинского декрета о земле в Казанской губернии (октябрь 1917 — июнь 1918 г.). — «Ученые записки Казанского государственного университета», т. 120, кн. 5. Казань, 1960, стр. 127.

⁷⁴ К. А. Толстяков. Борьба большевиков за упрочение Советской власти в Татарии. Казань, 1960, стр. 105.

Все это свидетельствует об острой борьбе за землю уже внутри самой деревни между кулачеством и беднотой.

В ходе первого передела земли весной 1918 г. кулачеству во многих случаях удалось отстоять свои интересы. В московской анкете содержались, например, такие ответы: «Частновладельческие мелкие земли пока оставить за владельцами» (Крюковская вол. Мышкинский у. Ярославская губ.); «земли мелких собственников на учет не взяты» (Ассуйская вол. Бельский у. Смоленская губ.); «безземельным и малоземельным дать землю по мере возможности» (Крапивенская вол. Бельский у.); «разделить все лишние земли» (Воротышинская и Тяполевская вол. Духовищенский у. Смоленская губ.); «лишнюю, зря лежащую землю разделить» (Великовская вол. Ковровский у. Владимирская губ.); «передать неимущим пустующую землю» (Плещеевская вол. Солигаличский у. Костромская губ.); «раздел земли не допускать, безземельных наделить из свободной земли, которая сдавалась в аренду» (Семеновская вол. Шуйский у. Владимирская губ.). В Среднинской волости (Новосильский у. Тульская губ.) решили помещичью землю сдавать крестьянам в аренду. Из Раковской волости (Зубцовский у. Тверская губ.) поступила целая жалоба: «Мелкую буржуазию не обломаешь, опять малоземельные без земли, вот и радуйся, бедняк. Просим прийти на помощь» (анкета заполнялась 22 мая 1918 г.).

Весной 1918 г. беднота не могла еще своими силами полностью одолеть кулачество, но уже тогда при решении земельного вопроса в ряде районов беднякам удавалось добиваться своего. Московская анкета сообщает: «Земли помещичьи и купчие делить по едокам» (Чемодановская вол. Мещевский у. Калужская губ.); «купленную землю и помещичью разделить» (Сотницкая вол. Шацкий у. Тамбовская губ.); «поделить сначала надельную землю» (помещики в волости были) (Богородская вол. Мценский у. Орловская губ.); «взяты на учет отрубные участки» (помещиков в волости не было) (Пахотноугловская вол. Тамбовский у. Тамбовская губ.); «всю землю разделили поровну, как экономическую, так и общественную» (Нижеведугская вол. Землянский у. Воронежская губ.).

Из других источников можно привести следующее. В «Материалах по земельной реформе 1918 г.» отмечается, что «черный передел» земли, т. е. выгодный для бедноты передел всего без исключения наличного земельного фонда, имел место в Витебской и Тверской губерниях, Карачевском уезде (Орловская губ.), Егорьевском уезде (Рязанская губ.), Липецком уезде (Тамбовская губ.), Костромском уезде⁷⁵. По поводу Тульской губернии сообщалось: «Вся земля смешана, как крестьянская, так и частновладельческая, вся земля составляет единый фонд распределения»⁷⁶. Говоря о черном переделе весной 1918 г., М. И. Кубанин выделяет Рязанскую губернию; «она была, — пишет автор, — наиболее малоземельной из всех русских губерний». Далее он делает важное замечание: «Рязанская губерния поставляла большое количество отходников, полуквалифицированной рабочей силы, являвшихся по сути полупролетариями». В 1918 г. в массе своей они остались в деревне и «усиливали чернопредельческие настроения крестьянства»⁷⁷. Автор совершенно правильно указывает, что черный передел мог явиться результатом лишь настойчивого и успешного давления полупролетариев и бед-

⁷⁵ «Материалы по земельной реформе 1918 г.», вып. I. «Распределение земли в 1918 г.». М., 1919, стр. 2.

⁷⁶ Там же, стр. 4.

⁷⁷ М. И. Кубанин. Первый передел земли в 1918 г. — «Аграрная революция», т. 2; «Крестьянское движение в 1917 г.». М., 1928, стр. 217, 218.

ноты на местное кулачество. Остановливаясь на судьбе хуторов и отрубов в ходе первого передела земли весной 1918 г., Кубани приводит следующие данные по материалам анкетного обследования земельных отношений, произведенного в 1927 г. секцией права и государства Коммунистической академии (правда, по Центрально-Черноземному району фигурируют лишь 11 анкет, а по Средней и Нижней Волге — 18). В первом районе половина всех хуторов была вовсе уничтожена, у половины изъяты излишки. Во втором районе одна треть уничтожена и у двух третей отобраны излишки. В обоих случаях нетронутых хуторов не осталось вовсе⁷⁸.

В марте 1918 г. решения об изъятии земли сверх установленной нормы у хуторян и отрубников принимались в Чебоксарском и Цивильском уездах (Казанская губ.)⁷⁹. В ряде мест Ярославской губернии отмечается создание групп бедноты из молодых солдат, вернувшихся в деревню. Эти группы принимали самое энергичное участие в перераспределении земли, а равным образом в изъятии продовольственных излишков у кулаков⁸⁰. Выше мы останавливались на Веневском уезде (Тульская губ.). Здесь 12 апреля 1918 г. уездный съезд Советов постановил: «Все помещичьи, церковные, а также крестьянские наделные и купчие земли на время ярового посева подлежат равномерному распределению»⁸¹. Ранее уже говорилось о создании беднотой своих организаций для раздела кулацких земель в Сарапульском уезде (Вятская губ.) и в Пронском уезде (Рязанская губ.). Во всех перечисленных случаях деревенская беднота уже в первой половине 1918 г. активно и успешно выступала с целью сокращения кулацкого земельного фонда.

В ходе ликвидации помещичьего землевладения создавались первые земледельческие коммун. Основной закон о социализации земли, утвержденный ВЦИКом 9 февраля 1918 г., рекомендовал развитие коллективного хозяйства в земледелии: «Российская Федеративная Советская Республика в целях скорейшего достижения социализма оказывает всестороннее содействие (культурная и материальная помощь) общей обработке земли, давая преимущество трудовому коммунистическому, артельному и кооперативному хозяйствам перед единоличным»⁸².

По сведениям Наркомзема, на конец 1918 г. в Европейской части РСФСР было зарегистрировано 1579 коллективных хозяйств⁸³. О положении дела к лету 1918 г. можно судить лишь по разрозненным сведениям. По данным анкеты крестьянской секции ВЦИК, по сообщениям губземотделов и ходоков, на 25 сентября 1918 г. было зарегистрировано 565 коммун и 102 трудовые артели; при этом указывается, что «почти все коммунны основаны в марте — мае»⁸⁴. В информационном листке бюро печати Наркомзема от 27 июня 1918 г. говорится о создании коллективных хозяйств по отдельным губерниям: «В Бобровском уезде Воронежской губ. для совместной запашки 40 000 десятин объединилось до 50 000 крестьян, так как весной надо было во что бы то ни стало запахать землю»; в Пензенской губернии «в коммунны идут охотно безлошадные крестьяне, образуются молочные артели; из двадцати коммун десяти уже оказана поддержка местными органами Советской власти»; по Нов-

⁷⁸ Там же, стр. 225.

⁷⁹ «Октябрьская революция и установление Советской власти в Чувашии», стр. 184—185, 175—176.

⁸⁰ В. И. Андрианов. Указ. соч., стр. 26.

⁸¹ «Упрочение Советской власти в Тульской губернии», стр. 300.

⁸² «Аграрная политика Советской власти (1917—1918 гг.)». М., 1954, стр. 142—143.

⁸³ Там же, стр. 512—513.

⁸⁴ Там же, стр. 484.

городской губернии «коммуны образсвались (в трех деревнях) Боровичского уезда; главной задачей коммуны ставят организацию беднейшего крестьянства». Во Владимирской губернии «уже давно крестьянские массы приступили к живой работе. Сбрасываются старые способы обработки земли и прежние взаимоотношения между беднейшими крестьянами и их эксплуататорами — кулаками и арендаторами»⁸⁵. Из тех же информационных листков (№ 52—60) за период с 26 июля по 12 августа 1918 г. следует, что во Владимирской, Костромской, Новгородской, Тамбовской и Тверской губерниям в то время числились 81 коммуна и 76 артелей⁸⁶.

В. А. Краев приводит следующие данные по двум губерниям о наличии коллективных хозяйств по состоянию на июнь и декабрь 1918 г.: Костромская губерния — 8 и 111 хозяйств; Воронежская губерния — 5 и 14⁸⁷.

Первые шаги и здесь были сделаны еще до создания комбедов. Г. В. Шарапов отмечает: «По имеющимся данным, из 1500 сельскохозяйственных коллективов, организованных в 1918 г., только несколько десятков артелей и коммун были созданы до образования комбедов, т. е. с января по июнь 1918 г.»⁸⁸

Московская анкета включала в себя следующий вопрос: «Предполагается ли организация обществ или артельных обработок земли, если да, то какие?».

Ответы здесь выражаются так:

Всего анкет	Получено ответов	Из них	
		да	нет
1023	877	177	700

177 утвердительных ответов здесь отмечают лишь наличие на этот счет предположений. В некоторых анкетах указывается, что дело находится уже в стадии организации, называются деревни, где начата эта работа. Из Балтутинской волости (Гжатский у. Смоленская губ.) написали: «Имения на учет взяты и оставлены под коллективные хозяйства». А в 22 опросных листах прямо утверждают, что коллективные хозяйства у них уже созданы. Вот некоторые из таких сообщений: «Сорганизовано товарищество по оказанию помощи беднейшему населению» (Мирошкинская вол. Бронницкий у. Московская губ.); «организованы артели неимущих граждан для обработки земли» (Долматовская вол. Пронский у. Рязанская губ.); «организовано до 20 артелей (до 200 хозяйств)» (Глушковская вол. Ветлужский у. Костромская губ.); «есть мелкие артели» (Тельчинская вол. Мценский у. Орловская губ.); «есть сельскохозяйственные коммуны, в которые идут только рабочие имений» (Капыревщинская вол. Духовищенский у. Смоленская губ.). Ссылки в анкетах на беднейшее население, на неимущих граждан, на сельскохозяйственных рабочих еще раз свидетельствуют, что именно на эти группы деревенского населения на первом этапе аграрной революции приходилось опираться партии при проведении курса на социалистическую перестройку сельского хозяйства⁸⁹.

⁸⁵ «Аграрная политика Советской власти (1917—1918 гг.)», стр. 478—479.

⁸⁶ «К истории проведения в жизнь ленинского декрета о земле». Выдержки из информационного листка бюро печати Наркомзема за 1918 г. — «Красный архив», 1938, т. 4—5 (89—90), стр. 81, 82, 85, 87, 88.

⁸⁷ В. А. Краев. Победа колхозного строя в СССР. М., 1954, стр. 197.

⁸⁸ Г. В. Шарапов. Разрешение аграрного вопроса в России после Октябрьской революции. М., 1961, стр. 202.

⁸⁹ О социальном составе первых коллективных хозяйств см.: Г. В. Шарапов. Указ. соч., стр. 220—222.

Наконец, надо остановиться на вопросе о разгромах помещичьих имений. 31-й вопрос московской анкеты звучал так: «Не было ли случаев расхищения инвентаря, имущества имений, разгромов винных складов, и если были, то какие меры предпринимал Совет?» Ответы на него выражаются следующим образом:

Всего анкет	Нет ответов	Получено ответов	С ответами, что в волости имений не было	С ответами не было разгромов	С ответами были разгромы
1023	44	979	101	557	321

В значительном большинстве случаев отмечается отсутствие разгромов. Среди 321 утвердительного ответа в 99 анкетах подчеркивалось, что расхищение имело место до создания в волости Советской власти.

В беспорядочном расхищении хлеба, скота, инвентаря и другого барского добра особенно было заинтересовано многолошадное кулачество. Бедноте при этом доставались крохи. Ей важнее было в организованном порядке, через местный Совет, получить помощь за счет помещичьих ресурсов. Смоленский волостной Совет (Рижский у. Рязанская губ.) при заполнении московской анкеты отметил: «Расхищений в имениях не было, все разделили среди неимущих». Георгиевский волостной Совет (Ефремовский у. Тульская губ.) указал: «Расхищения были, но все отобрали и роздали нуждающимся».

Весной 1918 г. уездные и губернские Советы и земельные органы принимали немало постановлений, обязывавших низовые Советы оказывать помощь бедноте за счет скота и инвентаря помещичьих имений⁹⁰. Поэтому партии приходилось для прекращения разгромов бывших помещичьих имений опираться на бедноту. В московской анкете были, например, такие ответы (оба из Ефремовского уезда): «Разгромы были, выставили дружины и прекратили» (Дмитриевская вол.); «расхищения были, вооруженной силой отобрали» (Березовская вол.). Такого рода дружины были, несомненно, бедняцкими по составу, они и помогали Советской власти пресекать погромное движение. Там, где волостные Советы не были прямыми защитниками кулацких интересов, они боролись с разгромами имений. Приведем еще сообщение из Великоархангельской волости (Бобровский у. Воронежская губ.), опубликованное в информационном листке бюро печати Наркомзема от 16 февраля 1918 г.: «В соседних волостях лес рубят беспорядочно. Участвуют в грабеже богатые мужики, у которых есть по несколько лошадей. Новый Совет отбирает срубленный лес и раздает беднейшему населению»⁹¹.

Так в борьбе с кулачеством постепенно росло сознание бедняков, создавались первые бедняцкие организации. Недаром отдельные исследователи, характеризуя динамику роста сети комбедов, включают в этот процесс и данные об организациях бедноты, которые появлялись в деревне еще до возникновения комбедов. В одной из работ, посвященной строительству комбедов в Вятской губернии, приводится большая таблица об их сети с нарастающим итогом по месяцам 1918 г. и с разбивкой по каждому из 12 уездов. Хотя в целом создание комбедов по этой губернии заметно запаздывало, для двух уездов начало их организации отнесено к первым месяцам 1918 г.:

	Январь	Февраль	Март	Апрель	Май	Июнь
Вятский уезд	1	23	32	38	38	40
Нолинский »	—	81	162	162	162	165

⁹⁰ См., например: «Аграрная политика Советской власти (1917—1918 гг.)», стр. 263, 269, 277, 281—282 и др.

⁹¹ «Советы в Октябре», стр. 223.

Формально, разумеется, эти организации комбедами в собственном смысле слова именоваться не могли, но преемственность здесь, видимо, имела место. Сам автор приводит такой любопытный факт: по Малмыжскому уезду 9 июня 1918 г. в с. Арджим на волостном собрании в присутствии около ста представителей бедноты был создан «союз бедняков». 13 октября на волостном бедняцком собрании исполком этого союза был преобразован в волостной комитет бедноты⁹². Для Псковской губернии аналогичные данные о возрастании сети комбедов по месяцам выглядят так⁹³:

Февраль	Март	Апрель	Май	Июнь
5	5	6	—	4

Подобное же положение имело место в мае и июне 1918 г. и по Вевновскому уезду (Тулльская губ.). Выше мы уже отмечали, что в Койской волости (Кашинский у. Тверская губ.) созданные во всех селениях «голодные комитеты» 24 июня 1918 г. были реорганизованы в комитеты бедноты. Автор сообщения отмечает большой авторитет у бедноты этих «голодных комитетов»; в Ржевском уезде продолжали так именоваться до первой половины августа 1918 г. низовые комбеды и уездный комбед. С опытом работы «голодных комитетов» автор связывает успехи комбедовского движения в Тверской губернии⁹⁴. Относительно Воронежской губернии имеется такое свидетельство: «Первые бедняцкие организации были не совсем четкими, тем не менее они представляли собой зародыши будущих комитетов бедноты, ставших опорными пунктами диктатуры пролетариата в деревне»⁹⁵.

Постепенное сплочение деревенской бедноты, рост ее политической активности и классового сознательности подготавливали условия для создания комбедов и начала решительного наступления на кулачество.

⁹² А. С. Быстрова. Комитеты бедноты Вятской губ. и развитие социалистической революции в деревне. Рукопись канд. дисс., М., 1949, стр. 87, 88; она же. Комитеты бедноты Вятской губернии, стр. 14.

⁹³ М. Я. Ратгаузер. Борьба партии большевиков за упрочение Советской власти в районах Северной области. Канд. дисс., Л., 1951, стр. 277.

⁹⁴ В. А. Крайнов. Указ. соч., стр. 57, 91.

⁹⁵ Р. В. Иванова. Роль комитетов бедноты Воронежской губернии в развертывании социалистической революции и упрочении Советской власти в деревне. Канд. дисс. Киев, 1951, стр. 45.

Н. К. ФИГУРОВСКАЯ

БАНКРОТСТВО «АГРАРНОЙ РЕФОРМЫ» БУРЖУАЗНОГО ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

После Февральской буржуазно-демократической революции одной из главных социально-экономических проблем, требовавших незамедлительного решения, был аграрный вопрос. Помещичье и крестьянское землевладение сохраняло полукрепостнический характер, сковывая развитие и сельского хозяйства и всей экономики страны. Помещичье землевладение являлось в то же время экономической основой политической реакции.

Несмотря на значительную распродажу помещичьих имений — с 1906 по 1917 г. помещики лишились около 10 млн. десятин земли, — их земельный фонд на территории Европейской России к началу революции составлял примерно 67 млн. десятин¹. В результате столыпинской аграрной политики и первой мировой войны усилился процесс классового расщепления деревни — возрос удельный вес кулачества, увеличилось малоземелье крестьянской бедноты. Но в борьбе против помещичьего землевладения крестьянство продолжало выступать как единый класс. В целом антагонизм крестьян и помещиков оставался главным противоречием в деревне на всем протяжении от февраля до октября 1917 г.

Крестьянство выступало за решительную ломку полукрепостнического землевладения, за превращение земли в общенародное достояние. Необходимость ликвидации помещичьих латифундий и составляла основу аграрного вопроса после Февральской революции, точно так же как и в революции 1905—1907 гг. Но в 1917 г. «революция поставила аграрный вопрос в России неизмеримо шире, глубже и острее, чем в 1905—1907 годах»².

Необходимость и неизбежность коренной перестройки аграрных отношений в России после февраля 1917 г. была несомненна для всех. Вопрос теперь состоял в том, как и в чьих интересах эта перестройка будет произведена: революционно или реформистски, в интересах трудящихся масс крестьянства или в интересах кулаков и обуржуазившихся помещиков. Своеобразной ареной идейно-политической борьбы за то или иное решение аграрного вопроса явился Главный земельный комитет, созданный буржуазным Временным правительством для разработки сверху аграрной реформы. Деятельность Главного земельного комитета конкретно со всей очевидностью показала полную неспособность буржуазных и мелкобуржуазных партий обеспечить решение самых наболевших

---

¹ «Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции. Документы и материалы, ч. III. Сельское хозяйство и крестьянство», Л., 1967, стр. 8.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 16, стр. 412.

вопросов социально-экономического развития страны, провал их теоретических построений и практики.

Деятельность Главного земельного комитета, как и в целом аграрная политика Временного правительства, в нашей литературе еще не получила должного освещения. В 20-е годы был опубликован ряд статей, касавшихся отдельных сторон аграрной политики Временного правительства³. В 1929 г. вышла в свет небольшая книга З. Лозинского⁴, которая впервые давала общую характеристику экономической политики Временного правительства. Специальный раздел в ней посвящен анализу антикрестьянской аграрной политики, оценке правительственных деклараций, законопроектов и постановлений по аграрному вопросу. Коснулся автор и работ Главного земельного комитета по подготовке проекта земельной реформы. Затем в течение длительного времени эта тема не исследуется советскими историками. Новые исследования в этой области относятся к концу 50-х годов, когда появился ряд весьма интересных статей о крестьянских земельных комитетах в период подготовки Октябрьской революции и о деятельности Главного земельного комитета и местных земельных комитетов после победы Октябрьской революции⁵.

В 1966 г. вышло в свет фундаментальное исследование П. Н. Першина⁶. Автор — видный ученый-аграрник — сам принимал участие в работе Главного земельного комитета, а затем в период Октябрьской революции активно сотрудничал в советских земельных органах. В его книге на основе богатейшего материала раскрывается история аграрной революции в России. Автор анализирует и аграрную политику Временного правительства, дает четкую научную оценку готовившегося проекта земельной реформы. П. Н. Першин не ставил своей целью исследовать идейную борьбу вокруг аграрного вопроса в 1917 г. и поэтому не дал обстоятельного анализа позиций различных партий, хода дискуссий и столкновения точек зрения в Главном земельном комитете и в Лиге аграрных реформ⁷.

Большой интерес к истории аграрной политики буржуазного Временного правительства в России проявляет современная буржуазная историография на Западе. Хотя большинство буржуазных историков теперь уже признало, что буржуазное Временное правительство не смогло удовлетворить земельных требований крестьянства, версия о том, что аграрный вопрос не был неразрешимой проблемой для Временного правительства, еще существует в буржуазной литературе. Аргументы и фактический материал в пользу этого лживого тезиса в значительной степени черпаются из белоэмигрантской литературы, всячески превознося-

³ Н. Н. Фирсов. Крестьянская революция в 1917 г. (до Октября) и Временное правительство. (Очерк по архивным документам).— «Пути революции» (Казань), 1922, № 1; А. А. Алавердова. Очерк аграрной политики Временного правительства.— «Социалистическое хозяйство», кн. II. М., 1925; М. Г. Флеер. Временное правительство в борьбе с аграрной революцией.— «Красная летопись», 1926, № 2(17); С. М. Дубровский. Временное правительство и крестьянство.— «Аграрная революция», т. II. «Крестьянское движение в 1917 году». М., 1928.

⁴ З. Лозинский. Экономическая политика Временного правительства. Л., 1929.
⁵ П. Першин. Крестьянские земельные комитеты в период подготовки Великой Октябрьской социалистической революции.— «Вопросы истории», 1948, № 7, стр. 70—83; Е. А. Луцкий. Ликвидация Главного земельного комитета (1917—1918 годы).— «Труды Московского государственного историко-архивного института», т. IX. М., 1957; он же. Политика Советской власти по отношению к земельным комитетам (1917—1918 гг.).— Там же, т. XIII. М., 1959; В. И. Кострикин. Из истории земельных комитетов Рязанской губернии (март — октябрь 1917 г.).— Там же, т. IX. М., 1957, и т. д.

⁶ П. Н. Першин. Аграрная революция в России, т. I—II. М., 1966.

⁷ Исключительно интересные материалы и документы по исследуемой проблеме содержатся в упомянутой книге: «Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции, ч. III. Сельское хозяйство и крестьянство».

щей мнимые достижения Февральской революции и Временного правительства в аграрной политике. В этом же плане освещается деятельность Временного правительства в трехтомном издании «Временное русское правительство. 1917. Документы», осуществленном под редакцией американского историка Р. П. Браудера и белоэмигранта А. Ф. Керенского⁸.

В связи с вышензложенным представляется важным выяснить, какую аграрную реформу готовило Временное правительство, раскрыть содержание предполагавшейся аграрной реформы на фоне идейной борьбы буржуазных и мелкобуржуазных партий вокруг аграрного вопроса в 1917 г. Материалы Главного земельного комитета дают недвусмысленный ответ на этот вопрос, показывают с полной ясностью, что реформа, подготавливаемая буржуазными и мелкобуржуазными партиями, не решала и не могла решить проблем аграрного развития России.

После Февральской революции помещики пытались сделать все возможное, чтобы сохранить землю в своих руках. Позиция помещиков была зафиксирована в постановлении по земельному вопросу Всероссийского съезда землевладельцев в июле 1917 г. Резолюция подчеркивала, что земельная реформа должна быть осуществлена «с точки зрения интересов общегосударственных», поэтому крайне невыгодным является как дробление крупных частновладельческих хозяйств, так и передача всех «культурных» частновладельческих имений в руки местных органов самоуправления. Помещики не возражали против передачи крестьянству земель казенных и удельных, они советовали увеличить крестьянское землевладение за счет земель Сибири и Средней Азии и за счет площадей «неплодоносной» земли в Европейской России.

Принцип принудительного отчуждения земельной собственности признавался ими только в случае недостаточности для наделения малоземельного крестьянства фонда казенных и удельных земель и только «по добросовестной, соответствующей их действительной стоимости, оценке». При этом обеспечение земель местного малоземельного населения предполагалось провести «без ущерба для имений, в которых ведется самостоятельное, за счет их владельцев, хозяйство».

Отстаивая всеми силами незыблемость частной собственности на землю, помещики для упрочения своих позиций ратовали за широкое развитие «мелкой крестьянской собственности хуторского и отрубного типа»⁹.

Против передачи всех помещичьих земель крестьянству выступила и буржуазия. Крупное помещичье землевладение было настолько связано со всем капиталистическим строем, что его уничтожение явилось бы потрясением всех капиталистических устоев. Отдать землю крестьянам означало не только нанести удар по помещичьей собственности, но и по собственности капиталистической, ибо большая часть помещичьих земель была заложена и перезаложена банкам. Конфискация помещичьих земель означала бы одновременную конфискацию сотен миллионов банковского капитала, «который миллиардами нитей связан со всеми важнейшими центрами капиталистического хозяйства»¹⁰.

К 1916 г. земельные банки контролировали свыше 60% частновладельческой земли: в них было заложено 66,5 млн. десятин земли. Общая сумма задолженности частного землевладения банкам составляла

⁸ «The Russian Provisional Government. 1917. Documents». Selected and edited by R. P. Browder and A. F. Kerensky, vol. I—III. Stauford, 1961.

⁹ «Постановление по земельному вопросу Всероссийского съезда землевладельцев». — «Московские ведомости», 19 июля 1917 г.

¹⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 110—111.

3,7 млрд. руб.¹¹ В силу этого финансовый капитал не мог быть безразличен к судьбам помещичьего землевладения. Буржуазия отказалась от коренного разрешения аграрного вопроса, взяла под защиту неприкосновенность крупного помещичьего землевладения и делала все возможное, чтобы не допустить углубления революции. Ведущая буржуазная партия — кадеты — в своей аграрной программе выдвинула требование сохранения частной собственности на землю. Только земли имений «кабально-крепостнического» типа предполагалось за выкуп передать крестьянам.

Для всех сил, выступивших против развития и углубления революции, общим стратегическим лозунгом, рассчитанным на спад революции и завершение ее буржуазно-помещичьей аграрной реформой, стал лозунг: передать Учредительному собранию разрешение всех социально-экономических проблем. Буржуазия не хотела созывать Учредительное собрание в период подъема революции, проводила тактику оттягивания сроков его созыва и тем самым освобождала себя от необходимости немедленного проведения аграрных преобразований.

Самая крупная из мелкобуржуазных партий — партия эсеров — выступала и после Февральской революции с программой социализации земли, принятой еще на ее I съезде в 1906 г. Конференция эсеровской партии в Петрограде и Москве, проходившие в марте 1917 г., подтвердили, что партия не признает частной собственности на землю и выступает за обращение всех земель в общенародную собственность без выкупа¹². Однако теперь эсеровская партия отвергла революционный путь решения аграрного вопроса, выступив против «самочинных» действий крестьян, за «законное» решение аграрного вопроса Учредительным собранием.

Эсеры отказались от собственных лозунгов, с которыми они выступали в революции 1905 г., призывая крестьян к захвату помещичьих земель. Теперь они заявляли, что «самовольный захват частных земель до Учредительного собрания... поведет к беспощадной гражданской войне между крестьянами... и погубит все дело русской революции»¹³.

Эсеры оказались не в состоянии возглавить крестьянскую борьбу за землю. Наоборот, в 1917 г. они старались внести «умиротворение» в крестьянскую среду, предотвратить обострение классовой борьбы.

Призыв ждать Учредительного собрания свидетельствовал о позорной капитуляции эсеров перед помещиками и буржуазией в то именно время, когда в России были все предпосылки для решения аграрного вопроса революционным путем в интересах трудящегося крестьянства.

В связи с тем, что отдельные группы эсеров все же выступали за возврат к старому лозунгу организованного захвата крестьянством помещичьей земли, Н. И. Ракицкий, один из эсеровских теоретиков, выступил на III съезде партии эсеров в мае 1917 г. с разъяснением причин изменения тактики партии по аграрному вопросу. Он признал, что в 1905 г. эсеры выдвинули этот лозунг, а в 1917 г. отказались от него. Причина, по его словам, состояла в том, что в 1905 г. «тяга к земле крестьян... была настолько велика, что ... мы пытались придать захвату земли форму временного пользования, впредь до Учредительного собрания». В 1917 г. «крестьянство довольно спокойно принимает тот лозунг, который в самом начале был выдвинут нашей партией, — ожидать окончательного решения аграрного вопроса от Учредительного собрания»¹⁴.

¹¹ «Статистика долгосрочного кредита в России», вып. 1. М., 1917, стр. 18.

¹² «Дело народа», 15 марта 1917 г.

¹³ «Дело народа», 2 мая 1917 г.

¹⁴ «Протоколы III съезда партии эсеров 1917 г.» Пг., 1917, стр. 243—244.

В главном вопросе — о путях и методах проведения аграрных преобразований — эсеры заняли соглашательскую позицию.

Трудовики и народные социалисты также выступали за решение аграрного вопроса Учредительным собранием, призывали бороться с самочинными действиями крестьян. Считая, что выкуп помещичьей земли неизбежен, они были против «социализации» и уравнительного передела земли. Земельные участки, не превышавшие «трудовой нормы», по их замыслу, следовало оставлять в личном пользовании¹⁵.

Общероссийская конференция меньшевиков в мае 1917 г., подтвердив программу муниципализации земель и сохранения мелкой частной земельной собственности, также высказалась за то, чтобы земельную реформу произвело Учредительное собрание¹⁶.

Причина коренного изменения позиции идеологов мелкой буржуазии кроется в качественно новой постановке аграрного вопроса после Февральской революции в России, когда создались объективные условия для перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую. Классовая и партийная размежевка резко изменилась по сравнению с периодом революции 1905—1907 гг. Деление партий на «левые» и «правые» теперь проходило не между трудовиками и кадетами, как это было в первой русской революции, а между всеми буржуазными и мелкобуржуазными партиями, с одной стороны, и большевиками во главе с В. И. Лениным, — с другой.

Партии мелкой буржуазии — меньшевики, эсеры, трудовики, народные социалисты — стремились разделить власть с буржуазией. Сущность политики этих партий состояла в соглашательстве с контрреволюционной буржуазией.

В. И. Ленин писал: «Кадеты заняли место монархии. Церетели и Черновы заняли место кадетов. Пролетарская демократия заняла место *действительно* революционной демократии»¹⁷.

Требование национализации земли в 1917 г. «приобретает иную постановку» по сравнению с 1905—1907 гг., ибо национализация земли в новых исторических условиях «есть не только «последнее слово» буржуазной революции, но и *шаг к социализму*»¹⁸. В. И. Ленин подчеркивал, что невозможно «дать народу мира, земли без свержения буржуазии, без социализма»¹⁹.

Ликвидация помещичьей земельной собственности и преодоление хозяйственной разрухи, которой были охвачены все отрасли народного хозяйства, диктовали необходимость осуществления переходных мер к социализму.

Когда вопрос о переходе от буржуазно-демократического этапа революции ко второму этапу — социалистической революции — встал как актуальный вопрос революционной практики, эсеры оказались неспособными руководить крестьянством даже в его борьбе с помещиками, испытывая, как говорил В. И. Ленин «самый большой идейный (некорыстный) страх перед продолжением революции по направлению к социализму»²⁰. Мелкобуржуазные партии тормозили развитие крестьянской борьбы за революционное решение аграрного вопроса, поддерживая

¹⁵ «Протоколы I Всероссийского съезда народно-социалистической партии. VI Всероссийского съезда трудовой группы. I Всероссийского съезда трудовой народно-социалистической партии». Пг., 1917, стр. 27, 164.

¹⁶ «Рабочая газета», 12 мая 1917 г.

¹⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 32, стр. 386.

¹⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 16, стр. 412, 413.

¹⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 95.

²⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 32, стр. 318.

политику Временного правительства, оттягивающего немедленную ликвидацию помещичьего землевладения. И в первое время эта политика, казалось, давала эффект. Крестьянское движение развертывалось исподволь, постепенно набирая силы. В марте произошли лишь отдельные вспышки крестьянских выступлений против помещиков, лишь в отдельных местностях стали организовываться крестьянские комитеты. Крестьянство переживало период доверия к Временному правительству. Последующее развитие революционных событий показало, что этот период оказался весьма кратковременным²¹. Если в марте крестьянским движением было охвачено только 34 уезда, то в апреле уже 174, в мае — 326, в июне — 280, в июле — 325 уездов²².

Только партия пролетариата с первых дней Февральской революции выступала за всемерное развитие революционной крестьянской борьбы за землю, за немедленную и полную конфискацию всех помещичьих земель в России и переход их в руки крестьянства, организованного в Советы крестьянских депутатов.

На VII (Апрельской) Всероссийской конференции В. И. Ленин говорил о том, что мелкобуржуазные партии «стоят за то, чтобы с земельным вопросом обждать до Учредительного собрания. Мы высказываемся за немедленный переход земли к крестьянам с максимальной организованностью... Нельзя сейчас принимать рецепты Шингарева и кадетов, которые предлагают подождать до Учредительного собрания, срок которого не известен, или условливаться с помещиками об аренде»²³.

Только массовое революционное движение крестьян под руководством рабочего класса могло разрешить аграрный вопрос. В. И. Ленин подчеркивал: «...для нас важен революционный почин, а закон должен быть его результатом. *Если вы будете ждать, пока закон напишется, а сами не разовьете революционной энергии, то у вас не будет ни закона, ни земли*»²⁴.

Временное буржуазное правительство не сразу определило свою позицию в аграрном вопросе. Декларация Временного правительства от 2 марта 1917 г., определявшая общие политические и экономические задачи правительства, обошла молчанием аграрный вопрос. Но тактика замалчивания не могла продолжаться долго. 15 марта Московское общество сельского хозяйства в связи с аграрными волнениями просило правительство «усложнить крестьянство» оповещением о предстоящей реформе сверху, чтобы оно не поспешило провести ее снизу²⁵. В постановлении от 19 марта 1917 г. Временное правительство было вынуждено признать, что «земельный вопрос составляет самую серьезную социально-экономическую задачу переживаемого ныне исторического момента» и является «первейшим из первых». В этом постановлении было сформулировано кредо аграрной политики Временного правительства: «Земельный вопрос не может быть проведен в жизнь путем... захвата... Земельный вопрос должен быть решен путем закона, принятого народным представительством». Иными словами, земельный вопрос может быть решен только «сверху» в законодательном порядке. «Самочинные» действия населения осуждались. В постановлении отмечалось, что для организации подготовительных материалов к реформе необходимо создать при министре земледелия земельный комитет²⁶.

²¹ П. Н. Першин. Аграрная революция в России, т. I, стр. 289—292.

²² Я. А. Яковлев. Крестьянская война 1917 года.— «Аграрная революция», т. II, стр. 83.

²³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 419—420.

²⁴ Там же, стр. 419.

²⁵ Н. Н. Суханов. «Записки о революции», кн. 2. М., 1918, стр. 281.

²⁶ «Вестник Временного правительства», 21 марта 1917 г.

В каком направлении будет решаться земельный вопрос, каковы характер и цели предстоящей реформы, а также ее сроки — все это осталось неизвестным. Следующие шаги Временного правительства в области аграрной политики свелись к объявлению кабинетских и удельных земель государственной собственностью и передаче их в ведение Министерства земледелия²⁷ и изданию постановления об охране государством посевов землевладельцев²⁸.

Однако растущее крестьянское движение вынуждало Временное правительство переходить к более определенным, конкретным мерам. В середине апреля Министерство внутренних дел разослало всем губернским комиссарам циркуляр о том, что они должны всеми средствами, вплоть до вызова воинских команд, пресекать аграрные беспорядки и «посягательства на аграрной почве против личности и собственности граждан»²⁹. До конца апреля вооруженные отряды для подавления крестьянских выступлений были посланы в шесть губерний³⁰.

Вместе с тем Временное правительство было вынуждено предпринять меры, которые бы отвлекали внимание крестьянства от задач непосредственной борьбы за землю, заставляли бы ждать решения сверху. 21 апреля было опубликовано постановление Временного правительства о создании Главного и местных земельных комитетов для выработки проекта земельной реформы. В постановлении говорилось, что «важнейший очередной вопрос для нашей страны — вопрос земельный — может решить окончательно и правильно только Учредительное собрание». Снова подчеркивалась необходимость «спокойно ждать нового земельного устройства», ибо «явная ошибка думать, что каждая губерния, каждый уезд, волость могут сами себе разрешить... великий и сложный вопрос о земле». Запугивая крестьянство, Временное правительство заявляло, что «самовольные действия» приведут к всеобщей разрухе, что в стране наступят нужда и голод³¹.

Идея создания земельных комитетов для решения аграрного вопроса силами самого крестьянства и в его интересах издавна выдвигалась революционными партиями и была очень популярна в деревне. Организация крестьянских комитетов для решения земельного вопроса и «устранения остатков крепостных отношений» была одним из требований аграрной программы РСДРП, принятой на II съезде³². В решениях III съезда РСДРП это требование программы получило дальнейшее развитие: перед крестьянскими комитетами ставились широкие задачи проведения всех революционно-демократических преобразований в деревне³³.

Создание местных комитетов для подготовки и проведения земельной реформы и «для упорядочения экономических отношений в течение переходного времени», т. е. до окончательного решения аграрного вопроса «народным представительством», предлагалось проектом «104-х» (трудящихся) и проектом «народных социалистов», внесенными во II Государственную думу (1906 г.) В проекте предлагалось, например, передать в заведование земельных комитетов казенные, удельные и приобретенные Крестьянским банком частновладельческие земли и часть леса для местных нужд. Земельным комитетам предлагалось предоста-

²⁷ «Вестник Временного правительства», 17 и 28 марта, 15 апреля 1917 г.

²⁸ «Вестник Временного правительства», 14 апреля 1917 г.

²⁹ А. Алавердова. Указ. соч., стр. 150.

³⁰ П. Н. Першин. Аграрная революция в России, т. I, стр. 291.

³¹ «Вестник Временного правительства», 23 апреля 1917 г.

³² «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. I. М., 1954, стр. 43.

³³ Там же, стр. 80—81.

вить право принимать в заведование отдельные имения (правда, по взаимному соглашению с владельцами), издавать обязательные постановления, учреждать посреднические камеры и т. п.³⁴

В 1917 г. земельные комитеты начали создаваться самими крестьянами сразу же после Февральской революции. О. Н. Моисеева с полным основанием считает, что издание постановлений от 21 апреля было продиктовано стремлением Временного правительства взять в свои руки организацию земельных комитетов и превратить их в органы своей аграрной политики. К этому же выводу приходит и П. Н. Першин³⁵.

Главный земельный комитет был создан «для подготовки земельной реформы и для разработки неотложных временных мер, впредь до разрешения земельного вопроса Учредительным собранием». На него возлагались следующие задачи: «1) общее руководство собиранием, разработкой необходимых для земельной реформы сведений и подготовительными к ней действиями; 2) составление общего проекта земельной реформы на основании собранных данных и всех соображений, какие будут представлены местными земельными комитетами»³⁶.

В состав Главного земельного комитета входили министр земледелия, товарищи министра земледелия, председатель, 25 членов комитета и управляющий делами³⁷. Кроме того, в комитет вошли представители всех губернских земельных комитетов; по три человека от Всероссийского крестьянского союза, Всероссийского Совета крестьянских депутатов, Временного комитета Государственной думы, Всероссийского Совета рабочих и солдатских депутатов, Всероссийского кооперативного союза. В него были введены также по одному представителю от 11 политических партий России, начиная от октябристов и включая партии меньшевиков и большевиков (шесть из 11 мест были предоставлены буржуазным партиям). В комитете было пять представителей от научно-экономических обществ (Вольно-экономического, Московского общества сельского хозяйства, Общества им. Чупрова и др.). Руководил работой Главного земельного комитета совет, состоявший вначале из 22 членов, затем из 34; после 2-й сессии в него входило уже 50 человек³⁸. Бесменным председателем совета Главного земельного комитета был профессор А. С. Посников — управляющий Крестьянским банком, член IV Государственной думы, председатель ее финансовой комиссии, прогрессист. Товарищами председателя были эсер С. Л. Маслов и энес В. И. Анисимов. Членами совета в разное время являлись ведущие буржуазные и мелкобуржуазные аграрники — Н. Н. Черненко, А. А. Кауфман (кадеты), Б. Д. Бруцкус (радикал-демократ), А. Н. Челинцев, Н. П. Макаров, А. Н. Минин, А. А. Рыбников (организационно-производ-

³⁴ «Государственная дума в России в документах и материалах». М., 1957, стр. 172 и др.

³⁵ О. Н. Моисеева. Советы крестьянских депутатов. М., 1966, стр. 45; П. Н. Першин. Аграрная революция в России, т. I, стр. 350.

³⁶ «Вестник Временного правительства», 23 апреля 1917 г.

³⁷ Председатель, 25 членов комитета и управляющий делами, назначались Временным правительством.

³⁸ «Известия Главного земельного комитета», 1917, № 1, стр. 4. Проект нового положения, принятого советом Главного земельного комитета 16 июля 1917 г., увеличивал представительство: от Всероссийского Совета крестьянских депутатов до 15 человек, от Всероссийского Совета рабочих и солдатских депутатов — 6 представителей и столько же от Всероссийского Совета кооперативных съездов и совета союза казачьих войск. По-прежнему оставались 3 представителя от Всероссийского крестьянского союза, а вместо представителей от Временного комитета Государственной думы вводились 3 представителя от Всероссийского союза земельных собственников («Известия Главного земельного комитета», 1917, № 2—3, стр. 17).

ственная группа экономистов-аграрников), Н. Я. Быховский, Н. Д. Кондратьев, Н. И. Ракитников (эсеры), Н. П. Огановский (энес) и др.

О партийном составе совета Главного земельного комитета полное представление дает таблица, составленная П. Н. Першиным.

Состав членов совета Главного земельного комитета*

Партийная принадлежность	Первый состав		Второй состав		Третий состав	
	число членов	% к итогу	число членов	% к итогу	число членов	% к итогу
Кадеты, прогрессисты и правые группы	7	31,8	7	20,6	8	16,0
Трудовики, народные социалисты и примыкавшие к ним	7	31,8	7	20,6	9	18,0
Эсеры	7	31,8	19	55,9	30	60,0
Меньшевики и социал-демократы интернационалисты	1	4,6	1	2,9	3	6,0
Итого	22	100,0	34	100,0	50	100,0

* П. Н. Першин. Аграрная революция в России, т. I, стр. 295.

Таким образом, начиная со второй сессии Главного земельного комитета, когда Временное правительство оказалось вынужденным включить в состав его совета 12 крестьянских представителей, эсеры получили абсолютное большинство. Однако вывод П. Н. Першина о том, что благодаря этому обстоятельству «они определяли все направление и характер работы многочисленных комиссий, в которых обсуждались проекты земельной реформы и мероприятия по текущей земельной политике»³⁹, представляется не вполне точным. Эсеры, занявшие в 1917 г. позицию соглашательства с буржуазией и боявшиеся больше всего разрыва союза с буржуазией, проводили и в аграрном вопросе, как и во всех остальных, политику постоянных уступок интересам буржуазно-помещичьих классов. Деятельность Главного земельного комитета, как это будет показано в ходе дальнейшего изложения, со всей очевидностью показала полную неспособность мелкобуржуазной партии эсеров обеспечить проведение самостоятельной политической линии. Определять политику эсеры не могли в силу своих бесконечных компромиссов с буржуазией, что и привело их к измене крестьянству, отказу от проведения своей программы и краху как политической партии. В целом характер и направление деятельности Главного земельного комитета и его комиссий определялись компромиссом партии эсеров с буржуазными кругами, той «правительственной коалицией», в которой господствовали 10 министров-капиталистов. Одновременно с Главным земельным комитетом на местах создавались местные земельные комитеты. Причем уездные и губернские земельные комитеты, согласно постановлению Временного правительства, организовывались повсеместно, а волостные, земельные комитеты, которым непосредственно предстояло быть связанными с населением,— лишь по инициативе местного населения или уездных земельных комитетов. Круг деятельности и компетенция волостных земельных комитетов определялись уездными земельными комитетами. Согласно постановлению, они не имели никаких функций. Все это серьезно затруднило организацию волостных комитетов.

³⁹ П. Н. Першин. Аграрная революция в России, т. I, стр. 295.

Анализируя Положение о создании земельных комитетов, В. И. Ленин подчеркивал его недемократический характер. Земельные комитеты, писал В. И. Ленин, «по этому мошеннически написанному помещичьему закону, составлены так, что уездный комитет менее демократичен, чем волостной, губернский менее демократичен, чем уездный, главный комитет менее демократичен, чем губернский!»^{39а}. В уездные комитеты кроме делегатов волостей автоматически вводились судья, агроном, статистик и представители уездной администрации; они получали примерно третью часть мест. Губернский комитет почти наполовину состоял из представителей администрации, кроме того в него входил представитель Министерства земледелия, назначаемый самим министром. Наиболее недемократичным был состав Главного земельного комитета, куда наряду с уже названными лицами, впоследствии были введены министр финансов и управляющий Дворянским и Крестьянским банками, а в состав уездных и губернских комитетов — по одному представителю от Министерства финансов. Это было единственное дополнение, сделанное к положению от 21 апреля⁴⁰. В местные земельные комитеты не входили представители Советов крестьянских и рабочих депутатов.

Наконец, земельные комитеты создавались как звенья государственного аппарата: они должны были приводить в исполнение постановления центральной власти по земельному вопросу.

Одна из главных задач земельных комитетов состояла в «решении споров и недоразумений по земельным делам»; для этого они могли создавать примирительные и посреднические камеры.

Земельные комитеты могли издавать и обязательные постановления в пределах действующих законов Временного правительства. Но рамки эти были настолько узки, а сами законы настолько далеки от интересов крестьянства, что по-существу земельные комитеты оказывались совершенно безвластными.

Для разработки теоретических основ земельной реформы буржуазные и мелкобуржуазные партии создали в апреле 1917 г. (почти одновременно с Главным земельным комитетом) Лигу аграрных реформ. В ее состав вошли представители Вольно-экономического общества, Московского общества сельского хозяйства, Всероссийского земского союза, Харьковского общества сельского хозяйства и ряда других научных учреждений. Впоследствии Лига имела 52 местных отделения, которые являлись «идейными центрами в деле местной постановки и разработки земельной реформы»⁴¹.

В качестве активных деятелей Лиги аграрных реформ выступала практически та же группа буржуазных и мелкобуржуазных экономистов-аграрников, которая ведала делами и в Главном земельном комитете. Здесь в первую очередь нужно назвать Б. Д. Бруцкуса, Н. П. Макарова, А. А. Рыбникова, Н. П. Огановского. Официальная цель создания Лиги аграрных реформ — пересмотр заново аграрных партийных программ в условиях межпартийных дискуссий. По замыслу организаторов Лига должна была служить в качестве «межпартийного» объединения экономистов, изучающих аграрный вопрос. Организаторы Лиги постоянно подчеркивали мысль о межпартийном характере Лиги, объединяющей все демократические направления экономической мысли, за исклю-

^{39а} В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 430.

⁴⁰ П. Н. Першин. Аграрная революция в России, т. I, стр. 350—351; О. Н. Моисеева. Советы крестьянских депутатов, стр. 100.

⁴¹ Центральный государственный исторический архив СССР (ЦГИА СССР), ф. 91, оп. 2, д. 1179, л. 25.

чением «анархических аграрных течений», под которыми подразумевались большевики. Руководители Лиги льстили эсерам, обращались к «главенствующей» в стране партии с призывом активно включаться в работу центральных и местных органов Лиги⁴². Вывеска «беспартийности» вуалировала истинный классовый характер этой организации, направленной на ограничение, сглаживание и вытеснение революционных лозунгов.

Все эти подготовительные мероприятия должны были создать впечатление, что готовится фундаментальная аграрная реформа. Но с самого начала работа над проектом аграрной реформы была организована так, чтобы заменить революционное решение аграрного вопроса реформистским, чтобы оттянуть решение аграрного вопроса и потопить его в ворохе проектов, предложений, резолюций.

Главный земельный комитет и Лига аграрных реформ стали главными идейными центрами аграрной мысли буржуазных и мелкобуржуазных направлений, превратились в арену столкновений различных аграрных концепций и программ. Все ведущие буржуазные и мелкобуржуазные экономисты-аграрники были представлены в этих организациях. Анализ работ сессий и комиссий Главного земельного комитета и съездов Лиги аграрных реформ дает исчерпывающую картину той аграрной реформы, которую готовили правящие классы России после Февральской буржуазно-демократической революции.

Месяц спустя после издания постановления о создании Главного земельного комитета было созвано его учредительное собрание. Открыл заседание председатель Главного земельного комитета А. С. Посников. Он долго и пространно говорил о борцах за крестьянское дело, отдал дань заслугам Н. Г. Чернышевского и даже заставил собрание Главного земельного комитета почтить его память вставанием. Но после такого многообещающего предисловия А. С. Посников заговорил о необходимости рассеять «весьма распространенное заблуждение», будто вся земля может быть отнята у владельцев безвозмездно. «Безвозмездного отнятия земель произвести нельзя», — заявил председатель Главного земельного комитета.

В качестве обоснования такой категорической постановки вопроса А. С. Посников сослался на то, что от безвозмездной конфискации земли пострадает громадная масса держателей закладных листов и «это будет в подавляющем большинстве случаев поражением интересов совсем не тех, кого хотят поразить»⁴³. Подобная аргументация широко использовалась противниками конфискации помещичьих земель в 1917 г. Ссылаясь на необходимость защиты интересов «маленьких людей», вложивших свои сбережения в закладные листы⁴⁴, сторонники выкупа маскировали истинные мотивы, заставившие их отстаивать возмездную конфискацию помещичьей земельной собственности.

Подлинные причины выступления буржуазных деятелей за выкуп помещичьей земельной собственности вскрыла кадетская газета «Речь». Излагая выступление А. С. Посникова, она следующим образом прокомментировала его заявление: «Конфискация земель невозможна, ибо это поведет к величайшим экономическим потрясениям... повлечет за собой крах земельных банков... Уже одни разговоры о возможности безвоз-

⁴² «Дело народа», 15 июля 1917 г.

⁴³ «Известия Главного земельного комитета», 1917, № 1, стр. 9.

⁴⁴ Акции земельных банков концентрировались в руках крупнейших представителей русской буржуазии. Например, 6 тыс. акций из 9574 Харьковского земельного банка принадлежали в 1910 г. промышленнику Рябушинскому (О. Н. Моисеева. Ликвидация земельных банков в СССР. Канд. дисс. М., 1954, стр. 93—94).

мездного отчуждения земли сеют панику и имеют весьма вредное влияние на наш кредит»⁴⁵.

Несостоятельность попыток сторонников выкупа изобразить себя защитниками интересов мелких держателей закладных листов тогда же разоблачалась в большевистской печати. Весьма показательна в этом отношении брошюра И. И. Скворцова-Степанова «Как народ возвратит себе землю и что сделает с нею?». В ней показано, что война и финансовая политика Временного правительства привели к значительному понижению цен закладных листов и фактически отняли у всех владельцев закладных листов четыре пятых денежного состояния. «Декретом о конфискации земли без выкупа государство взяло бы у них лишь остальную часть, т. е. всего одну пятую того, что было ими в закладные листы вложено»⁴⁶.

Характеризуя перспективы предстоящей земельной реформы, А. С. Посников отметил, что предстоящее наделение землей будет незначительным; оно не превысит высшего размера надела 1861 г. Посников предостерегал деятелей земельных комитетов, чтобы они не давали «несбыточные обещания» и советовал направлять внимание крестьян на огромные пространства бесплодных земель, которые можно превратить в культурные земли. Создание в деревне «спокойной» атмосферы Посников считал главнейшей задачей земельных комитетов. Обращаясь к участникам учредительного собрания, он говорил: «Ваше особенное внимание сейчас будет обращено на вопрос о том, каким образом предупредить и прекратить... недопустимые захваты земли и проявления самоуправства»⁴⁷.

Лидер эсеров В. М. Чернов, ставший к тому времени министром земледелия Временного правительства, в характерной для него цветистой речи объявил земельные комитеты выразителями «народной демократической воли», придавшей «исконной стихийной» тяге крестьянства к земле законные формы.

Такая идеализация правительственных учреждений, созданных по закону, в котором допускался, по характеристике Ленина, «ряд возмутительнейших отступлений от демократизма»⁴⁸, была характерна для эсеров. Эсеры сразу признали закон от 21 апреля об организации земельных комитетов «удовлетворительным»⁴⁹, фактически отказываясь от создания действительно демократических организаций, избранных массой крестьянства, способных «правильно выражать волю крестьянства и проводить ее в жизнь»⁵⁰. Больше всего В. Чернов опасался, как это явствует из его речи, революционного переустройства земельных отношений⁵¹.

Классовая борьба вокруг аграрного вопроса сразу же наложила отчетливый отпечаток на всю деятельность Главного земельного комитета. Еще до учредительного собрания в его адрес поступало ежедневно до 100 телеграмм и заявлений с мест, отражавших требования и настроения различных социальных слоев деревни. В телеграммах помещиков выдвигалось требование твердой власти, охраны «законных интересов частного

⁴⁵ «Речь», 20 мая (2 июня) 1917 г.

⁴⁶ И. Степанов. Как народ возвратит себе землю и что сделает с нею? М., 1917, стр. 48.

⁴⁷ А. Посников. Задачи Главного земельного комитета. Речь, произнесенная при открытии комитета 19 мая 1917 г., стр. 649 (Оттиск).

⁴⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 430.

⁴⁹ С. Маслов. О пользовании землей до Учредительного собрания. Пг., 1917, стр. 13.

⁵⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 431.

⁵¹ «Известия Главного земельного комитета», 1917, № 1, стр. 11.

владения от насилия и разорения». Аналогичные телеграммы поступали от хуторян и отрубников.

В требованиях крестьян отражались особенности крестьянского движения первых недель после Февральской революции. Деревня еще верила Временному правительству и от него ждала решения земельного вопроса. Крестьяне просили инструкций и советов, хотели все решить «по совести и закону», просили не считать «удовлетворение земельной нужды... аграрным беспорядком».

Из всего потока телеграмм и сообщений товарищ министра земледелия кадет А. Г. Хрушев делал вывод о необходимости покончить с самоуправством крестьян, защитить частновладельческие хозяйства, которые находятся в тяжелом положении. Для этой цели он рекомендовал создать посреднические и примирительные камеры⁵².

Наиболее объективные представители местных органов управления приходили к выводу о необходимости национализации земли. Об этом, например, свидетельствовала телеграмма Симбирского губернского комиссара, в которой он делал вывод, что единственный выход из положения — признать «без малейшего промедления» все земли национальной собственностью⁵³.

На учредительном собрании Главного земельного комитета М. Е. Березин (трудовая группа) предложил для скорейшего успокоения крестьян объявить всю землю достоянием государства, не дожидаясь Учредительного собрания. Национализацию земли предлагал и меньшевик Н. А. Рожков, однако в его понимании национализация не исключала возможности вознаграждения землевладельцев. Рожков утверждал, что от полной безвозмездности перехода земли крестьянству придется отказаться ввиду огромной задолженности частновладельческих земель, игнорирование которой привело бы страну к страшному финансовому кризису⁵⁴. Против предложения о национализации земли сразу же выступил представитель Временного комитета Государственной думы, председатель прогрессивного блока С. И. Шидловский, которого поддержали министр продовольствия А. В. Пешехонов (энес) и кадет Н. Н. Черненко⁵⁵. Энес Н. П. Огановский также выступил против немедленного издания акта о национализации земли, считая его в данное время нецелесообразным⁵⁶.

Вопрос о национализации земли решался только классовой борьбой. Акт о национализации земли не мог стать мирной реформой, осуществленной Временным правительством⁵⁷. Это была, конечно, мелкобуржуазная иллюзия, но иллюзия, опасная для существовавшего режима. Иллюзией она была до тех пор, пока возлагались надежды на то, что национализацию земли осуществит буржуазное правительство. Но идею могли подхватить и начать проводить в жизнь крестьянские массы. Это для буржуазного режима в условиях 1917 г. грозило потрясениями.

Наиболее важным и острым моментом в работе учредительного собрания Главного земельного комитета явилась полемика представителя

⁵² Там же, стр. 15.

⁵³ Там же.

⁵⁴ А. Алавердова. Указ. соч., стр. 156—157.

⁵⁵ «Речь», 20 мая 1917 г.

⁵⁶ «Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов», 20 мая 1917 г.

⁵⁷ В своих воспоминаниях член исполкома Всероссийского Совета крестьянских депутатов эсер В. Гуревич признает, что «национализация частновладельческих земель в правительстве бы не прошла, тем более что такие мероприятия не были предусмотрены программой коалиционного правительства, но были заранее оговорены кадетами как не входящие в его компетенцию» (В. Гуревич. Всероссийский крестьянский съезд и первая коалиция.— «Летопись революции», 1923, кн. 1, стр. 192).

большевистской партии И. Т. Смилги с министром земледелия эсером В. М. Черновым. В этом, ставшем историческим, споре вождя «крестьянской» партии эсеров и члена ЦК РСДРП(б) столкнулись две точки зрения на разрешение аграрного вопроса — мелкобуржуазная и пролетарская.

В. И. Ленин, выступая с разъяснением аграрной программы большевиков на I Всероссийском съезде Советов крестьянских депутатов, отметил, что в Главном земельном комитете представитель большевистской партии внес «предложение о том, чтобы Главный земельный комитет высказался в пользу немедленного организованного захвата помещичьих земель крестьянством»⁵⁸.

«Надо сказать, что аграрное движение,— говорил И. Т. Смилга,— сейчас развивается стихийно, мы с этим движением считаемся как с фактом и пытаемся вносить туда максимум организованности, ставши все-таки на сторону одной из борющихся сторон. Земельный комитет должен высказаться принципиально в пользу предварительного захвата организованным способом помещичьих земель и установить необходимые мероприятия, чтобы провести это в жизнь... Только тогда мы станем во главе движения, а не окажемся сторонними зрителями всего происходящего»⁵⁹. «В революционное время ждать нельзя,— продолжал И. Т. Смилга, обращаясь к членам Главного земельного комитета.— Стихийный захват не нужен, но желателен организованный захват крестьянами помещичьих земель»⁶⁰. Для подтверждения того, что крестьяне уже начинают осуществлять организованный захват помещичьих имений, И. Т. Смилга сослался на пример аграрного движения в Шлиссельбургском уезде⁶¹.

В ответ снова взял слово Чернов. Он заявил, что вопрос о собственности на землю может решить только Учредительное собрание; Временное правительство или Главный земельный комитет должны заняться вопросом использования земли, организацией сельскохозяйственного производства на началах трудового хозяйства до Учредительного собрания. Возражая против призыва к организованному захвату крестьянами помещичьих земель, Чернов заявил, что захват противоречит всякой организации и может привести к общему развалу, что предложенная мера таит в себе максимальную опасность для дела революции⁶². Вслед за лидером эсеров выступил С. И. Шидловский, убеждавший собрание не передавать большевистское предложение в комиссию по выработке общей резолюции. Предложение И. Т. Смилги было отклонено⁶³.

20 мая 1917 г. учредительное собрание Главного земельного комитета приняло декларацию, в которой нашли отражение те же установки, которых придерживалось буржуазное Временное правительство в своей аграрной политике: аграрное преобразование должно быть проведено в виде реформы, самочинные действия населения рассматривались как потрясение основ государства. Под напором крестьянских масс, требовавших коренного переустройства земельных отношений,

⁵⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 32, стр. 168—169.

⁵⁹ Цит. по кн.: П. Н. Першин. Очерки земельной политики русской революции. М., 1918, стр. 96.

⁶⁰ «Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов», 20 мая 1917 г.

⁶¹ Очевидно, имелся в виду захват имения «Щеглово» со всем живым и мертвым инвентарем в апреле 1917 г. («Крестьянское движение в 1917 году». М.—Л., 1927, стр. 29; «Буржуазия и помещики в 1917 году. Частные совещания членов Государственной думы». М.—Л., 1932, стр. 52—53, 295).

⁶² «Речь», 20 мая 1917 г.

⁶³ «Буржуазия и помещики в 1917 году», стр. 53, 295.

Главный земельный комитет провозгласил целью предстоящей реформы передачу всех сельскохозяйственных земель «в пользование трудового земледельческого населения»⁶⁴. Однако тут же следовали оговорки в духе кадетской программы о том, что «правильное решение земельного вопроса возможно только в том случае, если в основу его будет положен общегосударственный план поземельного устройства, имеющий в виду интересы всего народа»⁶⁵.

В декларации всячески подчеркивались сложность и трудность разработки проекта аграрной реформы, необходимость длительного времени для его подготовки (сроки даже ориентировочно не назывались).

В специальном постановлении «Об аграрных волнениях» рекомендовалось ускорить организацию земельных комитетов с посредническими и примирительными камерами, посылать уполномоченных Главного земельного комитета на места крестьянских выступлений для успокоения и примирения. В качестве конкретных мероприятий намечалось издать положение об урегулировании арендных отношений, о пользовании лесами, сенокосами и т. п., а также о запрещении купли и продажи земли.

Учредительное собрание решило создать совет Главного земельного комитета — постоянно действующий орган для руководства работой земельных комитетов и подготовкой реформы в межсессионный период⁶⁶. На совет была возложена обязанность разработать и представить в Министерство земледелия проекты регулирования земельных отношений, всячески стимулировать скорейшую организацию местных земельных комитетов, а также разработать новое положение о порядке организации и деятельности местных комитетов.

Учредительное собрание Главного земельного комитета вынесло решение о передаче заведования земельными делами на местах земельным комитетам.

Передача заведования земельными делами в руки земельных комитетов в тех формах, как ее мыслилось осуществить, ни в малейшей степени не затрагивала отношений собственности. Как выразился С. И. Шидловский, «кому она (земля.— Н. Ф.) принадлежала, тому и принадлежит».

Предполагалось возложить на земельные комитеты задачи урегулирования арендных отношений, решение вопроса о хозяйственном использовании земель, которые не может обработать собственник земли, и т. п. Земельные комитеты должны были выступать в качестве «третейского учреждения» при устранении конфликтов между помещиками и крестьянами. Интересно отметить, что Шидловский — сам крупный помещик — приветствовал эту меру, так как она избавила бы «всякого хозяина от необходимости входить в непосредственное, личное, чрезвычайно иногда острое столкновение с другой заинтересованной стороной (крестья-

⁶⁴ Главный земельный комитет. «Труды комиссий по подготовке земельной реформы» (далее — «Труды комиссий...»), вып. I. Пг., 1917, стр. 3.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ В состав Временного совета Главного земельного комитета вошли председатель Главного земельного комитета А. С. Посников (прогрессист), товарищи председателя В. И. Анисимов (энес), С. Л. Маслов (эсер), министр земледелия В. М. Чернов (эсер), товарищи министра П. А. Вихляев (эсер), А. Г. Хрущев (кадет), Н. К. Волков (кадет), Н. В. Грудистов (партийность не установлена), управляющий делами Главного земельного комитета А. П. Левицкий (партийность не установлена), члены Главного земельного комитета М. Е. Березин (трудолик), Н. П. Огановский (энес), А. Н. Челинцев (организационно-производственная группа), Н. П. Макаров (организационно-производственная группа), Н. Н. Черненко (кадет), А. В. Пешехонов (энес), П. П. Маслов (меньшевик), В. И. Дзюбинский (трудолик), Н. Я. Быховский (эсер), Н. Н. Соколов (эсер), К. А. Матеевич (партийность не установлена), С. И. Шидловский (прогрессист), И. И. Фондаминский (эсер). — «Известия Главного земельного комитета», 1917, № 1, стр. 19.

янами.— Н. Ф.). Гораздо проще,— продолжал он,— предоставить все это земельному комитету, и с благословения его, с его авторитета вы сделаете то, о чем вы с ними договаривались»⁶⁷. Но события развивались не в том направлении, на какое рассчитывали деятели Главного земельного комитета.

Оценивая принятую Главным земельным комитетом резолюцию, В. И. Ленин отметил, что она целиком исходит из установок, данных еще министром земледелия Шингаревым о том, что решение земельного вопроса недопустимо без государственного плана. Главная мысль ее сводилась к тому, чтобы обвинить крестьян, выступавших за немедленную и бесплатную передачу земли народу, в самоуправстве, исходя из того, что только добровольное соглашение с землевладельцами законно, только оно будто бы соответствует общим государственным нуждам и интересам.

По этому поводу В. И. Ленин говорил на I Всероссийском съезде Советов крестьянских депутатов: «У нас с нашими противниками основное противоречие в понимании того, что есть порядок и что есть закон. До сих пор смотрели так, что порядок и закон — это то, что удобно помещикам и чиновникам, а мы утверждаем, что порядок и закон — есть то, что удобно большинству крестьянства. И пока нет Всероссийского Совета Советов, пока нет Учредительного собрания, до тех пор всякая власть на местах — уездные комитеты, губернские комитеты — это есть высший порядок и закон! Самоуправством мы называем то, что один помещик, на основании старых вековых прав, требует «добровольного» соглашения с тремястами крестьянских семей, которые имеют каждая на круг 7 с половиной десятин! Мы говорим: „пусть решения принимаются по большинству; мы хотим, чтобы сейчас, не теряя ни одного месяца, ни одной недели, ни одного дня, крестьяне получили помещичьи земли!“»⁶⁸.

Настроение большинства крестьян на съезде ярко выразил делегат от Сибирской группы Нестеров. Он говорил о том, что ждать с разрешением земельного вопроса до Учредительного собрания невозможно: «Как мы покажемся в деревнях без земли? Я... предложил бы собранию, чтобы обязательно передача земли состоялась без всякого промедления. Если мы создадим земельные комитеты, то мы должны обеспечить их землей. Что такое земельный комитет без земли? Это, товарищи, все равно, что штаб без армии»⁶⁹. Это заявление крестьянский съезд встретил рукоплесканием. По свидетельству эсера В. Гуревича, товарища председателя на съезде, эсеры неправильно учли как настроение самого съезда, так и всего крестьянства на местах. «Против зрелой и тщательной подготовки земельной реформы и организованного распределения земли в будущем крестьяне, действительно, ничего не имели, но это отнюдь еще не означало, что они были готовы просто пассивно ждать будущих благ. Крестьяне... опасались, что «господа» таки найдут способ в ожидании реформы обесценить свои имения, реализовав что только возможно, сняв с них сливки в свою пользу. Поэтому, не настаивая на немедленном распределении помещичьей земли, крестьяне энергично добивались ее отчуждения от помещиков, обращения в государственное достояние или хоть провозглашения этого формальным порядком»⁷⁰.

⁶⁷ «Буржуазия и помещики в 1917 году», стр. 54.

⁶⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 32, стр. 174.

⁶⁹ Цит. по ст.: А. Шестаков. Крестьянские организации и I Всероссийский съезд Советов крестьянских депутатов.— «Пролетарская революция», 1927, № 5 (64), стр. 96.

⁷⁰ В. Гуревич. Указ. соч., стр. 192.

В связи с настроениями крестьян, выявившимися на съезде, и под влиянием выступления В. И. Ленина эсерам пришлось пойти на определенные уступки. Эсеры нашли компромиссное решение, придумали «каучуковую формулу», которая примирила всех. Было решено передать всю землю, не только помещичью, но и крестьянскую, в ведение и на учет земельным комитетам. «Изъятие из владения в виде общей меры это не предполагало. Имелся в виду лишь контроль хозяйства с устранением действий разорительных и обесценивающих и регулирование земельных отношений»⁷¹. Такова вкратце история появления аграрной резолюции I Всероссийского съезда Советов крестьянских депутатов, принятой 25 мая 1917 г. Согласно этой резолюции все земли переходили в ведение земельных комитетов, которые получали право «определения порядка обработки, обсеменения, уборки полей, укоса лугов и т. д.»; земельные комитеты должны были осуществлять контроль за сбором сена, зерна, хранением хлебов, уловом рыбы, заготовкой дров, использованием рабочих рук, сельскохозяйственных машин и орудий, устанавливать арендные цены и порядок внесения арендных платежей.

В резолюции отмечалась и необходимость проведения в жизнь «запрета купли, продажи, дарения, перехода по завещанию и залога земли до Учредительного собрания»⁷².

Это предполагало некоторое ограничение помещичьей частной собственности на землю и передачу контроля за использованием земли земельным комитетам.

Проводя эту резолюцию, эсеры пытались предотвратить «самочинные» действия крестьянских масс, захват помещичьей земли. Недаром в резолюции подчеркивалась необходимость обеспечить «безболезненное подготовление и осуществление земельной реформы без явочных и захватных действий, способных затруднить и осложнить междуособиями и неправомерными поступками дело реформы». Однако объективно постановления I Всероссийского съезда Советов крестьянских депутатов, а также решения губернских крестьянских съездов имели большое значение для развития крестьянского движения⁷³. Аграрная резолюция съезда стала фактически руководством к действию для многих местных земельных комитетов⁷⁴, о чем свидетельствовала 2-я сессия Главного земельного комитета, собравшаяся в начале июля 1917 г.

Своеобразной генеральной репетицией перед началом работ комиссий Главного земельного комитета явился II Всероссийский съезд Лиги аграрных реформ в июне 1917 г.⁷⁵

⁷¹ Там, же, стр. 194.

⁷² «Известия Всероссийского Совета крестьянских депутатов», 26 мая 1917 г. Крестьянские съезды в Казанской, Пензенской и других губерниях еще до I Всероссийского съезда Советов крестьянских депутатов постановили передать всю землю в ведение волостных земельных комитетов, отменить арендную плату, конфисковать помещичий инвентарь. По сравнению с ними аграрная резолюция съезда была шагом назад. Однако она, хотя и в непоследовательной форме, все же отразила требования крестьянских масс.

⁷³ П. Н. Першин. Аграрная революция в России, т. I, стр. 358—359; О. Н. Моисеев в. Указ. соч., стр. 62, 70—75, 114—115.

⁷⁴ «Резолюции съезда о земле,— писал впоследствии В. Гуревич,— все-таки во многих местах приняты как руководящие директивы... То недоразумение, которого мы опасались, в действительности оказалось еще более опасным, чем мы ждали... Необходимы были быстрые мероприятия по урегулированию земельных отношений в переходный период до открытия Учредительного собрания. К сожалению, мероприятий этих мы от правительства так и не дождались» (В. Гуревич. Указ. соч., стр. 196).

⁷⁵ Учредительный съезд Лиги аграрных реформ состоялся в апреле 1917 г. На нем рассматривались преимущественно организационные вопросы.

Центральным вопросом дискуссии⁷⁶ на этом съезде можно считать серию докладов, посвященных сущности и способам решения аграрного вопроса. Здесь произошло прямое столкновение между аграрными проектами эсеров и энесов, с одной стороны, и аграрной программой кадетов, с другой. Рабочий класс и его партия не принимали участия в работе Лиги. Открывая сессию, А. С. Посников снова подчеркнул мысль об объединении различных течений в аграрном вопросе, непосредственно связывая работу Лиги с задачами Главного земельного комитета. На сессии были обсуждены доклады о сущности аграрного вопроса представителей различных направлений и партий мелкой и крупной буржуазии: эсеров, энесов, экономистов организационно-производственной школы, кадетов.

В докладе видного теоретика эсеровской партии Н. Я. Быховского было отмечено, что хотя все политические партии признают, что земля должна принадлежать тому, кто ее возделывает, и наступил момент коренного решения земельной проблемы, тем не менее существуют серьезные разногласия о путях разрешения аграрного вопроса. Расхождения касались вопроса о том, «на каких основаниях» земля должна перейти к земледельцу и должны ли при этом изменяться правовые основы земельных отношений⁷⁶, т. е. вопроса о выкупе и форме собственности на землю. Н. Я. Быховский повторил старые народнические идеи о том, что земля есть дар природы и не может быть поэтому объектом индивидуальной частной собственности, о необходимости социализации земли и «всеобщего земельного поравнения», которое несет с собой действительное и окончательное раскрепощение земли и земледельцев от вековых оков⁷⁷.

В мелкобуржуазной утопии о создании «всеобщего равенства» и «храма высшей земельной справедливости» (при полном непонимании действительных путей его осуществления) скрывалось реальное антикрепостническое содержание. Но практическая программа и действия эсеров все больше противоречили их прежним теоретическим установкам.

Представитель энесов В. И. Анисимов в своем докладе не согласился с выводом Н. Я. Быховского о том, что крестьянство выступает за обобществление всей земли. По его мнению, «взгляд на землю, как на частную собственность укрепился и пустил глубокие корни среди крестьян» и поэтому «посягать» на мелкую собственность не следует⁷⁸. Он высказался за то, чтобы крупное частное владение (т. е. помещичьи земли) путем принудительного отчуждения было обращено в национальный земельный фонд; земля в пределах трудовой нормы должна остаться в частной собственности крестьян. Национализированный земельный фонд он предлагал использовать не для «дополнительного наделения», а создать из него своеобразный арендный фонд для предоставления этой земли во временное пользование отдельным хозяйствам или земледельческим товариществам. Другой представитель энесов, А. Н. Минин, входивший в организационно-производственную школу, занял еще более правую позицию. На словах он выступил за национализацию земли, за «уничтожение частной собственности на землю, переход всей земли в распоряжение государства»⁷⁹. Но под национализацией земли Минин понимал предоставление государству прав на широ-

⁷⁶ «Труды II Всероссийского съезда Лиги аграрных реформ», вып. I. М., 1918. стр. 7.

⁷⁷ Там же, стр. 15, 23.

⁷⁸ Там же.

⁷⁹ Там же, стр. 34.

кое вмешательство в хозяйственный процесс: обложение земель налогом, регулирование систем и форм землепользования, земельных границ при мелиорации и землеустройстве, земельного оборота. Фактически Минин выступил за сохранение частной собственности на землю при некотором ограничении прав собственника.

Программа энесов ориентировалась на зажиточные крестьянские верхи и была направлена против коренной ломки сложившихся экономических отношений в крестьянстве. Во взглядах Анисимова и Минина выражена позиция сельского буржуа, который, по выражению К. Маркса, уже «территоризировался», устроился на земле и хочет сохранить свой способ хозяйствования.

Буржуазный экономист Б. Д. Бруцкус отверг подход к решению аграрного вопроса с позиций представителей эсеровской и энесовской партий. Он напомнил собранию, что Россия — капиталистическая страна, поэтому «развитие... промышленности и развитие народного хозяйства сейчас вне капитализма немыслимы». На основе этих посылок формулировался вывод, что решать аграрный вопрос необходимо в рамках капиталистического хозяйства⁸⁰. Иными словами, аграрный вопрос должен был рассматриваться не как самодовлеющий, а с точки зрения создания наиболее благоприятных условий для дальнейшего поступательного развития капитализма в России. Отсюда следовало, что сам процесс принудительного отчуждения земельной собственности должен быть согласован с условиями капиталистического хозяйства⁸¹. В понимании Бруцкуса это означало, что частная собственность на землю должна сохраниться, а за отчуждаемую помещицью земельную собственность крестьяне обязаны заплатить выкуп.

Доклад Бруцкуса отражал в целом позицию крупной буржуазии, которая в условиях обострения классово-политической борьбы вынуждена была частично пожертвовать собственностью своего союзника — помещика, но выступала против национализации земли, так как это затрагивало экономические основы ее способа производства в целом, революционизировало трудящиеся массы.

От кадетской партии выступал Н. Н. Черненко — один из авторов ее аграрной программы и докладчик по аграрному вопросу на VIII съезде кадетской партии. Заявив, что земельная реформа может быть только делом общепартийным, результатом совместных усилий и совместной работы, он фактически предлагал народническим партиям идти на дальнейшие уступки. Черненко решительно выступал против «полного земельного переустройства», предлагал «отвлечься от теоретических разногласий», не пытаясь решить земельный вопрос одним ударом и ограничить объем реформы⁸². Он выступал против требования эсеров и энесов об изъятии земельной ренты и обращения ее на государственные общественные нужды; изъятие земельной ренты он изображал как изъятие в хозяйствах той части дохода, которая превышает доход с худших земель, утверждая, что таким путем «мы неизбежно приходим к предположению равенства чуть ли не по самододам». Формально выступая за государственное регулирование земельных отношений, Черненко был против того, чтобы государство обладало «распорядительными» или «заведовательными» функциями по отношению к землям сельскохозяйственного пользования, т. е. являлось бы верховным собственником земли в стране⁸³.

⁸⁰ Там же, стр. 40.

⁸¹ Там же.

⁸² Там же, стр. 49.

⁸³ Там же, стр. 51.

Отвергнув национализацию земли, реальное содержание которой состоит в передаче земельной ренты государству и наличии у государства по отношению к земле «распорядительных» функций, Черненко заявил, что земля сельскохозяйственного назначения, за исключением лесов, недр и вод, «состоит и будет состоять в фактическом обладании земледельческого населения...»⁸⁴

Важно отметить, что доклад А. Н. Минина произвел на кадетского теоретика «очень утешительное» впечатление, поскольку идея национализации земли сводилась в этом докладе к признанию столь широко понимаемого вмешательства государства в земельные отношения. Решительно возражал Черненко против предложений Быховского об общем переделе земли и системе обложения земельных излишков. Однако поскольку в докладе последнего признавалась возможность не только общинного, но и подворного владения, постольку он усматривал в этом «шаг к сближению». Доклады Минина и Быховского показали, по его мнению, что не так уж трудно найти общее среди, казалось бы, противоположных течений⁸⁵.

Деятели буржуазного лагеря с удовлетворением отмечали, что эсеры уже не предполагают распространить общинные порядки повсюду, и, как выразился член распорядительного комитета Лиги аграрных реформ К. Мацеевич, под социализацией земли он подписывается обеими руками, если община останется только там, где она может существовать.

Учитывая неустойчивость позиции эсеров, их постоянные колебания, все возраставшее различие между революционными лозунгами и соглашательской практикой, Бруцкус, Черненко и другие буржуазные политики и теоретики требовали от них все больших и больших уступок, все сильнее «урезывали» их лозунги и призывы. Обращаясь к эсерам, Бруцкус говорил: «Что же вы... конкретно предлагаете? Вы говорите, что заберете землю в государственную собственность. Но когда с вами подробнее поговоришь, вы соглашаетесь не трогать всего трудового фонда. Вы сначала говорите — нужно всеобщее равенство земли, — это как будто страшно. Вас остается просить пожаловать на казачий съезд и предложить ему проект всеобщего поравнения земли. Но перед ним вы смягчаете свои лозунги»⁸⁶. Аграрные программы эсеров и энесов Б. Д. Бруцкус характеризовал как программы-максимум, до осуществления которых далеко. Программы народнических партий он решительно отвергал, предлагая в данный момент идти по линии выработки общих практических требований.

Безусловно, самым опасным лозунгом с точки зрения буржуазии было требование отмены частной собственности на землю; поэтому буржуазные деятели решительно выступили даже против частичной национализации земли, предложенной В. И. Анисимовым. Они извращали идею национализации земли, изображая ее как подчинение всего земледельческого устройства чиновничьей власти.

Против национализации земли выступили также экономисты организационно-производственной группы (А. В. Чайнов, А. Н. Челинцев, Н. П. Макаров, А. А. Рыбников). Все они поддерживали идею государственного регулирования земельной собственности, выдвинутую Минным. Челинцев определял национализацию как ограничение собственности, когда земля из национального фонда передается общине, но не становится собственностью данной общины, а приписывается к ней в качестве земельного фонда для последующего наделения⁸⁷. Рыбников

⁸⁴ «Труды II Всероссийского съезда Лиги аграрных реформ», вып. I, стр. 51

⁸⁵ Там же, стр. 70.

⁸⁶ Там же, стр. 73.

⁸⁷ Там же, стр. 83.

считал, что отменять огульно право частной собственности на землю «неосторожно и необдуманно»; крестьяне должны быть частными собственниками своих земель. В отношении помещичьих земель, принудительно отчужденных во время реформы, он не исключал возможности сдавать их в аренду. В качестве аргумента против всеобщей национализации земель он указывал на противодействие реформе двух миллионов горожан⁸⁸, являющихся собственниками городских земель. Чайнов признавал, что социализация и национализация земли есть конечный итог, тот земельный режим, к которому страна перейдет в будущем, но ближайшим шагом развития народнохозяйственной жизни он объявлял государственную «нормировку» земельных отношений. Он призывал всех не спорить об отдаленных перспективах, а заниматься тем, «что нужно делать завтра». Единственно реальными мероприятиями земельной реформы он считал изъятие земли из торгового оборота, регулирование перехода земли из рук в руки через местные земельные комитеты, введение прогрессивного дифференциального налога. Крупные хозяйства подлежали принудительному отчуждению, леса и специальные виды хозяйств (племенные, селекционные, технические и пр.) национализировались. Государство должно проводить мелиорационные и землеустроительные мероприятия, организовать переселенческий фонд и проводить в жизнь аграрную политику, облегчающую развитие трудового хозяйства⁸⁹. Только эти мероприятия Чайнов считал реальными.

Позицию экономистов организационно-производственного направления можно рассматривать как образование своеобразного компромиссного течения, пытавшегося примирить буржуазную и народническую постановки аграрного вопроса. Объективная роль этой группы экономистов сводилась к тому, чтобы максимально «демократизировать» буржуазные установки в земельном вопросе и воздействовать на народнические партии. Во взглядах отдельных представителей эсеровской партии, в первую очередь ее лидеров, происходили существенные изменения, и они сближались по своим теоретическим воззрениям с народными социалистами и даже с представителями организационно-производственной школы. Так, эсер Н. Д. Кондратьев заявил, что он целиком разделяет взгляды Минина, выступившего в защиту идеи регулирования земельной собственности⁹⁰.

В связи с этим заявлением Кондратьева Чайнов сказал, что вся «беда в том, что с.р. Н. Д. Кондратьев говорит одно», а в провинции рядовые члены эсеровской партии говорят совершенно другое. «Если ответственные лидеры партии здесь выдвигают новые позиции, то они должны сделать, чтобы и на местах агитаторы эсеровской партии говорили то же самое». Одновременно он выразил надежду, что в Учредительном собрании «нам придется иметь дело с Н. Д. Кондратьевым и другими научными величинами партии, между которыми разница у нас невелика»⁹¹.

⁸⁸ Там же, стр. 94—95.

⁸⁹ Там же, стр. 96—97.

⁹⁰ Там же, стр. 80.

⁹¹ Там же, стр. 88. А. В. Чайнов в своем выступлении отметил то реальное расхождение во взглядах, которое существовало между руководством и рядовыми деятелями партии эсеров в 1917 г. Правильную оценку этому явлению давал Я. А. Яковлев: «Внизу, в лице своих низовых звеньев, партия эсеров была вынуждена перед крестьянами выступать в качестве партии аграрного движения (правда, использующей свою силу для того, чтобы вложить это движение в рамки легальных и полуполигальных форм). В своих верхних звеньях в лице своего центрального комитета, в лице правительства, во главе которого стоял эсер Керенский, эсеровская партия стала партией беспощадной расправы с аграрным движением» (Я. А. Яковлев. Указ. соч., стр. 85).

Представители эсеровской партии, выступавшие в прениях, продолжали настаивать на том, что основой аграрной реформы должно быть уничтожение частной собственности на землю. А. Герн обосновывал это требование необходимостью для сельскохозяйственного прогресса «освободить крестьянам право доступа к земле». Однако при этом он был против социализации в обычном эсеровском понимании. Он определял социализацию как децентрализованную национализацию, отличающуюся от централизованной государственной национализации земли тем, что она не дает классовому государству могучего орудия для выкачивания средств из населения. Термин «социализация» земли он считал неудачным, так как это связывало земельное преобразование с социализмом. Фактически Герн выступал за свободное от крепостнических пережитков развитие капитализма в земледелии. Его позиция интересна тем, что он почти освободился от народнической фразеологии, не связывал идею социализации земли с общинными обычаями, уравнительным распределением земли и решительно отмежевывался от социализма. В связи с выступлением Герна Чайнов заявил: «Если А. Н. Герн и Н. Д. Кондратьев — «социалисты-революционеры», в таком случае я уже... давно с-р, но обычно с понятием с-р связывают... то, что мы слышали от Н. Я. Быховского»⁹².

Некоторые лидеры эсеровской партии на словах продолжали повторять прежнюю аграрную программу.

Специально останавливаясь «на коренном различии» эсеровской программы социализации земли и буржуазной аграрной программы, правый эсер С. Л. Маслов подчеркивал, что социализация земли не исчерпывается уничтожением власти юнкерства и простым разделением крупного помещичьего землевладения. «Основным элементом социализации земли является,— по мнению С. Л. Маслова,— уничтожение частной собственности и освобождение земли из товарного оборота... Вторым ее признаком является установление общественного обладания землей... Третий признак...—земля поступает в пользование хозяйств трудового типа»⁹³.

Основной задачей земельной реформы С. Л. Маслов считал «устранение кабальных отношений в области землепользования», коренное изменение существующих отношений землевладения, которые отнимают у крестьянского хозяйства в виде аренды те средства, которые необходимы для его улучшения и усовершенствования⁹⁴. В связи с таким определением задач аграрной реформы он заявил, что никакие частичные решения этого вопроса, на которых настаивали буржуазные деятели, недостаточны, что необходима постановка аграрного вопроса в целом.

Однако масловская «оппозиция» была чисто словесной. Механически повторяя старые формулы, С. Л. Маслов не предлагал каких-либо конкретных мер проведения аграрной реформы. Вместе со всеми буржуазными и мелкобуржуазными идеологами он твердил о «нецелесообразности» попыток крестьян осуществить свое право на землю самочинным захватом помещичьих земель.

Характеризуя эту позицию, В. И. Ленин писал: «...от сути дела, от вопроса о помещичьих землях, С. Маслов отводит внимание крестьян в сторону»⁹⁵. Практическая деятельность Маслова, сменившего Чернова

⁹² «Труды II Всероссийского съезда Лиги аграрных реформ», вып. 1, стр. 87.

⁹³ Там же, стр. 79.

⁹⁴ Там же, стр. 78.

⁹⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 32, стр. 133.

на посту министра земледелия, доказала его отказ от проведения программы социализации земли.

Наиболее важным итогом II съезда Лиги аграрных реформ были со всей очевидностью выявившиеся разброд и шатания в эсеровской партии. Стало ясно, что значительная часть эсеровских лидеров и теоретиков целиком переходит на позиции буржуазии в решении главнейшего вопроса для партии, именовавшей себя «крестьянской» — в решении аграрного вопроса. Соглашательство с буржуазией уже привело их к отказу от революционной буржуазно-демократической программы, к отказу от собственных лозунгов и призывов. На этом съезде лидеры эсеров сделали крупный шаг навстречу политическому краху своей партии. Сумятица в стане эсеровских лидеров, их отход на позиции буржуазии и отказ от революционных средств решения аграрного вопроса закономерно сказались на дальнейшем направлении работ Главного земельного комитета.

К июлю 1917 г. крестьянское движение достигло значительного размаха. На смену отдельным стихийным выступлениям пришло массовое крестьянское движение. Отличительной чертой его является организованный характер борьбы за землю. На 100 стихийных крестьянских выступлений в июле 1917 г. приходилось 120 организованных вместо 86 — в июне, 67 — в мае, 33 — в апреле и 6 — в марте⁹⁶. Аграрное движение возглавлялось крестьянскими Советами, местными земельными комитетами и другими выборными крестьянскими организациями, которые возникли к этому времени почти повсеместно.

Временное правительство оказалось бессильным бороться против этих новых, невиданных форм крестьянского движения. Это весьма наглядно проявилось в работе 2-й сессии Главного земельного комитета (1—6 июля 1917 г.)⁹⁷.

Открывая сессию, А. С. Посников усиленно подчеркивал, что проведение земельной реформы должно внести как можно меньше «болезненности» и «бесцельной ломки». Он снова, как и на 1-й сессии, твердил про «хаос... в некоторых местах», который делает невозможным «правильное проведение аграрной реформы»; вновь подтвердил, что остается сторонником выкупа земли у старых владельцев⁹⁸.

Снова вслед за А. С. Посниковым выступил министр земледелия В. М. Чернов. Причина крестьянского движения, по его мнению, заключалась в том, что аграрное законодательство отстает от жизни. Из всех мелких аграрных законопроектов, внесенных во Временное правительство, были приняты законопроект о прекращении деятельности землеустроительных комиссий, о племенном скоте и частично закон об урегулировании рыболовства. Все остальные законопроекты, из которых главными Чернов считал проект правил об урегулировании земельных отношений⁹⁹ (т. е. о передаче земли в ведение земельных комитетов при сохранении частной собственности за помещиками), о запрещении

⁹⁶ А. Я. Яковлев. Указ. соч., стр. 85.

⁹⁷ В заседаниях 2-й сессии Главного земельного комитета приняли участие помимо его членов представители Всероссийского Совета крестьянских депутатов, Всероссийского Совета рабочих и солдатских депутатов, представители партий эсеров, энесов, РСДРП(б), «народной свободы», националистов; представители Временного комитета Государственной думы, Вольно-экономического общества, Московского общества сельского хозяйства, Киевского и Одесского обществ сельского хозяйства, Общества им. А. И. Чупрова, представители губернских земельных комитетов и представители ведомств. Был также представлен Совет Союза казачьих войск и Кубанское казачье войско («Известия Главного земельного комитета», 1917, № 2—3, стр. 10—11).

⁹⁸ «Труды 2-й сессии Главного земельного комитета». Заседания 1—2 июля 1917 г. Пг., 1917, стр. 1—5.

⁹⁹ П. Н. Першин. Аграрная революция в России, т. I, стр. 300—301.

земельных сделок и о мерах по упорядочению будущего сбора урожая, не были рассмотрены Временным правительством. Он предлагал принять «самую энергичную резолюцию», настаивающую на скорейшем принятии этих законов, поскольку во Временном правительстве нет «единогласия» по отношению к этим законам. «Должны быть сделаны... чрезвычайные усилия» для ускорения движения аграрного законодательства, восклицал В. Чернов. Одновременно он выражал удовлетворение тем, что «крестьянство, русская деревня, обнаружили громадную политическую устойчивость и уравновешенность... несмотря на... вечное запаздывание законодательства». Под давлением низов он был вынужден заговорить о необходимости изменения организации и прав земельных комитетов¹⁰⁰.

Выступивший вслед за Черновым председатель Нижегородского земельного комитета К. И. Цыпленков сказал: «Люди устали... ждать и требуют новой жизни... И если Виктору Михайловичу... нужна наша поддержка... крестьяне Нижегородской губернии окажут ему поддержку включительно до чего угодно»¹⁰¹. Но так называемая крестьянская партия эсеров и «селянский» министр Чернов больше всего боялись именно открытого выступления крестьянских масс, предпочитали ему соглашательство с буржуазией.

В. И. Ленин, высмеивая «кипучую» деятельность эсеровского министра по разработке законопроектов, писал, что Чернов поступает не как революционный демократ, который должен разоблачать действия помещиков перед народом и звать народ к борьбе за свои права, а ведет себя, как либеральный чиновник, боящийся народа¹⁰². Крестьяне еще верили эсерам, однако революция с каждым днем все более рассеивала иллюзии о возможности мирной передачи земли крестьянам путем реформы. С каждым днем становилось яснее, что в союзе с буржуазией, не затрагивая основ буржуазных отношений, с помещичьей земельной собственностью покончить невозможно.

Обсуждение, развернувшееся на 2-й сессии Главного земельного комитета, показало, что деятельность земельных комитетов под давлением крестьянства шла на других основаниях, чем это было предписано постановлением Временного правительства от 21 апреля. Волостные земельные комитеты организовывались повсеместно¹⁰³. Главный земельный комитет был вынужден «под влиянием многочисленных требований с мест» и согласно представлению Совета крестьянских депутатов признать необходимым «изменить постановление Временного правительства» и рекомендовать «повсеместную» и «обязательную» организацию волостных земельных комитетов. Явочным путем в составы местных комитетов вводили представителей Советов крестьянских депутатов. Даже совет Главного земельного комитета столкнулся с необходимостью привлечь к своей работе 12 представителей исполкома Всероссийского Совета крестьянских депутатов, ибо сразу после 1-й сессии Главного земельного комитета стало ясно, что успешность работ Главного комитета и земельных комитетов «возможна только в том случае, если им удастся найти общий язык и общую линию... с современными, пользую-

¹⁰⁰ «Труды 2-й сессии Главного земельного комитета». Заседания 1—2 июля 1917 г., стр. 1—13.

¹⁰¹ Там же, стр. 14.

¹⁰² См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 32, стр. 387—389.

¹⁰³ Волостные земельные комитеты были крестьянскими по своему составу и сыграли значительную роль в борьбе за землю (П. Н. Першин. Аграрная революция в России, т. I, стр. 348—377; О. Н. Моисеева. Указ. соч., стр. 60, 77, 78, 83, 99, 151—152).

щимися влиянием на местах революционными крестьянскими организациями»¹⁰⁴.

Представители губернских земельных комитетов открыто признавали, что без поддержки Советов их деятельность на местах не будет иметь успеха. И. Ф. Омельченко назвал закон от 21 апреля однобоким, так как в земельных комитетах недостаточно представлено крестьянство, и сообщил, что в Харьковский губернский земельный комитет ввели шесть представителей от Совета солдатских, рабочих и крестьянских депутатов. «Мы представителей Совета крестьянских депутатов... не откинем,— говорил он,— т. к. иначе... не будем в состоянии работать»¹⁰⁵. Таковую же позицию занял Полтавский губернский земельный комитет.

Сама жизнь, обострившиеся аграрные противоречия в деревне заставляли земельные комитеты идти вразрез с действующими законами: ограничивать права помещиков, самостоятельно начинать перестройку земельных отношений.

В Нижегородской губернии вся земля перешла в ведение губернского земельного комитета. В Пензенской губернии, которую кадетская пресса называла «Кроуштадт на суше», губернский Совет крестьянских депутатов, которым руководили большевики, постановил, что все земли — монастырские, помещичьи, городов, крестьян, удельные и кабинетские — берутся волостными комитетами на учет и распределяются среди местного населения по трудовой и потребительской норме¹⁰⁶.

«Теперь при встрече с помещиком крестьяне шапки не снимают,— говорил председатель пензенского губернского земельного комитета Трушин,— крестьянин не говорит: „Ради бога, Иван Петрович, семья умирает с голоду, дайте пол-десятины“. Теперь крестьяне говорят: „Вы сколько можете обработать по вашим расчетам, принимая во внимание количество семьи? Мы Вам предлагаем прийти на наш сход и распределить всю эту землю, имеющуюся у Вас, как собственность“»

Пензенские помещики буквально завалили прошениями и телеграммами местную и центральную власть, князь Львов требовал немедленно принять меры к восстановлению старых порядков. Но «можно ли принять меры против двух миллионов крестьян, которые распределили землю и которую князь хочет теперь обратно взять у крестьян?» — спрашивал Трушин участников 2-й сессии Главного земельного комитета¹⁰⁷.

О движении крестьян против помещичьей земельной собственности говорил и представитель Могилевской губернии: «Наша Могилевская губерния в один голос заявила: „Ждать того времени, с пустыми желудками, когда Учредительное собрание скажет свое слово, мы не можем. В стране происходит истинно живая революция, с которой приходится считаться всем...“», проявляются действия творческих революционных сил, о которых так трагически кричат «Министры-князя и князя-комиссары». Не получив никаких указаний сверху, местные земельные комитеты Могилевской губернии взяли на учет весь скот и имущество

¹⁰⁴ «Труды 2-й сессии Главного земельного комитета». Заседания 1—2 июля 1917 г., стр. 12. В дальнейшей работе комитета из членов исполкома Всероссийского Совета крестьянских депутатов принимали участие Г. К. Покровский, К. Ф. Васильев, Г. Г. Прокофьев, П. М. Кочетов, С. Ф. Рыбин, А. Г. Иващенко, А. Г. Овчаренко, Ф. А. Стадников, А. П. Кириченко, Р. С. Ильин, В. Е. Зенкин, И. И. Суков («Известия Главного земельного комитета», 1917, № 1, стр. 23).

¹⁰⁵ «Труды 2-й сессии Главного земельного комитета». Заседание 1—2 июля 1917 г., стр. 101—102.

¹⁰⁶ Подробнее см.: О. Н. Моисеева. Указ. соч., стр. 63—64, 75.

¹⁰⁷ «Труды 2-й сессии Главного земельного комитета». Заседания 1—2 июля 1917 г., стр. 37.

помещиков; на угрозы помещиков крестьяне отвечали, что «всю Россию под суд отдать трудно»¹⁰⁸.

В отдельных местностях отменялась исполщина, отменялись отработки и другие обязательства, носившие кабальный характер.

Волостные земельные комитеты регулировали арендные отношения, расторгали старые договоры, устанавливали арендные цены на землю. Многие комитеты постановили арендную плату вносить не помещикам, а непосредственно в Государственное казначейство или на депозит земельных комитетов, несмотря на то, что по закону Временного правительства от 11 апреля 1917 г. «Об охране посевов» арендная плата должна была вноситься помещикам. Волостные земельные комитеты запрещали рубить лес, распределяли покосы, регулировали заработную плату сельскохозяйственным рабочим. Но все эти мероприятия, которые проводили отдельные земельные комитеты, пытавшиеся отстаивать интересы крестьянства, не могли решить основного противоречия деревни — между монополией помещичьей земельной собственности и крестьянским малоземельем. Суммируя все те мероприятия, которые осуществляли земельные комитеты, все представители губернских земельных комитетов в один голос требовали, чтобы функции распоряжения землей, урегулирования земельных отношений были переданы в руки местных земельных комитетов. Только таким путем, думали они, возможно предотвратить анархию и довести страну до Учредительного собрания.

Представители местных земельных комитетов требовали предоставить им необходимые полномочия для решения земельных нужд. «Фактически у нас нет никакой власти, кроме власти моральной», — так определил положение представитель костромского губернского земельного комитета¹⁰⁹. Все, что предпринимали местные земельные комитеты, шло вразрез с действующими законами, за что Временное правительство угрожало отдать под суд. «По распоряжениям министра внутренних дел, может быть, придется идти под суд многим земельным комитетам», — говорил представитель Новгородского губернского земельного комитета И. С. Кудрявцев, — потому что пришлось нарушить арендные договоры, взять под опеку земельные участки и приступить к обработке их силами земельного комитета... нарушить право собственности. Но мы иначе сделать не могли, чтобы не потерять авторитета комитета».

Выступавшие отмечали, что все еще остаются неизвестными основы предстоящей аграрной реформы, требовали в экстренном порядке издать основные положения готовящейся реформы «с постановкой всех точек над „i“», главным образом об условиях наделения крестьян землей с выкупом или без выкупа».

Заявления председателя Главного земельного комитета Посникова о необходимости платить выкуп за землю находились в полном противоречии с законными крестьянскими требованиями безвозмездной конфискации помещичьей земельной собственности. «О выкупе и говорить нельзя, — подчеркивал представитель Донской области С. П. Швецов. — Кто не хочет оторваться от крестьянской массы..., тот не станет об этом крестьянам говорить».

Все труднее становилось оттягивать окончательное решение земельного вопроса до созыва Учредительного собрания. В ответ на угрозы крестьяне Витебской губернии заявляли: «Да ведь масса вопросов уже

¹⁰⁸ «Труды 2-й сессии Главного земельного комитета». Заседания 1—2 июля 1917 г., стр. 44—49.

¹⁰⁹ Там же, стр. 34.

разрешена без Учредительных собраний. Сам Николай свергнут, образ правления определен... а тут о земле вопроса не хотят решить»¹¹⁰.

Никакие частичные законопроекты не могли решить аграрную проблему. Убийственную оценку проекту правил об упорядочении земельных отношений, на который такие надежды возлагал «крестьянский министр» Чернов, дал в своем выступлении председатель Пензенского губернского земельного комитета П. А. Трушин. «Это не закон, а просто путаница для нас на местах... закон ни к черту не годен, поэтому его нужно взять обратно и пересмотреть»¹¹¹.

На защиту престижа министра земледелия и всей его безнадежной политики встал товарищ министра земледелия Н. И. Ракитников. Он признал, что закон несовершенен, но объяснял это противоречиями в правительстве, необходимостью уступок буржуазии. Ракитников сожалел, что в правительстве всего 6 «социалистов», а вот если бы их было 16, то можно было дать более совершенный закон.

Эсеры сознательно шли на уступки буржуазным партиям, оставив за ними ведущую роль в Главном земельном комитете. Представители Совета крестьянских депутатов потребовали увеличить представительство от крестьян и установить выборность всех членов совета Главного земельного комитета. Но Н. Я. Быховский уговаривал не настаивать на этих предложениях, так как уход «крупных ученых сил», из комитета мог бы тяжело отозваться на его дальнейшей работе¹¹². Когда все же 2-я сессия Главного земельного комитета приняла резолюцию о пересмотре постановления Временного правительства о составе комитета, Кауфман, Анисимов, Черненко и ряд других деятелей буржуазной ориентации заявили, что они слагают свои полномочия и выходят из состава Главного земельного комитета¹¹³.

Главный земельный комитет выразил доверие этим членам и просил их продолжать начатую работу. И, как с удовлетворением отмечал Н. Я. Быховский, «опасения, что левая часть (стоявшая на точке зрения партии эсеров) избавится от инакомыслящих, не оправдались. Виднейшие исследователи в области аграрной проблемы были избраны в Совет... левым большинством, несмотря на их несоциалистическую позицию»¹¹⁴.

Постановления 2-й сессии Главного земельного комитета рекомендовали Временному правительству издать распоряжение о передаче всех земель в ведение земельных комитетов, расширить права земельных комитетов¹¹⁵. Совету комитета поручалось разработать основные положения предстоящей земельной реформы к следующей сессии.

Закон о передаче земель в ведение земельных комитетов так и не появился. Временное правительство пошло лишь на частичное ограничение земельных сделок (постановление от 12 июля)¹¹⁶, хотя крестьянство

¹¹⁰ Там же, стр. 112.

¹¹¹ Там же, стр. 145—146.

¹¹² «Дело народа», 7 июля 1917 г.

¹¹³ «Речь», 7 июля 1917 г.

¹¹⁴ Н. Быховский. Итоги 2-й сессии Главного земельного комитета.— «Дело народа», 19 июля 1917 г.

¹¹⁵ Законопроект о передаче земель в ведение земельных комитетов был внесен во Временное правительство 29 июня 1917 г., как раз накануне 2-й сессии Главного земельного комитета, но пролежал там без движения свыше месяца и только в начале августа был поставлен на обсуждение. Правительство отклонило проект, предложив министру земледелия представить его в переработанном виде. На следующий же день исправленный проект был вновь внесен в правительство, но последнее не удосужилось рассмотреть вопрос вторично (З. Лозинский и И. Указ. соч., стр. 158).

¹¹⁶ П. Н. Першин. Аграрная революция в России, т. I, стр. 302—304.

с самого начала революции добивалось полного запрещения купли, продажи и залога земель.

16 июля за подписью министра земледелия В. Чернова появилась «ввиду замедлившегося издания временных законов, регулирующих земельные отношения», инструкция земельным комитетам. Согласно этой инструкции земельные комитеты должны наблюдать за правильной и полной эксплуатацией пахотной и сенокосной земли, но отнюдь не для того, предостерегала инструкция, «чтобы вооружить крестьян в их борьбе с частным владением». Земельные комитеты призывались «встать» на государственную точку зрения. Это означало, между прочим, что арендную плату следовало устанавливать «по добровольному соглашению арендаторов с владельцами при посредничестве земельного комитета» и, конечно, вносить ее землевладельцам. Если же население отказывалось платить помещикам арендную плату, то ее должны были принимать земельные комитеты и затем выплачивать помещику за вычетом налогов и платежей. Инструкция требовала, чтобы комитеты ни в коем случае не мешали помещикам производить уборку хлеба. Даже в тех случаях, когда помещик не убирал свой хлеб и уборку осуществлял волостной продовольственный комитет, из денег, полученных за хлеб и сданных в казну, оплачивались расходы по уборке с небольшим процентом в пользу комитета, а остаток денег комитет должен был передавать помещику.

Инструкция В. Чернова находилась в вопиющем противоречии с требованиями местных земельных комитетов. Она стояла на позиции охраны интересов помещиков от крестьян. Чего, например, стоит рассуждение Чернова о том, что «было бы тяжким грехом перед родиной», если бы земельные комитеты пользовались своими правами ради «свокорыстных узких интересов» крестьян, «чтобы скосить помещичий луг, взятый задешево комитетами... или убрать посеянный помещиком хлеб»¹¹⁷.

Стремясь всячески затянуть подготовку и осуществление аграрной реформы, Главный земельный комитет не торопился с разработкой ее основных положений. Совет комитета приступил к организации подготовительных работ только после 2-й сессии Главного земельного комитета. Формальным основанием для такого оттягивания сроков послужило то, что только 6 июля был избран постоянный состав совета Главного земельного комитета.

На заседании совета комитета было, наконец, определено общее направление, в котором будет вестись подготовка земельной реформы. В качестве первоочередной объявлялась задача теоретической разработки основных вопросов реформы с красноречивой оговоркой относительно того, что обсуждение не должно «предрешать» общих принципов и идеологических предпосылок.

Для выработки основных положений земельной реформы совет комитета постановил образовать 5 комиссий: по перераспределению земельного фонда, о лесах, о недрах, о водах и комиссию по правовым формам землевладения. Затем было решено создать комиссии по разработке финансовой стороны реформы и статистико-экономическую.

Совершенно естественно, что существенное значение для выработки экономических основ аграрной реформы имели работы первой комиссии — «по перераспределению земельного фонда», — которая должна была решить судьбу «нетрудового» (т. е. помещичьего) землевладения, установить контингент хозяйств и лиц, подлежащих земельному обеспечению, определить нормы земельного обеспечения и т. п. Труды этой

¹¹⁷ «Революционное движение в России в июле 1917 г. Июльский кризис». М., 1959, стр. 305—309.

комиссии имеют первостепенное значение и для анализа характера теоретической борьбы, развернувшейся в Главном земельном комитете вокруг проекта аграрной реформы, и для оценки социальной сущности самого проекта аграрной реформы. Комиссия приступила к своей работе 19 июля 1917 г.; председателем ее был избран С. Л. Маслов, товарищем председателя А. Н. Челинцев. Все теоретические доклады и положения комиссии по перераспределению земельного фонда разрабатывались буржуазной профессурой и деятелями мелкобуржуазных партий. В работе комиссии по подготовке земельной реформы наряду с буржуазными экономистами А. А. Кауфманом и Б. Д. Бруцкусом принимали участие экономисты организационно-производственной школы Макаров, Челинцев, Рыбников. В качестве «левых» в комиссии выступали Н. П. Огановский, эсеры Н. Я. Быховский, Н. Д. Кондратьев, Н. И. Ракитников, Б. В. Волков и др.

Комиссия начала работу с обсуждения доклада Кауфмана и Челинцева о судьбе крупного землевладения. Кауфман подразделил все помещичьи хозяйства на два основных вида: «кабально-крепостнические» и «культурно-капиталистические». Следуя программе кадетской партии, Кауфман предложил имения, сдающиеся в аренду или обрабатываемые крестьянским инвентарем, т. е. помещичьи латифундии, в которых хозяйство велось кабально-крепостническими методами, передать в фонд, подлежащий распределению. Поскольку кадетская партия предлагала провести отчуждение «с вознаграждением помещиков по справедливой оценке», интересы владельцев этой категории хозяйств не ущемлялись. Инвентарь этих хозяйств также подлежал выкупу государством или земствами. Пожертвовав «диким» помещиком, Кауфман решительно стал на защиту «культурно-капиталистического землевладения», которое должно было остаться в «хозяйственном заведовании» прежних владельцев сроком на 15—20 лет. Сетую на то, что при «теперешней политической конъюнктуре» невозможно сохранить имения, которые экономически незначительно возвышаются над уровнем крестьянских хозяйств, Кауфман выделил ряд признаков, свидетельствующих о «народнохозяйственной ценности» имений, которые остаются в руках их прежних владельцев. Именности народнохозяйственную ценность признавались имения, производящие такие продукты «массового потребления населения целой страны или отдельного района, которые при современных условиях не доставляются крестьянскими хозяйствами или доставляются ими в недостаточном количестве»¹¹⁸. Под эту рубрику можно было подвести почти любое помещичье хозяйство. При этом подчеркивалось, что нужно «изъять от отчуждения» и оставить у прежних владельцев все имения и части имений, которые подпадают под одну из перечисленных им категорий «независимо от числа такого рода имений». Кауфман заявлял: «Чем больше их, тем лучше, чем они крупнее, тем больше приносимая ими польза». Кауфман считал невозможным доверить местным земельным комитетам, состоящим в основном из крестьян, решение вопроса об установлении контингента имений, не подлежащих распределению. Он выступил против какого-либо особого обложения имений, оставленных в хозяйственном заведовании прежних владельцев, требовал, чтобы они облагались лишь «нормальным» поземельным и прогрессивным подоходными налогами на общих основаниях. Решительно выступая в защиту обуржуазившегося помещика, Кауфман проявил полное равнодушие к интересам другого отряда сельскохозяйственных предпринимателей — крупному зажиточному крестьянскому хозяйству. Он даже пред-

¹¹⁸ «Труды комиссии...», вып. 1, стр. 58.

ложил, если позволит политическая ситуация, изъять у полукапиталистических крестьянских хозяйств все, что превышает трудовую земельную норму, а излишки обратить в общий фонд распределения. Интересы этого слоя зажиточного крестьянства отражали и защищали представители «организационно-производственной» школы.

Лейтмотивом доклада А. Н. Челинцева было положение о том, что интенсивное крестьянское хозяйство выше помещичьего, мелкое хозяйство выше крупного, и в связи с этим он отстаивал передачу всех «некультурных» имений в руки трудового населения. Случаи высокой производительности помещичьих имений он называл случаями «белой вороны». Челинцев отстаивал преимущества интенсивного кулацкого крестьянского хозяйства перед помещичьими имениями, даже перестроившимися на буржуазный лад. Значительно сужая круг «культурных имений», он выступал за их огосударствление или муниципализацию, против оставления их в хозяйственном распоряжении прежних владельцев¹¹⁹.

Предложение Кауфмана оставить капиталистические имения у прежних владельцев вызвало решительные возражения со стороны эсеровской части комиссии. «Оставление имений в руках владельцев,— говорил Н. И. Ракитников,— противоречит взглядам и убеждениям крестьян... Все имения будут разрушены. Ради сохранения их для будущей России их нужно изъять из владения собственников, и, пожалуй, даже не дожидаясь общей земельной реформы, следовало бы передать их в общественное ведение»¹²⁰. Он настаивал на принятии предложений Челинцева.

В поддержку Кауфмана выступил Бруцкус. Он еще более расширил круг имений, не подлежащих дроблению, предлагая распространить этот принцип и на зажиточные крестьянские хозяйства. Бруцкус считал: «От того, какую позицию займет этот безусловно прогрессивный элемент крестьянства, зависит судьба реформы». Он выступил как идеолог и защитник всех форм капиталистического землевладения и как бы соединил позицию Кауфмана, ратовавшего за развитие помещичье-буржуазных хозяйств, и позицию Челинцева, выступавшего за создание крепкого крестьянского хозяйства.

В целом положение о «ликвидации крупного землевладения» сводилось к тому, что культурно-капиталистические хозяйства, имеющие народнохозяйственную ценность, поступали в заведование органов государства или местного самоуправления с того момента, когда будет признано возможным взять эти хозяйства в хозяйственное управление. До наступления этого момента (срок его был, конечно, не определен) имения оставались «в хозяйственном распоряжении их настоящих хозяев (владельцев или арендаторов) на такие сроки и на таких условиях, которые обеспечивали бы поддержание ведущегося хозяйства в виде, отвечающем его назначению»¹²¹. Перечень имений, не подлежащих распределению, должен был составляться губернским земельным комитетом и утверждаться Главным земельным комитетом. Наиболее демократичные, крестьянские по своему составу, волостные земельные комитеты полностью устранились от решения этого коренного вопроса. У владельцев крепостнических имений предполагалось оставить усадьбу с возведенными на ней постройками и равный трудовой норме участок земли.

¹¹⁹ «Труды комиссии...», вып. 1, стр. 60, 64.

¹²⁰ Там же, стр. 43.

¹²¹ Там же, стр. 66.

Живой и мертвый инвентарь отчуждался «на особо установленных для этого основаниях»¹²².

Ход обсуждения кардинального вопроса земельной реформы — об отношении к помещичьей земельной собственности — неопровержимо доказывал, что в Главном земельном комитете разрабатывалась буржуазно-помещичья реформа. С самого начала доминирующее влияние на разработку проекта оказывали деятели буржуазного лагеря. Эсеры играли лишь роль «оппозиции», а в действительности последовательно выполняли соглашения с буржуазными партиями и не затрагивали принципиальных оснований реформы.

Вопрос о выкупе помещичьей земельной собственности не рассматривался специально в Главном земельном комитете. Признание принципа возмездности отчуждения помещичьей земельной собственности открыто провозглашалось буржуазными деятелями комитета.

О необходимости выкупа отчуждаемой у помещиков земли постоянно говорил в своих выступлениях в Главном земельном комитете и Лиге аграрных реформ Бруцкус. Для буржуазного профессора, целиком стоящего на точке зрения признания вечности капиталистического развития, безусловно не могло быть и речи о безвозмездной конфискации и бесплатной передаче земли крестьянам. Но и он был вынужден признать, что «это элементарное (с точки зрения буржуазии.— Н. Ф.) положение стало теперь трудно утверждать, потому что съезд Советов крестьянских депутатов объявил, что земли должны перейти в пользование крестьян без всякого выкупа»¹²³. Ошибочно полагая, что в такой позиции съезда Советов крестьянских депутатов повинна исключительно эсеровская партия, Бруцкус критиковал аграрную программу эсеров, требуя отбросить утопии бесплатного отчуждения земли: «И я позволяю себе предложить представителям партии социалистов-революционеров: пусть они не в народных аудиториях среди серых шинелей, а здесь с кафедры ученого общества объяснят, как они без всякого вознаграждения сумеют взять землю. Ведь известно, что земля на 2¹/₂ миллиарда рублей заложена»¹²⁴.

Таким образом, Бруцкус нащупал основное противоречие позиции эсеров, так как проведение социализации земли в условиях капитализма было невозможно.

Признание необходимости выкупа помещичьей земельной собственности лишний раз подтвердило, что задачей подготовляемой «реформы» было обеспечить классовые интересы крупных землевладельцев и в то же время полностью согласовать «предлагаемые реформы», по выражению Бруцкуса, «с общим строем капиталистического хозяйства»¹²⁵.

Финансовый аспект реформы был рассмотрен на II съезде Лиги аграрных реформ в докладе З. С. Каценеленбаума, который дал чисто буржуазное решение вопроса. Он считал, что переход земли от помещиков к крестьянам должен произойти при условии «уплаты теперешним владельцам за отчуждаемые земли по справедливости»¹²⁶. Сумма выку-

¹²² Помещикам была обещана компенсация стоимости всего имущества, общая оценка которого (вместе с садами и виноградниками) составляла 8,1 млрд. руб. (П. Н. Першин. Аграрная революция в России, т. I, стр. 310).

¹²³ «Труды II Всероссийского съезда Лиги аграрных реформ», вып. I, стр. 43.

¹²⁴ Там же.

¹²⁵ Там же, стр. 40.

¹²⁶ З. С. Каценеленбаум. Финансовая сторона аграрной реформы. М., 1917. Эта работа написана на основе докладной записки, составленной по поручению председателя Главного земельного комитета А. С. Посникова в мае 1917 г.

па, по его расчетам, должна составить не менее 5 млрд. руб.¹²⁷ Обосновывая необходимость выкупа, он указывал на конечную причину такого решения: «Конфискация недопустима не только потому, что она может вредно отразиться на земельных банках или на держателях закладных листов». Выкуп необходим как условие «сохранения частной собственности на капитал». Сумму выкупа предлагалось распределить «по вновь передаваемым крестьянам землям». Расходы по землеустройству и переселению он предполагал также возложить на новых владельцев земли¹²⁸.

Лига аграрных реформ вновь поставила вопрос о «финансовой стороне реформы» на своем III Всероссийском съезде в ноябре 1917 г., уже после социалистической революции и издания Декрета о земле Советским правительством, и выступила против безвозмездной конфискации помещичьих земель. Тезис докладчиков Бруцкуса и Лурье о том, что земля не может быть передана народу бесплатно, съездом «не был опровергнут, и большинство... всецело присоединилось к утверждениям докладчиков»¹²⁹.

Анализируя позицию буржуазии в аграрном вопросе, В. И. Ленин отмечал, что, борясь за сохранение своего способа производства и порабощения масс, «буржуазия превосходно понимает то, чего не понимают мелкобуржуазные болтуны из эсеров и „левых“ меньшевиков, именно, что *нельзя* отменить частную собственность на землю в России, и притом без выкупа, без гигантской экономической революции, без взятия под общенародный контроль банков, без национализации синдикатов, без ряда самых беспощадных революционных мер против капитала»¹³⁰.

Эсеровские деятели, распространяя иллюзии о том, будто в условиях буржуазной России возможен переход земли к народу без выкупа, в действительности дезориентировали крестьянские массы. В. И. Ленин отмечал, что эти идеи «представляют из себя, объективно, именно мелкобуржуазный самообман или, что то же, обман масс («большинства») буржуазией»¹³¹.

После принятия положения о крупном землевладении требовалось установить принципы распределения земельного фонда, который предполагалось конфисковать за выкуп у помещиков «кабально-крепостнического типа». Комиссия по перераспределению земельного фонда рассматривала эти проблемы в течение месяца (28 июля — 24 августа).

Докладчики Н. П. Макаров и Б. В. Волков выступали за то, чтобы в основу распределения земельного фонда были положены определенные нормы. Макаров предлагал применять так называемую потребительно-трудовую норму. За основу он предлагал взять крестьянские хозяйства, в которых семья состоит из 5—8 человек и имеет в среднем по 7 десятин пашни на одного своего работника мужского пола¹³².

¹²⁷ З. С. Каценеленбаум при расчетах суммы выкупа опирается на вычисления Н. Н. Кутлера, определившего для 1907 г. цену одной десятины земли в 79 руб. Учтя повышение цен на землю и падение ценности денег, а также сделав перерасчет в связи с тем, что земли заложены в банках и обременены другими долгами на общую сумму в 2,5 млрд. руб., З. С. Каценеленбаум вычисляет, что за каждую отчуждаемую у помещиков десятину земли необходимо платить 132 руб. (З. С. Каценеленбаум. Указ. соч., стр. 12—18).

¹²⁸ Там же, стр. 26, 29.

¹²⁹ «Власть народа», 23 ноября 1917 г.

¹³⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 35.

¹³¹ Там же, стр. 39.

¹³² «Труды II Всероссийского съезда Лиги аграрных реформ», вып. 2. М., 1918, стр. 46. Вопрос о нормах землепользования и их расчетах буржуазными и мелкобуржуазными экономистами в 1917 г. см.: П. Н. Першин. Аграрная революция в России, т. I, стр. 314—319.

Потребительно-трудовое хозяйство — это зажиточное крестьянское хозяйство. Именно такое крестьянское хозяйство являлось идеалом хозяйственной организации с точки зрения экономистов организационно-производственной школы. Соответственно этим нормам и предлагалось осуществить дополнительное наделение землей. Макаров отмечал, что государство не сможет обеспечить по этим нормам все крестьянские хозяйства¹³³. Молчаливо предполагалось, что в деревне останутся малоземельные и безземельные крестьяне. Земельная реформа свелась бы к дополнительному наделению землей средней и зажиточной групп крестьянских хозяйств без какого-либо улучшения положения малоземельных и безземельных крестьян. Распределение земли Н. П. Макаров считал необходимым поручить сельской общине, а там, где ее уже нет, создать организацию, подобную общине, которая теми же приемами распределит землю. Расчет норм возлагался на Главный земельный комитет, а их утверждение — на Учредительное собрание. Весь процесс установления норм и распределения должен был идти, минуя местные земельные комитеты и Советы крестьянских депутатов.

Второй докладчик (Б. В. Волков), отражая эсеровскую точку зрения, выступил за единую всероссийскую потребительную норму, обеспечивающую равное право каждого гражданина на приложение своего труда к земле. Тем самым всем крестьянским хозяйствам, в первую очередь малоземельным, предоставлялось право на получение земли из земельного фонда в размере потребительной нормы. Единая всероссийская потребительная норма, по мнению Волкова, должна была привести в будущем к установлению уравнительного землепользования, дать «сильный толчок увеличению землепользования малоземельных групп сельского населения»¹³⁴.

Третьим докладчиком был Бруцкус, выступивший против каких-либо норм земельного обеспечения, ибо «хозяйства шаблонизированы быть не могут», «невозможно удовлетворить статистическими нормами конкретные хозяйства». Распределение земли по «потребительной норме», считал Бруцкус, повлекло бы за собой «экономическую катастрофу» и, кроме того, встретило бы «жестокое противодействие со стороны населения многоземельных районов» (т. е. кулачества), которые переросли «идею всероссийской общины», что «грозит большими политическими осложнениями». Его предложения заключались в том, чтобы не давать никаких обязательств обеспечения землей, не устанавливая никаких норм, дать полный простор развитию кулацких хозяйств.

Бруцкус призывал исходить из существующих отношений и отказаться от проектов всероссийского равенства земли. Передать землю тем, кто на ней трудится, с его точки зрения, означало только одно: земли, находящиеся в трудовой аренде, должны отойти арендаторам. В отношении же земель, обрабатываемых батрацким трудом, Бруцкус немедленно отходил от принципа передачи земли «трудящимся на ней». Эти земли должны были составить колонизационный фонд¹³⁵. Даже кадет Кауфман возражал по этому вопросу Бруцкусу, понимая, что «оставить аренду в руках арендаторов, значит закрепить землю за богатыми мужиками»¹³⁶.

В прениях против предложений Бруцкуса и Макарова выступил Н. П. Огановский. Он считал, что главная задача аграрной реформы заключается в перераспределении земли, находящейся в руках крестьян-

¹³³ «Труды комиссии...», вып. 2. Нормы земельного обеспечения. Пг., 1917, стр. 16.

¹³⁴ Там же, стр. 25.

¹³⁵ Там же, стр. 28.

¹³⁶ Там же, стр. 29.

ства, поскольку арендный фонд концентрируется у верхних слоев. Он выступил за «планомерное проведение» реформы по нормам путем переселения из малоземельных районов в многоземельные. Огановский предложил наделить крестьянские хозяйства до двум нормам: «обездоленные земли» хозяйства довести до «потребительной» нормы, а у многоземельных хозяйств оставить «трудовую» норму. Потребительная норма, по его подсчетам, составляла 8—15 десятин, трудовая норма — от 20 до 60 десятин¹³⁷. Практически и по проектам Огановского кулацкие хозяйства сохранились в неприкосновенности.

Революционно-демократические требования были выдвинуты на обсуждение в комиссии представителями Совета крестьянских депутатов (Р. С. Ильин, П. М. Кочетов), заявившими, что в докладах чувствовался «страх перед аграрной стихией». Они считали нормы землепользования необходимыми для того, чтобы распределение земли было «справедливым», чтобы имеющие мало земли получили еще, а имеющие достаточно земли не получили; они настаивали предоставить проведение передела земли самим крестьянам, «их коллективному творчеству»¹³⁸. Голос представителей Совета крестьянских депутатов не был услышан чиновниками и «учеными экономистами» из Главного земельного комитета, хотя именно они отражали действительные интересы и настроения трудящихся масс деревни.

Вопрос о «нормах» наделения был давним и излюбленным предметом спора в буржуазной и мелкобуржуазной печати. Бессодержательность и пустоту этого спора очень точно и полно раскрыл В. И. Ленин. «Наша, социал-демократическая рабочая партия поступает гораздо правильнее, избегая всех этих «норм». «Нормы» эти вносят нечто чиновническое, канцелярское в живой и боевой политический вопрос. «Нормы» эти сбивают людей с толку и затемняют истинную сущность дела. Переносить спор на эти «нормы», даже вообще толковать о них *теперь* значит, поистине, делить шкуру медведя, прежде чем он убит,— и притом делить эту шкуру словесно...

Не беспокойтесь, господа! Крестьяне сами поделят землю, когда упадет им в руки земля. Крестьяне легко сумеют поделить землю,— только бы им добыть земли. И не спросят крестьяне никого о том, как им делить землю»¹³⁹.

Общие положения о нормах земельного обеспечения, принятые комиссией, исходили из того, что земельный фонд распределялся по потребительно-трудовым нормам, но в малоземельных районах земля распределялась в размере фактического запаса. Предполагалось, что нормы установит Учредительное собрание для уездов, чтобы местные земельные учреждения соответственно этим нормам распределяли землю между волостями и общинами. Купчие земли оставались в пользовании хозяйств, ранее ими пользовавшихся, однако засчитывались при определении общей площади надела и соответственно понижали обеспечение этих хозяйств общественной землей¹⁴⁰. Жизнь показала, что прав был В. И. Ленин. Крестьяне не стали вспоминать о спорах в Главном земельном комитете, когда приступили к дележу помещичьей земли в соответствии с советским Декретом «О земле».

Комиссия по перераспределению земельного фонда коснулась и вопроса о судьбе крупных крестьянских хозяйств, пользовавшихся наемным трудом. Уже само выделение этого вопроса свидетельствовало об исклю-

¹³⁷ «Труды II Всероссийского съезда Лиги аграрных реформ», вып. 2, стр. 71.

¹³⁸ «Труды комиссии...», вып. 2, стр. 33—34.

¹³⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 15, стр. 147.

¹⁴⁰ «Труды комиссии...», вып. 2, стр. 49—54.

чительном значении, которое придавалось кулацким хозяйствам в Главном земельном комитете.

Доклады о крупных крестьянских хозяйствах сделали Н. Д. Кондратьев и Н. П. Макаров. Исходя из народнических концепций, Кондратьев утверждал, что наиболее устойчивой является группа средних трудовых хозяйств, что «полутрудовые» не обладают сколько-нибудь заметными преимуществами и не являются «желательным типом хозяйства». Он заявлял, что земельная реформа должна быть проведена в интересах мелкого трудового хозяйства, но практические выводы, к которым пришел Кондратьев, опровергали его же собственные «теоретические» декларации и рассуждения. «Из политических соображений», чтобы сократить число противников реформы и избежать экономического потрясения, он предлагал оставить в распоряжении «полутрудовых» хозяйств повышенную земельную норму — полуторную трудовую норму.

Н. П. Макаров также заявлял, что ведущая идея предстоящей аграрной реформы сводится «к развитию потребительно-трудового крестьянского хозяйства за счет остальных форм хозяйств», но тут же признавал, что в реальной экономической и политической жизни едва ли удастся провести осуществление этого идеала¹⁴¹. Подчеркивая, что весь производственный инвентарь концентрируется фактически в группе крупных крестьянских хозяйств, что они имеют наиболее высокий чистый доход, он формулировал вывод: их «трудовая» норма значительно выше, чем «трудовая» норма обычных крестьянских хозяйств. Крупным крестьянским хозяйствам он предлагал поэтому дать двойную трудовую норму земли. Все кулацкие хозяйства, не выделившиеся из общины, Макаров предложил оставить в полной неприкосновенности, лишив общину права устанавливать нормы землепользования для этой категории хозяйств. Отчуждение земли у кулацких хозяйств сверх двойной и даже тройной трудовой земельной нормы он считал возможным провести только на основе выкупа государством земельных излишков.

Теория, согласно которой размер земельной площади должен соответствовать величине семьи, использовалась лишь для обоснования принципов наделения землей малоземельных и безземельных крестьянских хозяйств. В то же время при определении земельной площади кулацких хозяйств «расчет по фактическому составу семьи» Макаров не применял и предлагал оставлять этим хозяйствам двойную трудовую земельную норму. Кадеты Кауфман и Черненко открыто и решительно выступали в защиту кулацких хозяйств. Кауфман заявил, что и после земельной реформы будут наемные сельскохозяйственные рабочие, поэтому утопичны надежды на исчезновение после реформы полукапиталистических хозяйств. После реформы останутся, говорил он, и малоземельные крестьяне; «люди, не могущие прокормиться на своих участках, будут, и полутрудовые хозяйства их используют». Поддерживая мнение Макарова о том, что наделенные земли нельзя трогать и нельзя подвергать каким-либо ограничениям «полутрудовые» хозяйства внутри общины, Кауфман считал принципиально неправильным ставить «подворников» по сравнению с «общинниками» в более невыгодное положение и подвергать их земли отчуждению. Кауфман пытался сохранить все кулацкие хозяйства и в общине и вне ее. Н. Н. Черненко высказался за сохранение за крупными крестьянскими хозяйствами не двойной нормы, как предлагал Макаров, а тройной нормы земельного обеспечения.

Правый эсер С. Л. Маслов и в этом вопросе шел на прямое соглашение с кадетами. Он не поддержал позицию Кондратьева, так как счи-

¹⁴¹ Там же, стр. 27.

тал, что полукапиталистическим хозяйствам нужно оставить, как предложил Макаров, двойную земельную норму. Объявив неправильным термин «полукапиталистические хозяйства», Маслов предложил именовать эти хозяйства «крупнопосевными крестьянскими хозяйствами, применяющими наемный труд».

Только представители Совета крестьянских депутатов практически отказались обсуждать вопрос об особой норме наделения землей кулачества. П. М. Кочетов заявил, что сохранить полукапиталистические хозяйства не удастся, так как население само «обрежет их»¹⁴². С. М. Малышицкий, отвечая тем, кто рассуждал о необходимости сократить число «недовольных» реформой кулаков, заметил, что «недовольные» будут с обеих сторон, что ограничение надела полукапиталистических хозяйств трудовой нормой даст возможность наделить безземельных крестьян, что именно это действительно уменьшит число недовольных, так как безземельных больше, чем многоземельных. Эти выступления свидетельствовали, что вторая социальная война зрела в крестьянстве, что крестьянство при разделе земли не оставит в стороне и многоземельного кулака.

В целом обсуждение вопроса о крупных крестьянских хозяйствах вызвало незначительные расхождения во взглядах буржуазных и мелкобуржуазных аграрников. Все единодушно признали (за исключением указанных выше представителей Совета крестьянских депутатов), что полукапиталистическим хозяйствам земли должно быть оставлено значительно выше трудовой нормы. В центре внимания готовившейся аграрной реформы открыто был поставлен крепкий хозяин — кулак. Кулачество рассматривалось как решающая социальная сила, позиция которой определяет в значительной степени характер реформы.

Принятое комиссией положение о нормах земельного обеспечения крупных крестьянских хозяйств сохраняло экономическую базу существования кулачества как класса сельскохозяйственных предпринимателей. Отчуждение земель у экономически сильных крестьянских хозяйств, пользующихся наемным трудом, предусматривалось производить только в тех случаях, если хозяйство обладало тремя признаками: владело купчей землей, имело больше одного постоянного рабочего и его земельная площадь превышала двойную норму землепользования потребительно-трудового хозяйства данного района. Эти три признака определяли весь контингент крупнокрестьянских хозяйств; если один из признаков отсутствовал, то хозяйство считалось обычным трудовым, крестьянским. Но совокупность всех трех признаков значительно уменьшала слой хозяйств, которые считались крупными крестьянскими. От реформы должна была пострадать лишь самая верхушка широкого слоя кулацких хозяйств — «полупомещиков».

Положение о крупных крестьянских хозяйствах комиссия приняла на своем заседании в сентябре 1917 г. Совершенно естественно, что к 3-й сессии Главного земельного комитета (25—29 августа) проект земельной реформы еще не был разработан¹⁴³.

¹⁴² «Труды комиссии...», вып. 3. М., 1917, стр. 42, 44, 46, 50. ♣

¹⁴³ В заседаниях 3-й сессии Главного земельного комитета помимо его членов принимали участие представители губернских земельных комитетов, представители Всероссийского Совета крестьянских депутатов, Всероссийского Совета рабочих и солдатских депутатов, представители партий: эсеров, трудовиков, прогрессистов-националистов; представители Всероссийского совета кооперативного съезда, общества сельского хозяйства Южной России, Харьковского общества сельского хозяйства. Всероссийского крестьянского союза, Совета союза казачьих войск, Совета мусульманского Всероссийского съезда; представители министерств (земледелия, внутренних дел, государственного контроля, военного, иностранных дел) и ведомств, представители Всероссийского союза землемеров и Всероссийского союза земельных собственников («Известия Главного земельного комитета», 1917, № 4—5, стр. 3—4).

3-я сессия Главного земельного комитета собралась в тот именно момент, когда Временное правительство становилось на путь решительной борьбы с крестьянским аграрным движением, не останавливаясь перед вооруженной защитой помещичьей земельной собственности. Июльские дни, явившиеся переломными для всего развития революционных событий, проложили рубеж и в аграрной политике Временного правительства. 8 июля командующий Юго-западным фронтом генерал Л. Г. Корнилов издал по своему фронту обязательное постановление о запрещении захватывать посевы, отбирать у землевладельцев живой и мертвый инвентарь, снимать рабочих, повышать цены на труд и т. п. За нарушение этого постановления следовал арест. Вскоре после этого Корнилов, назначенный верховным главнокомандующим, издал приказ № 757, которым распространял действие постановления от 8 июля на всю территорию военных действий¹⁴⁴. Этот приказ был затем подтвержден А. Ф. Керенским. 17 июля министр внутренних дел меньшевик И. Церетели с согласия министров продовольствия А. В. Пешехонова и земледелия В. Чернова издал циркуляр, который признал недопустимыми «попытки самочинного осуществления земельной реформы на местах решениями местных комитетов и крестьянских съездов». Призывы к земельным захватам должны были преследоваться «со всей строгостью закона» — такова основная мысль этого печального знаменитого циркуляра. Полоса «легальной» борьбы крестьян за землю закончилась¹⁴⁵.

3-я сессия Главного земельного комитета работала в период начавшихся репрессий против крестьянского движения, против членов местных земельных комитетов, и это отражалось в каждом выступлении. «Мы накануне того, что все губернские и волостные комитеты окажутся под судом», — говорил представитель Могилевской губернии. Отражая настроения подавляющей массы крестьянства, он заявил: «Могилевская губерния не боится репрессий. Она меня послала сюда и просила заявить: „...судите всю Могилевскую губернию, ибо она стоит на той точке зрения, что действовать иначе нельзя было“»¹⁴⁶.

На сессии был заслушан доклад С. Л. Маслова «Организация работ по подготовке земельной реформы при совете Главного земельного комитета». В докладе сообщалось, что из шести комиссий, в которых должна была вестись разработка основных разделов реформы, образовано только четыре: по перераспределению земельного фонда, правовая, о недрах, о лесах. Комиссия о водах еще не сконструирована, а финансовую совет комитета решил организовать после того, как приступят к работе все пять комиссий в полном составе. К работе приступила только комиссия по перераспределению земельного фонда.

Маслов оправдывал медленный темп работы комиссий ссылкой на сложность рассматриваемых проблем и сообщал, что основные разделы реформы предстоит рассмотреть на будущих сессиях Главного земельного комитета. Для всех присутствующих стало ясно, что основы земельной реформы, которые согласно решению 2-й сессии и предстояло обсуждать, рассматриваться не будут. Представитель Могилевской губернии требовал ответа на вопрос о судьбе земельной реформы: «Говорят, что земельная реформа во Временном правительстве проваливается, и говорят, что министр земледелия уходит в отставку»¹⁴⁷. «У нас на

¹⁴⁴ «История гражданской войны в СССР», т. I. М., 1938, стр. 196—198.

¹⁴⁵ П. Н. Першин. Аграрная революция в России, т. I, стр. 381—393.

¹⁴⁶ Центральный государственный архив Октябрьской революции, высших органов государственной власти и органов государственного управления СССР (далее — ЦГАОР СССР), ф. 930, оп. 1, д. 11, л. 16.

¹⁴⁷ Там же, л. 21.

местах,— говорил представитель Астраханского губернского земельного комитета Д. Г. Чернобаев,— является подозрение, что, может быть, эта земельная реформа как бы не оказалась только мыльным пузырем. А раз такое подозрение начнет всасываться, тогда придут Емелька Пугачев и Стенька Разин»¹⁴⁸.

Земельным комитетам все труднее становилось «примирять» «враждующие группы», «втискивать» крестьянство, как выразился один из выступавших, в рамки законности. Выступавшие говорили, что против земельных комитетов начался поход всех контрреволюционных сил во главе с Союзом земельных собственников, что и в самом министерстве земледелия есть противники земельных комитетов, что те ничтожные средства, которые предполагает отпустить министерство волостным комитетам, «сведут совершенно на нет эту деятельность», и «тогда может случиться, что... та реформа, которая должна произойти, не произойдет, а произойдут самочинные захваты»¹⁴⁹.

И хотя во всех циркулярах, инструкциях и разъяснениях министерства говорилось, что земельным комитетам предоставляются большие права, но, как отмечал представитель Витебского губернского земельного комитета Дроздовский, комитеты вынуждены были заниматься лишь «морально-литературными совещаниями без определенной возможности провести в жизнь то, что комитеты считают необходимым...» Все права земельных комитетов по сути дела сводятся к тому, продолжал Дроздовский, «что мы должны кланяться, и очень усиленно, главным образом тем, которые имеют землю»¹⁵⁰.

Снова, как и на 2-й сессии, представители губерний требовали предоставить земельным комитетам необходимые права. Представитель Черниговской губернии Бабиц говорил о том, что у земельных комитетов должны быть реальные права «не только на словах уговаривать помещиков и крестьян», потому что более такой политики земельные комитеты не в состоянии вести. «Слишком много они выдавали векселей сроком на 30 сентября¹⁵¹, а теперь... векселя эти просрочатся и земельные комитеты на местах обанкротятся»¹⁵².

В стране происходит аграрная революция, говорил представитель Воронежской губернии Подбельский, и поэтому «совершенно безнадежно стремление согласовать естественное крестьянское движение с теми существующими законоположениями...», которые «проникнуты духом покровительства помещичьих интересов»¹⁵³.

3-я сессия Главного земельного комитета наглядно выявила глубокое и далеко зашедшее расхождение между требованиями крестьянских масс, отражаемыми в той или иной мере представителями местных земельных комитетов, и буржуазно-помещичьими планами «решения земельного вопроса», вынашиваемыми в центре. Никаких реальных решений Главный земельный комитет принять не смог и в этот ответственный момент. Надежды и иллюзии, которые еще держались в крестьянских массах, рассыпались в прах. Деревня переставала ждать решения вопроса о земле сверху и приступила к его решению на практике, снизу.

После 3-й сессии Главного земельного комитета практически продолжала работу лишь комиссия по перераспределению земли. В течение всего сентября комиссия рассматривала вопрос о контингенте хозяйств и:

¹⁴⁸ ЦГАОР СССР, ф. 930, оп. 1, д. 11, л. 17.

¹⁴⁹ Там же, л. 58.

¹⁵⁰ Там же, л. 28.

¹⁵¹ 30 сентября — предполагавшийся срок созыва Учредительного собрания.

¹⁵² ЦГАОР СССР, ф. 930, оп. 1, д. 11, л. 91.

¹⁵³ Там же, л. 92.

лиц, подлежащих обеспечению земель, чтобы определить, кому давать землю. А. А. Рыбников, выступавший с докладом на заседании комиссии предлагал не забывать того, что мы живем в капиталистической стране. Поучая эсеров, он утверждал, что многие «яркие, решительные требования демократии», поскольку они не считаются с действительностью и хотят предвосхитить экономические отношения будущего, оказались невыполненными и только дезорганизовали жизнь, что в действительности «реализуются... только те революционные задания, которые гармонируют с окружающей капиталистической обстановкой»¹⁵⁴. После такого предисловия А. А. Рыбников перешел к критике эсеровского лозунга о праве на землю всех желающих трудиться на ней. Рыбников напомнил эсерам, что «доход от земли» вполне заменим другими видами дохода, предоставление права на землю всем желающим приведет к большому наплыву претендентов на землю из городов, прежде всего безработных, которые не смогут создать жизнеспособного хозяйства. Не расширение, а сужение контингента крестьянских хозяйств, наделяемых землей, предлагал Рыбников. Он считал нужным оградить права крестьянских хозяйств «от случайных претензий» лиц, забросивших земледелие, временных поселенцев, т. е. от сельскохозяйственных рабочих, разорившейся крестьянской бедноты. «Следствием такого отбора, — открыто признавал Рыбников, — будет то, что некоторые хозяйства, и особенно часто это будут сельскохозяйственные рабочие, не получат обеспечения землей из местного фонда»¹⁵⁵. Сельскохозяйственным рабочим, не имевшим «оседлого хозяйства», он предложил предоставить право на переселение.

На базе средних и мелких хозяйств, за которыми закреплялось преимущественное и исключительное право на получение земли из государственного фонда, в деревне создавались крепкие зажиточные крестьянские хозяйства.

Как отметил в прениях представитель Всероссийского Совета рабочих депутатов Я. Пилецкий, поскольку без земли у Рыбникова остается наиболее нуждающийся сельский и промышленный пролетариат, такая реформа неизбежно встретит жестокое сопротивление со стороны трудящихся масс страны.

Оппозиция докладу Рыбникова со стороны эсеров была скорее словесной и к тому же весьма разноречивой. Н. И. Ракитников заявил, что в корне расходится с Рыбниковым, и выступил с контрдокладом, в котором развивались традиционные эсеровские идеи о равенстве прав всех членов общества на землю как необходимым условием уничтожения частной собственности и провозглашения земли общенародным достоянием. В этой эсеровской утопии, по существу видевшей в реальной жизни только два элемента: землю и человека, — в искаженном виде отражалась все та же идея уничтожения крепостнических привилегий, достижения равенства. Но в оболочке мелкобуржуазного социализма эта идея становилась фантастическим, нереальным лозунгом равного права всех на землю. Абстрактное равное право всех заняться добыванием средств к жизни земледельческим трудом не соответствовало экономическим условиям жизни общества.

Помимо обеспечения землей всех желающих заняться земледелием Ракитников предлагал наделить желающих горожан небольшими участками для собственного жилья, сада или огорода. Он призывал «идти навстречу... естественному стремлению городского рабочего населения приблизиться к природе... соединить хоть в некоторых пределах земле-

¹⁵⁴ «Труды комиссии...», вып. 4. Пг., 1917, стр. 13.

¹⁵⁵ Там же, стр. 24.

дельческий труд с фабрично-заводским... в той форме, в которой это возможно в настоящем капиталистическом фазисе развития».

Широковещательные требования влиятельного теоретика эсеров по аграрному вопросу были на самом деле весьма безобидными. Социализация земли уже не была установлением социализма в деревне, поскольку капиталистический фазис развития должен был сохраниться. Но в свете этого факта и сама эсеровская «социализация» не могла не претерпеть существенных изменений. Не даром, перейдя от абстрактных теоретических возражений к практической программе наделения землей, Ракитников признавал очередность наделения. По его планам, в каждой местности прежде всего увеличивается до принятых норм землепользование наличных крестьянских хозяйств. Сельскохозяйственные рабочие или устраиваются в общественные сельскохозяйственные предприятия, которые будут созданы на базе «культурных» помещичьих имений, или получают право на землю «даже ценою некоторого понижения нормы наделения».

В прениях Ракитников снова вернулся к вопросу о сельскохозяйственных рабочих. «Нет возможности каждого водворить на особом участке,— признал он,— ...устройство в сельскохозяйственном предприятии есть та же реализация права на землю. Крупные имения должны перейти в ведение земельных комитетов, и сельскохозяйственные рабочие будут принимать участие и в заведовании этими хозяйствами,— не находиться в них на положении сельскохозяйственных батраков, но и не быть и хозяевами их»¹⁵⁶.

Не более содержательными были высказывания и других эсеровских деятелей. Быховский довольно метко определил существо проекта Рыбникова, который, по его словам, сводился «к обеспечению обеспеченных»¹⁵⁷, оставлял за бортом реформы и закреплял «безземельное состояние» тех, кто продал по нужде наделы и кого обезземелила столыпинская реформа. Он заявлял, что реформа должна восстановить нарушенную социальную справедливость, и требовал в первую очередь дать землю тем, кто в ней больше всего нуждается, — сельскохозяйственным рабочим, пауперам. Между землей и орудиями производства он видел огромную разницу. Быховский утверждал, что по отношению к земле нельзя применять те же меры, что и по отношению к другим средствам производства, что «каждый должен иметь право на нее, как на воздух и солнечный свет»¹⁵⁸. Никаких практических мер он не предложил.

С. Л. Маслов фактически присоединился к выводам Рыбникова. Он тоже был против права каждого гражданина на землю и лозунг социализации истолковывал не как провозглашение субъективного права на землю, а как требование уравнительного землепользования. При распределении земли Маслов считал необходимым установить очередность получения земли. Он предложил следующий порядок. В первую очередь землю предоставлять малоземельным крестьянам, затем сельскохозяйственным рабочим. В третью очередь наделению подлежали «группы сельского населения, не ведущие самостоятельного хозяйства, но не порвавшие связи с землею», т. е. безземельные крестьяне, полупролетарии¹⁵⁹.

Против народнических утопий выступил буржуазный реалист Кауфман. Он заявил, что не следует провозглашать прав, которые осуще-

¹⁵⁶ «Труды комиссии...», вып. 4, стр. 54.

¹⁵⁷ Там же, стр. 27.

¹⁵⁸ Там же, стр. 46.

¹⁵⁹ Там же, стр. 28.

ствлены быть не могут. Практические предложения Ракитникова Кауфман считал аналогичными выводам Рыбникова. Различие свелось к тому, что Ракитников предложил норму наделения землей исчислять по вероятному числу желающих. Кауфман напомнил Ракитникову, что в этом случае не будет достигнута цель реформы — доведение землепользования до размера, достаточного для правильного ведения хозяйства. «Земли всем не хватит,— говорил он,— ...должен остаться контингент обиженных», в первую очередь обеспечить землей нужно тех, кто имеет усадьбную оседлость. По этому поводу Кауфман заметил, что аналогия между землей и воздухом неверна, поскольку воздуха хватает всем, а земли не хватает.

Отмечая, что Ракитников уже сделал уступки требованиям «реальной политики», установив очередность в наделении землей и признав, что прежде всего необходимо наделить землей тех, кто «что-то имеет», Кауфман и Рыбников требовали от эсеров дальнейших уступок¹⁶⁰.

Аграрный теоретик трудовиков М. Е. Березин в своем выступлении коснулся главного противоречия в позиции эсеров — как согласовать всеобщее право на землю с требованиями реальной жизни. Он подчеркнул, что из соображения реальной политики Ракитников по существу отклонился от принципов, им же провозглашенных, и вместо равного права всех желающих на землю он устанавливает очереди и говорит о переселении тех, кому не хватает земли. М. Е. Березин правильно подметил, что идеальное право на землю только тогда станет реальным для сельских и городских рабочих, когда их в достаточной мере обеспечат средствами производства; поэтому лучше не спорить о принципах, а нужно обсудить вопрос о том, дадут ли условия реальной политики возможность провести реформу. А в практических предложениях Ракитникова и его оппонентов он не видел разницы.

Несмотря на словесную оппозицию эсеров, в основу положения о контингенте хозяйств и лиц, принятого комиссией в конце сентября 1917 г., были положены тезисы доклада Рыбникова в несколько смягченной формулировке. В каждой местности до принятой нормы земельного обеспечения должны были доводиться прежде всего различные сельскохозяйственные хозяйства. Только после этого землю получали сельскохозяйственные рабочие и лица, оторвавшиеся от земли. Всем им предоставлялось право на переселение¹⁶¹.

Затем комиссия перешла к рассмотрению проблемы организации территории для развития фермерского хозяйства, но последовавшая вскоре пролетарская революция, решившая вопрос о земле, сделала излишним само существование Главного земельного комитета и его комиссий.

Главный земельный комитет последовательно разрабатывал программу буржуазной реформы земельного строя и дальнейшего развития капитализма в сельском хозяйстве.

Передаче крестьянству за выкуп намечались только те крепостнические латифундии, которые не сумели войти в колею капиталистического развития. Все помещичьи имения, перешедшие или переходившие на капиталистические рельсы, сохранялись в ведении прежних владельцев. Укреплялись позиции кулачества, а бедняцкие слои крестьянства и сельскохозяйственные рабочие оставались без земли и инвентаря. Реформа предполагала оставить помещичьи хозяйства, несколько очищенные от крепостнических пережитков, и рядом с ними значительно укрепившие свои позиции кулацкие хозяйства. В целом Главный земельный комитет

¹⁶⁰ Там же, стр. 29, 46.

¹⁶¹ Там же, стр. 41.

последовательно защищал интересы буржуазных слоев деревни, закреплял обезземеливание бедноты. Естественно, что с каждой сессией Главного земельного комитета, с каждым заседанием его комиссий надежды крестьянских масс на реформу сверху гасли. В ответ развертывалось мощное аграрное движение.

К осени 1917 г. крестьянское движение приняло характер массового захвата помещичьих земель. «Предоктябрьская волна» аграрного движения переходит в могучую крестьянскую революцию, сметающую остатки феодально-крепостнических отношений. Началась ликвидация помещичьих имений, повсеместно проходившая в порядке стихийных разгромов. Число имений, охваченных аграрным движением, в сентябре по сравнению с августом возросло на 30,2%, а в октябре по сравнению с сентябрем еще на 43,2%¹⁶². В августе 1917 г. органы Временного правительства зарегистрировали 760 крестьянских выступлений, в сентябре 803, а в октябре 1169¹⁶³.

Временное правительство продолжало идти по пути судебно-административного вмешательства в урегулирование земельных отношений, арестов членов земельных комитетов, подавления военной силой крестьянского движения. Но остановить революцию было невозможно.

В стране, где правительством руководил эсер Керенский, а пост министра земледелия с мая 1917 г. занимали тоже эсеры — сначала В. М. Чернов, а затем С. Л. Маслов, — развертывалась невиданная по своим масштабам крестьянская революция. Тогда, уже в период крестьянского восстания, эсеры сделали новую попытку обмануть крестьянство, создав видимость передачи ему земли. На основе материалов, подготовленных Главным земельным комитетом, был составлен законопроект министра земледелия С. Маслова.

Этот проект¹⁶⁴ предусматривал образование временного арендного фонда из земель, оставшихся незасеянными, и части помещичьей земли, которая сдавалась в аренду. В арендный фонд не могли быть переданы сады, плантации, посевы свекловицы и т. п., а также земли, необходимые «для удовлетворения потребности владельца, его семьи и служащих, а равно и для содержания наличного скота». Все эти земли оставались по-прежнему в полной собственности у помещиков. Таким образом, только небольшая часть помещичьих земель передавалась во временный арендный фонд. Арендная плата сохранялась, крестьяне должны были вносить ее в земельные комитеты, а те, в свою очередь, передавать ее помещикам. Это было сделано для того, чтобы установить организованные формы аренды и предохранить помещичьи земли от расхищения.

Эсеры в своем центральном органе «Дело народа» объявили, что «этот выдающийся законопроект о земле» является крупным шагом к осуществлению аграрной программы их партии¹⁶⁵. Центральный комитет партии эсеров призвал развить агитацию в пользу этого проекта, популяризировать его в массах.

В ответ на эсеровский «законопроект» В. И. Ленин выступил со статьей «Новый обман крестьян партией эсеров», в которой писал, что «это проект для спасения помещиков, для „успокоения“ начавшегося

¹⁶² Я. А. Яковлев. Указ. соч., стр. 87.

¹⁶³ П. Н. Соболев. Беднейшее крестьянство — союзник пролетариата в Октябрьской революции. М., 1958, стр. 178; П. Н. Першин. Аграрная революция в России, т. I, стр. 418—440.

¹⁶⁴ «Дело народа», 18 октября 1917 г.

¹⁶⁵ Там же.

крестьянского восстания путем ничтожных уступок, сохраняющих главное за помещиками»¹⁶⁶.

Это был итог колебаний эсеров, завершившийся тем, что партия «переползла со своего земельного проекта на помещичий, кадетский, план „справедливой оценки“ и сохранения помещичьей собственности на землю»¹⁶⁷. Земельные комитеты, как писал В. И. Ленин, превращались «в сборщиков арендной платы для господ благородных землевладельцев»¹⁶⁸. В. И. Ленин, назвав этот законопроект «полной изменой партии эсеров крестьянам», поставил задачу «все силы напрячь, все усилия употребить, чтобы как можно шире распространить среди крестьян сознание этой истины»¹⁶⁹.

Ничего не оставалось в проекте эсеров от их прежнего программного требования — безвозмездной конфискации всей помещичьей земельной собственности. Проект исходил из установок Главного земельного комитета, разрабатывавшего буржуазно-помещичью земельную реформу.

О причинах появления этого законопроекта писал большевик М. С. Ольминский: «Социалисты-революционеры теперь поняли, что крестьян уже не удержишь, а все крестьянство в тюрьму не посадишь. Поэтому они предлагают теперь не ждать Учредительного собрания, а сейчас же передать кое-что в распоряжение земельных комитетов: передать не все, а только частичку земли»¹⁷⁰. Но эсеры уже не могли удержать крестьянство от борьбы за революционное решение аграрного вопроса. «Крестьянство перешагивает через эсеров в вопросе о земле», — писал М. С. Ольминский¹⁷¹.

Эволюция мелкобуржуазной идеологии от буржуазного радикализма к буржуазному либерализму и соглашательству в наиболее сложный и ответственный момент истории означала предательство интересов крестьян.

Мелкобуржуазные партии, будучи правящими партиями, оказались не в состоянии практически решить аграрный вопрос. Отмена частной собственности на землю, передача ее трудящимся и конфискация помещичьих земель были абсолютно невозможны «без самых решительных революционнейших мер против буржуазии, мер, которые провести в состоянии *только* присоединение беднейшего крестьянства к пролетариату, *только* национализация банков и синдикатов»¹⁷². Под влиянием большевиков, выступлений В. И. Ленина крестьяне в ходе революции все больше и больше освобождались от эсеровского влияния и требовали немедленного решения вопроса о земле.

После победы Великой Октябрьской социалистической революции лозунг «Вся власть Учредительному собранию» превратился в лозунг всех контрреволюционных сил. Теперь буржуазия настаивала на немедленном созыве Учредительного собрания, пытаясь изобразить его как единственную законную власть, рассматривая его теперь как орудие борьбы с Советской властью.

Главный земельный комитет и Лига аграрных реформ продолжали с еще большей интенсивностью готовить проект «законной» земельной реформы для утверждения его в Учредительном собрании. Главный

¹⁶⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 433.

¹⁶⁷ Там же, стр. 428.

¹⁶⁸ Там же, стр. 432.

¹⁶⁹ Там же, стр. 428—429.

¹⁷⁰ М. С. Ольминский. Земля и земельные комитеты.— Соч., т. 2, стр. 298.

¹⁷¹ М. С. Ольминский. Самодержавие капиталистов.— «Социал-демократ»,

25 октября 1917 г.

¹⁷² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 32, стр. 432.

земельный комитет повел борьбу против осуществления Декрета о земле, он объявил Декрет о земле «незаконным и недействительным» и призвал все губернские, уездные и волостные земельные комитеты «не исполнять и не допускать исполнения этого декрета»¹⁷³, продолжать готовить земельную реформу.

21 ноября 1917 г. в здании московского общества сельского хозяйства открылся III Всероссийский съезд Лиги аграрных реформ, который рассматривался в качестве «предпарламента» по аграрному вопросу накануне созыва Учредительного собрания. Съезд прямо и недвусмысленно ориентировался на контрреволюционный переворот и в связи с этим считал необходимым завершить работу Главного земельного комитета по составлению проекта земельной реформы. Снова на съезде доказывали невозможность «изъятия земли из товарного оборота» и необходимость уплаты выкупа за крепостнические латифундии, доказывали это в то время, когда по всей стране проходила безвозмездная конфискация помещичьей собственности. Деятели Главного земельного комитета и Лиги аграрных реформ все еще мнили, что им принадлежит роль «спасителей» земельной реформы. Аграрную революцию, происшедшую в стране, они иначе не называли, как «анархией».

Лига аграрных реформ просуществовала еще около года после своего III съезда, продолжая вести борьбу против аграрной политики Советской власти. Совет Главного земельного комитета был распущен постановлением Совета Народных Комиссаров 19 декабря 1917 г. (1 января 1918 г.) в связи с тем, что он, «расходясь с политикой Советской власти, противодействовал проведению в жизнь декрета о земле и передаче земель в ведение земельных комитетов»¹⁷⁴. Но Главный земельный комитет саботировал решение Совета Народных Комиссаров и продолжал свою работу по окончательной доработке проекта земельной реформы к Учредительному собранию. Для рассмотрения проекта закона о земле была созвана 23 декабря 1917 г. 4-я сессия Главного земельного комитета. При окончательной редакции аграрного проекта, учитывая издание Декрета о земле, был исправлен ряд явно буржуазных установок реформы в направлении мелкобуржуазных эсеровских лозунгов. «Закон» о земле, вернее первые десять его статей, В. Чернов зачитал перед Учредительным собранием, отвергнувшим ленинский Декрет о земле и разогнанным в связи с занятой им контрреволюционной позицией 6 января 1918 г.

«Люди с того света» — так назвал В. И. Ленин буржуазных политиков, обсуждавших буржуазно-помещичий законопроект о земле в то время, когда в стране уже шла полным ходом Великая пролетарская революция, когда Советская власть уже выполнила требование крестьянских масс, одним ударом ликвидировав помещичье землевладение и передав землю в безвозмездное и бессрочное пользование трудящихся.

Вспоминая о единственном заседании Учредительного собрания, В. И. Ленин писал, что ему «пришлось перенестись в „чужой мир“, к каким-то пришельцам с того света, из лагеря буржуазии и ее вольных и невольных, сознательных и бессознательных поборников, прихлебателей, слуг и защитников»¹⁷⁵.

Идеологи и политики свергнутых социалистической революцией классов пытались защитить свои обанкротившиеся идеи, но историческая перспектива перед ними уже была закрыта.

¹⁷³ «Известия Главного земельного комитета», 15 ноября 1917 г.

¹⁷⁴ «Декреты Советской власти», т. I. М., 1957, стр. 553.

¹⁷⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 229.

Учредительное собрание, отказавшееся признать декреты Советской власти, было распущено. Социалистическая революция отвергла и разбила реакционные аграрные планы буржуазно-народнического блока. Опыт истории убедительно показал неспособность буржуазных и мелкобуржуазных партий разрешить коренные вопросы общественного развития в интересах народных масс, как указывается в «Тезисах ЦК КПСС к 50-летию Советской власти»: «Февральская революция 1917 года смела царское самодержавие, однако буржуазия, пришедшая к власти, не хотела и не могла удовлетворить насущных нужд рабочих и крестьян. Лишь завоевание пролетариатом политической власти могло обеспечить решение коренных общественных проблем»¹⁷⁶. Только Великая Октябрьская социалистическая революция вывела страну на новый путь развития, только Советская власть смогла удовлетворить насущные нужды народных масс, в частности, решить вопрос о земле — коренной вопрос для страны с преобладающим крестьянским населением.

---

¹⁷⁶ «50 лет Великой Октябрьской социалистической революции». Тезисы ЦК КПСС, М., 1967, стр 6.

С. С. ХЕСИН

РУССКИЙ ФЛОТ НАКАНУНЕ ОКТЯБРЯ (положение, численность, состав)

Революционные события 1917 г. разворачивались в условиях первой мировой войны. Активную роль в них играли армия и флот, в рядах которых находилась значительная часть наиболее дееспособного населения страны. По словам В. И. Ленина, «армия во время империалистской войны вобрала в себя весь цвет народных сил...»¹, он отмечал также, что армия «в военное время имеет исключительно важное значение во всей государственной жизни»².

Из русских вооруженных сил в ходе революции выдающееся место занял военно-морской флот. Поэтому анализ его состава и положения имеет существенное значение для исследования истории социалистической революции, роли и места в ней различных отрядов трудящихся масс.

Русскому флоту пришлось во время войны действовать на трех основных театрах: Балтийском, Черноморском и Северном. При этом главную роль в боевых действиях на море играли Балтийский и Черноморский флоты и созданная уже во время войны флотилия Северного Ледовитого океана.

Империалистическая война легла тяжелым бременем на плечи народных масс России, потребовала колоссального напряжения финансовых и материальных сил страны. Поскольку боевые действия сразу же развернулись и на море, то резко увеличились ассигнования и на расходы морского ведомства, связанные с войной. Эти ассигнования бурно росли и составили (в млн. руб.): в 1914 г. (июль — декабрь) — 83,3; в 1915 — 406,0; в 1916 — 804,6; в 1917 г. (январь — июнь) — 563,9. Неуклонно росли и суточные расходы морского министерства. Они составили (в млн. руб.): в 1915 г. — 1,1; в 1916 — 2,2; в 1917 г. (январь — июнь) — 3,1. Всего с начала войны по июнь 1917 г. морскому ведомству было ассигновано на военные расходы 1857,8 млн. руб., что составляло 4,9% всех кредитов России на расходы, связанные с войной³. К сентябрю 1917 г. ассигнования на содержание и снаряжение русского флота возросли до 2057,9 млн. руб.⁴, а всего за март — октябрь 1917 г. было ассигновано 1010,3 млн. руб.⁵

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 40, стр. 8.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 278.

³ Из доклада директора департамента государственного казначейства Г. Д. Дементьева в особой комиссии при Совете съездов торговли и промышленности 19 июля 1917 г. — «Красный архив», 1927, т. 6 (25), стр. 25—26.

⁴ «Россия в мировой войне 1914—1918 годов (в цифрах)». М., 1925 (далее — «Россия в мировой войне...»), стр. 98.

⁵ «Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции». Документы и материалы, ч. 2. М.—Л., 1957, стр. 385.

Задачи, которые стояли в войне перед русским флотом, в самом общем виде сводились к содействию приморским флангам сухопутного фронта, защите их от ударов противника с моря, охране своего побережья и нападению на вражеское, обеспечению морских коммуникаций, нарушению водных перевозок противника. Из этих общих целей вытекали и конкретные задачи, поставленные перед отдельными флотами, в зависимости от обстановки, складывавшейся на том или ином театре войны. Следует подчеркнуть, что военное положение русского флота несколько облегчалось тем, что основные силы германского флота в ходе войны были заняты на других театрах, имевших для Германии большее значение.

Несмотря на кажущуюся ограниченность боевых задач русского флота, он играл существенную роль в ходе первой мировой войны, так как действовал в жизненно важных для России районах и, как увидим дальше, представлял собой значительную вооруженную силу. Поэтому русское военное командование при разработке стратегических планов всегда уделяло большое внимание использованию сил флота.

С первых же дней революции это внимание заметно усилилось. Военная обстановка в 1917 г. сложилась так, что роль фронтов, непосредственно взаимодействовавших с флотом, а значит и самих флотов, существенно возросла. К тому же русский флот сразу же активно включился в политическую жизнь страны и приобрел в ней большое значение. Поэтому Временное правительство и его военные органы на протяжении всего 1917 года предпринимали отчаянные попытки для того, чтобы вовлечь флот в активные боевые действия и удержать его в повиновении командованию.

Уже 12 марта 1917 г. верховный главнокомандующий генерал Алексеев, приступая к разработке планов весенней и летней кампаний и подготовке намечавшихся наступательных операций, обратился к военному и морскому министру Временного правительства А. И. Гучкову со специальным запросом. В этом запросе он просил сообщить ему: «1) Отразились ли каким-либо образом события последнего времени на флоте Черного моря и может ли этот флот быть признан вполне боеспособным. 2) Насколько сильно повлияли печальные события, происшедшие на флоте Балтийского моря (Алексеев имеет в виду революционные выступления на Балтийском флоте в дни свержения самодержавия.— С. X), на боеспособность этого флота, какие потери флот этот понес в личном составе, материальной части судов, артиллерии и в оборонительных сооружениях морских позиций флота. 3) В какой последовательности и в какое время можно ожидать восстановления боеспособности флота Балтийского моря: подводного, минного, крейсерского и линейных кораблей»⁶.

Ответы на эти вопросы, полученные от начальника морского штаба верховного главнокомандующего адмирала Русина, и общие задачи флотов на время войны в значительной мере определили характер боевых заданий, поставленных верховным командованием перед флотами на ближайшие месяцы военных действий. Эти задания исходили как из военного и политического положения, сложившегося на том или ином морском театре, так и из состояния, дислокации и возможностей соответствующего флота.

Балтийский флот действовал на правом фланге русско-германского фронта, прикрывал его от ударов противника с моря, оборонял морские подступы к Петрограду и вел борьбу на морских коммуникациях. Для

⁶ Цит. по кн.: А. Шляпников. Семнадцатый год, кн. II. М.—Л., 1925, стр. 242—243. Приложения.

охраны прибрежного фланга сухопутного фронта и отражения возможных попыток противника прорваться с моря в район Петрограда на Балтийском театре была создана глубоко эшелонированная система минно-артиллерийских позиций, опиравшихся на укрепленные районы.

Эта система включала в себя центральную нарген-порккалаудскую, шхерную, ирбенскую и моонзундскую позиции. Фланги этой системы прикрывались мощными укрепленными районами крепостей им. Петра Великого (Ревель) и Свеаборга (Гельсингфорс). В ее тылу располагался укрепленный район Кронштадта с его фортами. Основой обороны этих позиций были минные заграждения и береговая артиллерия. С этой целью в ходе войны на Балтийском море было выставлено 34 846 мин и сооружено 59 береговых батарей, имевших 206 орудий калибром от 45 до 305 мм⁷.

Балтийский флот базировался в непосредственной близости от Петрограда; его основными базами были Гельсингфорс (главная база), Ревель и Кронштадт. Часть сил флота находилась в самой столице и на островах и берегах Финского залива. Таким образом, Балтийский флот оказался расположенным в самом центре революционных событий — в Петрограде и его ближайшем тылу, т. е. там, где решалась судьба революции.

Боевые действия Балтийского флота выражались в артиллерийской поддержке сухопутных войск, высадке десантов на побережье противника, отражении вражеских десантов. Борьба на морских коммуникациях велась с целью помешать воинским перевозкам немцев и сорвать вывоз ими из Швеции железной руды. Для решения задач, поставленных перед Балтийским флотом, в подчинении его командования находилось значительное количество сухопутных войск.

Общий характер задач Балтийского флота на кампанию 1917 г. не изменился. 30 марта 1917 г. Верховный главнокомандующий генерал Алексеев в директиве главнокомандующим фронтами о характере военных решений на предстоящую весеннюю и летнюю кампании исходил из того, что «нет причин для внесения изменений в основную идею уже принятого плана», и предупреждал о «сохранении идеи наступательных действий». В связи с бурными революционными событиями перед командующим Балтийским флотом ставилась задача скорейшего восстановления боеспособности флота. Учитывая тесное взаимодействие Балтийского флота с войсками Северного фронта, в директиве говорилось: «Подчиняю Балтийский флот с принадлежащими ему крепостями, сухопутными войсками, территорией и морскими позициями главнокомандующему флотом»⁸. С 5 апреля Балтийский флот перешел в оперативное подчинение командующего Северным фронтом, при штабе которого было образовано военно-морское управление во главе с капитаном 1-го ранга В. М. Альтфатером⁹.

Черноморский флот в ходе войны имел общие задачи: огневое содействие приморскому флангу Кавказского и Румынского фронтов; блокирование германо-турецкого флота на Черном море, в особенности путем постановки мин в районе Босфора; высадка десантов на территорию противника, в том числе и захват с моря Босфора и Синопа; осуществление морским путем снабжения и перевозок войск Кавказского фронта; борьба на коммуникациях и защита своего побережья. Исходя из этого, строилась дислокация сил флота. Главной базой Черномор-

⁷ «Флот в первой мировой войне», т. I. М., 1964, стр. 307.

⁸ Центральный государственный архив военно-морского флота (далее—ЦГАВМФ), ф. 716, оп. 1, д. 162, лл. 3—4.

⁹ ЦГАВМФ, ф. р-29, оп. 1, д. 153, л. 204.

ского флота неизменно оставался Севастополь. Ряд кораблей и соединенный базировался периодически на Одессу, Батум и другие черноморские порты. Большое место в составе флота заняли транспортные флотилии, несшие основную тяжесть морских перевозок для Кавказского и Румынского фронтов. В распоряжении флота находился ряд сухопутных частей.

Первые дни революции 1917 г. прошли на Черноморском флоте значительно спокойнее, чем на Балтийском. Это дало основание командованию рассчитывать на активное участие Черноморского флота в продолжающейся войне. Начальник морского штаба Ставки 1 апреля 1917 г. доносил верховному главнокомандующему: «Происшедшие события до настоящего времени на боеготовности Черноморского флота не отразились; авторитет старших начальников и офицеров мало поколеблен, почему полагаю, что при настоящих условиях общественной жизни Черноморский флот может считаться боеспособным»¹⁰.

В упомянутой выше директиве от 30 марта 1917 г. перед Черноморским флотом на кампанию 1917 г. ставились те же задачи, что и раньше, и особо подчеркивалось, что он «должен быть готов оказать полное содействие возможным операциям Румфронта на Нижнем Дунае и Добрудже»¹¹.

Особые задачи были поставлены перед флотилией Северного Ледовитого океана, образованной уже в ходе войны. Ее главным назначением было обеспечение морских перевозок России и союзников в северные порты, оставшиеся фактически единственными пунктами морской связи между Россией и союзными странами. Это привело к резкому возрастанию грузооборота северных портов. В 1917 г. грузооборот Архангельского порта составлял: вывоз — 1 109 288 т, а ввоз — 2 734 599 т¹².

К 1917 г. флотилия Северного Ледовитого океана уже сформировалась как самостоятельная боевая сила и должна была обеспечить северные морские коммуникации, охрану побережья, широкое проведение тральных операций и других работ, связанных с возрастанием роли северных портов и обострением борьбы на северных морях. Основными базами флотилии были Архангельск и находившийся еще в стадии строительства Мурманск с его незамерзающим портом. Корабельный состав флотилии сформировался за счет вооружения ряда местных торговых и промышленных судов, переброски некоторых боевых кораблей с Дальнего Востока и прихода на север нескольких русских кораблей, находившихся за границей.

Хотя флотилия и не имела непосредственного боевого контакта с сухопутным фронтом, в ее составе было изрядное количество сухопутных войск, занятых охраной военных объектов, строительными и разгрузочными работами в портах и несших другую службу на суше.

Флотилии, находившиеся в тыловых районах страны (Сибирская, Амурская и Каспийская), несли охрану соответствующих морских и речных границ, готовили кадры флота, занимались выполнением различных специальных заданий и работ. Они были сравнительно небольшими по своему составу, но играли заметную роль в общественной и военной жизни районов своего базирования (Владивосток, Хабаровск, Благовещенск, Баку). Кроме того, в силу складывавшейся военной обстановки, к 1917 г. был создан ряд временных флотских формирований: флотилии на Чудском и Ванском озерах, небольшие отряды для дей-

¹⁰ «Флот в первой мировой войне», т. I, стр. 518.

¹¹ ЦГАВМФ, ф. 716, оп. 1, д. 162, лл. 3—4.

¹² И. С. Шангин. Моряки в боях за Советский Север (1917—1920). М., 1959, стр. 12.

ствий на прифронтовых реках и озерах и т. п. Часть своих кадров флот выделил и для боевых действий непосредственно на сухопутном фронте, в которых участвовали некоторые части, целиком сформированные из моряков.

В кампанию 1917 г. боевая активность русского флота в силу ряда причин была несколько ниже, чем в предыдущие годы войны. Если не считать Моонзундского сражения в октябре 1917 г., то за весь этот год крупных морских операций по существу не было. Но непрерывно продолжались повседневные боевые действия флота, заключавшиеся в транспортных, конвойных, тральных и тому подобных операциях. Они держали флот в постоянном боевом напряжении и требовали от него высокой боевой готовности.

Разруха, охватившая в годы войны всю экономику России, хотя и заметно сказалась на состоянии и снабжении флота, все же отразилась на нем значительно менее болезненно, чем на армии и тыловом населении. К этому следует добавить и то, что к первой мировой войне русский флот в военно-техническом отношении оказался подготовленным несколько лучше, чем армия. В 1917 г. русский флот стал ощущать нехватку боеприпасов, топлива, продовольствия.

Некоторое представление об этой стороне состояния флота в 1917 г. дает докладная записка «Затруднения, возникшие после революции», составленная морским министерством 9 октября 1917 г.¹³ Эта записка отмечает, что снабжение флота боевыми припасами уменьшилось от 25 до 75%. Реакционные чиновники министерства, закрывая глаза на растущее хищничество и саботаж предпринимателей, основные причины этого падения усматривали, конечно, в нарастании революционных событий и возлагали вину за снижение выпуска боеприпасов на трудящихся. Они писали, что причиной уменьшения снабжения флота является «чрезвычайное понижение производительности заводов, происходящее вследствие: 1) недостатка сырья и топлива, 2) неурядиц на заводах и ослабления технических сил путем изгнания наиболее опытных мастеров и отвлечения лучших высококвалифицированных рабочих к постоянной работе в многочисленных организациях, 3) увеличения прогулов и падения дисциплины труда, 4) эксцессов и неорганизованных выступлений на заводах». Авторы записки подчеркивали, что «из всех перечисленных причин самая губительная — эксцессы и анархические явления на заводах», подразумевая под этим рост революционных выступлений рабочих. Правда, противоречая сами себе, они должны были все же отметить, что «заводы морского ведомства в общем перенесли революционное время гораздо спокойнее, чем частные, и производительность труда на них не настолько уменьшилась, частью она даже сохранилась на прежнем уровне». Вместе с тем министерство констатировало, что «затруднения в изготовлении боевых припасов еще не отразились на флоте, так как имеются большие запасы».

Резко снизилось поступление на флот основного в то время топлива — каменного угля. Так, если в портах Балтийского моря к 15 сентября 1916 г. было 484 994 т угля, то на 15 сентября 1917 г. его наличие упало до 248 360 т. В Архангельске и Кемии запасы угля сократились соответственно с 384 тыс. т до 300 тыс. т. Но, как сообщало морское министерство, понижение доставки угля «не повлияло на деятельность флота и не внушает серьезных опасений только потому, что потребление угля флотом в 1917 году, несмотря на увеличение его численного состава судов, понизилось на 14%, что является показателем понижения

¹³ ЦГАВМФ, ф. 418, оп. 1, д. 2247, лл. 3—8.

учебно-боевой деятельности флота, ...доставка жидкого топлива протекала нормально».

Снабжение флота другими видами снаряжения также резко упало и его перспективы были отнюдь не радужными. В записке говорится: «Почти все поставщики морского министерства подавали заявления о невозможности продолжать выполнение поставок ввиду их убыточности в настоящее время и ввиду невозможности гарантировать сроки». Иностранные фирмы по мере нарастания революционных событий в России также всячески уклонялись от выполнения заказов для русского флота. «Чувствуется недоверие иностранных поставщиков, затягивающих выполнение заказов, — отмечало министерство. — Так, из 100 авиационных моторов ходового типа, заказанных во Франции, мы за лето получили лишь 14».

О продовольственном снабжении флота в записке говорилось: «До настоящего времени паек на флоте не уменьшался», но «министерство продовольствия сообщило, что вместо затребованных 522 000 пудов оно может дать лишь 165 000 пудов».

Таким образом, можно констатировать, что хотя обеспечение флота всем необходимым для его боевой деятельности было в 1917 г. относительно благополучным, стремительно нараставшая накануне Октябрьской революции разруха в стране создавала для флота угрозу полной потери боеспособности в самом недалеком будущем.

Тем не менее к моменту социалистической революции русский флот оставался мощным и вполне боеспособным отрядом вооруженных сил страны, сыгравшим значительную роль в борьбе за победу революции.

Что же собой представлял русский флот к 1917 г. по составу боевых средств и кадров военных моряков? Этот вопрос в нашей историографии почти совершенно не разработан. Нет сводных исследований, в которых освещались бы роль и участие в революции и войне 1914—1918 гг. моряков всех флотов и флотилий; исключение составляет лишь несколько работ, в которых предприняты подобные попытки¹⁴. Но все они не содержат обобщенных данных, характеризующих состав русского флота в целом, ограничиваясь в лучшем случае лишь отдельными сведениями по тому или иному флоту или флотилии. Не располагает наша историография и разработанными статистическими данными, относящимися к мировой войне 1914—1918 гг. вообще и к состоянию русского флота в частности. В изданном более 40 лет тому назад Центральным статистическим управлением сборнике «Россия в мировой войне» составители в предисловии справедливо отмечали, что статистика войны чрезвычайно скудна, особенно в части, характеризующей участие в войне бывшей царской России, что «...многие весьма важные явления во время войны регистрировались кое-как, а значительная часть их вовсе не регистрировалась»¹⁵. Остается лишь добавить, что в указанном сборнике материалы, касающиеся состояния флота, крайне немногочисленны, случайны и в ряде случаев вызывают сомнения.

Правда, за последнее время, в связи с общим возрастанием интереса исследователей к статистическим данным, несколько повысилось внимание и к анализу состава русского флота в интересующий нас период. Но в появившихся немногочисленных работах по этому вопросу речь идет опять-таки либо об отдельных флотах, либо о тех или иных част-

¹⁴ С. Ф. Найдя. Революционное движение в царском флоте. М., 1948; «Военные моряки в борьбе за победу Октябрьской революции». М., 1958; «Флот в первой мировой войне», тт. I, II. М., 1964.

¹⁵ «Россия в мировой войне...», стр. 1.

ных, хотя иногда и существенных, сторонах этой проблемы¹⁶. Всесторонняя же характеристика состава русского флота в целом к моменту революции до сих пор в литературе отсутствует.

Приводимые ниже данные по этому вопросу вряд ли являются исчерпывающими, но все же позволяют, как нам кажется, дать сравнительно полную и достоверную картину состава русского флота к 1917 г.

На 1 января 1917 г. в списках судов русского флота состояло 558 боевых кораблей: 20 линкоров, 4 линейных крейсера, 23 крейсера, 118 эсминцев, 28 миноносцев, 57 подводных лодок, 5 заградителей, 50 тральщиков, 11 канонерских лодок, 18 речных канонерских лодок, 11 учебных судов, 27 транспортов, 65 посыльных судов, 6 яхт, 31 гидрографическое судно, 73 портовых и посыльных судна, 10 блокшивов, 1 морской ледокол. К этому же времени достраивалось на воде 56 кораблей и находилось в постройке 23 корабля¹⁷. К данному количеству кораблей нужно прибавить свыше 500 судов торгового флота, использованных для военных целей во время войны¹⁸.

Наибольшее количество кораблей было сосредоточено на Балтийском море, флот которого, по данным В. В. Петраша, к 25 октября 1917 г. имел 690 боевых и вспомогательных кораблей, в том числе 7 линкоров, 9 крейсеров, 68 эсминцев и 606 других судов¹⁹.

Данные о корабельном составе Черноморского флота, приводимые исследователями, хотя и несколько различны, но все же дают примерную картину количества кораблей на этом флоте. В. Жуков, например, утверждал, что на Черноморском флоте было до 400 судов, из них около 60 кораблей военного типа^{19а}. Н. Гречанюк и П. Попов сообщают, что накануне Февральской революции Черноморский флот имел 45 крупных надводных кораблей, 12 подводных лодок и много малых кораблей и вспомогательных судов; в числе боевых кораблей Черноморского флота, по их сведениям, были: 1 новейший линкор, 7 эскадренных броненосцев, 1 крейсер, 3 авиатранспорта, 23 эсминца. В 1917 г. Черноморский флот пополнился 1 линкором, 4 эсминцами, 3 подводными лодками и 3 вспомогательными крейсерами²⁰. В. С. Шломин приводит несколько иные данные, утверждая, что к октябрю 1917 г. Черноморский флот имел 2 новых и 6 старых линкоров, 4 крейсера, 23 эсминца, 4 миноносца, 12 подводных лодок, 3 канонерские лодки, 14 минных и сетевых заградителей, 3 авиатранспорта, 18 быстроходных сторожевых катеров, 21 посыльное судно и 64 тральщика. Кроме того, в состав Черноморского флота вхо-

¹⁶ См., например, В. В. Петраш. Состав Балтийского флота и участие военных моряков в Октябрьском вооруженном восстании.— В кн.: «Ленин и Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде». М., 1964 (далее — В. В. Петраш. Состав Балтийского флота...), стр. 317—330; Д. А. Гаркавецко. Классовый состав матросов русского флота в эпоху империализма.— «Труды Военно-морского флота», № 18. Л., 1962.

¹⁷ ЦГАВМФ, ф. 410, оп. 4, д. 110, л. 26; С. П. Моисеев. Список кораблей русского парового и броненосного флота (с 1861 по 1917 г.). М., 1948, стр. 33. В «Списке» количество транспортов указано — 26, а общее количество кораблей — 557. В сборнике «Россия в мировой войне» на стр. 95 указано, что в 1917 г. русский флот имел 15 линкоров, 10 броненосных крейсеров, 16 легких крейсеров, 150 миноносцев, 26 подводных лодок. Нам эти цифры представляются явно заниженными.

¹⁸ С. П. Моисеев. Указ. соч., стр. 436—471. В это число не входит множество мелких частновладельческих судов (катера, буксиры и т. п.), также широко применявшихся для военных целей.

¹⁹ В. В. Петраш. Моряки-балтийцы в Октябрьские дни.— «Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде». Сборник статей. М.—Л., 1957, стр. 185—186.

^{19а} В. Жуков. Черноморский флот в революцию 1917 года.— «Пролетарская революция», 1927, № 8-9, (67-68), стр. 143.

²⁰ Н. Гречанюк, П. Попов. Моряки Черноморского флота в борьбе за власть Советов. Симферополь, 1957, стр. 5.

дила транспортная флотилия, объединявшая почти все суда черноморских и азовских пароходств и судовладельцев (всего около 100 единиц)^{20а}. Эти расхождения, на наш взгляд, объясняются в известной мере тем, что авторы с разной степенью детализации характеризуют судовой состав Черноморского флота и в некоторых случаях применяют различную классификацию кораблей. Более достоверными нам представляются данные В. С. Шломина.

Таким образом, основная масса кораблей русского флота в 1917 г. была сосредоточена в районах, где разворачивались военные действия, и входила в состав Балтийского и Черноморского флотов и флотилий Северного Ледовитого океана. Лишь незначительная часть кораблей находилась в Сибирской, Амурской, Каспийской и некоторых других более мелких флотилиях.

Крупнейшей среди флотилий была флотилия Северного Ледовитого океана, насчитывавшая в своем составе к октябрю 1917 г. 89 кораблей: 1 линкор, 1 крейсер, 6 миноносцев, 1 подводную лодку, 2 ледокола, 1 заградитель, 1 транспортную мастерскую, 3 гидрографических судна, 1 транспорт, 8 портовых судов, 1 госпитальное судно, 43 тральщика, а также другие суда²¹.

Судовой состав остальных флотилий был незначительным. Многие корабли тыловых флотилий в ходе войны были разоружены и их вооружение отправлено на действующие флоты. Вот, например, что представлял собой состав дальневосточных флотилий. На Амурской флотилии к концу 1917 г. из 8 башенных лодок осталось в строю 2, из 7 бронированных лодок — 3, из 10 посыльных судов — 2, небронированных лодок — 3²². Такое резкое сокращение боевых кораблей флотилии сделало ее фактически небоеспособной. Командующий Амурской флотилией 1 июля 1917 г. доносил командующему Приамурским военным округом, что «для приведения в полную боеспособность флотилии» необходимо вооружить артиллерией и пулеметами ряд кораблей, отремонтировать некоторые из них, улучшить снабжение флотилии и т. д.²³ Более солидную боевую силу представляла Сибирская флотилия. На 1 января 1917 г. она имела 1 вспомогательный крейсер, 1 канонерскую лодку, 14 миноносцев, 1 транспорт-заградитель, 4 минных заградителя, 1 посыльное судно, 2 тральщика²⁴.

Говоря о составе боевых средств русского флота в 1917 г., надо также помимо кораблей иметь в виду наличие в нем береговой артиллерии и лишь начавшей тогда внедряться в вооруженные силы авиации. К началу 1917 г. авиация русского флота имела 269 самолетов, из которых 88 находились на Балтийском флоте, 152 — на Черноморском и 29 — в школе морской авиации²⁵.

Потери русского флота в ходе войны были сравнительно небольшими. По данным морского ведомства за время с начала войны и до Октябрьской революции они составили 29 боевых кораблей. Из них: 1 линкор, 3 крейсера, 10 эсминцев, 6 подводных лодок, 9 прочих судов.

^{20а} «Моряки в борьбе за власть Советов на Украине». Сборник документов. Киев, 1963, стр. 5—6.

²¹ И. С. Шангин. Указ. соч., стр. 13; М. А. Столяренко. Моряки в огне революции. Л., 1960, стр. 11; В. В. Тарасов. Борьба с интервентами на Севере России. М., 1958, стр. 19. В кн.: «Флот в первой мировой войне» (т. 1, стр. 626) сообщается, что, вступая в кампанию 1917 г., флотилия имела 94 боевых и вспомогательных корабля.

²² ЦГАВМФ, ф. р-342, оп. 1, д. 40, л. 24.

²³ Там же, д. 441, л. 60, 60 об.

²⁴ Там же, д. 41, л. 2.

²⁵ Там же, ф. 410, оп. 4, д. 110, л. 101.

В 1914 г. было потеряно 9 кораблей, в 1915 — 2, в 1916 — 9, в 1917 г. (до 25 октября) — 9 кораблей²⁶.

Рассмотрим теперь, что же представлял из себя личный состав русского флота в 1917 г.²⁷ Этот вопрос имеет первостепенное значение для определения роли и места военных моряков в подготовке и проведении Великой Октябрьской социалистической революции.

Начнем с количества рядового состава флота, численность которого характеризуется данными табл. 1.

Таблица 1

Рядовой состав флота на 1 января 1917 г.*

Флот, флотилия	Кондукторы	Сверхсрочно служащие	Прочие рядовые	Всего
Балтийский	1245	2466	80 159	83 870
Черноморский	694	849	40 371	41 914
Сибирская	104	143	5 808	6 055
Северного Ледовитого океана . . .	108	31	3 074	3 213
Каспийская	22	65	1 083	1 170
Амурская	38	50	905	993
Итого	2211	3604	131 400	137 215

* «Секретный доклад о деятельности Морского министерства за 1916 г.» (далее—«Секретный доклад . . .»), стр. 10—11; ЦГАВМФ, ф. 417, оп. 1, д. 46391, лл. 1—2; ф. 410, оп. 4, д. 110, л. 43.

К общему числу рядовых надо прибавить 19 тыс. ратников морского ополчения, находившихся к 1 января 1917 г. в составе рядовых морского ведомства²⁸, что даст общее количество матросов и кондукторов русского флота — 156 215 человек.

Количество матросов русского флота в течение 1917 г. существенных изменений не претерпело и оставалось относительно стабильным. По данным морского генерального штаба оно (без кондукторов) в первом полугодии 1917 г. составляло: на 1 января — 154 004, на 1 февраля — 154 004, на 1 марта — 153 971, на 1 апреля — 153 971 чел., на 1 мая — 153 936, на 1 июня — 153 904, на 1 июля — 153 798 человек²⁹.

Во втором полугодии 1917 г. количество матросов уменьшилось несколько значительнее в связи с тем, что в середине года был ликвидирован по требованию матросских масс институт кондукторов и сверхсрочников. Большинство из них были уволены в запас и лишь немногие остались на флоте в качестве нестроевых и подпоручиков флота. В этом полугодии возросли и потери флота, в частности, в ходе Моонзундского сражения. Кроме того, к осени 1917 г. увеличилось количество матросов, хотя и остававшихся в кадрах флота, но фактически находившихся в различных районах страны в качестве агитаторов, делегатов, отпускников и т. п.

²⁶ «Россия в мировой войне...», стр. 42. В число потерь, видимо, не включены потери транспортов и других вспомогательных кораблей.

²⁷ Некоторые материалы по этому вопросу мною опубликованы (см. С. С. Хесин. Личный состав русского флота в 1917 году.—«Военно-исторический журнал», 1965, № 11).

²⁸ ЦГАВМФ, ф. 417, оп. 1, д. 46391, л. 102; ф. 410, оп. 4, д. 110, л. 43. Ратниками морского ополчения являлись матросы призывов 1899—1903 гг., вновь призванные в 1917 г. из запаса.

²⁹ Там же, л. 184.

Вместе с тем некоторые соединения флота к осени 1917 г. увеличили количество личного состава. Так, на Каспийской флотилии число военно-служащих к 29 сентября 1917 г. возросло до 2057 человек³⁰, против 1170 матросов и кондукторов, находившихся в составе Каспийской флотилии на 1 января того же года. Почти удвоилась численность личного состава на флотилии Северного Ледовитого океана.

Командный состав флота на 1 января 1917 г. насчитывал, согласно материалам морского министерства, 6095 человек, из которых было 179 адмиралов и генералов и 5916 офицеров³¹. На протяжении 1917 г. командный состав флота несколько увеличился. Из доклада Главного управления личного состава флота явствует, что к 1 января 1918 г. на флоте было: 54 адмирала, 135 генералов, 1160 штаб-офицеров, 4065 обер-офицеров, 2957 мичманов и прапорщиков³². Всего — 8371 человек.

Таким образом, общее количество личного состава морского ведомства составляло в начале 1917 г. 162 310 матросов, кондукторов, офицеров, генералов и адмиралов.

Однако эта цифра вряд ли является исчерпывающей. К ней, видимо, нужно прибавить тех военнослужащих флота, которые в приведенных выше материалах показаны особо³³. Это 367 адмиралов, генералов, офицеров и 10 945 «нижних чинов» морского ведомства, находившихся к 1 января 1917 г. в составе флотских частей на сухопутном фронте³⁴. Кроме того, на то же число на флоте было 467 врачей, 27 фармацевтов, 2636 человек младшего медицинского персонала³⁵. Морская авиация к 1 января 1917 г. имела в своем составе 211 офицеров (из них 89 летчиков) и 2378 матросов (из них 12 летчиков)³⁶. Если учесть и эти данные, то общее количество моряков, находившихся к 1 января 1917 г. в составе русских вооруженных сил, составит 179 841 человек.

Рассмотрим теперь пути комплектования личного состава флота, находившегося в строю к 1917 г. Командные кадры флота состояли в основном из кадровых офицеров, адмиралов и генералов, получивших специальную подготовку и избравших флотскую службу своей профессией. Согласно отчету мобилизационного отделения Главного морского штаба, с начала войны и до 1 января 1917 г. на флот было призвано из запаса и морского ополчения всего 578 офицеров³⁷. Остальные командные должности на флоте, как правило, занимали профессиональные военные моряки. По-иному был укомплектован рядовой состав флота. Он состоял из задержанных в связи с войной матросов призывов 1909—1913 гг., призванных из запаса матросов призывов 1904—1908 гг., ратников морского ополчения, поступивших по усиленным наборам 1914—

³⁰ ЦГАВМФ, ф. 187, оп. 1, д. 13, лл. 25 об.— 26.

³¹ ЦГАВМФ, ф. 410, оп. 4, д. 110, л. 34.

³² ЦГАВМФ, ф. 187, оп. 1, д. 50-а, л. 4.

³³ Нам не удалось установить, не включены ли эти военнослужащие в общую численность личного состава морского ведомства. Поэтому приводимые сведения следует считать в известном смысле условными.

³⁴ «Секретный доклад...», стр. 12. В подготовительных материалах к этому докладу указано, что на сухопутном фронте было 5802 матроса и 422 адмирала, генерала и офицера (ЦГАВМФ, ф. 410, оп. 4, д. 110, лл. 35, 49). В материалах Главного морского штаба указано, что на 20 ноября 1916 г. в частях сухопутного фронта состояло моряков: Отдельный батальон Гвардейского экипажа — 1918 человек, Бригада особого назначения — 659, Балтийская морская дивизия — 1290, Черноморский морской полк — 272, Отдельная морская запасная рота в Батуме — 235, Отряд Балтийского флота при Кавказской туземной конной дивизии — 169 чел., всего 4543 человека (ЦГАВМФ, ф. 417, оп. 1, д. 47697, л. 76).

³⁵ «Секретный доклад...», стр. 53.

³⁶ Там же, стр. 23; ЦГАВМФ, ф. 410, оп. 4, д. 110, л. 110.

³⁷ ЦГАВМФ, ф. 417, оп. 1, д. 46646, л. 2.

1916 гг. и сравнительно небольшого числа добровольцев (охотников) и сверхсрочно служащих. Общая картина состава матросов на 1 января 1917 г. по стажу флотской службы была такова³⁸:

Ратники морского ополчения	19 000 человек
Призванные из запаса	26 105 »
Задержанные на флоте	22 420 »
Срочно служащие (в том числе по призывам 1914—1916 гг.)	81 874 человека
Сверхсрочно служащие	3675 человек
Охотники (добровольцы)	1000 »

Итого . . . 154 074 человека

Из этих данных видно, что основную массу рядового состава флота составляли матросы, имевшие немалый стаж флотской службы. Многие из них были участниками и свидетелями революционных событий на флоте в 1905 и последующих годах; они принесли с собой дух революционных традиций русского флота, активизировали и сплачивали матросскую массу. Это обстоятельство с тревогой отмечали царские власти. Так, еще в 1915 г. товарищ министра внутренних дел Белецкий писал в Ставку верховного главнокомандующего, что «с объявлением войны в Балтийский флот поступило весьма значительное число запасных, принимавших участие в матросских беспорядках в 1906—1907 гг. и в 1910—1912 гг.; этот неблагонадежный элемент растлевающе действует на всю массу нижних чинов флота»³⁹.

Каждый флот комплектовался за счет новобранцев, призываемых из территориально близких ему районов.

Балтийский флот получал призывников из губерний: Архангельской, Витебской, Владимирской, Вологодской, Волынской, Вятской, Гродненской, Казанской, Калужской, Костромской, Курляндской, Лифляндской, Минской, Могилевской, Московской, Нижегородской, Новгородской, Олонецкой, Орловской, Пензенской, Петербургской, Псковской, Пермской, Рязанской, Саратовской, Симбирской, Смоленской, Тверской, Тульской, Черниговской, Эстляндской и Ярославской.

Черноморский флот получал пополнение из губерний: Астраханской, Бессарабской, Воронежской, Донской, Киевской, Курской, Кубанской, Полтавской, Подольской, Самарской, Ставропольской, Тамбовской, Харьковской, Херсонской, Черниговской⁴⁰.

Сибирская и Амурская флотилии комплектовались призывниками из Забайкальской области, Енисейской, Иркутской, Оренбургской, Самарской, Тамбовской, Тобольской и Томской губерний⁴¹.

Однако окраинные флотилии на Севере, Дальнем Востоке, Каспии получали немалое пополнение за счет матросов Балтийского и Черноморского флотов, переводившихся туда в связи с необходимостью доукомплектования этих флотилий и в значительной части за счет высланных туда «неблагонадежных» матросов. Только за 1916 г. с Черноморского флота было выслано на отдаленные флотилии более 1000 матросов, не менее 600 из которых считались «смутьянами»⁴². Ко-

³⁸ ЦГАВМФ, ф. 417, оп. 1, д. 47053, л. 20.

³⁹ Цит. по кн.: С. Ф. Найдан. Указ. соч., стр. 501.

⁴⁰ Д. А. Гаркавенко. Указ. соч., стр. 164—165.

⁴¹ Там же, стр. 166.

⁴² Г. И. Семин. Коммунистическая партия в борьбе за большевизацию Черноморского флота в 1917 году.—«Борьба большевиков за власть Советов в Крыму». Сборник статей. Симферополь, 1957, стр. 56.

мандир Бакинского порта капитан 1-го ранга Одинцов 24 августа 1917 г. просил морское министерство не присылать на флотилию матросов из Кронштадта, так как они «вредно влияют на настроение команды флотилии»⁴³. Вообще личный состав нередко перемещался с флота на флот, как в момент призыва, так и в процессе прохождения службы.

Потери в личном составе, понесенные флотом в ходе войны, были относительно небольшими и по материалам Главного штаба характеризуются данными табл. 2.

Таблица 2

Потери в личном составе русского флота в первой мировой войне*

Флот	Убитые и погибшие	Умершие от ран	Умершие от болезней	Пленные и без вести пропавшие	Раненые	Всего
Балтийский	2223	65	48	482	577	3395
Черноморский	673	128	2	127	446	1376
Сибирский	178	10	4	1	99	292
Итого	3074	203	54	610	1122	5063

* «Россия в мировой войне . . .», стр. 36.

Но приведенная выше таблица содержит сведения о потерях флота за всю войну, включая и 1917 г. К моменту же вступления флота в революционный 1917 год эти потери были несколько меньшими, что видно из табл. 3.

Таблица 3

Потери в личном составе флота с начала войны по 1 января 1917 г. (без офицеров)*

Флот	Кондукторы	Матросы	Всего
Балтийский	19	2057	2076
Черноморский	15	1239	1254
Сибирский	6	197	203
Итого	40	3493	3533

* ЦГАВМФ, ф. 417, оп. 1, д. 47697, лл. 84—85. В других материалах морского министерства указано, что с начала войны по 31 декабря 1916 г. флот потерял 42 кондуктора и 3702 матроса (ЦГАВМФ, ф. 410, оп. 4, д. 110, л. 46).

Нужно также учесть убыль матросов и офицеров в ходе революционных событий 1917 г. Наиболее ощутимо она сказалась на командном составе флота. По сведениям Главного управления по делам личного состава флота Главного морского штаба, на 21 августа 1917 г. было отчислено от должностей «в связи с отношением к ним команд» 306 адмиралов, генералов и офицеров. Кроме того, следует учесть некоторое количество командного состава убитых и арестованных в дни свержения самодержавия и в последующие дни революционных выступлений. По подсчетам В. В. Петраша, на Балтийском флоте в феврале 1917 г. было

⁴³ ЦГАВМФ, ф. р.-342, оп. 1, д. 3, л. 121.

убито 75 офицеров и 15 боцманов, 162 офицера были арестованы⁴⁴. В те же дни на флоте погибло 33 матроса⁴⁵.

К 1917 г. флот ощущал определенную нехватку личного состава, особенно офицерского. Специальное совещание, состоявшееся 16 декабря 1916 г. в Главном морском штабе, определило потребность флота в офицерах на 1917 г. в 1500 человек пополнения⁴⁶. Наибольшая нехватка личного состава была на флотилиях, не принимавших активного участия в боевых действиях. На 1 июля 1917 г. на Амурской флотилии не хватало до табельного расписания 73 офицера, 37 кондукторов и 889 рядовых⁴⁷. На Каспийской флотилии в начале апреля 1917 г. было 28 офицеров, вместо 37 положенных по штату⁴⁸. Но и на действующих флотах был довольно высокий процент некомплекта личного состава, особенно офицерского. На 1 января 1917 г. на Балтийском флоте не хватало 578 офицеров, а на Черноморском недоставало на кораблях и в авиации 354 офицера, что составляло около 24%⁴⁹.

Определенный интерес представляет характер распределения личного состава по соединениям и частям флота. Для примера приведем данные о таком распределении на Черноморском флоте. К 12 августа 1917 г. матросы этого флота находились: 27 574 — на боевых кораблях, 5404 — на вспомогательных судах и транспортах, 3446 составляли кадры школ и учеников, 4994 служили в экипажах и других береговых учреждениях. 162 матроса состояли (к 1 августа) в Дунайской транспортной флотилии. Офицеры Черноморского флота к 1 сентября 1917 г. служили: на боевых кораблях — 641, в штабах — 260, на вспомогательных судах — 515, в транспортной флотилии — 173, в Дунайской транспортной флотилии — 38, в авиации — 185, в службе связи — 69, на берегу — 327, в резерве — 62, и в плену находились 7 офицеров⁵⁰. Примерно в таком же соотношении распределялся личный состав и других флотов и флотилий.

Таковы некоторые данные, характеризующие количественную сторону личного состава флота в 1917 г. Как видим, его численность относительно многомиллионной русской армии была незначительной. Чем же объясняется в таком случае та выдающаяся роль, которую сыграли моряки в исторических событиях 1917 года? Враги Советской власти пытались объяснить это лишь некоей особой психологией матросов, спецификой матросской «вольницы» и т. п. В. М. Чернов утверждал, что «в психологии матроса, живущего в объятиях самой непостоянной и переменчивой из стихий — моря с его капризами погоды, которые не предусмотреть, с его внезапными бурями и шквалами, есть что-то отражающее это буйное стихийное непостоянство. И другая особенность — жизнь на самодовлеющих «плавающих крепостях» — тоже наложила на матросскую среду свой отпечаток... Буйная удаль, с примесью непостоянства, беззаботная подвижность и неприкованность ни к каким прочным «устоям» и, наконец, самодовлеющее противопоставление остальному миру, при крепкой товарищеской спайке в собственном узком кругу», — вот, по мнению Чернова, причины, превратившие матросов в одну

⁴⁴ В. В. Петраш. Моряки-балтийцы в Октябрьские дни, стр. 187. В отчете командующего Балтийским флотом сказано, что во время Февральской революции «было убито 67 офицеров, кроме того много офицеров удалено со своих мест командами» (ЦГАВМФ, ф. 479, оп. 1, д. 802, л. 55).

⁴⁵ ЦГАВМФ, ф. 417, оп. 1, д. 46391, л. 185.

⁴⁶ ЦГАВМФ, ф. р-342, оп. 1, д. 439, лл. 2—3.

⁴⁷ Там же, д. 40, л. 6.

⁴⁸ ЦГАВМФ, ф. 417, оп. 1, д. 46331, л. 6.

⁴⁹ ЦГАВМФ, ф. 187, оп. 1, д. 58, лл. 11, 11 об.

⁵⁰ ЦГАВМФ, ф. 716, оп. 1, д. 288, лл. 34—35, 42, 56.

из опор большевистской партии⁵¹. Подобные утверждения не являются сколько-нибудь серьезным научным анализом явлений и далеки от действительности.

Для того чтобы правильно понять истинные причины активного участия моряков в революции, надо прежде всего обратиться к рассмотрению некоторых моментов, определявших качественную сторону личного состава флота, который представлял собой не только военный, но и определенный общественный организм, действовавший в соответствии с законами развития общества. Поскольку нас в данном случае интересует анализ состава русских моряков в 1917 г., то мы здесь не будем касаться многих очень важных обстоятельств, обусловивших активное участие моряков в революции, а остановимся лишь на характеристике некоторых качественных сторон состава русских моряков.

В 1917 г. военно-морской флот представлял собой наиболее технически оснащенный вид вооруженных сил. Его основные боевые средства — корабли требовали личного состава, обладающего серьезными техническими навыками, должной квалификацией. Поэтому комплектование флота производилось преимущественно за счет сравнительно грамотных и развитых призывников, со значительным процентом выходцев из квалифицированных рабочих. В этом отношении флот заметно отличался от армии, состоявшей в основном из крестьян. В ходе войны процент крестьян в армии значительно увеличился. К апрелю 1917 г. из 15 800 тыс. мобилизованных в армию 12 861 400 человек были призваны из сельской местности⁵², что составляло около 85% всех мобилизованных.

С точки зрения политической роли, которую армия и флот играли в общественной жизни страны, их следует рассматривать как единый организм, где существовали благоприятные условия для укрепления союза рабочих и крестьян в революции. Преимущество флота перед армией в этом отношении заключалось в том, что в силу указанных выше причин на флоте сильнее сказывалась и легче осуществлялась руководящая роль рабочего класса в этом союзе.

Руководящая роль рабочих подтверждается и тем, что, как отмечал В. И. Ленин еще при анализе революционного движения в войсках в 1905 г., «вождей движения давали *те элементы* военного флота и армии, которые рекрутировались главным образом из среды промышленных рабочих и для которых требовалась наибольшая техническая подготовка...»⁵³ В самом деле, напомним профессии только некоторых представителей революционного актива моряков до их прихода на флот: П. Дыбенко — портовый рабочий, Т. Ульянов — слесарь, Н. Пожаров — токарь, А. Железняков — слесарь и кочегар, В. Полухин — электротехник, А. Мокроусов — шахтер и слесарь и т. д. и т. п.

Все исследователи, занимавшиеся изучением участия моряков в революции, единодушно отмечали высокий процент выходцев из рабочих среди матросов. Это же обстоятельство неизменно подчеркивали и все активные участники революционной борьбы на флоте. Однако и исследователи, и мемуаристы до недавнего времени либо делали такой вывод голословно, либо пытались подкрепить его отрывочными и случайными данными. В итоге в нашей историографии преувеличивалось количество рабочих и преуменьшалось количество крестьян и городской мелкой буржуазии среди матросов.

⁵¹ Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (далее — ЦПА ИМЛ), ф. 274, оп. 1, д. 40, лл. 113—114.

⁵² «Россия в мировой войне...», стр. 8, 49.

⁵³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 318.

Первые попытки серьезного и обоснованного анализа социального состава русских матросов предприняли Д. А. Гаркавенко применительно ко всему флоту⁵⁴ и В. В. Петраш — к Балтийскому⁵⁵. Их выводы, сделанные на основе изучения обширных документальных материалов флотских призывных комиссий, нам представляются в основном справедливыми, хотя в некоторых случаях и являются спорными. Поэтому мы, со своей стороны, попытаемся дать по возможности полную и детальную картину качественного состава русских моряков, также анализируя материалы призывных комиссий флота⁵⁶.

Обратимся к данным призывов только военного времени (1914, 1915 и 1916 гг.), полагая их типичными для характеристики состава русских матросов в 1917 г. Оговоримся лишь, что призывники довоенных лет, оставшиеся на флоте в 1917 г., отличались несколько меньшим процентом выходцев из рабочих, что незначительно меняет общую картину состава матросов в 1917 г. Надо также иметь в виду, что дореволюционную военно-морскую статистику интересовал не классовый состав призывников в точном смысле этого слова, а их профессии, нужные флоту. Это обстоятельство делает выводы о социальном составе матросов в известном смысле приблизительными и неизбежно порождает некоторые разногласия среди исследователей. То же следует сказать и об ограниченных возможностях характеристики национального состава призванных на флот, так как статистика тех лет объединяла в одну рубрику русских, украинцев, белорусов, которые составляли подавляющее большинство матросов. Имеющиеся в нашем распоряжении материалы позволяют сделать определенные и обоснованные выводы о качественном составе матросов, поступивших на флот в годы первой мировой войны (см. табл. 4 на стр. 84—85).

Данные таблицы говорят о том, что среди призванных на флот было подавляющее большинство (81,31%) грамотных и незначительное количество малограмотных (11,27%) и неграмотных (7,42%). Несомненно, что это обстоятельство в значительной мере облегчало вовлечение матросов в революционную борьбу. Состав призывников был сравнительно однородным в национальном отношении при громадном преобладании русских, украинцев и белорусов (около 95,42%). Это, с одной стороны, содействовало сплоченности матросов, но, с другой, способствовало шовинистической и великодержавной пропаганде, энергично проводившейся на флоте царским правительством.

Однако главным и определяющим был социальный состав матросов. Попытаемся на основании сведений о профессиях призывников охарактеризовать его. Условно разделим состав матросов на три социальные группы: 1) фабрично-заводские рабочие, 2) полупролетарии, 3) крестьянство и городская мелкая буржуазия.

К категории фабрично-заводских рабочих мы относим призывников таких профессий, как электротехники, литейщики, токари, котельщики, слесари, масленщики, кочегары, машинисты и помощники машинистов. Большинство из них до призыва работало на фабриках и заводах и лишь некоторая часть принадлежала к ремесленникам и кустарям. К сожалению, установить точное соотношение тех и других не удалось.

⁵⁴ Д. А. Гаркавенко. Указ. соч.

⁵⁵ В. В. Петраш. Состав Балтийского флота...

⁵⁶ Этот анализ будет полезным, так как работа В. В. Петраша касается только Балтийского флота, а Д. А. Гаркавенко недостаточно ясно обосновывает свои выводы, заставляя читателя принимать его подсчеты на веру. Так, остается неизвестным, какие профессии призывников и почему Д. А. Гаркавенко относит к рабочим, какие — к ремесленникам и кустарям, какие — к служащим. Кроме того, его данные основаны не на сведениях о профессиях призванных на флот к моменту призыва, а на происхождении призывников («из крестьян», «из рабочих» и т. д.).

В категорию полупролетариев мы зачисляем призывников, являвшихся до поступления на флот судходцами, рыбаками, конопатчиками, плотниками, малярами, столярами, кузнецами и медниками. Среди них преобладали кустари, отходники и т. п. Были, конечно, и в их среде рабочие фабрик и заводов, но их процент уравнивается примерно таким же процентом кустарей и ремесленников среди профессий, отнесенных нами к рабочим.

В разряд крестьян и городской мелкой буржуазии нами отнесены те призывники, которые до флотской службы являлись хлебопашцами, торговцами, писарями, телеграфистами и работниками «прочих занятий». Среди этой категории были также представители других социальных слоев (чернорабочие, ремесленники, прислуга и т. п.), но их количество было относительно небольшим. К сожалению, не представляется возможным дать более определенную социальную характеристику призывникам из «хлебопашцев», разделив их на кулаков, середняков и бедняков. Такое разделение, видимо, соответствует существовавшему в то время расслоению российского крестьянства. При этом среди призывников процент кулаков был меньше их доли среди крестьянства, так как они обладали большими возможностями для уклонения от военной службы.

Таким образом, принимая указанную выше классификацию призванных на флот в годы войны, мы получим следующую картину социального состава русских матросов в 1917 г. (см. табл. 5 на стр. 86).

Данные этой таблицы свидетельствуют о том, что среди матросов процент пролетарских элементов был значительно выше, чем среди солдат, но они все же не составляли большинства, как это до последнего времени бездоказательно утверждалось в нашей историографии⁵⁷. И на флоте было больше выходцев из крестьян и городской мелкой буржуазии. Да это и не могло быть иначе, учитывая социальный состав населения нашей страны в дореволюционные годы. Другое дело, что пролетарское ядро среди русских матросов играло большую и руководящую роль в развитии революционных событий на флоте и в силу своей относительно многочисленности справлялось с этой ролью более успешно, чем, скажем, в армии. Однако пестрота социального состава матросов имела существенное значение для хода революционных событий на флоте и в значительной степени влияла на их развертывание.

В этой связи следует сделать одно замечание. Как известно, наиболее заметную роль в борьбе за социалистическую революцию сыграли матросы Балтийского флота. Участие моряков других флотов и флотилий в революции было менее активным, и большевизация их проходила медленнее, чем на Балтике. В нашей историографии сложилось мнение, что главная и чуть ли не единственная причина такого положения заключалась в том, что состав балтийских матросов был наиболее пролетарским⁵⁸, а на Черноморском флоте, например, преобладали выходцы из крестьянских и к тому же зажиточных слоев.

Во время войны это преобладание якобы даже усилилось. Такую точку зрения еще в 1925 г. изложил А. П. Платонов, который писал (без ссылки на источники), что до 1914 г. на Черноморский флот поступало по набору до 50% из рабочих и такое же количество из крестьян, но с

⁵⁷ С. Ф. На й д а. Борьба революционных моряков русского флота за победу социалистической революции.— В кн.: «Военные моряки в борьбе за победу Октябрьской революции», стр. 41; А. В. Богданов. Моряки-балтийцы в 1917 г. М., 1955, стр. 15; С. С. Х е с и н. Матросы революции. М., 1958, стр. 16 и др.

⁵⁸ Так, Н. Ф. Измайлов и А. С. Пухов утверждают, что на Балтийском флоте «процент рабочих среди призванных на военно-морскую службу матросов превысил 50» (Н. Ф. Измайлов, А. С. Пухов. Центробалт. М., 1963, стр. 5).

Таблица 4

Состав призванных на флот во время войны и распределение их по флотам *

Год призыва	Флот, флотилия	Всего принято	Грамотность						Национальность						
			грамотные	%	малограмотные	%	неграмотные	%	русские, украинцы, белорусы	поляки	немцы	эстонцы	латыши	молдаване	татары
1914	Балтийский	14 199	11 517	77,46	1355	11,29	1327	11,25	13 344	90	—	522	231	—	12
	Черноморский	4 748	3 195	67,3	954	20,1	599	12,6	4 377	68	10	—	—	293	—
	Сибирская и Амурская	1 022	691	67,6	205	20	126	12,4	1 011	9	1	—	—	—	1
	Итого	19 969	15 403	77,13	2514	12,6	2052	10,27	18 732	167	11	522	231	293	13
1915	Балтийский	12 929	11 457	87	1015	8	557	5	12 230	175	5	433	81	—	5
	Черноморский	5 985	4 608	77	837	14	540	9	5 562	56	4	1	—	361	1
	Сибирская и Амурская	1 070	762	71,2	191	18	117	10,8	1 058	10	2	—	—	—	—
	Итого	19 984	16 827	84,2	2043	9,7	1214	6,1	18 850	241	11	434	81	361	6
1916	Балтийский	13 002	11 458	86,6	1003	8,8	521	4,6	12 921	25	—	35	—	—	21
	Черноморский	5 521	4 198	76	852	15,4	471	8,6	5 232	10	7	—	—	272	—
	Сибирская и Амурская	1 635	1 001	61,2	454	27,7	180	11,1	1 611	9	4	3	4	—	4
	Итого	20 158	16 657	82,6	2309	11,5	1172	5,9	19 764	44	11	38	4	272	25
Всего за три года	Балтийский	40 130	34 432	83,68	3373	9,36	2405	6,96	38 495	290	5	990	312	—	38
	Черноморский	16 254	12 001	73,43	2643	16,5	1610	10,02	15 151	134	21	1	—	926	1
	Сибирская и Амурская	3 727	2 454	66,66	850	21,9	423	11,44	3 680	28	7	3	4	—	5
	Итого	60 111	48 887	81,31	6866	11,27	4438	7,42	57 326	452	33	994	316	926	44

Год призыва	Флот, флотилия	Всего принято	Род занятий																				
			машинисты и пом. машинистов	кожегари	масленщики	слесари	котельщики	медники	кузнецы	токари	литейщики	электротехники	телеграфисты	столяры	малыры	плотники	конопатчики	судхододцы	рыболовы	торговцы	писари	хлебоплещи	прочие занятия
1914	Балтийский	14 199	439	600	161	1450	161	54	484	152	153	176	97	420	185	592	25	1715	416	304	256	3371	2988
	Черноморский	4 748	172	112	15	374	66	10	229	25	33	31	30	155	49	171	3	345	181	86	107	1809	745
	Сибирская и Амурская	1 022	24	25	11	82	2	1	48	3	—	—	—	15	14	48	—	96	24	47	16	422	144
	Итого	19 969	635	737	187	1906	229	65	761	180	186	207	127	590	248	811	28	2156	621	437	379	5602	3877
1915	Балтийский	12 929	392	462	178	1656	153	43	372	184	111	221	67	381	129	503	28	1502	443	264	249	3056	2535
	Черноморский	5 985	189	112	23	626	105	35	243	45	39	47	36	164	43	177	—	333	226	92	147	573	2730
	Сибирская и Амурская	1 070	29	14	2	89	5	—	29	6	—	—	—	19	5	30	—	16	17	34	553	222	
	Итого	19 984	610	588	203	2371	263	78	644	235	150	268	103	564	177	710	28	1835	685	373	430	4182	5487
1916	Балтийский	13 002	613	458	507	512	789	29	296	67	385	259	80	116	400	233	202	1510	315	470	458	2883	2420
	Черноморский	5 521	265	54	40	473	44	8	250	39	25	43	28	154	24	210	—	25	280	77	173	1788	1521
	Сибирская и Амурская	1 635	134	49	18	144	13	1	122	20	—	—	—	37	10	51	—	95	18	41	63	208	611
	Итого	20 158	1012	561	565	1129	846	38	668	126	410	302	108	307	434	494	202	1630	613	588	694	4879	4552
Всего за три года	Балтийский	40 130	1444	1520	346	3618	1103	126	1152	403	649	656	244	917	714	1328	255	4727	1174	1038	963	9310	7943
	Черноморский	16 254	626	278	78	1473	215	53	722	109	97	121	94	473	116	558	3	703	687	255	427	4170	4996
	Сибирская и Амурская	3 727	187	88	31	315	20	2	199	29	—	—	—	71	29	129	—	191	58	105	113	1183	977
	Итого	60 111	2257	1886	955	5406	1338	181	2073	541	746	777	338	1461	859	2015	258	5621	1919	1398	1503	14 663	13 916

* Таблица составлена по материалам: ЦГАВМФ, ф. 417, оп. 1, д. 47697, лл. 331—332, 313—314, 73—74; оп. 3, д. 78, лл. 14, 140; ф. 410, оп. 4, д. 111, лл. 18—21.

Таблица 5

Социальный состав призывников 1914—1916 гг., поступивших на флоты и флотилии

Флот, флотилия	Фабрично-заводские рабочие		Полупролетарии		Городская мелкая буржуазия и крестьянство		Всего	
	человек	%	человек	%	человек	%	человек	%
Балтийский	10 239	25,38	10 393	26	19 498	48,62	40 130	100
Черноморский	2 997	18,66	3 315	20,34	9 942	61	16 254	100
Сибирская и Амурская	670	17,38	679	18,32	2 378	64,3	3 727	100
Итого	13 906	23,12	14 387	23,94	31 818	52,94	60 111	100

началом войны доля крестьян повысилась за счет рабочих примерно до 70%⁵⁹. Подобный взгляд высказывал и Ф. Ф. Раскольников в предисловии к книге В. К. Жукова: «Социальный состав Черноморского флота в отличие от Балтийского был гораздо менее пролетарским. Матросы, имевшие в своем прошлом рабочий стаж, матросы, мобилизованные с фабрик и заводов, здесь не доминировали, как в Балтфлоте, а растворялись в сермяжном море матросов-крестьян, рекрутировавшихся во флот из богатых хлеботорговых губерний Украины... Эти сыновья зажиточных сельских домохозяев вносили определенную кулацкую струю в неоднородную массу моряков-черноморцев»⁶⁰. Сам В. К. Жуков также утверждал, что «кадры Черноморского флота вербовались главным образом из богатых земледельческих районов Украины и Дона, чем определялся их социальный состав, в большинстве своем из консервативного и политически малоразвитого крестьянства с мелкобуржуазной идеологией»⁶¹.

Этой же точки зрения придерживаются и авторы «Истории гражданской войны в СССР», которые пишут: «В отличие от Балтийского флота, укомплектованного почти полностью фабрично-заводскими рабочими, личный состав Черноморского флота в значительной доле пополнялся более или менее зажиточными слоями украинского крестьянства. Это обстоятельство наряду с большой оторванностью его от центров революции обусловило в нем на некоторое время засилье эсеров»⁶². Подобные концепции излагались многими исследователями (в том числе и мной) и в более поздних работах⁶³.

Как показывают данные таблицы 5, рабочая прослойка на Балтийском флоте действительно была несколько выше, чем на других флотах, однако все же не настолько, чтобы явиться решающим фактором революционизирования этого флота. Что касается утверждения многих авторов, будто Черноморский флот комплектовался преимущественно за счет зажиточных слоев крестьянства, поскольку районом его комплектования была в значительной степени Украина, то и это утверждение нам представляется неверным. Украинское крестьянство по своей социальной структуре не столь уж значительно отличалось от крестьянства остальных районов страны. Среди крестьянских дворов на Украине было 60% бедняцких, 27 середняцких и 13% кулацких⁶⁴.

⁵⁹ А. П. Платонов. Черноморский флот в революции 1917 г. и адмирал Колчак. Л., 1925, стр. 21.

⁶⁰ В. К. Жуков. Черноморский флот в революции 1917—1918 гг. М., 1931, стр. 4.

⁶¹ Там же, стр. 144.

⁶² «История гражданской войны в СССР», т. I. М., 1938, стр. 228.

⁶³ См., например, Н. Гречанюк, П. Попов. Указ. соч., стр. 11; Г. И. Семин. Указ. соч., стр. 57; С. С. Хесин. Матросы революции, стр. 18 и др.

⁶⁴ «Великая Октябрьская социалистическая революция на Украине». Сборник документов. Киев, 1957, стр. XI.

Изложенная выше точка зрения, ставшая традиционной, содержит два преувеличения: 1) преувеличивается значение среди матросов Черноморского флота выходцев из зажиточных крестьян и 2) преувеличивается рабочая прослойка среди матросов Балтийского флота.

Социальный состав матросов был на всех флотах и флотилиях примерно одинаков, так как он определялся прежде всего одинаково высокой технической оснащенностью флота, которая повсеместно была в общем на одном уровне и требовала специалистов одинаковой квалификации на любом флоте, вне зависимости от его географического положения. Царское правительство вынуждено было считаться с этим и комплектовать все флоты и флотилии в целом однородным личным составом.

Вместе с тем в литературе ход революционных событий в 1917 г. на Балтийском флоте (в отличие от Черноморского и других) излагается чуть ли не как сплошная цепь триумфа большевизма с первых дней революции и умалчивается о многих поворотах этих событий, в немалой степени определявшихся далеко не однородным социальным составом балтийских моряков. Один из руководителей большевистской работы на Балтийском флоте в 1917 г. В. А. Антонов-Овсеенко в этой связи справедливо пишет о составе балтийских матросов: «Основной кадр его моряцкой массы — машинисты, техники серьезной квалификации, зрелые пролетарии — задают тон всей флотской жизни. В этом слое все социалистические партии Гельсингфорса имеют свою основную опору. Но этот слой поглощается моряцкой молодежью, особенно многочисленной на дредноутах. Эта молодежь, подвижная, буйная вносит много неожиданных зигзагов в политические выступления флота»⁶⁵.

Как показывают многочисленные факты, и на Балтике события разворачивались далеко не всегда столь гладко, как это подчас изображается многими авторами.

Однако нельзя отрицать и то, что личный состав Балтийского флота был по всем показателям наиболее передовым по сравнению с другими флотами и флотилиями. Здесь был наиболее высокий процент грамотных (83,68%), среди балтийских моряков выходцев из фабрично-заводских рабочих было несколько больше (25,38%), чем на других флотах и флотилиях. Матросы, пришедшие на Балтийский флот с фабрик и заводов, играли ведущую роль в революционной борьбе балтийских моряков. Правильно писал один из активных участников этой борьбы, И. Н. Колбин: «Рабочая часть моряков, которая составляла значительный процент во флоте (до 22%), принесла с собой в Балтфлот революционные традиции и навыки пролетариата. Они толкали матросскую массу на путь дальнейшей революционной борьбы»⁶⁶. Все это безусловно явилось одной из важнейших, но не единственной и даже не главной причиной наиболее активного участия Балтийского флота в революционной борьбе в 1917 г. Гораздо большее значение имело базирование Балтийского флота вблизи Петрограда с его передовым пролетариатом и крепкими большевистскими организациями, уделявшими немалое внимание работе среди моряков.

Для развития революционных событий на флоте немаловажное значение имел характер флотского офицерства. Офицеры были проводниками политики правящих классов старой России в вооруженных силах; с полным основанием солдаты и матросы видели в них своих непосредственных и конкретных классовых врагов, обострявших в них ненависть к угнетателям. Офицерский корпус царской России комплектовался по строго классовому признаку, преимущественно за счет выходцев из дв-

⁶⁵ В. А. Антонов-Овсеенко. В революции. М., 1957, стр. 42—43.

⁶⁶ И. Колбин. Балтфлот в 1917 г. Л., 1933, стр. 7.

рянства и крупной буржуазии. Однако в ходе войны этот корпус претерпел существенные изменения, которые особенно заметно сказались в армии. В. И. Ленин в начале марта 1917 г. писал, что поражения «ожесточили армию, истребили в громадных размерах ее старый командующий состав, заскорузло-дворянского и особенно гнилого чиновничьего характера, заменили его молодым, свежим, преимущественно буржуазным, разночинским, мелкобуржуазным»⁶⁷.

На флоте же этого процесса почти не было в силу двух основных причин. Во-первых, подготовка флотских офицеров была более сложной и длительной, чем в сухопутных войсках, и даже в условиях военного времени не могла быть осуществлена столь быстро. Во-вторых, офицерский состав флота в основном к 1917 г. сохранился в довоенном виде, так как его потери в ходе войны были незначительными. За всю войну русский флот потерял всего 245 человек офицерского и административно-хозяйственного персонала⁶⁸.

Основной контингент командных кадров для флота готовил Морской кадетский корпус, воспитанники которого занимали подавляющее большинство офицерских постов на флоте. В корпус принимались дети потомственных и «личных» дворян, офицеров армии и флота и высшего духовенства; они составляли более 90% всех слушателей Морского корпуса. Если к этому еще прибавить соответствующую систему воспитания, господствовавшую в стенах привилегированного военно-морского учебного заведения, то станет ясной не только социальная, но и политическая физиономия выпускников корпуса.

Откровенную характеристику офицерам русского флота дал один из их реакционных представителей, белоэмигрант капитан 2-го ранга Г. Граф, который писал о флотских офицерах: «Они росли и воспитывались в традициях монархического строя, принесли присягу на верность царю и родине и никогда не допускались до политики. Поэтому они были совершенно чужды тех лозунгов, которые были выдвинуты революцией... Среда морских офицеров была очень однородной. Большинство из них были кадровые офицеры, вышедшие из Морского корпуса. Война не повлияла на такую однородность, так как за все время потерь было очень мало. Таким образом, все главные должности, например начальников бригад, дивизий, отрядов, командиров судов, старших офицеров и специалистов, были заняты кадровыми офицерами. Только младший состав на кораблях был частью из мичманов „военного времени“, да должности в тылу флота замещались офицерами из запаса, моряков торгового флота и произведенных кондукторов»⁶⁹.

Такой состав флотских офицеров обусловил реакционность большинства из них, обострил ненависть к ним матросов. Уже 30 апреля 1917 г. командир крейсера «Аскольд» капитан 1-го ранга К. Кетлинский в рапорте морскому министру откровенно признавал: «Мы не могли при старом режиме ожидать особой любви или доверия команды к офицерскому составу. Но... то, что открылось после того, как люди получили возможность высказывать то, что они думают и чувствуют, гораздо хуже, чем я ожидал»⁷⁰.

Лишь незначительная, наиболее передовая часть офицеров флота уже в ходе революции перешла на сторону трудящихся и честно сотрудничала с революционными матросами. При этом надо все же оговорить-

⁶⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 15.

⁶⁸ «Россия в мировой войне...», стр. 35.

⁶⁹ Г. Граф. На «Новике». Балтийский флот в войну и революцию. Мюнхен, 1922, стр. 356—357.

⁷⁰ ЦГАВМФ, ф. 417, оп. 1, д. 46391, л. 162.

ся, что и среди флотских офицеров было незначительное количество мичманов и прапорщиков военного времени. Главным образом из их среды и вышел немногочисленный революционный актив русского морского офицерства (Ф. Ф. Раскольников, И. И. Кожанов, В. М. Орлов, И. С. Исаков и др.).

Особо следует сказать о кондукторах и сверхсрочно служащих, число которых было сравнительно незначительным (5815 человек, что составляло менее 4% рядового состава флота), но которые играли существенную роль в жизни флота. В большинстве это были пожилые люди, добровольно оставшиеся в свое время на военно-морской службе. Они имели ряд льгот и преимуществ, занимали привилегированное положение по сравнению с матросами. Многие из них были тупыми и невежественными службистами, издевавшимися над матросами; они служили верной опорой самодержавия и реакционного офицерства, из их среды вербовались агенты охранки, провокаторы и предатели. Матросы их глубоко ненавидели, называли «шкурами» и, как только рухнуло самодержавие, решительно потребовали ликвидации этого института. Но только в июне 1917 г. под давлением флотских демократических организаций Временное правительство было вынуждено удовлетворить это требование. Ликвидация корпуса кондукторов и сверхсрочников значительно подорвала позиции реакции на флоте.

Так как нас интересует состав флота не столько как боевой, сколько политической силы, то неправомерно ограничиваться рассмотрением лишь кадров, состоявших в штатах морского ведомства. Военно-морской флот, особенно в условиях военного времени, был очень сложным организмом, теснейшим образом связанным с крупными промышленными предприятиями, на которых строились и систематически ремонтировались боевые корабли, а также непосредственно сотрудничавшим с изрядным количеством сухопутных войск, сосредоточенных в приморских районах и крепостях и оперативно подчиненных флотскому командованию.

Не случайно революционная борьба моряков в 1917 г. находила наиболее яркое выражение не только в событиях, протекавших непосредственно на кораблях и в частях флота, но и в совместных действиях матросских и красногвардейских отрядов, на объединенных митингах и демонстрациях рабочих, солдат и матросов, в работе различных демократических организаций, объединявших представителей рабочих, солдат и матросов. Во всех этих революционных выступлениях и организациях матросы, как правило, играли активную роль. Напомним для примера хотя бы о Гельсингфорском, Кронштадтском, Севастопольском и других советах флотских баз, где матросские фракции занимали достаточно видное место. Назовем такие организации, как Областной комитет рабочих, армии и флота Финляндии. Обратимся к знаменитому кронштадтскому десанту, прибывшему в Петроград в октябрьские дни и состоявшему из матросов, красногвардейцев и солдат.

Все эти и многие им подобные факты достаточно убедительно свидетельствуют и о совместной борьбе рабочих, матросов и солдат в районах базирования флота, и о той роли, которую играли моряки в этой борьбе. Напомним также, каким влиянием пользовались среди рабочих и солдат матросские организации вроде Центробалта, центральных комитетов флотов и флотилий, местных комитетов флотских баз и им подобных учреждений.

Ведущая роль матросов в демократических и большевистских организациях, действовавших в районах базирования флота, неоднократно отмечалась активными работниками этих организаций. В. Н. Залежский, рассказывая на VI съезде партии о деятельности гельсингфорской боль-

шевистской организации, говорил: «...база организации — матросы и солдаты... Самая крепкая часть организации — матросы»⁷¹. Об этом же писал и Ф. Ф. Раскольников применительно к Кронштадту: «...матросы наряду с рабочими составили главное, очень крепкое и влиятельное ядро нашей партийной кронштадтской организации»⁷².

Все сказанное, конечно, не следует понимать как выделение матросов в некую самостоятельную и особую силу, оторванную от общероссийского революционного движения. Наоборот, мы напомнили об этом лишь для того, чтобы показать, что в 1917 г. матросы действовали отнюдь не в изолированной флотской среде, а в тесном содружестве с рабочими и солдатами, испытывая их влияние и, в свою очередь, активно воздействуя на них.

Вот почему, рассматривая вопрос о составе флота как определенной политической силы в 1917 г., мы не можем ограничиться узкими рамками военнослужащих морского ведомства, а считаем необходимым хотя бы бегло коснуться состава тех солдат, а также рабочих, с которыми наиболее тесно и активно соприкасались матросы в ходе революционной борьбы.

Обратимся прежде всего к некоторым данным, характеризующим состав сухопутных войск, находившихся в непосредственной связи и оперативном подчинении флоту. Мы оставляем в стороне рассмотрение революционных связей матросов с солдатами петроградского, финляндского и других гарнизонов, фронтовыми и другими частями сухопутных войск. Остановимся лишь на тех войсках, которые дислоцировались в районах базирования флота, приморских крепостях и укрепленных районах и были подчинены флотскому командованию. Размещались они в сфере деятельности Балтийского и Черноморского флотов и флотилии Северного Ледовитого океана.

Эти войска, как правило, жили одной политической жизнью с флотом, их солдаты находились под активным воздействием матросских демократических организаций, вместе с матросами участвовали в политических выступлениях, входили в состав местных Советов, комитетов, землячеств и других им подобных учреждений. Поэтому их состав также следует учитывать при рассмотрении участия флота в революции. Вот что представляли собой эти войска.

В феврале 1917 г. гарнизон Архангельска и его окрестностей, где находилась главная база флотилии Северного Ледовитого океана, насчитывал 19 200 человек, а в районе Мурманска было сосредоточено до 15 тыс. человек, входивших в рабочие и воинские команды⁷³. Таким образом, в сфере деятельности этой флотилии находилось помимо примерно 3500 моряков свыше 30 тыс. солдат и военизированных рабочих. Большинство из них составляли рабочие и воинские подразделения Архангельского и Мурманского портов и железнодорожных узлов, они несли караульную и полицейскую службу, выполняли другие вспомогательные работы.

Владивостокский гарнизон весной 1917 г. насчитывал до 46 тыс. человек⁷⁴. Если из этого числа вычесть примерно 6 тыс. моряков Сибирской флотилии, то количество сухопутных войск, связанных с Сибирской флотилией, составит около 40 тыс. солдат и офицеров.

⁷¹ «Шестой съезд РСДРП (большевиков)». Протоколы. М., 1958, стр. 74.

⁷² Ф. Ф. Раскольников. На боевых постах. М., 1964, стр. 41.

⁷³ «Флот в мировой войне», т. I, стр. 627.

⁷⁴ А. И. Крушанов. Борьба за власть Советов на Дальнем Востоке и в Забайкалье (март 1917 — март 1918 г.). Владивосток, 1961, стр. 64.

По данным однодневной переписи офицеров, чиновников и солдат, на 20 апреля 1917 г. в частях, подчиненных командующему Черноморским флотом, состояло на довольствии от интендантства 61 961 человек⁷⁵. Эти войска включали в себя помимо моряков крепостные гарнизоны Севастополя и некоторых других баз, а также ряд специальных формирований, созданных в силу сложившейся военной обстановки. Так, к 1 декабря 1916 г. в Экспедиции особого назначения, формировавшейся командованием Черноморского флота в гирле Дуная, находилось 3595 «нижних чинов» военного ведомства и 433 — морского. На то же число отдельная Балтийская дивизия, подчиненная командующему Черноморским флотом, насчитывала 225 офицеров и 11 376 рядовых. Некоторое количество солдат служило непосредственно в отдельных соединениях флота. На 1 июля 1917 г., например, в Дунайской транспортной флотилии состояло 765 «нижних чинов» военного ведомства⁷⁶.

Из указанного выше общего числа войск, подчиненных командующему Черноморским флотом, надо вычесть примерно 43 тыс. моряков, и тогда количество сухопутных войск Черноморского флота составит около 19 тыс. человек. Более половины из этого количества составили севастопольский гарнизон, насчитывавший на 1 июля 1917 г. 10 896 штатных солдат, офицеров и чиновников (без флота)⁷⁷. Общая численность сухопутных войск Черноморского флота в течение 1917 г. существенно не изменилась, о чем свидетельствует табл. 6.

Таблица 6

Число военнослужащих сухопутных войск, управлений и учреждений, подчиненных командующему Черноморским флотом
(на 1 октября 1917 г.)*

Категория военнослужащих	По штату	По списку	Не хватало против штата	Было налицо
Офицеры	679	520	159	435
Врачи	85	55	30	46
Классные чины	200	183	17	173
Стрельцовые солдаты . . .	24 546	18 030	6 516	16 001
Нестрельцовые солдаты . .	3 313	2 677	636	2 478
Итого	28 823	21 465	7 358	19 133

* ЦГАВМФ, ф. р-2110, оп. 1, д. 11, л. 129.

В составе Черноморского флота был также ряд формирований, в которые входили и военнослужащие и гражданские лица. Например, в транспортной флотилии Черного моря к 1 ноября 1917 г. было 2 адмирала, 24 штаб-офицера, 96 обер-офицеров, 644 унтер-офицера, 3004 рядовых, 18 фельдшеров. Наряду с ними на кораблях этой флотилии служило по вольному найму 125 капитанов, 368 помощников капитанов, 370 механиков и 3375 матросов⁷⁸.

Большое количество сухопутных войск было в подчинении командующего Балтийским флотом. По данным Ставки верховного главнокомандующего, на 1 октября 1917 г. эти войска насчитывали 3 дивизии, 2 бригады, 56 батальонов пехоты и 1 дивизию, 1 бригаду, 39 батальонов

⁷⁵ «Россия в мировой войне...», стр. 24.

⁷⁶ ЦГАВМФ, ф. 716, оп. 1, д. 208, лл. 9—10, 36—41, 274.

⁷⁷ ЦГАВМФ, ф. 183, оп. 1, д. 44, лл. 6, 6 об.

⁷⁸ ЦГАВМФ, ф. 187, оп. 1, д. 13, л. 187.

кавалерии⁷⁹. Их распределение по районам базирования Балтийского флота на 1 декабря 1916 г. видно из табл. 7.

Таблица 7

Состав сухопутных частей, подчиненных командующему Балтийским флотом*

Район базирования	Офицеры	Врачи	Классные чины	Стрелковые солдаты	Нестрелковые солдаты	Всего
Моонзундская позиция	141	15	11	8100	613	8 880
Крепость им. Петра Великого (Ревель)	177	19	28	9625	875	10 724
Свеаборгская крепость (Гельсингфорс)	241	34	75	8135	1551	10 036
Або-Оландская шхерная позиция . .	42	4	4	1421	25	1 496
Кронштадт и другие части	722	49	48	36 439	2781	40 039
Итого	1323	121	166	63 720	5845	71 175

* ЦГАВМФ, ф. 716, оп. 1, д. 130, лл. 262, 263, 282, 283, 284. По сведениям военно-сухопутного отделения штаба Балтийского флота, на то же число сухопутные части, подчиненные командующему Балтийским флотом имели: 1533 офицера, 161 врача, 282 классных чина, 70 684 стрелковых и 6254 нестрелковых солдат. Всего 78 914 человек (там же, л. 284).

Особый интерес представляют данные о составе гарнизона Кронштадта, сыгравшего широко известную роль в революции. И. Г. Чижев утверждает (без ссылки на источник), что «к началу 1917 г. гарнизон Кронштадта (военно-морские и военно-сухопутные части, команды военных судов) насчитывал до 80 тыс. человек»⁸⁰. Нам эта цифра представляется сильно завышенной⁸¹.

В рапорте коменданта Кронштадтской крепости указано, что на 23 февраля 1917 г. в сухопутных частях гарнизона Кронштадтской крепости находилось 4 генерала, 41 штаб-офицер, 455 обер-офицеров, 127 классных чинов, 51 врач, 1994 унтер-офицера, 62 музыканта, 20 328 рядовых, 1718 нестроевых, а всего 24 780 человек⁸². В морских командах Кронштадта состояли 261 офицер и 11 877 «нижних чинов», т. е. 12 138 человек⁸³. Таким образом, общая численность постоянного состава кронштадтского гарнизона равнялась 36 918 чел. Если к этому даже прибавить экипажи кораблей, периодически базировавшихся на Кронштадт, то и тогда общая численность военнослужащих, находившихся в начале 1917 г. в крепости, не превышала 40—45 тыс. человек.

Следует подчеркнуть одну особенность морских частей кронштадтского гарнизона. Кронштадт являлся основной кузницей кадров специалистов для флота, здесь был расположен ряд школ и учебных отрядов флота. В них направлялись призывники, обладавшие необходимой квалификацией, наиболее развитее и грамотные. Поэтому среди кронштадтских матросов процент рабочих был выше, чем среди других флотских частей и гарнизонов. Это отмечал и один из руководителей кронштадтских большевиков в 1917 г. Ф. Ф. Раскольников, который писал, что «контингент кронштадтских матросов, всегда представлявших собой мат-

⁷⁹ «Россия в мировой войне...», стр. 27.

⁸⁰ И. Г. Чижев. Кронштадтский гарнизон в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции.—«Морской сборник», 1951, № 11, стр. 44. В подобное преувеличение впадают и авторы книги «Боевой путь советского военно-морского флота» (М., 1964), когда пишут, что «к началу Октября в Кронштадтском гарнизоне находилось около 60—70 тысяч матросов и солдат» (стр. 34).

⁸¹ Это же отмечает и В. В. Петраш (см. В. В. Петраш. Состав Балтийского флота, стр. 323—324).

⁸² ЦГАВМФ, ф. 417, оп. 1, д. 46391, лл. 100—101.

⁸³ Там же, л. 103.

росскую интеллигенцию, состоял почти исключительно из вчерашних пролетариев, хотя и сменивших черную блузу на синюю голландку, но ничего не забывших из своего классового социально-политического инвентаря, приобретенного во время работы на фабриках и заводах»⁸⁴. Такая особенность морского гарнизона Кронштадта явилась одним из важнейших факторов, выдвинувших Кронштадт в авангард революционной борьбы в 1917 г.

Количество военнослужащих, находившихся в подчинении командования Балтийского и Черноморского флотов к моменту Октябрьской революции существенно не изменилось. Это подтверждается числом избирателей, внесенных в список избирателей при выборах в Учредительное собрание по Балтийскому флотскому и Черноморскому флотскому избирательным округам. В эти списки, составленные в октябре 1917 г., были внесены по Балтийскому флотскому округу — 160 853 избирателя, а по Черноморскому — 74 798 избирателей. В число избирателей по Балтийскому флотскому округу, наряду с моряками Балтийского флота, входили «также и части армии, подчиненные командующему флотом Балтийского моря», а по Черноморскому флотскому округу — моряки Черноморского флота, части войск, подчиненные командующему Черноморским флотом, и рабочие портов базирования Черноморского флота⁸⁵.

Подводя итоги, общее число военнослужащих, находившихся в распоряжении военно-морского командования в 1917 г., можно приблизительно охарактеризовать данными табл. 8.

Таблица 8

Общее число войск, находившихся в 1917 г. в подчинении военно-морского командования*

Флот, флотилия	Морские части (без офицеров и чиновников)	Сухопутные части	Всего
Балтийский	83 870	71 175	155 045
Черноморский	41 914	ок. 19 000	ок. 62 000
Северного Ледовитого океана . .	3 213	ок. 30 000	ок. 33 000
Сибирская, Амурская, Каспийская	8 218	ок. 40 000**	ок. 48 000
Итого	137 215 (и ок. 7000 командиров)	ок. 160 000	ок. 298 000 (и ок. 7000 командиров)

* Подсчитано автором.

** Только в гарнизоне Владивостока.

Таким образом, в сфере непосредственного военного и политического влияния военно-морского флота в 1917 г. находилась значительная вооруженная сила, расположенная к тому же в большей доле в районах, где решались судьбы революции.

Одной из особенностей флота было то, что он размещался, как правило, в районах, обладавших соответствующей промышленной базой, способной обеспечить строительство и ремонт кораблей. В этих работах участвовали совместно с рабочими и матросы. Усложнившаяся боевая техника флота потребовала создания крупных судостроительных и судоремонтных предприятий с многочисленными кадрами квалифицированных рабочих.

⁸⁴ Ф. Ф. Раскольников. Указ. соч., стр. 41.

⁸⁵ ЦГАВМФ, ф. р-2109, оп. 1, д. 1, лл. 3, 36; ф. р-2110, оп. 1, д. 2, лл. 2, 11.

К 1917 г. Россия располагала довольно солидной судостроительной и судоремонтной базой, большинство предприятий которой в силу военной обстановки обслуживало нужды военного флота. Эта база состояла из казенных заводов морского ведомства и ряда частных предприятий. Наиболее крупную роль играли заводы морского ведомства, на которых, по сведениям Всероссийского съезда представителей заводов, портов и учреждений морского ведомства, к 20 июня 1917 г. было занято 76 160 рабочих⁸⁶.

Крупнейшим судостроительным и судоремонтным центром страны был район Петрограда, где находилось 11 заводов морского ведомства⁸⁷, большинство которых было расположено в Петрограде и его пригородах. Развитой судостроительной и судоремонтной промышленностью на Балтийском море располагал и район Ревеля. Крупные судостроительные и судоремонтные предприятия были расположены на юге страны, на берегах Черного моря. Здесь крупнейшей судоремонтной базой был Николаев, где в 1917 г. строились 1 линкор, 4 крейсера, 4 эсминца, несколько подводных лодок и тральщиков⁸⁸.

Ведущее место среди предприятий, обслуживавших флот, занимали судостроительные заводы и верфи. Предвоенные и военные годы характерны значительным ростом судостроительной программы для военного флота России. К апрелю 1917 г. заводы и верфи страны имели заказы на постройку 240 кораблей, в том числе: 2 линкоров, 4 линейных крейсеров, 8 легких крейсеров, 40 миноносцев, 66 подводных лодок, 31 сторожевого корабля⁸⁹. Правда, уже в апреле 1917 г. в силу нараставшей экономической разрухи морское министерство было вынуждено многие из этих заказов аннулировать. На судостроительных предприятиях были сконцентрированы наиболее многочисленные и компактные кадры рабочих, связанных с флотом. В 1917 г. они распределялись по государственному и частным заводам и верфям следующим образом⁹⁰:

Путиловская верфь (Петроград)	4500 человек
Невский завод (Петроград)	12 000 »
Франко-Русский завод (Петроград)	4 500 »
Русско-Балтийский завод (Ревель)	5 300 »
«Бекер» (Ревель)	3 500 »
«Ноблесснер» (Ревель)	3 100 »
«Наваль» (Николаев)	13 500 »
«Руссуд» (Николаев)	4 000 »
Адмиралтейский завод (Петроград)	4 600 »
Балтийский завод (Петроград)	10 200 »
Обуховский завод (Петроград)	12 000 »
Ижорский завод (Колпино)	9 500 »

Итого . . . . . 86 700 человек

⁸⁶ ЦГАВМФ, ф. 441, оп. 1, д. 382, л. 78. Л. С. Гапоненко сообщает, что, по данным Особого совещания по обороне от 14 июня 1917 г., число рабочих, занятых на заводах морского ведомства, составляло 57 700 человек (Л. С. Гапоненко. Российский пролетариат, его численность и территориальное размещение по основным промышленным районам накануне социалистической революции.— В сб. статей «Рабочий класс и рабочее движение в России в 1917 г.». М., 1964, стр. 24). Эти данные, по нашему мнению, занижены и не учитывают, в частности, рабочих портов морского ведомства.

⁸⁷ ЦГАВМФ, ф. 441, оп. 1, д. 698, л. 1.

⁸⁸ «Моряки в борьбе за власть Советов на Украине», стр. 5—6.

⁸⁹ А. М. Фальков. Государственно-монополистический капитализм в военной судостроительной промышленности России (автореф. канд. дисс.). Л., 1960, стр. 14—15.

⁹⁰ Там же, стр. 7.

Как видно из приведенных данных, три основных района русского военного судостроения имели рабочих, обслуживающих нужды флота и непосредственно общавшихся с моряками: Петроградский — 57 300, Ревельский — 11 900, Николаевский — 17 500 человек. Таким образом, наибольшее количество рабочих находилось в сфере Балтийского флота, и это обстоятельство несомненно играло немаловажную роль в успешном революционизировании этого флота.

Помимо судостроительных предприятий большое количество промышленных рабочих было занято на судоремонтных заводах, в различных мастерских, военных портах и других предприятиях, также работавших на флот. Например, Севастопольский морской завод, насчитывавший в 1917 г. 3500 рабочих, являлся крупнейшим промышленным предприятием Крыма⁹¹. Всего в учреждениях и предприятиях Севастопольского порта на 1 октября 1917 г. был занят 10 091 человек, из которых было 49 генералов, штаб- и обер-офицеров, 42 военно-морских чиновника, 2988 вольнонаемных служащих и 7 тыс. рабочих⁹². На Дальнем Востоке и Севере, где судостроительной промышленности в 1917 г. по существу не было, также находились судоремонтные заводы и мастерские, военные порты и другие предприятия, обслуживавшие флот и насчитывавшие значительное количество рабочих. Так, судоремонтный завод и военный порт Владивостока в 1917 г. имели до 5 тыс. рабочих⁹³. Одним из крупнейших рабочих центров Амурской области был Осиповский затон в Хабаровске, где базировались основные силы Амурской флотилии.

Эти многочисленные кадры промышленного пролетариата находились в тесном и повседневном общении с военными моряками. Это общение шло по многим каналам и облегчалось прежде всего благодаря тому, что моряки принимали участие в строительстве и ремонте кораблей. С этой целью многие из призванных на флот, главным образом ратники морского ополчения, проходили службу на предприятиях и в учреждениях, обслуживавших флот. Находившиеся на флоте в 1917 г. 19 тыс. ратников были распределены следующим образом⁹⁴:

На постройке баз Мурманской железной дороги	1787 человек
На Марининской системе	1830 »
На заводах морского ведомства и прочих	8265 »
В Севастопольском и Трапезундском портах и в транспортной флотилии Черноморского флота	3103 человека
В экспедиции особого назначения	562 »
В Архангельском порту и полиции г. Архангельска	871 человек
На ледоколах и в портах министерства торговли и промышленности	770 »
В экспедиции заготовления государственных бумаг	71 »
В береговых учреждениях морского ведомства	705 »
В госпиталях	362 человека
Уволено, умерло и пр.	674 »

В начале апреля 1917 г. была составлена «Ведомость распределения ратников морского ополчения 1-го и 2-го призывов»⁹⁵, которая дает при-

⁹¹ М. Ф. Бунегин. Революция и гражданская война в Крыму. 1917—1920 гг. Симферополь, 1927, стр. 15.

⁹² ЦГАВМФ, ф. р-2110, оп. 1, д. 11, л. 123.

⁹³ Г. С. Куцый. Борьба профсоюзов за установление власти Советов в Приморье (март — ноябрь 1917 г.). Владивосток, 1963, стр. 6—7.

⁹⁴ ЦГАВМФ, ф. 417, оп. 1, д. 47053, л. 19.

⁹⁵ ЦГАВМФ, ф. 628, оп. 1, д. 54, л. 82.

мерно такую же картину использования призванных на флот ратников. Эта «Ведомость» сообщает, что по первому призыву было принято 7486, а по второму — 11 452 ратника. Всего по обоим призывам поступило 18 938 чел. Они были распределены:

В морское министерство	7038 человек
В министерство путей сообщения	3792 человека
В министерство торговли и промышленности	697 человек
В министерство финансов	64 человека
На казенные заводы	2103 »
На частные заводы	4275 человек
В Добровольческий флот	90 »
Признано негодными к службе	878 »

Но не только ратники трудились на предприятиях, так или иначе обслуживавших флот. Многие матросы боевых кораблей были также тесно связаны с рабочими судостроительных и судоремонтных заводов, военных портов и мастерских. Они принимали участие в строительстве и ремонте кораблей, несли на заводах караульную службу, откомандировывались для временных работ на заводах. Еще к 1 января 1915 г. Балтийский флот командировал для временной работы на заводах Петрограда 808 человек⁹⁶, в 1914 г. на Русско-Балтийском судостроительном заводе в Ревеле работало 93 матроса, а из ревельского флотского полужипажа было откомандировано на судостроительные заводы 360 матросов⁹⁷. К марту 1917 г. в Николаеве находилось 3500 матросов⁹⁸, большинство которых участвовало в постройке кораблей. Так же было и на других предприятиях, работавших на флот. Караульную службу на заводах морского ведомства, как правило, несли матросы. Например, в начале 1917 г. на Обуховском заводе был «постоянный караул из нижних чинов флота для несения караульной службы в количестве 26 человек», а в марте того же года на завод прибыл «еще караул в количестве 34 человек для специального назначения»⁹⁹. Нужно учесть и то, что рабочие военно-морских предприятий имели ряд специфических особенностей. Многие из них находились в свое время на флотской службе, и, работая в судостроительной промышленности, в той или иной форме сохранили связь с военным флотом, приверженность к его нравам и традициям. В условиях войны эта особенность сказалась еще заметнее, так как значительная часть рабочих военной промышленности комплектовалась за счет специалистов, подлежащих призыву на военную службу. В 1917 г. более 60% рабочих судостроительной военной промышленности было милитаризовано. Они состояли из военнообязанных рабочих, освобожденных от призыва и объявленных нижними чинами флота, оставленными на заводах для прохождения службы; призванных и откомандированных затем на заводы рабочих и из созданных на заводах рабочих воинских отрядов, во главе которых стояли даже офицеры из числа заводских служащих.

К тому же сам характер судостроительной и судоремонтной промышленности требовал длительной совместной работы матросов и рабочих на кораблях во время ходовых испытаний вновь построенных судов, при

⁹⁶ ЦГАВМФ, ф. 417, оп. 1, д. 47697, лл. 351—352.

⁹⁷ М. А. Петров. Участие моряков Балтийского флота в борьбе за Советскую власть в Эстонии (1917 г.) (канд. дисс.). Таллин, 1956, стр. 28.

⁹⁸ «Организация и строительство Советов РД в 1917 году». Сборник документов. М., 1928, стр. 36.

⁹⁹ ЦГАВМФ, ф. 441, оп. 1, д. 534, л. 224 об.

устранении обнаруженных дефектов и т. п. работах. Все эти обстоятельства еще больше укрепляли связь матросов с промышленными рабочими.

Тесное и повседневное общение матросов с рабочими было одной из основных причин активного участия моряков в революции, способствовало развертыванию большевистской работы на флоте, вовлечению матросов в пролетарскую борьбу. Это обстоятельство неоднократно отмечалось и моряками и рабочими. Один из видных большевистских деятелей советского флота В. И. Зоф писал: «Военный флот всегда базировался на крупные промышленные центры. Судостроение и ремонт военных судов производился на крупнейших верфях и заводах с большим количеством передовых рабочих. Вследствие этих обстоятельств между военными моряками и фабрично-заводским пролетариатом всегда существовала крепкая связь и самое тесное общение»¹⁰⁰.

Большевистская партия хорошо учитывала это обстоятельство и всячески старалась использовать широкие связи матросов с рабочими для развертывания революционной работы на флоте. Еще в 1914 г. начальник кронштадтского жандармского управления доносил командующему Балтийским флотом, что деятели социал-демократической партии, «руководящие из-за границы пропагандой среди судовых команд, в настоящее время принимают все меры к водворению на заводы и в мастерские, производящие работы на военных судах, пропагандистов с целью революционной работы среди матросов»¹⁰¹.

Регулярное общение матросов с рабочими было одним из основных каналов, по которым проникала на флот большевистская пропаганда. Активный участник революционной работы на флоте, член партии большевиков с 1904 г. П. Д. Мальков пишет, что еще до революции «кронштадтцы, ездившие в Петербург, и питерские рабочие, приезжавшие в Кронштадт, нередко привозили большевистские листовки, а потом, когда начала выходить газета „Правда“, и ее. Они знакомили нас с политическими событиями, помогали вести работу на кораблях»¹⁰². Матрос эсминца «Орфей» Л. В. Белов пишет в своих воспоминаниях: «Еще до начала Февральской революции мы поддерживали связь с петроградскими рабочими, получали из Питера революционные листовки и распространяли их среди матросов»¹⁰³. Бывший комиссар «Авроры», А. Белый, вспоминает: «В годы флотской службы я водил знакомство с рабочими Обуховского завода, получал от них нелегальную литературу, прятал ее между паропроводами»¹⁰⁴. Когда осенью 1916 г. «Аврора» была поставлена на ремонт на Франко-Русском заводе в Петрограде, большевики крейсера немедленно установили контакт с большевиками завода. Активную работу среди матросов крейсера развернули рабочие завода Г. Е. Ляхин, Н. Козырев, П. Войтек, А. А. Дановская-Спивак, И. Я. Крутов, П. М. Пахомов¹⁰⁵.

К 1917 г. русский флот пришел глубоко охваченным революционными настроениями, готовым к совместной революционной борьбе со всеми трудящимися¹⁰⁶. Степень этой готовности была далеко не одинаковой на различных флотах и флотилиях. Окраинные флотилии и Черноморский

¹⁰⁰ В. Зоф. Из истории флота прошлого и настоящего. Пг., 1922, стр. 4.

¹⁰¹ Цит. по кн.: М. А. Петров. Указ. соч., стр. 26.

¹⁰² П. Мальков. Записки коменданта Московского Кремля. М., 1959, стр. 9.

¹⁰³ «Ленин — вождь Октября». Сборник воспоминаний. Л., 1956, стр. 96.

¹⁰⁴ «Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде». Сборник воспоминаний. Л., 1956, стр. 241.

¹⁰⁵ А. Неволин. Страницы из истории крейсера «Аврора». — «Военно-исторический журнал», 1960, № 11, стр. 72.

¹⁰⁶ Подробное освещение революционного движения в русском флоте до 1917 г. не входит в нашу задачу. Этот вопрос уже исследован в нашей историографии (см. например, С. Ф. Наида. Революционное движение в царском флоте).

флот были гораздо меньше подвержены большевистскому влиянию. Партийные организации, существовавшие ранее на этих флотилиях и Черноморском флоте, оказались к 1917 г. разгромленными царскими властями, и революционную работу среди моряков вели здесь лишь немногие одиночки-большевики. Отрицательно сказывалась на революционизировании матросов и слабость местных большевистских сил в районах базирования флотилий и Черноморского флота. К моменту свержения самодержавия во всем Крыму не было ни одной оформленной организации большевистской партии. Первая из них оформилась только в апреле 1917 г. в Севастополе¹⁰⁷. К этому надо прибавить и то, что флотилии, как и Черноморский флот, находились в значительном удалении от таких революционных центров, как Петроград и Москва, а командование этих флотских организмов проводило довольно умело и хитро политику «кнута и пряника», что затрудняло проникновение большевистского влияния в среду матросов Черноморского флота и флотилий.

По-иному обстояло дело на Балтийском флоте. Базирование в непосредственной близости от Петрограда не только делало его особо значительной силой в надвигавшихся революционных событиях, но и позволяло большевистской партии вести среди балтийских моряков активную работу. Несмотря на ряд провалов и арестов, к 1917 г. на Балтийском флоте сохранились и успешно действовали крепкие подпольные организации большевистской партии, во главе которых стоял Главный коллектив кронштадтской военной организации. Он имел тесные связи с Бюро ЦК РСДРП(б) и Петербургским комитетом большевиков, работал под их руководством и при их помощи. ЦК и ПК направляли деятельность большевиков Балтийского флота, снабжали их литературой и листовками. В январе 1916 г. в Кронштадте матросы распространили 100 экземпляров прокламаций, изданных Петербургским комитетом РСДРП(б). В феврале — мае того же года большевистские прокламации неоднократно появлялись в 1-м и 2-м крепостных артиллерийских полках Кронштадта. В июле 1916 г. у пристани на о. Тейлар-Саари у Выборга, где стояли корабли учебно-минного отряда Балтийского флота, было разбросано 300 экземпляров воззвания ЦК «К солдатам». В это же время среди матросов кораблей, находившихся в Ревеле, распространялись изданные ЦК и доставленные из Петрограда брошюра «Война и дороговизна», листовки: «Стачное движение и задачи момента», «К солдатам», «К организованным матросам и солдатам» и др.¹⁰⁸

Деятельность большевиков на Балтийском флоте не осталась незамеченной царской охранкой и вызвала ее серьезное беспокойство. 25 января 1916 г. начальник жандармского управления в Кронштадте докладывал: «Наличие распропагандированного элемента в командах и на судах Балтийского флота, при ясно замеченном общем подъеме настроения матросов, ныне широко использовано Петроградским комитетом РСДРП, распоряжением коего на большинстве значительных судов Балтийского флота, а также и в береговых командах Петрограда, Кронштадта, Ревеля и других портов Балтийского моря возникли коллективы означенной партии, руководимые названным комитетом»¹⁰⁹. Накануне 1917 г. командир кронштадтской крепости Вирен свидетельствовал, что «Кронштадт стал форменным пороховым погребом, в котором догорал фитиль»¹¹⁰.

¹⁰⁷ «Борьба за Советскую власть в Крыму». Документы и материалы, т. I. Симферополь, 1957, стр. 8.

¹⁰⁸ С. Г. Капшук. Борьба большевистской партии за армию в период первой мировой войны. М., 1957, стр. 85—86.

¹⁰⁹ С. Ф. Найдя. Революционное движение в царском флоте, стр. 506.

¹¹⁰ «Петроградские большевики в Октябрьской революции». Л., 1957, стр. 12.

Большевицкая работа на Балтийском флоте протекала успешнее, чем среди солдат Петроградского гарнизона, и находилась в центре внимания военной организации большевиков. Бывший в те годы членом русского Бюро ЦК РСДРП(б) А. Шляпников писал по этому поводу: «Революционная работа среди солдат Петербургского гарнизона велась все время войны. Однако, в силу переменного состава солдат, прочного организационного укрепления связей с организацией было все же мало. Значительно лучше было дело во флоте. Там наша партия имела крепко организованное ядро. Центром флотской организации был Кронштадт. Работу среди моряков не нарушили и последние провалы военной организации, имевшие место в 1916 г. Связи военной организации (или „военки“, как тогда называли ее) среди моряков и крепостных артиллеристов были обширны. Они обнимали не только Кронштадт со стоявшими там судами и учреждениями, но имелись и в Ораниенбауме, на Красной Горке, в Сестрорецке, на форте Ино в Гельсингфорсе, Свеаборге. Всей деятельностью „военки“ руководил Петербургский комитет»¹¹¹.

Работа большевиков среди войск являлась составной и неразрывной частью пролетарской борьбы, подчинялась тем задачам, которые решала партия на том или ином этапе.

Еще в ходе революции 1905 г. большевицкая партия выработала четкую линию своей работы в войсках. Первая конференция военных и боевых организаций РСДРП, состоявшаяся в 1906 г., отмечала, что задачей партийных организаций в армии и флоте является: «полное согласование своей деятельности с деятельностью общепролетарских и боевых организаций, взаимная их поддержка и подчинение всей работы в целом общеполитическим задачам переживаемого нами момента и политическому руководству общепролетарских организаций». Конференция подчеркнула, что «самый характер работы в армии должен определяться задачами, выдвигаемыми пролетариатом, как авангардом борющегося народа»¹¹².

В конкретных условиях кануна 1917 г. усилия большевиков на флоте были направлены на укрепление революционных связей матросов с рабочими, на сочетание революционных выступлений на флоте с общенародным движением, на подготовку матросов к революции и удержание их от преждевременных и разрозненных выступлений. Один из видных большевистских работников на флоте Н. А. Ховрин писал по этому поводу: «Пропагандистская работа была направлена на разъяснение матросам текущих событий... Была выработана и определена тактика: всячески удерживать матросов от разрозненных одиночных выступлений. Имелось в виду, избегая случайных выступлений, связать общее выступление матросов с активными выступлениями рабочего класса. Только соединенное выступление рабочих и матросов, по мысли подпольных работников, могло оказать решительное влияние на изменение существующего государственного строя. До этого имелось в виду вести работу по установлению тесной связи с партийным центром и с отдельными ячейками»¹¹³.

Такая тактицеская линия и определяла характер большевицкой пропаганды на флоте перед революцией. Например, листовка «К организованным матросам и солдатам», изданная летом 1916 г. в Кронштадте, призывала матросов и солдат создавать нелегальные кружки и «поддерживать неразрывную связь с рабочими организациями, ибо пролета-

¹¹¹ А. Шляпников. Семнадцатый год, кн. I. М., б. г., стр. 131.

¹¹² «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. 1. М., 1954, стр. 148.

¹¹³ Цит. по кн.: С. Ф. Найдан. Революционное движение в царском флоте, стр. 505.

риат — авангард революции». В листовке заявлялось, что, «когда весь народ восстанет против вечного врага, мы, солдаты и матросы, присоединим свои силы, мы станем в ряды революции»¹¹⁴. Об этом же писалось и в антивоенной листовке «Когда же конец?», выпущенной кронштадтской военной организацией в октябре 1916 г. «Мы, — говорилось в ней, — плоть от плоти и кость от кости народной. Наше место с ним, в его рядах. Вместе с рабочими должны мы готовиться к решительному натиску против шайки насильников, грабящих страну и толкающих человечество в пропасть»¹¹⁵.

Революционные трудящиеся, со своей стороны, поддерживали борьбу матросов мощными массовыми выступлениями. Яркий пример такой поддержки дали рабочие Петрограда накануне революции 1917 г. 26 октября 1916 г. в день суда над членами кронштадтской военной организации большевиков Петербургский комитет большевистской партии призвал рабочих Петрограда к стачке протеста против царского суда. «Товарищи матросы и солдаты! — говорилось в листовке ПК. — Мы заявляем свой голос возмущения против смертельной расправы с вами. В знак союза революционного народа с революционной армией мы останавливаем заводы и фабрики. Над вами занесена рука палача, но она должна дрогнуть под мощным протестом восставшего из рабства народа»¹¹⁶. По призыву ПК партии в Петрограде забастовало 130 тыс. рабочих. Напуганное этим царское правительство не решилось вынести подсудимым смертный приговор.

В тесном союзе, в едином революционном строю вступили трудящиеся и передовые матросы нашей страны в исторический 1917 год. Среди моряков, как и во всей стране, быстро нарастало революционное настроение. Известное представление об этом может дать тот факт, что в 1916 г. только военно-морскими судами было рассмотрено 16 дел по преступлениям политического характера. В результате было приговорено: к смертной казни 51 человек (38 казнь заменена каторгой), к каторжным работам — 101 человек, к отдаче в исправительно-арестантские отделения 250 человек¹¹⁷. Кроме того, передовые матросы подвергались многочисленным дисциплинарным взысканиям за различного рода «нарушения дисциплины», многие из которых отражали недовольство матросов существующими порядками.

Но никакие репрессии не могли уже предотвратить назревший революционный взрыв. В 1917 г. вместе со всеми трудящимися страны на борьбу поднялись и военные моряки, сразу же занявшие в этой борьбе передовые позиции. Характерно, что реакционным силам на протяжении всего 1917 года ни разу не удалось использовать ни одно флотское соединение или корабль в контрреволюционных целях.

Военные моряки нашей Родины сыграли выдающуюся роль в подготовке и проведении Великой Октябрьской социалистической революции. Русский флот показал себя, по оценке В. И. Ленина, «как передовой боец за раскрепощение трудящихся классов»¹¹⁸.

¹¹⁴ «Большевики в годы империалистической войны». Сборник документов. М., 1939, стр. 125—126.

¹¹⁵ Там же, стр. 129.

¹¹⁶ «Большевизация Петроградского гарнизона». Сборник документов и материалов. Л., 1932, стр. 6.

¹¹⁷ ЦГАВМФ; ф. 410, оп. 4, д. 110, лл. 177—178; «Секретный доклад...», стр. 51—52.

¹¹⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 112.

С. В. ТЮТЮКИН

ЛЕНИНСКИЙ ЛОЗУНГ ПОРАЖЕНИЯ «СВОЕГО» ПРАВИТЕЛЬСТВА В ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ВОЙНЕ

В годы первой мировой войны вопрос о поражении «своего» империалистического правительства как меньшем зле стоял в центре той ожесточенной идейной борьбы, которая разгорелась в рабочем движении России. С бешеными нападками на большевиков выступали не только правительственные официозы и либеральная «оппозиция», но и все ведущие идеологи мелкобуржуазных партий — от открытых социал-шовинистов до «платонических интернационалистов» типа Мартова, Троцкого и Чернова. Никогда еще идейный раскол не приобретал таких беспощадно резких, бескомпромиссных форм, как в то время. Столкнулись два диаметрально противоположных подхода к оценке войны, две генеральные линии в рабочем движении — оппортунистическая линия классового мира и революционная линия гражданской войны, линия беспринципного примиренчества с социал-шовинизмом и линия на создание нового, очищенного от оппортунизма Коммунистического Интернационала.

Водоразделом между революционным пролетарским интернационализмом и подлинным патриотизмом, с одной стороны, и «социалистическим» национализмом, с другой, и стал выдвинутый В. И. Лениным лозунг поражения «своего» правительства в империалистической войне. «...Чтобы борьба шла по точной и ясной линии, нужен обобщающий ее лозунг. Этот лозунг: для нас, *русских*, с точки зрения интересов трудящихся масс и рабочего класса *России*, не может подлежать ни малейшему, абсолютно никакому сомнению, что *наименьшим* злом было бы теперь и тотчас — *поражение* царизма в данной войне», — подчеркивал Ленин¹.

Настоящая статья посвящена вопросу о генезисе и содержании ленинского тезиса о поражении царизма в империалистической войне как меньшем зле, а также анализу той борьбы, которую пришлось вести Ленину с противниками революционного пораженчества².

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 49, стр. 14.

² В советской исторической литературе вопрос о ленинском лозунге поражения «своего» правительства в империалистической войне освещается бегло и схематично (см., например, Я. Г. Темкин. Большевики в борьбе за демократический мир. М., 1957; И. И. Минц. История Великого Октября, т. 1. М., 1967; «Партия большевиков в годы мировой войны. Свержение монархии в России». М., 1963 и др.). Ленинская концепция рассматривается, как правило, статично, в отрыве от острой идейной борьбы между большевиками и идеологами мелкобуржуазных партий, а также без учета тех споров, которые шли по данному вопросу внутри самой большевистской партии. При этом вопрос об отношении местных большевистских организаций к лозунгу поражения и проблема «пораженчество и народные массы» обычно обходятся молчанием. Исключение составляет, пожалуй, лишь статья М. Ш. Чигринского «Об интернационалистской позиции большевистской партии в годы мировой империалистической войны» («Труды Ростовского-на-Дону инженерно-строительного института», 1957,

В наши дни, когда проблема органического соединения пролетарского интернационализма и патриотизма приобрела особую актуальность, чрезвычайно важно проследить, как складывалась ленинская концепция этого вопроса, как рождалась в ожесточенной идейной борьбе с противниками революционного марксизма та тактика большевистской партии, последовательное проведение которой явилось залогом победы Великой Октябрьской социалистической революции. Отношение Ленина к вопросу о поражении царизма в империалистической войне навсегда останется одним из самых блестящих примеров решения сложнейших политических проблем с позиций пролетарского революционера-интернационалиста. В то время как оппортунисты на тысячи ладов говорили и писали о военно-стратегических, дипломатических, экономических и т. п. «соображениях» в пользу победы своих правительств, большевики признавали лишь один, *классовый*, критерий отношения к войне — интересы международного пролетарского движения, интересы русской и мировой революции. Ленинский тезис о поражении России в империалистической войне был составной частью провозглашенного партией курса на превращение войны империалистической в войну гражданскую, составной частью ленинской теории пролетарской революции.

В. И. Ленин подчеркивал, что большевистская тактика в отношении к первой мировой войне представляла «неизбежный результат тридцатилетнего развития социал-демократии в России»³. Поэтому, уделяя основное внимание событиям 1914—1915 гг., мы стремились представить эту тактику как закономерный итог и вершину развития большевистской программы по вопросам войны, мира и революции, которая стала складываться с начала XX в., а своими корнями уходит к традициям Маркса, Энгельса и русских революционеров-демократов во главе с Чернышевским. Однако, говоря о преемственности этих традиций, следует подчеркнуть, что большевистская политика поражения «своего» правительства в несправедливой, антинародной войне означала качественный скачок не только в развитии революционно-демократической, но и марксистской идеологии. При этом речь идет не только о том, что на смену отдельным, часто даже не предназначавшимся для широкой огласки политическим прогнозам о желательности поражения той или иной из воюющих держав приходит теперь четко оформленная и закрепленная в партийных документах тактическая линия. Важно также то, что эта линия получает у Ленина новое социально-экономическое обоснование, связанное с условиями империализма как кануна пролетарской революции. Наконец, и это самое главное, в России революционное пораженчество впервые становится в XX в. реальной силой, опирающейся на мощное антивоенное движение самого передового и единственного до конца революционного класса — пролетариата.

вып. 12), где упоминается, в частности, о непонимании лозунга поражения рядом большевиков-эмигрантов. Между тем еще в 1920-х годах в большой статье-монографии Д. А. Баевского была сделана удачная попытка показать развитие ленинской мысли по вопросу о поражении царской России в 1914—1915 гг. и трудности, связанные с непониманием пораженческой тактики в ряде партийных организаций на местах (Д. А. Баевский. Партия в годы империалистической войны. — «Очерки по истории Октябрьской революции», т. 1. М.—Л., 1927). Что касается вопроса об отношении большевиков к лозунгу поражения после Февральской буржуазно-демократической революции 1917 г., то он получил освещение в книге И. Ф. Петрова «Стратегия и тактика партии большевиков в подготовке победы Октябрьской революции» (М., 1964, стр. 159—161), на которую мы и опираемся в настоящей статье.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 343.

* * *

Идея пораженчества, как известно, родилась в России задолго до появления большевизма, причем уже в середине XIX в. отчетливо наметились два различных подхода к решению этой проблемы — либеральный и революционно-демократический. Каждый из них отражал определенную классовую позицию, имел ярко выраженную социальную окраску. Либералы, не имевшие опоры в массах и стремившиеся к эволюционному обновлению России, видели в военных поражениях царизма путь к буржуазным реформам сверху, без народа и за счет народа. Революционные демократы, напротив, считали, что эти поражения, подорывая вековые устои самодержавия, откроют дорогу широкому народному движению снизу, дорогу крестьянской революции, несущей народам Российской империи избавление от крепостнической кабалы и национального гнета, а Европе, где уже поднимался на борьбу революционный пролетариат, — освобождение от царя-жандарма.

Вот почему Чернышевский и его соратники страстно желали поражения царских войск в Венгрии и Польше, под Севастополем и на Дунае. Так же думали и лучшие представители междупартийного социалистического движения во главе с Марксом и Энгельсом, которые еще в 1848 г. выдвинули лозунг революционной войны против самодержавно-феодальной России. Однако слабая связь революционного лагеря с народом, отсутствие серьезной революционной партии и наличие у части демократов реформистских иллюзий придавали пораженчеству русских революционеров-разночинцев пассивный характер.

В годы русско-японской войны вопрос о поражении царизма как меньшем зле впервые выходит на страницы нелегальной печати и фиксируется в программах политических партий и группировок. При этом традиции либералов XIX в. продолжают освобожденцы во главе с П. Струве⁴, традиции Маркса, Энгельса, Чернышевского — большевики⁵.

⁴ Не выдвигая прямо формулы поражения царизма как меньшего зла, «Освобождение» тем не менее вплотную подводило своих читателей к этому выводу. Интересна историческая параллель, которую проводил Струве в августе 1904 г. между интервенцией царизма в Венгрии в 1849 г. и событиями на Дальнем Востоке. Если бы войска Николая I были разбиты в Венгрии, писал он, «Россия от такого „обидного“ исхода кампании только выиграла бы, ибо поддержание самодержавия в Австрии было во всех отношениях бессмысленным делом, предприятием безнравственным и вредным для русских интересов». «Бесславный» мир был бы в этом случае лучшим окончанием войны. Аналогичная ситуация складывалась, по мнению Струве, в 1904 г. и на Дальнем Востоке, так как у России не было никаких национальных интересов ни в Корее, ни в Маньчжурии («Освобождение», № 54, 1 сентября 1904 г.). Однако даже в этот кульминационный момент либеральной фронды политическим идеалом освобожденцев оставались мирная реформа и конституционная монархия (там же, № 78-79, 18 октября 1905 г.). Либералы, как огня, боялись гражданской войны и вооруженного восстания, а «физическое вмешательство» армии в политическую борьбу на стороне революции представлялось им крайне нежелательной «хирургической операцией» (там же, № 73, 19 июля 1905 г.).

⁵ Среди меньшевиков и эсеров не было единой точки зрения по вопросу о поражении царской России в войне. Редакция «новой» меньшевистской «Искры», например, теоретически признавая поражение России меньшим злом (см. выпущенную редакцией в 1904 г. в Женеве брошюру «Кто должен победить?»), выступала, однако, против тактики пораженчества, считая, что она может сыграть на руку японской реакции (Л. Мартов. История российской социал-демократии. М., 1918, стр. 94; «Общественное движение в России в начале XX в.», т. III. СПб., 1914, стр. 409). Плеханов, позорно скатившийся в годы первой мировой войны к социал-шовинизму, занимал в 1904—1905 гг. интернационалистские позиции. Достаточно сказать, что именно им была впервые в российской социал-демократии выдвинута формула поражения царизма в несправедливой, захватнической войне как меньшего зла. В статье «Стро-

Именно в этот период В. И. Ленин развивает мысль о законной связи военного краха самодержавия с развитием революционного кризиса в стране. В статье «Падение Порт-Артура» он подчеркивал, что тесная связь, существующая в современной войне между военной организацией страны и ее экономическим и культурным строем, делает неизбежным возникновение на основе военного краха царизма глубокого политического кризиса⁶. «Дело русской свободы и борьбы русского (и всемирного) пролетариата за социализм очень сильно зависит от военных поражений самодержавия. Это дело много выиграло от военного краха...» — писал В. И. Ленин после падения Порт-Артура⁷.

Отметив революционизирующее влияние русско-японской войны на всю общественную жизнь России, В. И. Ленин затем конкретизирует и развивает эту мысль. Он подчеркивает, что поражения царского режима в войне морально убивают его и изолируют от нации, беспощадно обнажая перед народом реакционную сущность и внутреннюю гнилость самодержавия (даже «в области внешней защиты, наиболее родной и близкой ему, так сказать, специальности»), подводят массы к мысли о том, что в условиях царизма жить дальше невозможно⁸. Военный крах порождает разброд и шатания в самом правительственном лагере и заставляет царизм обращаться за поддержкой к либеральной буржуазии и интеллигенции, еще больше усиливая этим их оппозиционное брожение и конституционные требования⁹. Наконец, неудачная война особенно обостряет нужду и материальные лишения масс, доводит их до отчаяния и толкает на революционные выступления, а затем и на вооруженное восстание¹⁰.

Большевики не только разрабатывают в то время вопрос о роли военных поражений в формировании различных элементов революционного кризиса, но и определяют их место в ряду других факторов, подводящих страну к революции. В сентябре 1905 г. в газете «Пролетарий» была опубликована статья В. В. Воровского «Мир и реакция»¹¹, имеющая большое принципиальное значение для понимания большевистской концепции поражения царизма не только в период русско-японской войны, но и в 1914—1917 гг. Поводом к появлению статьи послужило заявление известного американского писателя М. Твена, выразившего сожаление по поводу «преждевременности» Портсмутского мира, спасшего царизм от окончательного крушения. Отвечая ему, Воровский указывал, что «война явилась очень важным и очень сильным подспорьем русской революции..., но все же она была только подспорьем, только стороной ей помощью... Война, несомненно, сильно революционизировала умы; она восстановила против правительства широкие круги крестьянства, разоряющегося вследствие мобилизации; она дезорганизовала армию. Но все же главное влияние война оказала не на усиление

гость необходима» он писал: «Международная социал-демократия нисколько не склонна к идеализации японских порядков. Принципиальная противница милитаризма, она вообще не сочувствует войне и знает, во что обойдется японскому народу победа Японии. Но знает она также, что несравненно дороже обошлась бы России, а с нею вместе и всей Европе, победа русского царя над Японией. Из двух зол она выбирает меньшее» (Г. В. Плеханов. Соч., т. XIII. М.—Л., 1926, стр. 99—100). Аналогичную постановку вопроса мы находим в интервью Плеханова корреспонденту французской газеты «Matin» (август 1904 г.) (Архив Дома Плеханова, д. И. 11-а).

⁶ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 9, стр. 156.

⁷ Там же, стр. 157.

⁸ Там же, стр. 156.

⁹ См. там же, стр. 134.

¹⁰ Там же, стр. 135.

¹¹ На корректуре статьи имеется редакционная правка В. И. Ленина.

революции, а на ослабление правительства». Следовательно, делает вывод Воровский, «основным социальным фактом является не война, а внутренние экономические условия жизни страны, развитие которой несовместимо с существованием самодержавия». Мало, чтобы царизм потерпел поражение. Нужно еще, чтобы народ сумел воспользоваться этим поражением, произведя со своей стороны натиск на самодержавие. Революция не кончается с концом войны. «Полагаясь гораздо больше на борьбу самого народа, чем на благоприятные международные осложнения, больше на войну внутреннюю, чем на войну внешнюю, мы, естественно, не разделяем пессимизма М. Твена», — подчеркивал Воровский¹².

Необходимо отметить, что уже в годы русско-японской войны большевики, как подлинные интернационалисты, неизменно сосредоточивали огонь своей критики прежде всего на правительстве и буржуазии с в о е й страны, видели свой долг прежде всего в борьбе с великодержавным русским шовинизмом, беспощадно обрушиваясь на оплот международной реакции — самодержавие. Таким образом, в 1904—1905 гг. большевики во главе с В. И. Лениным разработали целый ряд важнейших положений о влиянии военных поражений империалистического правительства в несправедливой войне на процесс вызревания революционного кризиса, которые получили затем дальнейшее обоснование и развитие в платформе большевистской партии в период первой мировой войны. В то же время в 1904—1905 гг. впервые наметились те разногласия в подходе к этому вопросу, которые десять лет спустя вылились в ожесточенную борьбу большевиками и мелкобуржуазными партиями меньшевиков и эсеров. Период русско-японской войны явился в этом отношении своего рода репетицией, показав в действии все партии, боровшиеся за влияние на рабочий класс и крестьянство, их политические платформы, их стратегию и тактику. Но все же это была только репетиция, ибо первая мировая война повторила события начала XX в. на гигантски расширенной и во многих отношениях новой основе.

По сравнению с 1904—1905 гг. в период первой мировой войны вопрос о поражении стоял острее и резче. И масштабы войны, и степень угрозы со стороны врага, и глубина разногласий между революционным и оппортунистическим крылом пролетарского движения в самой России и на международной арене, и степень патриотизма буржуазии и мелкобуржуазной демократии — все было иным. В русско-японской войне участвовали лишь две страны, одной из которых была архиреакционная самодержавно-крепостническая Россия. В 1914 г. в смертельной схватке столкнулась целая группа хищников, причем каждый из них на протяжении многих лет вел империалистическую, грабительскую политику. В 1904—1905 гг. революционная ситуация была налицо только в России. Японский пролетариат и его социалистическая партия в то время были еще очень слабы. В 1914 г. в странах как одного, так и другого военного блока уже существовали многомиллионный пролетариат и сильные рабочие партии. В обеих коалициях были государства, где уже созрели материальные предпосылки социалистической революции. В странах как одной, так и другой воюющей стороны назревал в годы войны революционный кризис.

Суммируя все эти факторы, Ленин следующим образом определял исторические и социально-экономические предпосылки большевистской тактики в годы первой мировой войны: «(1) империализм есть канун

¹² «Пролетарий», I (14) сентября 1905 г. (Разрядка наша.— С. Т.).

социализма; (2) империалистская война есть война воров за добычу; (3) в обеих коалициях есть *передовой* пролетариат; (4) в обеих *назрела социалистическая революция*»¹³.

Сложившуюся ситуацию Ленин обрисовал в Манифесте ЦК РСДРП «Война и российская социал-демократия» краткой фразой: «При данном положении нельзя определить, с точки зрения международного пролетариата, поражение которой из двух групп воюющих наций было бы наименьшим злом для социализма»¹⁴. В этих условиях, исходя из законов формальной логики, можно было либо 1) объявить естественным правом всех наций защиту своих «отечеств» (как сделал, например, Каутский), либо 2) провозгласить лозунг «ни побед, ни поражений» (Мартов, Троцкий, Чернов). Но был и третий возможный вариант решения данного вопроса, состоявший в том, чтобы поставить всю проблему в совершенно иную плоскость, выдвинув для социалистов всех без исключения воюющих стран лозунг превращения империалистической войны в войну гражданскую, не только не останавливаясь перед возможностью поражения «своего» правительства, но и способствуя этому поражению революционной работой в тылу и на фронте. По этому последнему, единственно правильному пути пошел Ленин. Только этот путь отвечал коренным интересам революционного пролетариата, только он означал полный и бесповоротный разрыв с империалистической политикой правящих классов. Таким образом, тезис о поражении не был у Ленина каким-то абстрактным логическим построением. Он как бы аккумулировал в себе огромный заряд классовой ненависти сознательных рабочих к помещикам и буржуазии, предельно четко отражая соотношение двух России — народной и официальной-монархической, двух лагерей — интернационалистского и националистического.

В начальный период войны Ленин делал особый акцент на России, подчеркивая, что именно для русских социалистов особенно важно проведение революционно-пораженческой тактики (поражение царизма «при всех условиях представляется наименьшим злом») ¹⁵. На первый взгляд, Ленин дает в тезисах о войне и Манифесте ЦК РСДРП еще «чисто национальное» решение вопроса. Для нас, русских с.-д., пишет он, «наименьшим злом было бы поражение царской монархии и ее войск, угнетающих Польшу, Украину и целый ряд народов России и разжигающих национальную вражду для усиления гнета великорусов над другими национальностями и для укрепления реакционного и варварского правительства царской монархии»¹⁶. Однако следует учитывать, что уже в наброске статьи «Европейская война и международный социализм», написанной параллельно с этими первыми программными документами большевизма военного периода, Ленин подчеркивал: «Социалисты (не оппортунисты) каждой страны должны были видеть своего главного врага в «своем» («отечественном») шовинизме»¹⁷. Кроме того, в тезисах о войне (§ 7) прямо говорилось, что кардинальный лозунг революционной социал-демократии — лозунг превращения войны импе-

¹³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 49, стр. 371.

¹⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 21 (Разрядка наша.— С. Т.).

¹⁵ Там же, стр. 166.

¹⁶ Там же, стр. 6, 21 (Разрядка наша.— С. Т.).

¹⁷ Там же, стр. 10. Напомним, что Энгельс в начале 90-х годов XIX в. рассматривал прусских юнкеров, занимающих господствующее положение, как великую реакционную силу, представляющую «для Германии такой же варварский, захватнический элемент, каким русский царизм является для всей Европы» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, стр. 525).

риалистической в войну гражданскую — распространяется на все воюющие страны и пропаганда его ведется путем создания «нелегальных ячеек и групп в войске всех наций»¹⁸.

Но дело заключается не только в наличии этих совершенно недвусмысленных ленинских указаний и не только в том, что тезисы и Манифест ЦК были предназначены в первую очередь для русских социалистов и потому, естественно, заостряли вопрос о реакционности самодержавия. Гораздо важнее другое: сама эта «национальная» постановка вопроса была в действительности глубоко интернациональной и единственно правильной с точки зрения коренных интересов всего международного пролетарского движения.

В годы русско-японской войны в РСДРП был широко распространен тезис Маркса и Энгельса о царизме как самом реакционном политическом режиме Европы и международном жандарме. Однако после революции 1905 г. данное положение нуждалось уже в определенной корректировке. Это было связано прежде всего с новой расстановкой сил на мировой арене, вызванной серьезным экономическим и политическим усилением Германии, падением международного престижа России и усилением ее зависимости от своих союзников по Антанте, а также выходом на передовые позиции новых империалистических держав — США и Японии. Быстрый рост революционного движения в России, куда в начале XX в. переместился центр мирового освободительного движения, и особенно события 1905—1907 гг. убедительно показали, что царизм уже сам нуждается в помощи международного финансового капитала, чтобы справиться с русской революцией, искры которой грозил теперь зажечь революционный пожар в других странах. Кроме того, наличие общей тенденции к политической реакции, в большей или меньшей степени проявившейся с наступлением эпохи империализма во всех, в том числе и самых демократических, странах, постепенно лишало царизм того особого положения главного бастиона международной реакции, которое он занимал на протяжении почти всего XIX в.

Поэтому ленинский подход к вопросу о роли царизма в 1907—1914 гг. уже несколько отличался от позиции Маркса и Энгельса. 1) Для Ленина царизм уже не был «последней твердыней общеевропейской реакции», как характеризовал его Энгельс в 90-х годах XIX в. Ленин неоднократно отмечал, что царизм все больше отесняется в Европе на задний план¹⁹, а в 1916 г. прямо сделал вывод о том, что в эпоху империализма «царизм заведомо и бесспорно перестал быть главным оплотом реакции»²⁰. Ленин подчеркивал, что в XX в. царизм уже делит свою «охранительную» роль в Европе и особенно в Азии с другими империалистическими хищниками — Англией, Японией, Германией, Францией, США, выступавшими в роли коллективного душителя международного революционного и национально-освободительного движения. 2) Говоря о реакционной роли политики царизма, Ленин обращает внимание прежде всего на варварское угнетение национальных окраин самой России, ибо все преступления царизма в других странах бледнели перед произволом самодержавного режима в Польше, Прибалтике, Средней Азии, на Кавказе и в других национальных районах, 3) Отмечая появление новых очагов реакции, приходящих в трудную минуту на выручку русскому самодержавию, Ленин заменяет старый марксистский лозунг

¹⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 6.

¹⁹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 21, стр. 125.

²⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 39.

борьбы с царизмом как задачу всего международного революционного движения более широким лозунгом борьбы против мирового империализма в целом. «Долой всякую колониальную политику, долой всю политику вмешательства и капиталистической борьбы за чужую землю, за чуждое население, за новые привилегии, за новые рынки, проливы и т. п.!» — писал он в 1908 г., разоблачая империалистическую политику «*всех союзных держав*, всех одинаково, как непосредственных исполнителей функций жандарма, так и пособников, друзей, финансистов этого жандарма»²¹. В статье «Под чужим флагом», написанной в начале 1915 г., Ленин подчеркивал, что если в эпоху Маркса и Энгельса усилия международного пролетариата и демократии вообще направлялись на подрыв главных, имевших общеевропейский вес феодальных твердынь (в первую очередь России), то в XX в., когда таких твердынь не стало, международная задача рабочего класса во время войны состоит не в борьбе «против отдельных национальных финансовых капиталов, а против интернационального финансового капитала»²², осуществляемой посредством координации революционных действий пролетариата каждой страны против «своей» буржуазии и «своего» правительства.

Вместе с тем нельзя не учитывать того факта, что царизм и после 1905 г. пытался продолжать свою традиционную захватническую политику. Критикуя немецкого оппортуниста Шиппеля, утверждавшего, что «значение России как реакционной глыбы отошло в прошлое», Ленин писал в 1908 г.: «Этот глупенький либерал... не заметил реакционных интриг России за ее «заботами» о «славянских братьях!»²³ Что касается внутреннего строя России, то даже по сравнению с Германией и Австро-Венгрией, не говоря уже об Англии или Франции, третьейиюньский режим отличался такой реакционностью и отсталостью, равных которым не было в Европе. Конечно, политические режимы, существовавшие в Китае, Турции, Персии и колониальных странах, не уступали царизму в варварстве и реакционности, а в ряде отношений и превосходили его. Но среди великих держав, оказывавших в начале XX в. решающее влияние на ход мировых событий и судьбы международного социализма (Россия, Англия, Франция, Германия, США), именно Россия, безусловно, была самой отсталой страной с самым реакционным политическим режимом. Вот почему накануне первой мировой войны положение о царизме как одном из главных (хотя и не единственном и тем более далеко не самом сильном) оплотов социальной и национальной реакции и смертельном враге международного социалистического движения полностью сохраняло свою силу. Напомним в этой связи, что в предвоенные годы Ленин в ряде случаев называл еще Россию главной реакционной державой, главным заговорщиком контрреволюции²⁴. Он отмечал также, что «царизм — реакционнее соседних государств»²⁵ и является «главным оплотом варварства, зверства и реакции как в Европе, так и в Азии»²⁶.

Оценка самодержавия как «самого реакционного и варварского правительства, угнетающего наибольшее количество наций и наибольшую массу населения Европы и Азии», данная в Манифесте ЦК РСДРП,

²¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 229, 231.

²² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 146.

²³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 227.

²⁴ См. там же, стр. 229.

²⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 24, стр. 229.

²⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 23, стр. 316.

несомненно, явилась фундаментом ленинского тезиса о поражении царизма в войне как меньшем зле²⁷.

Эта оценка во многом объясняет нам, почему величайший революционер-интернационалист XX в., каким был Ленин, делал особое ударение на желательности поражения царизма в начавшейся войне. В то же время отмеченные выше сдвиги на международной арене в период между первой русской революцией и мировой империалистической войной требовали распространения тактики революционного пораженчества на все воюющие страны, что и было сделано Лениным в начале 1915 г.

Вряд ли можно сомневаться в том, что победа России в войне повлекла бы за собой наступление реакции по всему фронту. Маленькие успехи царской армии в Галиции, достигнутые в первые месяцы войны и сопровождавшиеся насильственной русификацией захваченных территорий, воочию показали, чего можно ожидать от победоносной монархии Романовых и Пуришкевичей. Временная стабилизация царизма могла бы привести к укреплению его позиций на международной арене, росту милитаризма, дальнейшему расширению границ империи, упрочению финансового положения правящих классов за счет военной контрибуции и новых внешних займов, усилению национального гнета на окраинах страны, временной консолидации буржуазных и мелкобуржуазных слоев (в том числе и крестьянства) вокруг окруженного ореолом «спасителя отечества» царского правительства, новому натиску на политические права пролетариата и т. д. В случае победы третьей империи режим получил бы дополнительные возможности для маневрирования, вырвав у истории еще одну отсрочку перед своим неизбежным концом. Победа реакционного правительства стала бы, таким образом, поражением русского народа. Правда, она не означала бы для царизма избавления от грозного призрака революции, но революционное движение вынуждено было бы в этом случае преодолевать значительно большее сопротивление со стороны старого строя, что повело бы к потере взятого темпа и дополнительным жертвам. Конечно, теоретически мыслима была и такая ситуация (на нее, кстати говоря, уповали все социал-реформисты из меньшевистского лагеря), когда победоносный, но изрядно потрепанный в войне самодержавный режим мог пойти на отдельные мелкие уступки, чтобы «откупиться» таким путем от революционного народа. Но подобные реформы, даже если бы они были проведены, не могли дать радикального решения основных вопросов русской жизни, настоятельно требовавшей революционного преобразования России сверху донизу. Консервируя старый строй, они лишь затормозили бы прогрессивное развитие страны, которое было возможно лишь на пути к социализму.

Напротив, военные поражения царизма и связанная с ними дезорганизация власти, как показал опыт русско-японской войны, могли бы способствовать назреванию в стране революционной ситуации. И именно потому, что царизм в значительной мере опирался в своей внутренней политике на силу штыков и голое насилие, военные поражения и разложение армии самым непосредственным образом влекли за собой разложение всего старого порядка и облегчали дело революции. Наконец, даже в том случае, если бы самодержавию чудом удалось снова

²⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 21. Эту мысль Ленин еще более заостряет в наброске статьи «Европейская война и международный социализм» и в письме к А. Г. Шляпникову от 17 октября 1914 г.: «...особенно подлый и варварский русский царизм (более всех реакционен)...» (Полн. собр. соч., т. 26, стр. 10), «...царизм во сто раз хуже кайзеризма» (Полн. собр. соч., т. 49, стр. 14). Подобные оценки встречаются и в ряде работ Ленина, относящихся к 1915—1917 гг. (см., например, Полн. собр. соч., т. 27, стр. 2; т. 31, стр. 15).

ускользнуть от карающего меча революции, его поражения принесли бы огромное облегчение всему международному социалистическому движению, окончательно подорвав силы этого оплота реакции²⁸. Выступая за поражение царизма, большевистская партия до конца выполняла свой интернациональный долг перед пролетариатом всех стран.

Учитывая крайнюю реакционность царизма, особую революционность российского пролетариата и наличие у него испытанного политического авангарда в лице большевистской партии, Ленин пришел к выводу, что перед лицом позорного краха оппортунистов II Интернационала именно на революционных социал-демократов России ложится историческая задача выступить с почином, который мог бы увлечь социалистов других воюющих стран, на практике показав им, что революционная работа, не останавливающаяся перед риском поражения своей страны в войне, возможна и необходима. Несомненно, большевики отдавали себе отчет в том, что их пораженческая тактика может не найти отклика в других странах. Однако не менее ясно было и другое: «Соглашение о революционных действиях даже в одной стране, не говоря о ряде стран, осуществимо *только* силой *примера* серьезных революционных действий, *приступа* к ним, *развития* их»²⁹. При этом Ленин допускал мысль о том, что российский пролетариат должен пойти даже на известные жертвы ради общего дела рабочего класса, ибо пролетариату высокоразвитых капиталистических стран, добившемуся уже определенного минимума демократических свобод и более высокого по сравнению с другими странами жизненного уровня, было гораздо труднее, чем рабочим России, решиться на такой шаг, как полный разрыв с буржуазным «отечеством», вплоть до признания желательности его поражения в империалистической войне. Русская революция, даже неудачная, задуманная контрреволюционной интервенцией империалистических держав, не могла не оказать могучего влияния на пролетарское движение в других странах. Свержение царизма было поэтому не только национальной, но и интернациональной задачей российского пролетариата.

Как подлинный интернационалист, Ленин считал, что войну с войной нужно начинать со своей собственной страны, с борьбы против «своей» буржуазии и «своего» правительства, с решительного отказа строить

²⁸ Это понимали, в частности, некоторые меньшевики-интернационалисты и левые эсеры. «Неуспех» (частичное поражение) России в войне закрыл бы, по мнению Мартова, последнюю возможность решения коренных вопросов русской жизни по прусскому, бисмарковскому, образцу, обострив все существующие в стране противоречия и снова поставив на очередь вопрос о радикальной ликвидации старого режима («Голос», 30 октября 1914 г.). В документе, получившем распространение в России осенью 1915 г. под названием «Обращение социал-демократов-меньшевиков, сторонников интернационального знамени пролетариата», говорилось: «Не вне России, а внутри ее кроется единственное и величайшее препятствие демократическому развитию нашей страны... И именно военная победа может сильно укрепить этого врага демократии... Победа внешняя укрепила бы русскую реакцию и внутри страны; именно победа эта надолго разрушила бы все надежды и чаяния демократии и пролетариата России» (ЦГАОР СССР, ф. ДП, ОО, 1915 г., д. 5, ч. 57, л. 308). Победа России в войне была бы, по мнению Мартова, «триумфом кнута над демократией, отданной на долгие годы в руки царского меча» (см. материалы из досье французской полиции о деятельности парижской группы меньшевиков-интернационалистов, опубликованные в журнале «Sahiers du Monde Russe et Soviétique», vol. IV, № 3, Paris, 1963, p. 283).

Один из московских эсеров писал летом 1915 г.: «Если мыслимо какое-либо достижение идеалов трудового народа, если мы не желаем создать кладбище для идей освобождения, мы не можем желать победы. Поражение нас на поле боя есть поражение не русского народа, а правительства, которое получит за это нужную мзду от народа. А этого только и нужно желать. Глядите, как присмирело правительство с нашими поражениями, и это важный симптом» (ЦГАОР СССР, ф. ДП, ОО, 1915 г., д. 9, ч. 68, лит. Б, л. 8 об.).

²⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 289.

благополучие своего народа за счет угнетения и ограбления трудящихся других стран. Вместе с тем чрезвычайно важно подчеркнуть, что, говоря о прямой обязанности революционных социал-демократов России первыми выступить с лозунгом поражения, Ленин неоднократно подчеркивал международный характер большевистской тактики. Как известно, в начале 1915 г. на Бернской конференции заграничных секций РСДРП была принята специальная резолюция, в которой говорилось о необходимости распространения лозунга поражения как меньшего зла на все воюющие страны.

Ленинская постановка вопроса о поражении царизма как меньшем зле представляла собой блестящий образец подлинного пролетарского интернационализма, пример творческого развития тех положений, которые были высказаны в свое время Марксом и Энгельсом. Напомним, что еще в феврале 1878 г. Маркс писал: «Поражение русских (от турок.— С. Т.) очень ускорило бы социальный переворот в России, элементы которого налицо в огромном количестве, а тем самым ускорило бы резкий перелом во всей Европе»³⁰. Незадолго до своей смерти Энгельс также подчеркивал: «Если война разразится, то на долю тех, кто потерпит поражение, выпадет возможность и обязанность совершить революцию»³¹.

Лозунг поражения «своего» правительства в империалистической войне был (и остается, пожалуй, до сих пор) наиболее трудной для понимания частью тактической платформы большевизма военных лет. Вот почему очень важно установить его точный смысл, очистить от чуждых наслоений, упрощенных и вульгарных толкований, порожденных политическим недомыслием или фракционным интриганством идейных противников нашей партии. Именно так ставило в свое время вопрос и Заграничное бюро ЦК РСДРП, считавшее необходимым в первую очередь разъяснить ошибочность ряда ходячих толкований большевистского лозунга и разоблачить клеветнические измышления о «национальном нигилизме» большевиков³². Уже в декабре 1914 г. Ленин выступил на страницах центрального органа партии газеты «Социал-демократ» со статьей «О национальной гордости великороссов», в которой показал, что большевики-пораженцы являются подлинными патриотами своей Родины, лучшими выразителями национальных интересов трудящихся масс России. Большевики неизменно подчеркивали, что они выступают за поражение официальной, царско-монархической России, а отнюдь не за поражение и национальное унижение русского народа. Это положение приобретало особое значение потому, что в трактовке социал-шовинистов и центристов лозунг поражения нередко превращался в сознательное стремление большевиков умножить страдания своего народа и даже нажать на них полигический капитал³³. Нет ничего более нелепого и отвратительного, чем подобная «философия».

³⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 34, стр. 246.

³¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 38, стр. 431.

³² Вопрос о лозунге поражения был подробно разъяснен Лениным в статье «О поражении своего правительства в империалистической войне», опубликованной летом 1915 г. в «Социал-демократе». Кроме того, по этому вопросу был опубликован ряд статей Зиновьева в «Социал-демократе», «Сборнике Социал-демократа» и журнале «Коммунист», причем все они прошли ленинскую редакцию и нередко перерабатывались в соответствии с замечаниями Ленина.

³³ Безответственные высказывания по адресу большевиков можно было встретить в тот период даже у наиболее «левых» социал-демократов, стоявших на центристских позициях. Так, А. В. Луначарский в статье, опубликованной в октябре 1915 г. в женевском журнале «Вперед» (№ 1), писал: «Сторонники «Социал-демократа» говорят о целой полосе империалистических войн. Им, по-видимому, кажется целесообразным,

Революционные марксисты прекрасно понимали, что революция, ускоренная военным поражением, имеет свои «минусы», получая в наследство расстроенное войной народное хозяйство, истощенные финансы и крайне запутанную систему международных отношений. Именно поэтому Ленин видел в поражениях царизма, бремя которых должно было лечь на рабочих и крестьян, лишь меньшее зло. Однако в войнах XX в., отличающихся огромными масштабами и затяжным характером, не только поражения, но и победы оплачиваются страданиями и кровью народных масс обеих воюющих сторон. Лишь в случае превращения войны в революцию жертвы трудящихся могли иметь известное оправдание, открывая путь новому обществу, построенному на принципах мира и братства народов. Большевистский лозунг превращения войны империалистической в войну гражданскую был поэтому не только самым революционным, но и самым гуманным лозунгом своего времени, ибо крови, пролитой в войнах, с избытком хватило бы на все революции, совершенные ради того, чтобы навсегда исключить войну из жизни общества.

Не менее неуклюжей была попытка противников нашей партии представить лозунг поражения как признак «отчаяния» большевиков, не верящих якобы в силы российского пролетариата и ждущих революции, принесенной на штыках кайзеровской армии. Известно, что большевистская партия никогда не рассматривала военные поражения царизма как единственный путь к революции, видя в них лишь один из факторов (хотя и крайне существенный) в сложной цепи социально-экономических явлений, подводящих страну к политическому перевороту. Ленин никогда не выводил какого-то универсального, с математической точностью действующего и применимого ко всем эпохам и странам закона о связи военных поражений с революцией. Действительно, история знает немало примеров, когда военные поражения реакционных режимов в силу ряда причин не приводили к революционным взрывам (разгром Пруссии в 1806 г. и Австрии в 1866 г., поражение Японии и Италии во второй мировой войне и т. п.). Ленинская формула звучит иначе: «Не говорили ли мы всегда и не говорит ли исторический опыт реакционных войн, что поражения облегчают дело революционного класса?» — писал он в статье «О брошюре Юниуса»³⁴. Как видим, Ленин 1) говорит здесь только о реакционных, несправедливых войнах; 2) указывает, что поражения облегчают дело революционного класса, не избавляя его от необходимости вести активную революционную борьбу и не предрешая заранее ее исхода; 3) подразумевает под «делом революционного класса» все формы борьбы пролетариата, а не только восстание. Он говорил о том, что «ни один социалист нигде и никогда не брал на себя ручательства за то, что революцию породит именно данная (а не следующая) война, именно теперешняя (а не завтрашняя) революционная ситуация»³⁵.

Кроме того, большевики никогда не сбрасывали со счета международную обстановку, в которой развивается революционное движение в той или иной стране. Поэтому демагогические выпады меньшевиков,

---

чтобы новые и новые войны все больше били пролетариат: авось после третьего или четвертого удара этим бичом он, расшвыряв от страданий, в припадке бешенства разорвет свои цепи и ухлопает своего палача». Не приходится удивляться поэтому, что многие оборонцы из числа меньшевиков и эсеров приписывали большевикам «желание и радость видеть в России бедствия и разорения» («Сборник Социал-демократа», 1916, № 1, стр. 57).

³⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 15.

³⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 221.

кричавших о том, что Вильгельм II не допустит революции в России, были мимо цели. Большевики сознавали наличие такой потенциальной опасности (равно как и опасности контрреволюционной интервенции не менее реакционного империализма Антанты, о которой почему-то забывали меньшевики), но они справедливо полагали, что глубина межимпериалистических противоречий и сила натиска международного пролетариата на свои правительства значительно затруднят осуществление иностранной военной интервенции с целью реставрации самодержавия.

События весны 1917 г. показали, что ни германский империализм, ни буржуазия Антанты не смогли прийти на помощь свергнутой романовской династии и оказались вынужденными принять Февральскую революцию как свершившийся факт. Больше того, империалистические хищники обеих воюющих сторон даже считали устранение самодержавия выгодным для себя, так как Германия надеялась на то, что революция докончит разложение царских войск и ускорит поражение России, а державы Антанты, наоборот, видели в ней фактор «национального возрождения» русского народа и роста боеспособности его армии.

По мысли Ленина, военные поражения были лишь катализатором процесса революционного брожения масс, своеобразным ускорителем вызревания общенационального кризиса, основа которого была заложена в объективных противоречиях, существующих в данном общественном организме независимо от войны. При этом революционный потенциал нации должен быть достаточно велик, чтобы преодолеть противодействие отрицательных факторов, связанных с военными поражениями (экономическая разруха, деморализация масс и т. п.). Только в этом случае связь между поражением и революционным кризисом, а затем и революцией превращается из возможности в реальный факт, как это было в России. «События в России вполне подтвердили нашу позицию, которую дурачки-социал-патриоты (от Алексинского до Чхеидзе) окрестили поражением, — писал Ленин через год после начала войны. — Факты показали нашу правоту!! Военные неудачи помогают расшатывать царизм и облегчают союз революционных рабочих России и других стран»³⁶. После победы второй буржуазно-демократической революции в России в «Письмах из далека» Ленин вновь подчеркнул, что те, кто кричал против пораженьства, поставлены после февраля 1917 г. перед фактом «связи поражения самой отсталой и самой варварской царской монархии и начала революционного пожара»³⁷. Эта связь была еще раз наглядно продемонстрирована затем и на примере передовой капиталистической страны — Германии, военный крах которой ускорил Ноябрьскую революцию 1918 г. Знаменательно, что российские социал-шовинисты, может быть, невольно для себя, признали полную правоту ленинской концепции пораженьства, выступив... за поражение Германии для победы германской революции (!)³⁸.

³⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 49, стр. 133.

³⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 15.

³⁸ См. статью Алексинского в газете «Призыв» от 4 декабря 1915 г. Ту же мысль проводил и Плеханов («О войне». Сборник. Пг., 1917, стр. 42; «Пролетарская революция», 1923, № 10, стр. 108). Даже черносотенный публицист Меньшиков признавал, что в Германии в случае поражения легко может повториться — и притом в более грандиозном виде — восстание пролетариата, напоминающее Парижскую Коммуну. Однако в отличие от социал-патриотов Меньшиков распространял это положение и на другие страны, подчеркивая, что, «какая бы сторона ни потерпела поражение извне, она должна считаться с „детонацией“ собственных рабочих масс» («Новое время», 14 августа 1914 г.).

Атаки оппортунистов на ленинский лозунг поражения царской России в войне как меньшего зла шли прежде всего по линии всяческого раздувания немецкой угрозы и открытой апелляции к обывательскому страху мелкобуржуазных масс перед иноземным нашествием. Признавая, что с психологической точки зрения желание русского революционера видеть ненавистную царскую монархию поверженной и побежденной представляется «понятным и почти законным», российские социал-шовинисты считали, однако, позицию большевиков весьма уязвимой с точки зрения «логики и политики». Они не хотели считаться с тем неопровержимым фактом, что в основе ленинской тактики революционного пораженчества лежал трезвый анализ эпохи империализма, характера, целей и возможных последствий данной войны.

Как известно, официальная и буржуазно-либеральная русская печать, а также социал-шовинисты настойчиво проводили мысль о том, что основное содержание развернувшейся на фронтах борьбы составляет вопрос о самом национальном существовании русского народа, о его жизни и смерти, о превращении России в германскую колонию или, наоборот, о завоевании ею полной политической и экономической независимости и приобщении славянства к числу народов, пользующихся «всеми радостями державного существования»³⁹.

С самого начала мировой войны стало ясно, что русская буржуазия заняла ярко выраженную националистическую позицию. Революция 1905—1907 гг. окончательно бросила либералов в объятия царизма. Либерализм навсегда распростился со своими «юношескими мечтаниями» и перерос в национал-либерализм, откровенно выступая за великодержавную империалистическую политику. Несмотря на то, что во время войны (особенно с осени 1915 г.) противоречия между либеральным и правительственным лагерями значительно обострились, политические наследники освободителей — кадеты до самого последнего момента готовы были терпеть царизм как заслон от революции и «защитника» (пусть плохого) «великой России». Если в период русско-японской войны либералы не прочь были пококетничать с идеей пораженчества, чтобы заставить самодержавие пойти на уступки, то теперь они готовы были сами уступать царизму до последней возможности в интересах сохранения «национального единения» и своих великодержавных привилегий. Либеральное пораженчество 1904—1905 гг. уступило место либеральному оборончеству 1914—1917 гг.

Что касается меньшевиков и эсеров, то они совершенно не учитывали специфики войны 1914 г. как войны империалистической, действительная сущность которой заключалась в борьбе за: 1) передел колоний (или колониальных окраин) и 2) ограбление конкурирующих стран (контрибуция, торговые договоры и т. п.), а не в стремлении к национальному порабощению крупных государств типа России, Франции, Англии, Германии и т. д. Национальный элемент в первой мировой войне был сведен к минимуму (Сербия). На это обстоятельство неоднократно указывалось и на страницах «Социал-демократа», и в решениях Бернской конференции заграничных секций РСДРП⁴⁰. Но особенно ярко и выпукло ленинские взгляды по данному вопросу изложены в работе «О карикатуре на марксизм и об „империалистическом экономизме“». «Для обывателя важно, где стоят войска, кто сейчас побеждает,—

³⁹ «Новое время», 7 августа 1914 г.

⁴⁰ «Социал-демократ», 12 декабря 1914 г. (статья «Интернационал и защита отечества»); «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. 1. М., 1954, стр. 326.

писал Ленин.— Для марксиста важно, *из-за чего* ведется данная война, во время которой могут быть победителями то одни то другие войска.

Из-за чего ведется данная война?.. Англия, Франция и Россия воюют за сохранение награбленных колоний и за грабеж Турции и пр. Германия за то, чтобы отнять себе колонии и самой ограбить Турцию и пр. Допустим, немцы возьмут даже Париж и Петербург. Изменится от этого характер данной войны? Нисколько. Целью немцев и — это еще важнее: осуществимой политикой при победе немцев — будет тогда отнятие колоний, господство в Турции, отнятие чуженациональных областей, например, Польши и т. п., но вовсе не установление чуженационального гнета над французами или русскими. Действительная сущность данной войны не национальная, а империалистская»⁴¹.

В нашем распоряжении имеется весьма ограниченный материал, дающий представление о том, как конкретно представлял себе Ленин размеры желательного для революционеров военного поражения России. Этот вопрос он затрагивал, в частности, во время своей «рефератной поездки» по Швейцарии в октябре 1914 г.⁴²

Как опытный политик, Ленин хорошо понимал, что при известных обстоятельствах результатом военных поражений царизма может быть и потеря Россией некоторых окраинных областей, хотя большевики и не желали победы империалистической Германии. Наша партия исходила в своей тактике из реальной в то время перспективы превращения общеевропейской революционной ситуации в революционный взрыв. При этом окончательное решение вопроса о судьбе тех или иных нерусских областей мыслилось Лениным лишь в связи с успехами революционного и национально-освободительного движения, на основе свободного волеизъявления самих национальных меньшинств. Однако большевики никогда не приурочивали мировую революцию к определенному сроку. Вот почему приходилось считаться с возможностью временной оккупации Германией ряда районов России. Но коренное разрешение национального вопроса большевики связывали отнюдь не с переходом тех или иных территорий под контроль другого империалистического хищника (хотя бы и более «культурного», чем царизм), а с победой пролетарской революции, видя в свободе отделения от России лишь шаг к созданию самостоятельных демократических национальных государств⁴³.

В этой связи важно подчеркнуть, что Ленин никогда не фетишизировал территориальной целостности Российской империи, 53% населения которой составляли нерусские народности, считая ее одной из колониальных империалистических держав. Выступая за централизацию и объединение наций на основе полной добровольности, большевики в то же время вполне допускали мысль о возможности «распада» царской империи и отделении из нее таких районов, как Польша, Финляндия, а возможно, и некоторых других национальных окраин⁴⁴.

⁴¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 83.

⁴² «Записки Института Ленина», вып. 2. М., 1927, стр. 117; «Ленинский сборник», XIV, стр. 150.

⁴³ Во время мирных переговоров в Брест-Литовске в декабре 1917 г. советская делегация включила в программу всеобщего демократического мира пункт о выводе в кратчайший срок со всех захваченных территорий оккупационных войск и восстановлении политической самостоятельности народов.

⁴⁴ В беседе с левым шведским социал-демократом Ф. Стремом в апреле 1917 г. Ленин нарисовал следующую картину решения национального вопроса в России: «Финляндия должна стать свободной, первая из всех государств. Также Польша и прибалтийские государства. Революционная Россия должна освободить все народы, захваченные и угнетаемые царизмом» (цит. по кн.: Н. И. Крутикова. На крутом

Большевики неизменно выступали против всяких национальных привилегий и неравенства, бичуя царизм, который не только эксплуатировал трудящихся великороссов, но и деморализовал, унижал, обесчещивал и prostituteировал их, приучая к угнетению других народов как «законной добычи» царизма и его армий. И именно потому, что большевики хотели видеть Россию свободной, независимой, самостоятельной и демократической, строящей свои отношения с соседями не на унижающем великую нацию крепостническом принципе привилегий, а на человеческом принципе равенства, взаимного уважения, доверия, братства и взаимопомощи,— именно потому они выдвигали лозунг права наций на самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельного государства и выступали за поражение царизма, как душителя и палача десятков больших и малых народов.

Большевики стояли за слияние наций, «но от насильственного слияния, от аннексий,— говорил Ленин,— *ныне* не может быть перехода к добровольному слиянию без свободы отделения»⁴⁵. Нужно стараться удержать национальные меньшинства в составе больших государств в годы и культурой, а не насильем, подчеркивал он в реферате «Империализм и право наций на самоопределение» (октябрь 1915 г.). «Когда мы не признаем и не выдвигаем на 1-ый план свободы отделения, мы *практически* оставляем дверь открытой для лакеев насилия»,— говорил Ленин⁴⁶. При этом он не раз обращал внимание на то, что возможность угнетения и грабежа чужих народов укрепляет экономический застой в России, так как полуфеодалная эксплуатация «иностранцев» нередко бывает выгоднее, чем развитие экономики на капиталистических началах.

Без предельно смелой и подлинно демократической программы решения национального вопроса как в самой России, так и в других воюющих странах большевистская тактика революционного пораженчества была бы просто невыносимой. В то же время нельзя забывать, что ленинская постановка вопроса о поражении России исходила из возможности двукратной трансформации данной империалистической войны: 1) превращения ее в гражданскую войну и 2) превращения в случае необходимости этой последней в революционную национальную войну, войну за свободу и независимость своей Родины, которая ведется народом на принципиально новых началах социалистического патриотизма и пролетарского интернационализма. Ленин никогда не ставил вопрос так: с н а ч а л а полное военное поражение, ставящее страну на грань национальной катастрофы, и лишь з а т е м революция. Напротив, именно в революции Ленин видел средство предотвращения этой национальной катастрофы. В отличие от социал-шовинистов, которым в поражениях царской армии чудился «конец России», Ленин рассматривал их лишь как преходящий эпизод, открывающий дорогу революции в одной стране и мировой революции в целом. «Не с точки зрения „своей“ страны я должен рассуждать (ибо это рассуждение убогого тупицы, националистского мещанина, не понимающего, что он игрушка в руках империалистской буржуазии), а с точки зрения *моего участия* в подготовке, в пропаганде, в приближении мировой пролетарской революции»,— пи-

говороте. М., 1965, стр. 76). Ленин считал, что право на отделение должно быть предоставлено Финляндии, Польше, Курляндии, Украине, Хиве, Бухаре, Эстляндии и другим национальным районам России (см. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, стр. 302). В то же время он подчеркивал, что это отнюдь не означает целесообразности отделения всех названных национальных районов от России.

⁴⁵ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 122.

⁴⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, стр. 436—437.

сал он⁴⁷. Вера в силы международного пролетариата и глубокий научный анализ соотношения сил на международной арене приводили Ленина к убеждению, что развитие революционного процесса рано или поздно приведет к своеобразной «переигровке» и аннулированию любого самого «псахобного» и несправедливого мирного договора, навязанного империалистами побежденной стороне. Тем самым большевики решали сложнейшую проблему разграничения поражения царизма и поражения русского народа. Ускоренная военными поражениями царизма, революция может спасти и спасет страну от расплаты за крах ее бывшего правительства (отказ от уплаты военных долгов и контрибуции, аннулирование несправедливого мирного договора и, наконец, революционная война в защиту национального суверенитета) — вот то кардинальное положение, на котором была построена вся большевистская тактика революционного поражения.

Когда социал-шовинисты поставили перед большевиками вопрос «Вы должны сказать, что будете делать, захватив в свои руки власть, — передадитесь на волю кайзера или будете продолжать с ним войну?»⁴⁸, Ленин ответил на него так: «... (1) наша победа разожжет во 100 раз движение „левых“ в Германии; (2) если бы „мы“ победили царизм вполне, мы предложили бы мир всем воюющим на демократических условиях, а при отказе повели бы *революционную войну*»⁴⁹.

Таким образом, ленинская концепция поражения не имела ничего общего с какой-то мифической «выдачей» России германскому империализму, о которой кричали социал-шовинисты. Несмотря на то что Ленин говорил о желательности полного военного разгрома царизма⁵⁰, он не отождествлял его ни с потерей Россией национальной самостоятельности, ни с превращением ее в колонию иностранного капитала. Когда П. Б. Аксельрод выступил в печати с формулой «Желать решительной победы России нет никаких оснований: это источник сил для русского царизма. Поражение же ее, не могущее затронуть органического развития страны, помогло бы ликвидации старого режима»⁵¹, Ленин, резко критиковавший его социал-шовинистическую позицию в ряде вопросов, писал: «Заявление Аксельрода... верно само по себе, взятое отдельно»⁵².

Очень важно в этой связи подчеркнуть, что, выступая за поражение царской России, большевики никогда не говорили о желательности победы империалистической Германии⁵³. Между тем все идейные противники ленинизма, от Плеханова до Троцкого, нападая на ленинский тезис о поражении, пытались истолковать его по формально-логической схеме: за поражение России — значит за победу Германии.

Однако большевики исходили из совершенно иной посылки: начавшись как схватка империалистических правительств, мировая война

⁴⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 298.

⁴⁸ «Россия и свобода», № 2, август 1915 г. (статья «Борьба или сдача»).

⁴⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 49, стр. 133.

⁵⁰ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 192.

⁵¹ «Голос», 22 декабря 1914 г.

⁵² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 124—125.

⁵³ Отметим в этой связи, что вплоть до конца 1917 г. большевики решительно выступали против сепаратного мира с Германией, считая, что он мог бы усилить австро-германскую империалистическую группировку. Лишь после того как стало ясно, что державы Антанты не желают вести переговоры о заключении всеобщего демократического мира, Советское правительство вынуждено было пойти на сепаратные мирные переговоры с государствами Четверного союза. При этом советская делегация на переговорах в Брест-Литовске настаивала на включении в условия перемирия обязательства со стороны Германии не перебрасывать войска с Восточного фронта на Западный.

могла стать прологом мировой революции, создающей принципиально новые отношения между народами и не знающей деления стран на победителей и побежденных. Поражение России не для победы Германии, не для торжества того или иного империализма, а для победы российской и мировой революции — вот смысл ленинского тезиса о поражении, выступающего в роли лозунга-спутника рядом с главным и единственно правильным в обстановке 1914—1917 гг. лозунгом превращения империалистической войны в гражданскую. Главный враг рабочих, как говорил К. Либкнехт, — в их собственной стране. Эти крылатые слова как нельзя более точно раскрывают содержание революционного поражения большевиков. Лозунг поражения «своего» правительства в империалистической войне означал, что с точки зрения революционного марксизма и во время войны классовая борьба пролетариата со своим внутренним врагом — буржуазией и помещиками важнее отражения внешнего врага, что союз международного пролетариата (в противовес «национальному единению», к которому призывали социал-шовинисты) является подлинно интернационалистским лозунгом рабочих всех стран.

Большевики решительно отмежевывались от тех, кто видел в поражении России путь к победе Германии (такие настроения существовали у части бундовцев, украинских эсеров-сепаратистов, членов «Союза освобождения Украины» и др.): С подобными «социалистами» и «пораженцами» Ленин не хотел иметь ничего общего. Когда один из деятелей «Союза освобождения Украины» Басок-Меленевский обратился к нему с письмом, в котором предлагал большевикам сотрудничать с украинскими националистами, Ленин ответил: «...мы стоим на точке зрения интернациональной революционной социал-демократии, а Вы — на точке зрения национально-буржуазной. Мы работаем за сближение *рабочих* разных (и особенно *воюющих*) стран, а Вы, видимо, сближаетесь с буржуазией и правительством „своей“ нации. Нам не по дороге»⁵⁴.

Из воспоминаний В. А. Карпинского известно, что Ленин категорически отверг предложение о крупной материальной помощи для ведения пораженческой агитации, сделанное осенью 1914 г. после одного из его рефератов от имени «неизвестного лица, проживающего в Польше»⁵⁵.

Разоблачая софизмы меньшевика Аксельрода, Ленин в статье «Русские Зюдекумы» подчеркивал, что даже признание пользы поражения России без прямого указания на измену германских и австрийских социалистов, вне связи с борьбой против социал-шовинизма есть на деле помощь оппортунистам и оправдание их позорных действий⁵⁶. При этом Ленин не делал никакого принципиального различия между оппортунистами обоих воюющих лагерей и постоянно предупреждал товарищей по партии от ложных шагов, которые могли быть истолкованы как уступка великорусскому шовинизму. Решительная бескомпромиссная борьба с социал-шовинизмом и прежде всего с социал-шовинизмом в собственной стране является одним из важнейших аспектов ленинского лозунга поражения. Достаточно сказать, что уже в тезисах о войне ло-

⁵⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 49, стр. 50.

⁵⁵ «Записки Института Ленина», вып. 2, стр. 80—81.

⁵⁶ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 125. Принципиальное значение имеет также письмо В. И. Ленина в редакции газет «Vorwärts» и венской «Arbeiter Zeitung» с протестом по поводу помещенных там отчетов о его цюрихском реферате. В этих заметках говорилось, что В. И. Ленин выступает за поражение царизма и свободу Украины, но не было даже упомянуто о той части реферата, где речь шла об измене лидеров II Интернационала и, в частности, вождей германской и австрийской социал-демократии, а без этого, как указывал В. И. Ленин, весь смысл его рассуждений совершенно извращается (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 49, стр. 25).

зунг поражения поставлен в прямую связь с задачей борьбы против великорусского и царско-монархического шовинизма⁵⁷.

Только лозунг поражения в отличие от расплывчатых и половинчатых центристских формул не оставлял никаких лазеек для примирения с империалистическим правительством и его либеральными приспешниками, а также с их мелкобуржуазной агентурой в рабочем движении. Эту революционную последовательность ленинского лозунга вынуждены были признать даже такие ярые противники большевистской партии, как Плеханов, Потресов, Алексинский, Керенский и др.⁵⁸ Принципиально другая, не либеральная тактика начинается, по мысли Ленина, только с момента решительного разрыва со всеми видами оправдания войны, когда на деле ведется пропаганда к подготовке революционных действий во время войны при использовании военных затруднений своего империалистического правительства. В этом Ленин видел грань, отделяющую пролетарскую политику от буржуазной⁵⁹. В полемике с Троцким Ленин со всей силой подчеркивал революционную сторону лозунга поражения, который один означал последовательный призыв к революционным действиям против своего правительства, невзирая на войну. Вопрос стоял так: либо продолжение классовой борьбы, несмотря на войну,— и тогда социал-демократия дополняет лозунг гражданской войны лозунгом поражения, призывом к использованию пролетариатом затруднений «своего» правительства и «своей» буржуазии для их низвержения,— либо социал-демократия «не противодействует» войне, ищет лазейки к соглашению с буржуазией, участвует в защите «отечества»— и тогда она под тем или иным предлогом выбрасывает за борт идею поражения и отрешивается от пораженчества. «Единственной политикой действительного, не словесного, разрыва „гражданского мира“, признания классовой борьбы, является политика использования пролетариатом затруднений своего правительства и своей буржуазии для их низвержения. А этого нельзя достигнуть, к этому нельзя стремиться, не желая поражения своему правительству, не содействуя таксму поражению»,— писал Ленин⁶⁰.

Пораженчество большевиков было не «социал-патриотизмом наизнанку», как клеветнически утверждали Мартов и Троцкий, а проявлением подлинного пролетарского интернационализма. Разъясняя ленинскую линию, газета «Социал-демократ» писала: если германский «социал-демократ» Парвус⁶¹ выдвигает для всех один лозунг—

⁵⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 6.

⁵⁸ Так, Керенский, осуждая пораженчество, вынужден был, однако, признать, что система взглядов В. И. Ленина по этому вопросу «есть наиболее стройная и последовательная из всех», которые он встречал (ЦГАОР СССР, ф. ДП, ОО, 1915 г., д. 457, л. 143). Плеханов, неоднократно заявлявший, что его точка зрения прямо противоположна точке зрения В. И. Ленина, также сделал в 1917 г. чрезвычайно ценное признание: «Если нужно выбирать между Лениным и миролюбивыми из «Рабочей газеты» (орган меньшевиков-центристов.— С. Т.), то я предпочту Ленина, как человека более смелого и последовательного» (Г. В. Плеханов. Год на родине. Париж, 1921, стр. 73).

⁵⁹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 280.

⁶⁰ Там же, стр. 290.

⁶¹ В начале марта 1915 г. Парвус представил в министерство иностранных дел Германии план «революционирования России», в котором выдвигалась задача подготовки на немецкие деньги массовой политической стачки под лозунгом «Мир и свобода!» в Петрограде, Баку, Донбассе, на Урале, в портах Черного моря и т. д. Кроме того, предполагалось с помощью буржуазных и мелкобуржуазных националистических организаций поднять восстания на Украине, Кавказе и в Финляндии, использовать политических ссыльных для организации беспорядков в Сибири и т. д. (F. Fischer. Griff nach der Weltmacht. Düsseldorf, 1962, S. 168—169). При этом Парвус развивал идею «децентрализации» России (отделение Польши, Украины, Финляндии и Кавказа),

борьбу против царизма, то наш большевистский лозунг шире — не только против царизма, но и против кайзеризма, против империализма и английского, и французского, и германского, и русского⁶². Позиция большевиков, указывалось в газете, не тождественна позиции германских социал-шовинистов, ибо большевики: 1) не говорят о праве социалистов какой-либо страны на защиту «отечества» в данной войне; 2) клеймят мнимую политику борьбы с царизмом со стороны австрийских и германских социалистов; 3) требуют от всех социалистических партий борьбы прежде всего с правительством собственной страны; 4) выдвигают лозунг превращения империалистической войны в гражданскую для всех без исключения стран⁶³.

Вполне понятно, что Ленин был против всяких, хотя бы и чисто символических, блоков с империалистическими правительствами обеих коалиций. Для предполагавшейся к опубликованию в «Социал-демократе» резолюции грузинских социалистов, которые отвергли предложение австрийского правительства о заключении соглашения с целью отделения Грузии от России, было написано следующее редакционное примечание: «Печатаем эту резолюцию, чтобы отметить полную правильность поведения грузинских [социал]-демократов. Пособниками монархий мы не должны быть никогда и никаких, ни русской, ни австрийской, ни германской»⁶⁴.

Конечно, Ленин отдавал себе отчет в том, что лозунг поражения, равно как и лозунг национального самоопределения и права на отделение, может быть использован германскими империалистами. Однако это не могло заставить его отказаться от признания правильности и целесообразности провозглашения революционной социал-демократией указанных лозунгов⁶⁵.

Итак, единственно правильная революционная тактика пролетариата во время империалистической войны — желать и содействовать поражению своего правительства как меньшему злу. Но что для этого делать? К каким практическим шагам должно привести признание партией этого положения? Данный вопрос вызывал едва ли не больше всего споров и сомнений даже среди самих большевиков-практиков.

Прежде всего следует отметить, что ленинская формулировка «содействие поражению» не имела ничего общего с анархизмом⁶⁶.

Когда в октябре 1914 г. Шляпников сообщил Ленину о тенденции некоторых партийных работников в России истолковать лозунг пора-

---

лицемерно заявляя, что германские социал-демократы борются якобы за свободу русского народа и за самостоятельное существование каждой нации, как бы мала она ни была (см. письмо Ноя Буачидзе в ЦК РСДРП (январь 1915 г.) с изложением содержания публичного реферата Парвуса в Софии.— ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, ед. хр. 1597, л. 2).

⁶² «Социал-демократ», 12 февраля 1915 г.

⁶³ Там же.

⁶⁴ «Ленинский сборник», XVII, стр. 321.

⁶⁵ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, стр. 258.

⁶⁶ В листовках русских анархистов 1915—1916 гг. развивалась идея саботажа, диверсий, террора, дезертирства и т. д. как методов борьбы с войной. На подобное же толкование пораженчества сбивались и эсеры. Характеризуя на петроградской конференции ПСР в декабре 1915 г. ленинскую тактику как наиболее стройную и последовательную, Керенский вкладывал в нее, однако, следующий смысл: раз поражение царских войск необходимо для дела свободы России, то приходится делать все то, что ведет к поражению, т. е. дезорганизовывать тыл, прибегая к саботажу (ЦГАОР СССР, ф. ДП, ОО, 1915 г., д. 457, л. 143). Еще дальше шел в этом плане В. Чернов: «Кто говорит: да будет поражение,— тот берет на себя некоторые обязательства — не только не служить в армии своего правительства и не помогать ему одерживать победы, а, напротив, вредить ему и даже, быть может, помогать его противнику» («Мысль», 16 января 1915 г.).

жения в смысле активной дезорганизации армии, транспорта и т. д., вождь партии специально предупредил о необходимости разъяснять ошибочность полуанархических толкований тактики поражения: «Не саботаж войны, а борьба с шовинизмом и устремление всей пропаганды и агитации на международное сплочение (сближение, солидаризирование, сговор, *selon les circonstances*) пролетариата в целях гражданской войны. Ошибочно было бы и призывать к *индивидуальным* актам стрельбы в офицеров etc. и допускать аргументы вроде того, что не хотим помогать кайзеризму. Первое — уклон к анархизму, второе — к оппортунизму. Мы же должны готовить массовое (или по крайней мере коллективное) выступление в войске не одной только нации, и *всю* пропагандистски-агитационную работу вести в этом направлении»⁶⁷.

В статье «О поражении своего правительства в империалистской войне» Ленин специально разъяснял, что значит «содействовать поражению»: «Это вовсе не значит, что надо „взрывать мосты“, устраивать неудачные военные стачки и вообще помогать правительству нанести поражение революционерам»⁶⁸. Большевики никогда не скрывали того, что они систематически революционизировали царскую армию. «Мы гордимся тем, что исполнили свой долг, разлагая силы нашего классового врага, отвоёвывая у него вооруженные массы рабочих и крестьян для борьбы против эксплуататоров», — писал Ленин⁶⁹. Однако если большевики говорили о разложении царской армии в смысле ее революционизирования, то действительное ее разложение было в первую очередь делом рук самого царского правительства, оказавшегося не в состоянии вести войну, закономерным результатом непримиримых классовых антагонизмов, существовавших в армии, естественным продуктом всей антинародной внутренней и внешней политики самодержавия. Агитационно-пропагандистская работа большевиков была лишь добавочным фактором разложения царских войск. Заметим в этой связи, что большевики не призывали солдатские массы к дезертирству с поля боя, сдаче в плен, истреблению командного состава и т. д., хотя эти явления и были в ряде случаев результатом большевистской агитации за превращение войны империалистической в войну гражданскую. Главное внимание партия направляла на то, чтобы подорвать веру солдат в «справедливость» войны со стороны России, убедить их в антинародности царского режима и создать в армии революционное настроение, которое в решающий момент должно было обеспечить боевой союз солдат, рабочих и крестьян в борьбе против самодержавия. Попытки разложения армии такими «радикальными» средствами, как саботаж, диверсии и т. п., могли бы привести лишь к бессмысленной гибели партийных кадров, изоляции партии от солдат и озлоблению народных масс, так как почти у каждого рабочего или крестьянина были в армии родные и близкие. Кроме того, большевики никогда не видели выхода из войны в том, чтобы в одностороннем порядке воткнуть штыки в землю, бросить оружие и разойтись по домам, открыв дорогу неприятельским войскам. Войну могла убить только война, справедливая война трудящихся классов всех воюющих стран против своих эксплуататоров, война гражданская, революционная. Но она требовала тщательной и всесторонней подготовки и наличия целого ряда объективных и субъективных условий. В обстановке войны на первый план выдвигалась агитационно-пропагандистская работа партии в массах. Анализируя нелегальную деятельность большевистских депутатов IV Государственной думы, которую Ленин

⁶⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 49, стр. 14.

⁶⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 286.

⁶⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 40, стр. 8—9.

считал образцом для всего Интернационала, он прямо говорил, что эта агитация содействовала поражению царской России, ослабляя ее военную мощь. В статье «О поражении своего правительства в империалистской войне» Ленин устанавливает неразрывную связь «между революционной агитацией против правительства с содействием его поражению»⁷⁰. Эта же мысль нашла выражение в решениях Бернской конференции заграничных секций РСДРП 1915 г., где говорится о возможности поражения «в результате революционной агитации»⁷¹. Выпуск прокламаций и нелегальных изданий, отказ от участия в буржуазных оборонческих организациях, проведение забастовок с экономическими и политическими требованиями, борьба с социал-шовинизмом, пропагандистская работа в войсках и поддержка братания солдат — вот различные формы содействия поражению своего правительства. Наконец, в решающий момент — это восстание, не лимитируемое стратегическим положением на фронтах, без отговорки от революции под предлогом ее «гибельности» для дела «обороны нации».

Таковы основные аспекты ленинской концепции пораженчества в том виде, как она сложилась в годы первой мировой войны.

По сравнению с предыдущим периодом в ней можно отметить ряд новых черт:

1) весь вопрос о поражении поставлен в неразрывную связь с общей оценкой эпохи империализма как кануна социалистической революции;

2) лозунг поражения приобретает международное звучание и выдвигается как практическая задача революционных социалистов всех воюющих стран;

3) содействие поражению «своего» империалистического правительства рассматривается большевиками как конкретный шаг к превращению империалистической войны в гражданскую, к прорыву системы мирового капитализма в ее наиболее слабом звене, как образец для пролетариата других стран, как приступ к мировой социалистической революции;

4) использование военных неудач и содействие поражению своего правительства в годы мировой войны означало также решительный разрыв с оппортунизмом, переросшим в социал-шовинизм, полный разрыв с любым оправданием классового мира пролетариата с буржуазией, являлось составной частью борьбы за новый, подлинно революционный Интернационал;

5) в годы мировой войны Ленин впервые прямо ставит вопрос о том, что революционный социал-демократ должен не только желать, но и содействовать поражению своего правительства в империалистической войне, наместив ряд практических шагов в этом направлении.

Таким образом, революционное пораженчество приобретает теперь вид стройной, всесторонне обоснованной платформы, дававшей партии ясную перспективу борьбы.

В первые два месяца войны большевистские организации в России еще не знали о позиции Ленина. Отдельные большевики подходили к пораженчеству самостоятельно, анализируя международную обстановку, изучая тактику большевизма в русско-японской войне и т. п. Однако этот вопрос был слишком трудным и сложным, и усвоение лозунга поражения, естественно, не могло пройти гладко и безболезненно, порождая недоумения, сомнения, колебания, а в ряде случаев и прямые воз-

⁷⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 288.

⁷¹ Там же, стр. 166.

ражения со стороны многих большевиков, в том числе и партийных активистов⁷².

Главным пунктом некоторого расхождения части большевиков с ленинской позицией был вопрос о содействии поражению, связанный прежде всего со слишком прямолинейным, упрощенным толкованием тезисов Ленина (содействие поражению России — помощь Германии).

В этих условиях на Бернской конференции заграничных секций большевиков весной 1915 г. и была принята новая формулировка тезиса о поражении: «В каждой стране борьба со своим правительством, ведущим империалистическую войну, не должна останавливаться перед возможностью в результате революционной агитации поражений этой страны»⁷³. Тем самым в резолюции конференции 1) была закреплена «интернационализация» пораженческой тактики (вместе с тем в резолюции вновь подчеркивалось, что в России она особенно верна); 2) устранена возможность полуанархистского ее толкования; 3) подчеркнут ее «вспомогательный» характер как части лозунга превращения империалистической войны в гражданскую. В резолюции не говорится о том, что пораженчество является лозунгом⁷⁴ партии и что нужно желать и активно содействовать поражению своего правительства в империалистической войне. Иначе говоря, резолюция Бернской конференции шла навстречу позиции большевистских организаций в России, а также ряда большевиков-эмигрантов, которые считали, что «социал-демократия не выдвигает поражение лозунгом, но не останавливается перед возможностью поражения в результате ее, социал-демократии, деятельности. Она не «желает» этого, но она... *идет на поражение*»^{74а}. Однако чрезвычайно важно подчеркнуть, что основное ядро ленинской концепции осталось в бернской резолюции без всяких изменений.

В написанной Лениным в июле 1915 г. статье «О поражении своего правительства в империалистской войне» прямо и недвусмысленно говорится о лозунге поражения, хотя в ряде мест, полемизируя с Троцким (и косвенно с Бухариным), Ленин берет слово «лозунг» в кавычки. Позже Ленин уже не употреблял этого термина. Очевидно, именно поэтому в «Кратком курсе истории ВКП(б)» говорилось не о лозунге, а о политике поражения.

⁷² Среди них были Литвинов, Скворцов-Степанов, Шкловский и др. М. М. Литвинов, например, писал Н. К. Крупской из Лондона: «В чем мы все тут не согласны с «Социал-демократом», это в вопросе о пораженчестве. Впрочем, никто из большевиков, приехавших сюда из России и Швейцарии, не солидаризируется с позицией ЦО. Не то, чтобы мы не соглашались с мыслью, лежащей в основе этого лозунга, но формулировка его крайне неудачна и, по-моему, будет иметь фатальные последствия для большевизма» (ЦПА ИМЛ, ф. 351, оп. 11, д. 27391, л. 3). Заграничная агентура Департамента полиции отмечала, что «Ленин своей пораженческой ролью вызвал за последнее время много раздоров не только в социалистических кругах, но и среди своих единомышленников по фракции. Ленина упрекают в том, что он избрал, хотя и для правильного самого по себе лозунга, совершенно неподходящую терминологию. Ему указывают, что он будто бы правильно и вполне социалистически рассуждает, если говорит, что рабочий класс не заинтересован в победе официальной России, т. е. теперешнего правительства, но тем не менее для русских рабочих нежелательно поражение России как таковой, и вследствие этого пораженческая роль неправильна и даже вредна, ибо отталкивает от себя русских менее сознательных рабочих. Кроме того, подобная постановка вопроса со стороны Ленина препятствует сплочению оппозиционных элементов, как это было на Циммервальдской социалистической конференции» (ЦГАОР СССР, ф. ДП, ОО, 1916 г., д. 5, л. 29—29 об.).

⁷³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 166.

⁷⁴ Характерно, что конференция приняла специальную резолюцию «Лозунги революционной социал-демократии» и отдельное решение по вопросу о поражении царской монархии.

^{74а} На такой позиции стояли, в частности, Бухарин и Божийская группа (ЦПА ИМЛ, ф. 497, оп. 1, д. 27264, л. 1 об.).

Большевики не считали лозунг поражения чем-то самодовлеющим, неизменно ставя его в прямую связь с лозунгом превращения войны империалистической в войну гражданскую. Кроме того, ЦК РСДРП учитывал то, что партийные организации в России, действующие в обстановке неслыханных репрессий самодержавия и разгула буржуазного мелкобуржуазного «патриотизма», не смогут открыто провозгласить этот лозунг. Сообщая о ходе выборов рабочей группы Центрального военно-промышленного комитета (ЦВПК) в сентябре 1915 г., редакция «Социал-демократа» писала: «Речи наших ораторов... вполне совпадают по существу с позицией „Социал-демократа“ в вопросе о „поражении“. *Разница была, быть может, только в некоторых формулировках.* Товарищи, поименно известные полиции, не могли, конечно, внести этот пункт в свою резолюцию. *Да это не обязательно и по существу.* И в русско-японскую войну все революционные с.-д. России были „пораженцами“, но это не значит, чтобы они говорили об этом во всех листках и всех резолюциях»⁷⁵.

Характерно, однако, что в своей речи на собрании выборщиков рабочей группы ЦВПК в Петрограде 27 сентября 1915 г. видный работник ПК РСДРП В. Н. Залезский выступил с открытым изложением пораженческой тактики большевиков: «*Мы за революцию, и потому мы допускаем военное поражение.* Иначе говоря, тот или иной возможный результат войны не определяет нашей тактики...» Большевики, говорил Залезский, неизбежно дезорганизуют своей работой тыл армии, которая остается без снарядов, продовольствия, терпит лишения и обесценивается, *«хотя это не входит само по себе в наши цели, не есть наша задача.* Это неизбежная жертва, которая может быть уменьшена лишь постольку, поскольку народ и армия энергичнее и скорее справятся с самодержавием и его социальной опорой»⁷⁶.

Отдельные большевистские организации России давали очень правильную и зрелую интерпретацию ленинского тезиса о поражении. Так, в резолюции четырех большевистских групп Екатеринослава, составленной, несомненно, после ознакомления с решениями Бернской конференции заграничных секций РСДРП и получившей распространение в ряде

⁷⁵ «Социал-демократ», 18 февраля 1916 г.

⁷⁶ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 10, ед. хр. 29421, л. 25. Аналогичную постановку вопроса мы находим в документе «группы революционных социал-демократов» (по-видимому, находившихся в минусинской ссылке Е. Д. Стасовой, В. А. Быстрянского и др.). В воззвании подчеркивалось, что российский пролетариат не заинтересован ни в победе России, ни в торжестве Германии, а стремится только к победе революции. Исходя из того, что война неоднократно была фактором, ускорявшим исторический процесс, сибирские большевики видели задачу рабочего класса России в использовании затруднений самодержавия для борьбы за старые революционные лозунги 1905—1907 гг. Поражение царской монархии не есть еще поражение русского народа, говорилось далее в воззвании. Поэтому тактика большевиков не противоречит национальным интересам России. «Мы не желаем поражения родной страны и не стремимся к нему, мы не строим своих расчетов на победу Германии, мы верим в силы русской рабочей революции», — писали авторы воззвания (ЦГАОР СССР, ф. ДП, ОО, 1916 г., д. 5, ч. 58, лит. Г, лл. 2—5).

Для многих большевиков характерны мысли, высказанные в июне 1915 г. С. И. Гопнер в письме на имя Н. К. Круской. «Что касается ЦО, — пишет она, — то я лично очень рада, что с его столбцов снят вопрос о поражении России как о чем-то желательном. Мне кажется, что только в тех рамках, как его ставила конференция большевиков в Берне, об этом можно говорить, т. е. что даже поражение собственной страны не должно было останавливать никого из социалистов в противодействии войне. Путь же такой, что мы должны радоваться поражению России, мне казался очень скользким, а выдвижение такого пожелания обязывало бы нас к очень многим выводам, противоречащим нашим основным взглядам» (ЦГАОР СССР, ф. ДП, ОО, 1915 г., д. 5, ч. 1, л. 15).

городов в виде отдельной листовки, говорилось, что «1) единственно правильным пониманием международной солидарности является революционная борьба пролетариата каждой страны против своей буржуазии и буржуазного правительства; 2) что в революционной агитации и борьбе пролетариат не может руководствоваться состоянием фронта и допускает как следствие революционной агитации и революционных действий ослабление военного могущества данного буржуазного государства; 3) что такое ослабление и поражение своего правительства при современных условиях развития капитализма и социальных отношений воюющих стран является наименьшим злом для каждого пролетариата; 4) что сам по себе факт поражения российской царской монархии является наименьшим злом как в интересах российского, так и международного пролетариата ввиду крайней агрессивности самодержавно-азиатского империализма и общественно-политической отсталости России»⁷⁷.

В листовке Тверского комитета РСДРП, составленной в сентябре 1915 г., опровергались клеветнические измышления правящих классов о том, что пораженчество является изменой родине. «Пусть они кричат, что это измена родине. Отвечайте им, что измена родине — наживаться одним и заставлять голодать других. Измена родине — убивать миллионы лучших людей во славу прибылей жадных капиталистов и помещиков. Измена родине — вытаскивать из наших карманов последние гроши и стрелять в нас, когда мы поднимаемся голодные, изнуренные»⁷⁸.

В то же время бросается в глаза, что большинство местных партийных комитетов, в том числе Петербургский, осуществляя на практике пораженческую тактику, предпочитало не заострять этого вопроса в агитационной литературе или облекало лозунг поражения в более «нейтральную» форму: кто бы ни победил, трудящимся массам лучше не будет; от победы царизма народ ничего не выиграет и т. д. При объяснении этого факта следует учитывать целый комплекс факторов: и недостаточно глубокое понимание рядом большевиков-практиков смысла и объема ленинского лозунга, и сознательное нежелание большевиков подчеркивать, обострять и углублять то расхождение в понимании патриотизма, которое обнаружилось с началом войны между авангардом пролетариата и мелкобуржуазными массами населения России, а также более отсталой частью самого рабочего класса. Широким массам трудящихся, не принадлежавшим к вышколенному долгой стачечной и революционной борьбой потомственному пролетариату, неоткуда было взять ни твердого убеждения в назревании мировой революции, ни безусловной преданности ей. Поэтому большевистская тактика казалась им в лучшем случае «фантастикой, фанатизмом, авантюрой, принесением в жертву очевиднейших реальных интересов сотен миллионов народа отвлеченной, утопической или сомнительной надежде на то, что будет в других странах. А мелкая буржуазия, по ее экономическому положению, более патриотична и по сравнению с буржуазией и по сравнению с пролетариатом»⁷⁹.

Вместе с тем здесь проявились два диаметрально противоположных подхода к настроениям масс — большевистский и меньшевистско-эсеровский. Большевики сознавали, что массы еще не доросли до правильного понимания идеи пораженчества, и делали отсюда вывод о необходимости долгой, терпеливой разъяснительной агитационно-пропагандистской ра-

⁷⁷ «Большевики Украины в период между первой и второй буржуазно-демократическими революциями в России». Киев, 1960, стр. 567.

⁷⁸ ЦГАОР СССР, ф. 1741, д. 35303.

⁷⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 190.

боты в самой гуще народа, который рано или поздно должен на собственном опыте убедиться в правильности большевистской линии. «Если верны лозунги, если правильна тактика, то масса рабочего класса на известной ступени развития ее революционного движения неизбежно *подойдет* к этим лозунгам», — указывал Ленин⁸⁰. Напротив, мелкобуржуазные партии послушно плелись в хвосте масс. «Мы обязаны как чумы избегать поступков, способных возбудить подозрительность темной части населения», — писал Плеханов в парижском «Призыве»⁸¹, обосновывая свой совет меньшевистской фракции Думы голосовать за военный бюджет. Ленинская позиция неуместна и способна лишь скомпрометировать нашу партию в глазах масс, вторил ему Аксельрод.

Апеллируя к «народу», мелкобуржуазные партии сознательно закрывали глаза на то, что есть авангард народа и его «обоз», что у народа есть свое прошлое и будущее. Они видели лишь одну сторону явления, самоуверенно заявляя, что рабочие массы России не разделяют ошибочных воззрений представителей «революционного отчаяния», которые имеют якобы хождение лишь среди маленькой группы русских политических эмигрантов. Однако даже Департамент полиции вынужден был признать, что «общая для всех стран картина отказа пролетарских масс от исповедовавшегося ими социалистического идеала... почему-то не нашла сочувственного отклика лишь в рядах передовых и наиболее сознательных элементов молодого русского пролетариата..., оказавшегося сторонником беспочвенной и чудовищной тенденции „пораженчества“»⁸². По мере затягивания войны «патриотический» дурман, охвативший летом и осенью 1914 г. часть рабочих, постепенно рассеивался, уступая место полному безразличию к победам «русского оружия» и даже открытому желанию поражения царской России⁸³. Об этом же красноречиво говорят цифры, показывающие рост стачечного движения в 1915 и 1916 гг.

Напрасно меньшевики и эсеры выдавали себя за истинных выразителей интересов народа. Совершив весной 1917 г. бурный взлет на гребне мелкобуржуазной революционно-патриотической волны, они столь же быстро разошлись затем с народом, оказавшись не в состоянии дать ему ни мира, ни хлеба, ни свободы.

Лозунгу поражения центристы из меньшевистско-эсеровского лагеря от Троцкого до Чернова противопоставили лозунг «ни побед, ни поражений». В этот обтекаемый девиз можно было вложить любое содержание, истолковав его и как лозунг поражения всех империалистических правительств от руки революционной третьей силы⁸⁴, и как призыв к сохранению довоенного положения и, следовательно, всех существующих буржуазных правительств. Критике этого бессодержательного оппортунистического лозунга была посвящена статья Ленина «О поражении своего правительства в империалистской войне». «Этот лозунг, — писал он, — если вдуматься в него, означает «гражданский мир», отказ от классовой борьбы угнетенного класса во всех воюющих странах, ибо классовая борьба невозможна без нанесения ударов «своей» буржуазии и «своему» правительству... Кто признает лозунг «ни побед, ни поражений», тот лишь лицемерно может стоять за классовую борьбу, за «разрыв гражданского мира», тот *на деле* отрекается от самостоятельной,

⁸⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 49, стр. 150.

⁸¹ «Призыв», 22 января 1916 г. Ответ Авксентьеву.

⁸² ЦГАОР СССР, ф. ДП, ОО, 1916 г., д. 5, л. 13.

⁸³ Там же, 1915 г., д. 167, ч. 68, л. 29; ч. 46, л. 72; ч. 35, л. 1 об. и др.

⁸⁴ См., например, статью Чернова в газете «Жизнь» от 28 ноября 1915 г.

пролетарской политики, подчиняя пролетариат всех воюющих стран задаче *вполне буржуазной*: охранять от поражений данные империалистские правительства»⁸⁵.

В. И. Ленин ставил всю проблему с предельной остротой: нельзя свергнуть существующее правительство, не желая ему поражения, не содействуя такому поражению. С точки зрения господствующих классов — это государственная измена, но революционная социал-демократия не должна бояться этого слова, если не хочет совершить другой, в тысячу раз худшей измены — измены своему классу, пролетарскому интернационализму, революционному марксизму.

Кто хотел бы серьезно опровергнуть лозунг поражения, говорил Ленин, «должен был бы доказать одну из трех вещей: или 1) что война 1914—1915 гг. не реакционна; или 2) что революция в связи с ней невозможна; или 3) что невозможно соответствие и содействие друг другу революционных движений во *всех* воюющих странах»⁸⁶. Ни одного из этих положений ни открытые социал-шовинисты, ни центристы, естественно, доказать не могли. Если говорить о «левом» центре во главе с Мартовым и Троцким, то он начал и кончил трусливым полупораженчеством. Так, Мартов сначала выступил за «неуспех» царской России в войне, но затем поспешил отмежеваться от лозунга поражения.

Свою позицию по вопросу о лозунге поражения Мартов наиболее полно изложил в серии статей под названием «Против метафизики и идеализма»⁸⁷. Он решительно отверг ленинский лозунг, мотивируя это тем, что большевистская тактика: 1) объективно оправдывает усилия социал-патриотов другой воюющей стороны, в данном случае Германии, поддерживающих свое правительство ради разгрома России; 2) носит национально-замкнутый характер, делая ставку не на европейскую революцию, а на революцию в одной стране — России, в то время как, по мнению Мартова, нужно было еще доказать, что Россия созрела для буржуазно-демократической революции в большей степени, чем Запад для социалистической. Большевики, писал Мартов, правы, когда исходят из того, что в результате поражения царизма была бы ослаблена сила его сопротивления натиску революционного российского пролетариата. Но они глубоко ошибаются, считая, что рабочие России в любой момент будут готовы взять на себя роль гегемона международной революции. Если бы поражение России, вызвав повторение 1905 г., означало бы в то же время укрепление капиталистической реакции в Европе, то русские революционеры, содействуя поражению «своего» правительства, оказали бы вместе с тем «медвежью услугу» делу мировой революции и социализма. Таким образом, Мартов, как и Троцкий, грубо искажил ленинскую постановку вопроса о поражении и вместе с тем продемонстрировал неверие в революционные силы русского пролетариата, в его способность открыть эпоху мировой пролетарской революции и удержать свою победу в условиях капиталистического окружения.

Троцкий также начал со словесного поклона в сторону пораженчества, заявив в брошюре «Война и Интернационал» (осень 1914 г.), что нельзя возражать против теоретической возможности того, что поражения царизма послужат делу революции. Однако он решительно выступал против лозунга поражения, защищая центристский лозунг «ни побед, ни поражений». Представители «центра» считали, что большевистская концепция «панпораженчества» построена на песке, на идее всеоб-

⁸⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 289—290.

⁸⁶ Там же, стр. 287—288.

⁸⁷ «Наше слово», 21—24 августа 1915 г.

шей «заразительности» революции. «А если революционная бацилла не привьется?» — спрашивали они. «Тогда будет побежден при нашем содействии русский народ — российский пролетариат и сермяжная Русь», — отвечал на поставленный вопрос впередовец Лебедев-Полянский⁸⁸. Кроме того, все центристы считали, что лозунг поражения неуместен по «дипломатическим» соображениям, создавая почву для клеветы на социал-демократию, репрессий правительства, а также дезориентируя левые интернационалистские элементы в Германии и других странах.

Примерно ту же аргументацию развивал лидер эсеров В. Чернов. Следует, однако, сказать, что среди эсеров-интернационалистов была небольшая левая группа во главе с М. А. Натансоном, принимавшая в общем и целом идею поражения России как меньшего зла⁸⁹. Идеальный вождь русских социал-шовинистов Плеханов пытался дать «экономическое обоснование» антипораженчества. «Не будучи круглым невеждой в экономических вопросах, — писал он в своей «политической исповеди», — я понял, что победа германского империализма явится сильнейшим препятствием на пути экономического развития России, а так как в своем качестве марксиста я думал и думаю, что экономика в последнем счете всегда сильнее политики, то для меня сейчас же стало ясно, что поражение России, очень сильно замедлив ее экономическое развитие, а стало быть, и рост ее рабочего движения, тем самым весьма значительно отдалит время политической эмансипации России»⁹⁰. Поэтому меньшим злом Плеханову представлялось не поражение России, а ее победа. Даже временная (на два-три года) задержка освободительного движения в результате победы царизма, как полагал Плеханов, не так страшна, чтобы желать из-за этого поражения России⁹¹. Развивая эту мысль, ликвидатор Маевский писал, что германская армия представляет для рабочего класса России более непосредственную и грозную опасность, чем «своя» буржуазия⁹². Плеханов не понял, что влияние экономики на судьбы общества никогда не проявлялось и не проявляется непосредственно, стихийно, автоматически. Маркс никогда не говорил, что революция происходит лишь в «мирном» процветающем обществе. Почему при известном уровне развития производительных сил и достаточной силе рабочего класса и его партии судорога войны не может ускорить революционный переворот? Кто и когда составил твердый перечень факторов, способствующих революции или, наоборот, «противопоказанных» ей? На эти и подобные им вопросы Плеханов не дал и не мог дать ответа, ибо вся его «теория» на практике была не обоснованием революции, а уверткой от нее. Плеханов непозволительно смешал вопрос о влиянии войны на экономическую жизнь страны с вопросом о подготовке элементов революционного кризиса, не понял диалектического соотношения политики и экономики. В области экономики неудачная война действительно несет с собой разрушение производительных сил и истощение экономического потенциала страны, отбрасывая общество назад (хотя и победа, и поражение в войне таких масштабов, как империалистическая война 1914—1918 гг., были бы едва ли не одинаково тяжелы для экономики России, чего не

⁸⁸ «Вперед». № 2, октябрь 1915 г.

⁸⁹ По мнению Натансона, наилучший, с точки зрения русских революционеров, исход войны состоял в том, чтобы Россия была разбита Германией, а та в свою очередь — Англией и Францией.

⁹⁰ Г. В. Плеханов. Вопросы войны и социализма. Пг., 1917, стр. 26.

⁹¹ ЦГАОР СССР, ф. ДП, ОО, 1914 г., д. 5, ч. Ф, л. 391.

⁹² «Самозащита». Пг., 1916, стр. 94.

хотел понять Плеханов). В области политики поражение, наоборот, было гигантским ускорителем исторических событий, создавая в то же время политические предпосылки той экономической революции, которая должна была в конечном итоге открыть перед страной путь прогресса и процветания. Иначе говоря, в такие переломные моменты истории, как революционный кризис и революция, политика первенствует над экономикой. Между тем Плеханов, как и все меньшевики, был бессилен понять эту истину, о которой Ленин писал позднее в статье «О нашей революции».

Кроме того, и в чисто экономическом аспекте последствия войн новейшего времени значительно отличаются от последствий войн предшествующих исторических эпох. Это делало известное плехановское сравнение поражения России в мировой войне с новым татаро-монгольским игом абсурдным. Еще в 1890 г. Энгельс отмечал, что если раньше завоевания обычно сопровождалось грубым уничтожением экономических ресурсов побежденной страны, то теперь, по крайней мере у больших народов, «побежденный в итоге выигрывает иногда и в экономическом, и в политическом, и в моральном отношениях больше, чем победитель»⁹³. Наконец, Плеханов упорно не желал считаться с тем, что России грозил не только германский, но антантовский империализм, который, даже в случае победы России, не замедлил бы наложить свою лапу на ее истощенную экономику. Лишь революционный выход из войны, к которому призывали большевики, мог спасти страну от все возрастающей зависимости от иностранного, прежде всего англо-франко-американского, монополистического капитала.

После победы Февральской буржуазно-демократической революции 1917 г. лозунг поражения был, однако, снят нашей партией. Этот тактический поворот был вызван целым рядом обстоятельств. В результате революции в России был сметен ненавистный народу романовский режим. В несколько дней она стала одной из самых свободных стран мира. Один из главных оплотов мировой реакции — царизм канул в вечность. Реальная сила оказалась в руках Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, меньшевистско-эсеровские вожди которых, однако, добровольно уступили власть Временному правительству. В стране установилось двоевластие, причем широкие народные массы, жадно тянувшиеся к активной политической деятельности, но не обладавшие еще достаточным опытом, бессознательно доверяли Временному правительству, не скупившемуся на обещания мира и свободы. Страну захлестнула волна мелкобуржуазного «революционного оборончества», в основе которого лежали добросовестное стремление масс к защите завоеваний революции и глубокая тяга к демократическому миру. Однако эти настроения бесстыдно эксплуатировались русской и международной буржуазией, стремившейся к продолжению империалистической войны до полной победы над Германией и ее союзниками. Временное правительство не могло дать измученному войной народу мира. Это могла сделать лишь власть самого народа в лице Советов. Вопрос о выходе России из войны стал, таким образом, вопросом о власти. Большевики выдвинули в качестве основного политического лозунга момента лозунг «Вся власть Советам!». Однако предстояла еще большая работа по разоблачению соглашательских партий, имевших большинство в Советах. Поэтому большевики взяли курс на мирное развитие революции, временно сняв лозунг гражданской войны. Одновременно был снят и лозунг поражения, хотя война по-прежнему носила несправедливый, империалистический

⁹³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 37, стр. 417.

характер. В новых исторических условиях поражение на фронте было бы выгодно уже не силам революции, как это было до февраля 1917 г., а контрреволюции, мечтавшей о реставрации монархии с помощью германских штыков. Поражение России стало бы в создавшейся обстановке поражением не только Временного правительства, но и поддерживавших его Советов, что явилось бы ударом в спину революции. Пораженческая линия становилась в этих условиях ошибочной.

Вместе с тем большевики не могли перейти и на оборонческие позиции, ибо это означало бы прямую поддержку продолжавшейся империалистической войны и солидаризацию с «революционным оборончеством». Вот почему большевистская партия по-прежнему отказывается от лозунга «защиты отечества», провозглашает лозунг «Никакой поддержки Временному правительству!», настаивает на продолжении братания, выступает против организованного Керенским в июне 1917 г. наступления, но одновременно призывает армию держать фронт и как можно скорее вместе с революционными рабочими и крестьянами в тылу взять всю полноту власти в свои руки, чтобы добиться прекращения войны и заключения подлинно демократического мира. При этом большевики неоднократно подчеркивали, что они выступают решительно против сепаратного мира с Германией. Следует отметить, что задача «удержания фронта» облегчалась в то время тем, что вплоть до июля 1917 г. германские войска не предпринимали на восточном театре военных действий крупных боевых операций, делая ставку на стихийное разложение русской армии.

Характеризуя позже позицию большевистской партии в тот период, Ленин говорил в марте 1918 г.: «Мы были пораженцами при царе, а при Церетели и Чернове мы не были пораженцами. Мы выпустили в „Правде“ воззвание, которое Крыленко... опубликовал по армии... Он сказал: „К бунтам мы вас не зовем“. Это не было разложением армии. Разлагали армию те, кто объявил эту войну великой... Начиная с этого возвания Крыленко, ...мы армии не разлагали, а говорили: держите фронт,— чем скорее вы возьмете власть, тем легче ее удержите...»⁹⁴

В целом ряде большевистских документов того времени подчеркивалось, что нельзя окончить войну отказом солдат только одной стороны от продолжения военных действий и дезорганизацией фронта. В резолюции собрания Киевской партийной организации от 6 апреля 1917 г. отмечалось, например, что «расстройство боевой готовности армии путем проповеди дезертирства, уклонения от военной службы, дезорганизации военно-технической обороны, ослабления дисциплины революционная социал-демократия не ставила себе целью и при старом режиме; это не может быть ее целью и в настоящее время. Прекращение войны социал-демократия мыслит как результат организованного выступления русского пролетариата, строго согласованного с борьбой других секций революционного Интернационала»⁹⁵.

При этом большевики неоднократно указывали, что они призывают к сохранению боеспособности армии прежде всего в интересах борьбы с внутренней контрреволюцией, которая стремилась установить в стране режим военной диктатуры.

После июльских дней 1917 г., ознаменовавших конец двоевластия, партия по-прежнему не выдвигает лозунга поражения, хотя мирное развитие революции стало теперь невозможным и гражданская война снова была поставлена на повестку дня. Казалось бы, курс на вооруженное

⁹⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 114—115.

⁹⁵ «Революционное движение в апреле 1917 г.», М., 1959, стр. 27.

восстание против Временного правительства, перешедшего вдобавок к активным военным действиям на фронте, должен был вновь выдвинуть лозунг поражения контрреволюционного режима как пути к ускорению революции. Однако угроза внутренней контрреволюции и иностранной военной интервенции делала лозунг поражения неприемлемым. События показали, что контрреволюционный генералитет во главе с Корниловым готов идти на прямую капитуляцию перед немецкими войсками (сдача Риги в августе 1917 г. и др.) для того, чтобы установить в стране «твердую» военную власть. Поэтому большевики, как и весной и летом 1917 г., выступили против дезорганизации армии, отказавшись вместе с тем перейти на оборонческие позиции. Ленин писал 30 августа 1917 г. в ЦК партии: «Мы станем оборонцами *лишь после* перехода власти к пролетариату, *после* предложения мира, *после* разрыва тайных договоров и связей с банками, *лишь после*. Ни взятие Риги, ни взятие Питера не делает нас оборонцами»⁹⁶. Для спасения страны от национальной катастрофы необходимо было вооруженное восстание, свержение керенщины и установление власти Советов. Эта задача и была успешно решена в незабываемые октябрьские дни 1917 г.

Таковы основные этапы, которые прошел в своем развитии ленинский лозунг поражения «своего» правительства в империалистической войне. В заключение следует подчеркнуть, что революционная тактика большевизма в годы первой мировой войны сыграла большую роль в процессе сплочения вокруг нашей партии всех левых революционных сил — ядра будущего Коммунистического Интернационала⁹⁷. Тактика большевиков явилась образцом пролетарского интернационализма в действии.

⁹⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 119.

⁹⁷ Большевики последовательно пропагандировали лозунг поражения на международной арене (см. выступление И. Ф. Арманд на Международной женской конференции в Берне в марте 1915 г. — ЦПА ИМЛ, ф. 343, оп. 1, д. 27109, л. 19; Проект резолюции Циммервальдской левой. — В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 284; Предложения ЦК РСДРП Кинтальской конференции. — В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, стр. 290).

Р. Ш. ГАНЕЛИН

ЦАРИЗМ, БУРЖУАЗИЯ И АМЕРИКАНСКИЙ КАПИТАЛ ПЕРЕД ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИЕЙ 1917 г.

В советской историографии вопрос о русско-американских отношениях во время первой мировой войны рассматривается с различных точек зрения в связи с общим финансовым положением России А. Л. Сидоровым¹, а также в работе В. В. Лебедева².

Автор настоящей статьи ставит целью систематическое изучение русско-американских финансовых и экономических отложений в их развитии и в связи с общеполитической ситуацией в России; рассмотрение позиций, которые занимали в вопросе о привлечении американского капитала царизм и различные круги буржуазии, а также конкурентной борьбы между американскими банковскими монополиями, вызванной перспективой русского бизнеса.

Статья охватывает период с весны 1916 г. по февраль 1917 г., когда политическое значение русско-американских связей стало особенно ощутимым.

Весной 1916 г. особый интерес, который проявляли к России «Нэйшнл сити бэнк оф Нью-Йорк» и его глава Ф. Вандерлип, стал очевиден, несмотря на все неудачи и трудности в деле «русско-американского сближения».

В мае предстоял приезд в Россию обоих вице-президентов этого банка — С. Мак-Робертса и Ч. Рича. Петроградский представитель «Сити бэнк» Мезерв развивал значительную активность, но к предстоящему приезду патронов ему в сущности нечего было им предъявить. К тому же конкурировавшие с Мезервом агенты другой американской банковской монополии, «Гаранти траст компани», действовавшие теперь в Петрограде уже целой «толпой», были «активны, как всегда», и Мэрш, главный представитель «Гаранти», продолжал «держаться не совсем по-джентльменски»³. А между тем было совершенно ясно, что открытие русского отделения Сити бэнк возможно лишь после подписания первого займа или первой железнодорожной концессии⁴.

Мак-Робертс и Рич появились в Петрограде 2/15 мая. А уже через два дня в Америку отправился один из служащих «Сити бэнк» с раз-

¹ А. Л. Сидоров. Финансовое положение России в годы первой мировой войны. М., 1960.

² В. В. Лебедев. Русско-американские экономические отношения. М., 1964.

³ ЦГИА СССР, ф. 624, оп. 1, д. 23, лл. 147—149. Мезерв — Р. Дину, 7/20 апреля 1916 г. Мэрш с ведома Мезерва телеграфировал руководителю «Гаранти» Сэбину в Нью-Йорк, что договорился с петроградскими представителями «Сити бэнк» об условиях совместного большого займа и требовал срочно добиться согласия правления «Сити бэнк» на эти условия (там же, д. 24, л. 245. Телеграмма Мэрша Сэбину, скопированная рукой Мезерва, датирована апрелем 1916 г.).

⁴ Там же, д. 26, л. 135. Мезерв — Вандерлипу, 7/20 апреля 1916 г.

работанными Мак-Робертсом и Ричем условиями кредита. Столь стремительный темп объяснялся не только сверхделовитостью руководителей крупнейшей американской банковской монополии, но и некоторыми полуофициальными маневрами русской стороны. В свое время, в самом начале переговоров о займе в Америке, в американское посольство в Петрограде был послан с неофициальным визитом С. Ю. Витте⁵.

Теперь перед американскими банкирами появилась лишь тень покойного сановника в образе его ближайшего сотрудника по американским делам И. Я. Коростовца. Но и этого оказалось достаточно.

О ходе переговоров с Ричем и Мак-Робертсом в Петрограде нам известно немного. Помимо документов Комитета финансов, содержащих лишь изложение и разбор американских условий, и нескольких дипломатических депеш посла США в Петрограде Фрэнсиса, который по своему официальному положению не принимал участия в переговорах и знал об их ходе лишь в общих чертах, в нашем распоряжении имеется всего одно письмо Мак-Робертса и Рича, посланное Вандерлипу из Петербурга. Оно-то и проливает свет на позицию, занятую в переговорах американцами, и на роль, которую сыграл в них Коростовец. После первой же встречи с министром финансов П. Л. Барком, в которой участвовал Коростовец, состоявший членом совета министра иностранных дел, американцы пригласили его к себе на обед и начали осторожные попытки заручиться его содействием. Коростовец вел свою роль умело. Убедившись, что его собеседники без займа уезжать не собираются, он стал с показной откровенностью обсуждать с американцами, как добиться поддержки тех «влиятельных сил, которые будут действовать в канцелярии министра финансов», и даже нарочито «наивно» спросил у Мак-Робертса и Рича, как действовать ему самому. Американцы, совершенно покоровные Коростовцом, принялись советовать и лишь «по зрелом размышлении» поняли, что, делая это, они поступали в полном соответствии с английской пословицей: «возили уголь в Нью-Кэстль»⁶. Американские советы Коростовцу, конечно, не требовались. Истинный смысл его действий состоял в том, чтобы, расположив к себе американцев, внушить им взгляд русских правительственных сфер на вопрос о привлечении американского капитала. Судя все по тому же письму Мак-Робертса и Рича, Коростовцу это в значительной степени удалось. Упомянув о стараниях Фрэнсиса добиться заключения торгового договора, Мак-Робертс и Рич выражали свое сомнение в их успешности, так как с русской стороны энтузиазма на этот счет они не отмечали. Совсем иным изображали они отношение русской стороны (речь шла об официальных кругах) к притоку американского капитала, который рассматривается-де как «вещь в высшей степени желательная». «Несомненно,— писали они,— что здесь имеются большие возможности, и хотя мы еще не провели внимательного исследования, которое надеемся предпринять, и не имеем еще вполне определенного мнения, мы пришли к глубокому убеждению, что здесь подходящее место для отделения банка и очень значительное место для Американской международной корпорации».

Что все эти взгляды были усвоены Мак-Робертсом и Ричем в течение первого же дня пребывания в России под непосредственным влиянием Барка и Коростовца — совершенно ясно. Но и при всем том обнаруженная руководителями банка заинтересованность в «русском деле»

⁵ См. нашу статью «Финансово-экономические отношения России и США после начала первой мировой войны (август 1914 — ноябрь 1915 г.)» в сборнике «Из истории империализма в России» (Л., 1959, стр. 274).

⁶ ЦГИА СССР, ф. 624, оп. 1, д. 23, лл. 348—354. Мак-Робертс и Рич — Вандерлипу, 3/16 мая 1916 г.

представляется совершенно удивительной. Достаточно сказать, что в своем первом письме из России они не только подчеркивали «важность завоевания здесь Америкой достаточно сильной позиции», но и объявляли осуществление американского займа России, в сущности совсем незначительного по проектировавшейся его сумме, «жизненно важной для Америки целью»⁷. И дело было, конечно, не в одном только избытке капиталов. Важнее чисто коммерческих расчетов была для «Сити бэнк» «возможность сделать нечто такое, что открыло бы ему широкий доступ в Россию» благодаря его «превосходной репутации в правительственных сферах»⁸. Убедившись, что именно расположение правительства является решающим фактором для полного успеха всех американских замыслов, Мак-Робертс и Рич приняли решение пойти ему навстречу и снять требование двойного обеспечения, которое в ходе предшествовавших переговоров с такой неуклонностью постоянно выдвигалось американцами и всегда отклонялось Барком. Они приняли это решение с совершенно молниеносной быстротой, считая, что «как для „Нэйшнл сити бэнк“, так и для Американской международной корпорации весьма важно совершить что-нибудь существенное, причем сделать это побыстрее»⁹. Снятие требования двойного обеспечения влекло за собой отказ американцев от проведения большого займа на прежних основаниях. Впрочем, Барк теперь уже и не рассчитывал «на совершение в Соединенных Штатах кредитной операции на обычных условиях» ввиду «спекулятивного настроения американского рынка». «Не считается с такой психологией финансовых сфер Америки, сознающих, что страна их с каждым дальнейшим днем войны становится все в более выгодное положение по отношению к сражающимся державам, принужденным использовать все свои денежные ресурсы, нельзя», — указывалось в представлении министра Комитету финансов 20 мая¹⁰.

Письмо Мак-Робертса и Рича Вандерлипу, отражая новую позицию Барка, в сущности подтверждало оценку состояния американского денежного рынка, данную русским министром финансов. В качестве первого и основного своего впечатления они сообщали, что заем облигационного типа (добавим от себя: на требуемых американцами условиях) прошел бы в Петрограде с большим трудом, хотя тут же признавали, что и в Нью-Йорке трудности его проведения были бы не меньшими (при всей выгодности этих условий). Вместо такого займа Мак-Робертс и Рич решили предложить Министерству финансов от имени синдиката американских банков с «Сити бэнк» во главе 100 млн. долл. сроком на три года в обмен на рубли по курсу 3 руб. 30 коп. — 3 руб. 50 коп. за доллар (позже сумма была снижена до 50 млн. долл. и соответственно 150 млн. руб., а курс был установлен в 33¹/₃ цента за рубль). Американцы предпочитали, чтобы причитающаяся им сумма в рублях поступила в Петроградское отделение «Сити бэнк», которое вложило бы ее в ценные бумаги частных компаний с правительственной гарантией. («Это, конечно, сразу же поставило бы нас в здешнем банковском мире на широкую ногу и создало бы нам такую репутацию, которая весьма пригодилась бы в

⁷ ЦГИА СССР, ф. 624, оп. 1, д. 23, лл. 348—354. Мак-Робертс и Рич — Вандерлипу, 3/16 мая 1916 г.

⁸ Там же.

⁹ Там же. Американская международная корпорация неоднократно упоминалась уже в нашей литературе. Хотя в состав ее и входило большое число фирм и компаний, в том числе весьма мощных, мы рассматриваем эту организацию как созданную руководителем «Сити бэнк» Вандерлипом в качестве орудия для расширения сферы влияния своего банка в мировом масштабе. В планах, связанных с созданием Американской международной корпорации, Россия занимала весьма важное место.

¹⁰ ЦГИА СССР, ф. 560, оп. 26, д. 1405, ч. III, лл. 3—9.

будущем»¹¹.) Но так как с проведением операции решено было поторопиться, а открытие отделения в Петрограде было делом отнюдь не моментальным, Мак-Робертс и Рич предлагали открыть синдикату специальный рублевый счет в Государственном банке из 7—8%, дополнительным обеспечением которого служили бы выданные синдикату обязательства Государственного казначейства в долларах. Возможность взятия синдикатом обязательств Государственного казначейства была для Министерства финансов весьма желательной, хотя процент по рублевому счету и был очень высок. Но процентом дело не ограничивалось. Выставленные Мак-Робертсом и Ричем условия были еще более выгодны для синдиката в других отношениях. Они потребовали гарантии русским правительством курса рубля, чтобы избежать каких бы то ни было потерь в случае его падения (и это, несмотря на русское обязательство вернуть через три года 50 млн. в долларах). Кроме того, синдикат рассчитывал на дополнительную прибыль в случае повышения курса рубля, причем столь значительную, что даже соглашался делить ее с русским правительством. Весьма выгодным для американской и невыгодным для русской стороны было право синдиката в любой момент до истечения трехлетнего срока снимать суммы с рублевого счета или вовсе его ликвидировать.

Откровенно гордясь своей предстоящей коммерческой удачей, Мак-Робертс и Рич писали Вандерлипу: «Как вы без труда увидите, этот план обеспечивает осуществление такого займа, который представляется нам абсолютно верным делом из превосходного процента, даже если не рассчитывать на прибыль от повышения курса рубля, да еще с такой возможностью для спекуляции, которая кажется нам отличной»¹². «Например, если война кончится в течение года,— рассуждали Мак-Робертс и Рич, удостоверившись уже, видимо, в том, что между предлагавшейся ими финансовой операцией и военно-политическими планами царизма существует какая-то связь,— и Россия начнет вывозить не только то, что она обычно экспортировала, но и накопившиеся здесь большие товарные запасы, это должно немедленно сказаться на курсе рубля. Как нам теперь известно, при кредитовании России Англией существует договоренность, что по окончании войны Англия консолидирует эти кредиты в долгосрочные займы. А раз необходимость в платежах по этим кредитам отпадет, то влияние широкого экспорта на повышение курса рубля может быть весьма значительным.

Повышение курса на 10% при делении прибыли от этого повышения пополам означало бы для участников займа прибыль примерно в 25%. Если бы дело продолжалось таким же образом, то на второй год участники займа получили бы около 15%, а на третий — около 12%»¹³. Но все эти расчеты были лишь на тот случай, если синдикат ограничится своим правом на получение процентов по рублевому счету в долларах. А ведь синдикат оставлял себе и другую, гораздо более эффективную возможность использования в своих интересах повышения курса рубля — право полностью ликвидировать операцию по договорному курсу 33 $\frac{1}{3}$ цента за рубль, который при повышении курса рубля был бы ему, естественно, весьма выгоден. Понятно поэтому, что Барк считал условия синдиката в такой же мере невыгодными для России, в какой Мак-Робертс и Рич считали их выгодными для американского синдиката. Его оценка аме-

¹¹ Там же, ф. 624, оп. 1, д. 23, лл. 348—354. Мак-Робертс и Рич — Вандерлипу, 3/16 мая 1916 г.

¹² Там же.

¹³ Там же.

риканских условий в представлении Комитету финансов словно заимствована из письма Мак-Робертса и Рича Вандерлипу.

«По самому существу своему предложение Национального банка,— указывалось в представлении,— является сделкой спекулятивной, в которой выгоды получает главным образом одна сторона и не несет при этом никакого риска. По условиям синдикату представляется: высокий процент по ссуде, курсовая выгода, страховка от убытков при падении курса рубля ниже $33\frac{1}{3}$ цента в виде обязательства нашего вернуть доллары через три года и, наконец, возможность ликвидации сделки в любой момент избранным синдикатом порядком»¹⁴. Право ликвидации сделки Барк считал «чрезвычайно важным преимуществом для синдиката» и потому останавливался на нем особо. «Если рубль будет повышаться,— пояснялось в представлении,— то ликвидация операции по $33\frac{1}{3}$ цента за доллар, давая синдикату немедленно слишком крупную прибыль на курсе, побудит его, несомненно, отказаться от права требовать от нас пятилетние бонны, а при таких условиях операция сведется к чисто валютной, а не кредитной, которая для нас представляет наибольший интерес. С другой стороны, при понижении курса и, следовательно, ухудшении финансового положения России синдикат потребует через три года уплаты 50 млн. долл., и нам придется для погашения долга или заключать заем при неблагоприятных условиях, или же выслать золото»¹⁵. Как видим, совпадение оценки Барка с оценкой американских банкиров совершенно разительное, что само по себе является убедительным подтверждением грабительского характера американских условий: ведь американцы сами считали их таковыми, выразительно называя в своей среде «отличными» и «превосходными».

Одним из первых действий Мак-Робертса и Рича была попытка избавиться от конкуренции «Гаранти траст компании». Барк сейчас же пришел им в этом на помощь, понимая, что теперь «Нэйшнл сити бэнк» с представлением займа не замедлит. Он заявил, что не станет проводить операцию Ашберга, пока не будет иметь средств для ее ликвидации¹⁶. Его посетители правильно поняли, что предпочтение министра уже отдано банку, который они представляют, и решили ограничиться тем, чтобы выговорить у Барка предоставление Ашбергу и «Гаранти» права размещения русских заказов в США на 25 млн. долл. Решив за «Гаранти» судьбу ее русской операции, Мак-Робертс и Рич не без лицемерия писали Вандерлипу: «При таких условиях в Америке был бы лишь один русский заем, и это оставило бы для „Гаранти траст“ открытым путь для широкого сотрудничества с нами»¹⁷. Помимо «Гаранти», Мак-Робертс и Рич надеялись на вхождение в синдикат Моргана. «Это действительно жизненно важная для Америки цель, и если Морган и «Гаранти траст» к нам присоединятся, нам представляется, что 100 млн. долл. должны будут легче разойтись прямо в Нью-Йорке, так как это очень

¹⁴ ЦГИА СССР, ф. 560, оп. 26, д. 1405, ч. III, лл. 3—9. Представление Барка Комитету финансов 20 мая 1916 г.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Предлагавшаяся «Гаранти» операция (она получила имя ее устроителя шведско-американского банкира Олафа Ашберга, одного из учредителей Шведско-Русско-Азиатской компании, связанной с Русско-Азиатским банком, и американской фирмой «Джон Мак-Грегор Грант инкорпорейтед») заключалась в краткосрочном кредитовании русских заказов в США, которые осуществлялись бы при посредстве Ашберга. Наряду с этим «Гаранти» входила в синдикат, сформированный «Сити бэнк», для осуществления большого займа. Русское Министерство финансов, играя на противоречиях между американскими банковскими монополиями, то соглашалось на операцию Ашберга до большого займа, то ставило ее в зависимость от его заключения.

¹⁷ ЦГИА СССР, ф. 624, оп. 1, д. 23, лл. 348—354. Мак-Робертс и Рич — Вандерлипу, 3/16 мая 1916 г.

хорошее капиталовложение», — писали они. Таким образом, «жизненно важную для Америки цель» руководство «Сити бэнк» видело прежде всего в том, чтобы провести первую русскую кредитную операцию в США под своей эгидой силами трех крупнейших нью-йоркских банковских монополий. Последнее обстоятельство было русской стороне выгодно, так как создатели синдиката не собирались выпускать облигации займа в широкое обращение, намереваясь поделить их между членами синдиката. Для этого они требовали выпустить их в самых крупных купюрах, подчеркивая, что тем самым будет оставлена «открытой» возможность размещения в США облигаций других русских займов. Мак-Робертс и Рич выступали в этот момент в качестве эмиссаров американского капитала в целом, заботясь об открытии американского денежного рынка для русского кредита и закреплении России на этом рынке. С этой целью они побудили посла Фрэнсиса, который, как они осторожно заметили, «начинал сознавать важность приобретения здесь Америкой достаточно сильного положения», написать несколько таких писем в США о перспективах американского капитала в России, которые облегчили бы размещение среди американских капиталистов русских ценностей¹⁸.

Именно виды и обещания на будущее, как это бывало и на предшествовавших этапах переговоров, главным образом повлияли на Барка, который вместе с Сазоновым решал вопрос о новом американском предложении. Чтобы уяснить себе позицию правительства США по вопросу о кредитовании России и степени остроты англо-американских противоречий в связи с этим делом, 5/18 мая они отправили Коростовца в американское посольство к Фрэнсису, перед которым прежде всего был поставлен вопрос о его отношении к займу. Фрэнсис должен был, естественно, сказать, что его правительство в займе не заинтересовано и не может взять на себя в связи с ним каких-либо моральных обязательств, но тут же принялся объяснять Коростовцу, что такое «Сити бэнк» и «те, кого он представляет», и «выразил мнение» о крайней желательности займа¹⁹. Тогда Коростовец поставил перед ним второй вопрос. «Англия финансирует Россию», — сказал он, — и ей может не понравиться такой заем без ее посредничества». Фрэнсис, задетый упоминанием об английской конкуренции, парировал вопрос Коростовца, заявив, что у Англии «нет оснований для посредничества», так как ей самой вместе с Францией американцы ссудили 0,5 млрд. долл. Естественно, что Коростовец «полностью согласился» с Фрэнсисом и отправился составлять доклад об американском займе, порученный ему Барком и Сазоновым²⁰. 23 мая/5 июня представление министра финансов «О совершении в Америке кредитной операции» рассматривалось Комитетом финансов. В результате переговоров с Мак-Робертсом и Ричем изложенные в представлении условия синдиката приняли следующую окончательную форму: сумма операции составляла, как мы уже указывали, не 100, а 50 млн. долл. (150 млн. руб.), из которых половина предназначалась для оплаты заказов, произведенных при посредстве компании Ашберга. Прибыль от повышения курса рубля свыше 33 $\frac{1}{3}$ цента должна была делиться поровну между синдикатом и Министерством финансов. По рублевому счету синдикат соглашался на 7 $\frac{1}{2}$ % годовых вместо 8%. Синдикат получал опцион на приобретение в счет 150 млн. руб. 5 $\frac{1}{2}$ %-ных обязательств Государственного казначейства в долларах сроком на пять лет по курсу

¹⁸ Таково, очевидно, происхождение широко известных в литературе писем Фрэнсиса в Госдепартамент о перспективах для американского капитала в России.

¹⁹ «The Lansing papers», vol. I. Washington, 1939, p. 149. Фрэнсис — государственному секретарю, 20 мая 1916 г. (н. ст.).

²⁰ Там же.

94³/₄% с особой комиссией (4¹/₂%) в пользу синдиката. Синдикат обещал в случае осуществления этой операции принять «все зависящие от него меры» для размещения в США обязательств Государственного казначейства на 50 млн. долл. с опционом еще на 100 млн.

Но при всех изменениях оценка, данная Барком американским условиям в первом их варианте, в основной своей части сохраняла полную силу. «Обычно, — указывалось в представлении, — валютный краткосрочный заем делается лишь в те моменты, когда прямая покупка валюты обошлась бы слишком дорого, и представляется более выгодным оплатить проценты по займу, учитывая в будущем возможность купить затем по дешевой цене валюту в погашение долга. В предлагаемой же нам американской операции мы платим хотя и ниже существующей, но все же высокую цену за валюту²¹ и независимо от сего высокий процент по займу...»²² Эту свою далеко не оптимистическую оценку американских условий Барк дополнил обещанием несколько поторговаться с представителями синдиката (относительно процентов по рублевому счету и выпускного курса обязательств Государственного казначейства).

И хотя на заседании комитета Барк без лишней скромности заявил, что последние условия операции выгоднее России, чем первоначальные, «так как министру финансов удалось добиться существенных уступок», комитет отклонил условия синдиката, признав их «дорогими и сложными ввиду соединения валютной сделки с кредитной операцией», и отметил, что «наиболее желательная для казны» часть операции — выпуск обязательств Государственного казначейства — условиями синдиката вовсе не гарантируется. Тем не менее комитет признал американский заем «крайне желательным» «по общеполитическим соображениям» и поручил Барку продолжать переговоры с американцами с целью дальнейшего улучшения условий²³. Резонно предположить, что результаты заседания Комитета финансов Барк с самого начала намеревался использовать в качестве решающего аргумента в дальнейших переговорах с Мак-Робертсом и Ричем: недаром вопреки обыкновению не был составлен журнал прошедшего 23 мая заседания, и лишь после одобрения условий займа на проведенном 26 мая следующем заседании появился объединенный журнал.

Но американцы стояли теперь на своем. О результатах первого заседания им было сообщено в тот же или на следующий день; тогда они заявили, что хотя и согласны телеграфировать в Нью-Йорк запрос об изменении условий, но «не рассчитывают на какой-либо успех» и через несколько дней покидают Петроград для поездки по России. На следующий день после заседания, 24 мая/6 июня, из Нью-Йорка на имя Мак-Робертса были отправлены одна за другой две телеграммы, явно предназначенные для предъявления Барку и, действительно, сохранившиеся в копиях в фонде общей канцелярии министра финансов.

Первая была совершенно оптимистичной: «Группа относится к предложению благоприятно. Составляем синдикат. Окончательный ответ телеграфируем, как только это будет возможно»²⁴.

Вторая представляла дело совсем в ином свете. В ней сообщалось о «появившемся затруднении в формировании синдиката» и многозначительно подчеркивалось, что «Гаранти» действует в контакте с «Сити

²¹ Курс доллара в рублях определялся в представлении на момент его составления в 3 руб. 13 коп. Синдикат предлагал сделать договорным курсом 3 руб. за доллар.

²² ЦГИА СССР, ф. 560, оп. 26, д. 1405, ч. III, лл. 3—9. Представление Барка Комитету финансов 20 мая 1916 г. (ст. ст.).

²³ Там же, ф. 563, оп. 2, д. 531, лл. 4—7. Журнал заседаний Комитета финансов 23 и 26 мая 1916 г. (ст. ст.), утвержденный царем 1 июля 1916 г.

²⁴ Там же, ф. 560, оп. 26, д. 1405, ч. III, л. 50.

бэнк» (чтобы в Петербурге не возлагали больше никаких надежд на конкуренцию между ними). «Как вам известно,— гласила заключительная фраза телеграммы,— чтобы вызвать здесь интерес, необходимы самые лучшие из всех возможных условий»²⁵. Барк, казалось, и так перестал уже торговаться с Мак-Робертсом и Ричем относительно условий. В тот же день, 24 мая, т. е. через сутки после заседания 23 мая, было готово новое представление Комитету финансов, в котором Барк предлагал принять американские условия в их неизменном виде. Но к заседанию комитета, состоявшемуся 26 мая, Барк выторговал все-таки существенную уступку в совершенно неожиданном, на первый взгляд, пункте. Мак-Робертс и Рич с легкостью предали «Гаранти», прочным союзом с которой только что похвалялись перед Барком, и на заседании комитета министр мог сообщить, что «синдикат соглашается не ставить в связь проектируемую операцию с предоставлением заказов Русско-Шведско-Азиатской компании»²⁶.

Анализ представления от 24 мая подтверждает, как нам кажется, мысль о том, что заседание Комитета финансов 23 мая, которое как бы отклонило американские условия, имело для Барка скорее значение козыря в переговорах с американцами, нежели внутреннего препятствия. Иначе трудно объяснить отсутствие в первом представлении Барка тех аргументов в пользу совершения американского займа, которые появились во втором его представлении. Барк вышел теперь далеко за рамки рассмотрения существа американского предложения, поставив его в связь с общим валютным положением России и переговорами о специальном займе для поддержания курса рубля, которые он вел в Англии и о которых ни словом не обмолвился в первом представлении.

Сопоставление приведенных Барком сведений и соображений о валютной проблеме с заключениями А. Л. Сидорова²⁷ показывает, что представление весьма точно отражало действительность и было, по-видимому, на сей раз составлено без всяких задних мыслей, а с единственной целью — поскорее заключить американский заем. «Общие соображения о совершенно срочных задачах в области валютной политики, требующих немедленного разрешения», сводились к следующему. Для поддержания курса рубля существовал, по мнению Барка, только один путь — сосредоточение всех валютных операций в Министерстве финансов. Однако для этого министерству нужна была валюта, чтобы удовлетворять требования импортеров, частных лиц и т. д. Открытые союзниками русскому правительству кредиты при всей значительности их сумм непосредственного влияния на свободный рынок валюты не оказывали, так как уходили на расчеты по военным заказам и займам и не оставляли Министерству финансов средств для снабжения валютой свободного рынка. А от специального содействия в этом вопросе министры финансов союзных держав «решительно уклонялись»²⁸. Полученные все же на эти цели кредиты от Французского банка в 500 млн. фр. и от Английского банка в 10 млн. ф. ст. ушли на погашение довоенной задолженности русских предприятий. С большим трудом добытые в Английском банке еще 10 млн. ф. ст. свободной валюты дали министерству возможность «монополизировать валютные сделки», создав при Кредитной канцелярии специальный расчетный отдел. Но к моменту, когда было составлено

²⁵ Там же.

²⁶ Там же, ф. 563, оп. 2, д. 531, лл. 4—7. Журнал заседаний Комитета финансов 23 и 26 мая 1916 г. (ст. ст.).

²⁷ А. Л. Сидоров. Указ. соч., стр. 330—336.

²⁸ ЦГИА СССР, ф. 560, оп. 26, д. 1405, ч. III, лл. 10—15. Представление Барка Комитету финансов 24 мая 1916 г. «О совершении кредитной операции в Америке».

представление, из 10 млн. осталось всего 4 млн. и Барк пугал теперь Комитет финансов «необходимостью ликвидировать расчетный отдел», что повлечет за собой «крайне тяжелые и даже трудно предвидимые льные последствия», которые в конечном итоге «могут быть катастрофическими».

С полной откровенностью Барк заявлял, что важнейшей причиной «дальнейшего падения стоимости рубля» и «дезорганизации валютного рынка» явятся действия самого правительства — «усиленные выпуски кредитных билетов в связи с дальнейшим учетом в Государственном банке краткосрочных обязательств Государственного казначейства на 3 млрд. руб.» (несложное, чисто формальное ухищрение, которое придавало безостановочной эмиссии видимость законности). «При таких условиях, — подчеркивал Барк, — поддержание курса на иностранную валюту, являющегося ныне главнейшим элементом в определении внутренней стоимости нашего рубля, становится делом первостепенной важности и выходит далеко за пределы международных валютных расчетов, влияя в огромной степени на наш внутренний экономический оборот»²⁹. Поскольку специальный заем для разрешения валютной проблемы, по неуклюжему, но определенному выражению автора представления, был «неизбежно необходимым», то Барк, как теперь оказалось заблаговременно начал об этом переговоры в Англии и уже мог представить Комитету финансов две телеграммы от директора Кредитной канцелярии фон Замена из Лондона с изложением условий Английского банка³⁰. Сравнивая эти условия с американскими, Барк приходил к выводу, что они «чрезвычайно тяжелы», и потому отдавал предпочтение американским. Дело было главным образом в том, что Английский банк требовал двойного обеспечения. А американцы, всего несколько дней как снявшие такое требование, пожинали теперь плоды своего хитроумного маневра. Но Барк придавал своему выбору гораздо более серьезное значение, нежели чисто конъюнктурно-коммерческое. Рассматривая «особенно невыгодные условия кредита, предлагаемые ныне Англией», как важный симптом, он проводил общую мысль о необходимости открытия для русского кредита денежного рынка США.

Смысл его рассуждений был таков. Необходим пусть незначительный, но обязательно нейтральный источник средств, так как достать денег в Англии на невоенные нужды фактически невозможно. Да и вообще в условиях «полнейшей» и «чрезвычайно тяжелой» финансовой зависимости от союзников «кредитование России у одних только союзных держав становится все более затруднительным». Потому-то Барк и считал «настоятельно необходимым, хотя бы ценой известных жертв, завязать незамедлительно кредитные отношения с Америкой путем валютной сделки с могущественным синдикатом, которая может быть началом дальнейших крупных операций»³¹. Это поразительно настойчивое стремление к небольшому по сумме займу (Комитет финансов на предыдущем своем заседании отметил в качестве одного из недостатков американских условий незначительность суммы, и Барк теперь доказывал, что при существующих ограничениях импорта 50 млн. долл. и оставшиеся 4 млн. ф. ст. «могли бы хватить до конца года»), с готовностью даже к «жертвам» ради его заключения, свидетельствовало о том, что финансово-политические интересы, связываемые в Петрограде с открытием для русских займов американского рынка, носили далеко идущий и специфический характер. Осуществлялась давно задуманная попытка с помощью

²⁹ ЦГИА СССР, ф. 560, оп. 26, д. 1405, ч. III, лл. 10—15.

³⁰ Там же, лл. 16—19. Обе телеграммы не датированы.

³¹ Там же, лл. 10—15.

американского капитала «эмансипироваться» от союзных кредитов хотя бы в валютном вопросе и продержаться, таким образом, до конца года. Что касается самого Барка, то он вскоре после заключения американского займа собирался в Лондон для переговоров о дальнейших английских кредитах, и для него «эмансипация» была прежде всего средством достижения его целей в Англии.

Но для придворной группы, обычно связываемой с именами Распутина, Штюрмера и императрицы, в настойчивости, с которой Министерство финансов добивалось американского займа, был свой более глубокий смысл. В этом кругу всякая попытка «эмансипации» от союзников в финансовой сфере неизбежно должна была ставиться в связь с замыслами выхода из Антанты, сепаратного мира с Германией. По расчетам дворцовых «миротворцев», он должен был покончить с революционной угрозой в стране. Однако не только любой реальный шаг царизма к сепаратному миру, но даже и самый помысел об этом неизбежно должен был вызвать целую бурю в среде буржуазной оппозиции, в кругах правых, в офицерской среде и т. д. Между тем именно оттуда обитатели царскосельского дворца в силу поразительной своей близорукости и полного непонимания природы социальных отношений в стране ждали главной для себя опасности. Разгон Думы, являвшийся заветной мечтой императрицы, должен был предшествовать любым поворотам внешнеполитического курса. Одновременно вынашивались планы борьбы с массовым революционным движением, наивные надежды пацифизировать трудящиеся массы своего рода «общественными работами».

В. Семенников, известный в 20-х годах советский историк, отметил хлопоты Александры Федоровны об осуществлении большого внутреннего займа для развертывания железнодорожного строительства³². Характерно, что в переписке царя и царицы эта тема непрерывно фигурировала именно в течение мая, развиваясь как бы параллельно переговорам об американском займе. Что речь шла о подготовке к «царскому миру», а сам замысел был не нового происхождения и преследовал цели социального умиротворения, отчетливо видно из первого же письма царицы от 26 апреля (ст. ст.), в котором был поднят этот вопрос. «Таким образом,— писала она,— найдется работа для наших запасных, когда они вернутся с войны, и это задержит их возвращение в свои деревни, где скоро начнется недовольство,— надо предупредить истории и волнения... Мы с тобой уже думали об этом, помнишь?»³³ В письмах, которыми обменивались Николай и Александра, легко заметить стремление связать это удобное буржуазии дело с именем царицы и тем самым несколько ослабить нападки, которым она подвергалась в буржуазных кругах.

Отметим, что социально-умиротворительные планы Александры Федоровны летом стали известны Фрэнсису. «Придворная партия империи (не следует ли читать: императрицы? — Р. Г.) готовится противодействовать либеральному движению со стороны народа, которого они опасаются после окончания войны»,— сообщал он Лансингу³⁴.

Семенников ошибочно полагал, что в займе, о котором вела речь Александра Федоровна (обсуждавшийся с декабря 1915 г., он был выпущен в сентябре 1916 г.³⁵), принимали участие и американцы. Он основывался при этом на рассказе Протопопова в Чрезвычайной следствен-

³² В. Семенников. Романовы и германские влияния. Л., 1929, стр. 80—82.

³³ Там же, стр. 80—81; «Переписка Н. и А. Романовых», т. IV. М.—Л., 1926, стр. 222.

³⁴ «The Lansing papers», vol. II. Washington, 1940, p. 316. Фрэнсис — Лансингу, 25 июля 1917 г. (н. ст.).

³⁵ Подробнее об этом см.: А. Л. Сидоров. Указ. соч., стр. 163.

ной комиссии, в котором Протопопов на самом деле имел в виду события 1915 г.³⁶ Но при всем том, что Семенников ошибся, существовали обстоятельства, возможно, ему и неизвестные, которые оправдывали эту ошибку: так долго носилась в воздухе идея участия американского капитала в железнодорожном строительстве и так часто оказывались с ней связанными различные железнодорожные проекты. Описанное Семенниковым срочное составление Министерством путей сообщения плана железнодорожного строительства, предпринятое сейчас же после того, как императрица занялась этим вопросом, вызвало к жизни большое число соображений и проектов, возникших в буржуазных кругах, в частности в недрах Совета съездов представителей промышленности и торговли, крупнейшей предпринимательской организации русской буржуазии. Ожидания царицы, рассчитывавшей на энтузиазм буржуазии («банкиры и купцы, страшно разбогатевшие теперь, сразу же дадут крупные суммы — ведь они понимают выгоду»³⁷), в некотором отношении оправдались.

Среди этих проектов был и подлежащий рассмотрению в Комиссии о новых железных дорогах 7 июля (ст. ст.) проект строительства второй Петроград-Уральской дороги. Предпринимателем строительства выступал инженер Б. Е. Долгов. Инициатору дела удалось, по его словам, «привлечь к проектируемой Петроград-Уральской ж. д. интерес серьезных американских денежных и деловых кругов», и «поэтому рассмотрение новой дороги было двинуто с совершенно необычной быстротой». «Главным» в этом деле его инициатор считал то, что оно, «несомненно, явится не последним объектом приложения американских капиталов в России», и потому предлагал «подумать, на какие железнодорожные предприятия, необходимые для Урала, следовало [бы] направить в будущем внимание американцев»³⁸.

«Миротворческим» замыслом распутинской группировки совершенно соответствовал и относящийся к тому же времени (первая половина 1916 г.) более общий «план привлечения свободного американского капитала» в русское железнодорожное дело после войны. Этот план предусматривал создание «группой серьезных русских банков» Главного общества железнодорожных сооружений, которое сосредоточило бы в своих руках с помощью американского капитала и американской промышленности, а также при участии французских банков все железнодорожное строительство в послевоенной России — казенное и частное, объединив его со строительством и эксплуатацией металлургических предприятий³⁹.

Этим несостоявшимся в конце концов проектам, может быть, и не следует придавать большого значения, но нельзя не отметить, что ведь на всем протяжении правительственных переговоров с американскими банками эти переговоры велись, так сказать, на «железнодорожной» основе. И даже теперь, в мае 1916 г., когда согласованные условия американского займа приняли совсем иной, никак не связанный с железнодорожным делом характер, рубли со специального счета решено было употребить опять-таки на железнодорожное строительство. «Мы страхуем синдикату доход на них в 7½%, оставляя в своем распоряжении рубли,

³⁶ В. Семенников. Указ соч., стр. 82; «Падение царского режима», т. IV, стр. 32—33, 49 и сл.

³⁷ В. Семенников. Указ соч., стр. 80.

³⁸ ЦГИА СССР, ф. 32, оп. 1, д. 666, лл. 85—86, 83—84. Записка без подписи, не позднее 7 июля 1916 г. (ст. ст.).

³⁹ Там же, лл. 103—114. Записка без подписи, не ранее начала и не позже середины 1916 г.

которые могут быть нами переданы железнодорожным обществам», — указывал Барк в своем представлении Комитету финансов, подчеркивая, что такие кредиты в русских банках обходятся железным дорогам именно в 7 с лишним процентов⁴⁰. Так что Семенников, хоть он с фактической стороны и ошибся, в целом был не так уж неправ, ибо отмеченная им связь между планами «царского мира» и переговорами об американских займах была совершенно реальна.

Но не противоречит ли этой точке зрения на американскую финансовую операцию исключение из числа ее участников Ашберга? Вопрос этот неизбежно возникает, если учесть причастность Ашберга к кружку стокгольмских русско-германских посредников, и приобретает особенную остроту, если принять во внимание, что всего через несколько недель Ашберг оказался если не устроителем попытки взаимного русско-германского зондажа в Стокгольме, то ближайшим его участником (о чем речь пойдет ниже). Оказывается, что исключение Ашберга из операции «Сити бэнк» было проведено с русской стороны с полным вниманием к германо-американским связям этого русско-шведского банкира: ему была предоставлена возможность самым выгодным образом возместить себе неучастие в государственном займе. 26 мая/8 июня Комитет финансов утвердил условия операции «Сити бэнк», и в тот же день Ашбергу были отправлены или вручены (он находился, очевидно, в Петрограде) три письма одного из крупнейших магнатов капиталистической России военных лет, И. И. Ярошинского. Первое из писем Ярошинского содержало итоги его переговоров с Ашбергом. Они сводились к тому, что «группа американских капиталистов» через посредство Ашберга бралась предоставить «группе русских промышленников» во главе с Ярошинским «капиталы в размере до 100 млн. руб.» сроком на пять лет. Обеспечением должны были служить «пая сахарных предприятий, фактически находящихся под контролем группы русских промышленников (т. е. группы Ярошинского. — *Р. Г.*), что с имеющими еще примкнуть к группе сахарными заводами должно составить около 50% всех заводов русской сахарной промышленности, а также акции разных русских коммерческих и промышленных предприятий, закладные на уже существующие и приобретаемые земли, фабрики и другие недвижимости, а в случае надобности, и первоклассный вексельный портфель»⁴¹. Американцы получали, разумеется, «право тщательного обследования» всех этих предприятий. Им был предоставлен четырехмесячный опцион для заключения этого соглашения из 6% годовых. Вслед за этим письмом в тот же день Ашбергу было написано еще два. Второе содержало дополнительное обещание 5% годовых, помимо упомянутых ранее 6%, «в случае если соглашение с американской группой будет при помощи посредничества достигнуто». А в третьем Ашбергу и его «русским друзьям» предоставлялись еще и «специальные комиссионные» — 1% годовых⁴². Несомненно, что оба дополнительных письма были написаны по согласованию с Ашбергом. Третье, очевидно, вообще не было предназначено для сведения его американских партнеров, а второе он мог в зависимости от обстановки предъявить им или спрятать, обратив 5% годовых в свою пользу.

Операция эта так и не осуществилась. Но какова бы ни была в конечном счете причина этого, Ашберг не мог не сознавать, что столь высокодоходное дело предложено ему из соображений отнюдь не только

⁴⁰ Там же, ф. 560, оп. 26, д. 1405, ч. III, лл. 10—15. Представление Барка Комитету финансов 24 мая 1916 г.

⁴¹ Там же, ф. 630, оп. 11, д. 1105, л. 1. Ярошинский — Ашбергу, 26 мая/8 июня 1916 г.

⁴² Там же.

коммерческого характера. В своих мемуарах Ашберг по случайному поводу, в связи с событиями 30-х годов, остановился на этом эпизоде. Описывая Ярошинского весьма правдоподобно, он называл его, однако, Дерюжинским. Главное средство, с помощью которого этот киевский сахарозаводчик стал одним из крупнейших финансовых магнатов России, Ашберг видел в его связях с Распутиным. Преувеличивая эти связи, он даже объявлял Ярошинского женихом одной из царских дочерей. Сам Ашберг, по его словам, познакомился с Ярошинским в период переговоров о займе в Америке. Ярошинский стал развивать перед ним свои планы эксплуатации природных богатств России, для чего ему требовался заем в сумме не менее 100 млн. долл. (в действительности, как мы видели, речь шла о 100 млн. руб.). Ашберг взялся за организацию этого займа, так как был уверен, что американским финансовым тузам это импонировало бы, поскольку их манили большие доходы, а Ярошинский не был-де скуп (компенсация, предложенная самому Ашбергу, конечно, подтверждала это). Тем временем пришла революция и смела Ярошинского и его карточный домик⁴³.

Как видим, рассказ Ашберга об этой намечавшейся финансовой операции верен лишь в самых общих чертах, но отмеченная им связь ее происхождения с банковским распутинским кружком несомненна.

Данный Ашбергу четырехмесячный срок был еще в самом начале, когда в первых числах июля состоялась неофициальная русско-германская встреча, с которой оказалось связанным его имя, — пресловутое стокгольмское свидание между А. Д. Протопоповым, тогда еще товарищем председателя Думы, и германским банкиром Ф. Варбургом.

История этого свидания в научной литературе, собственно, не освещена. Между тем, как известно, в последние месяцы существования царизма стокгольмское свидание и последовавшее вскоре назначение Протопопова министром внутренних дел вызвали самую бурную реакцию и ожесточенные нападки на Протопопова, будучи расценены как признак склонности царизма к сепаратному миру. Однако рассмотрение этого эпизода не входит здесь в нашу задачу, и мы ограничимся выяснением той роли, которую сыграл в те дни в Стокгольме Ашберг. О том, что именно Ашберг, «крупный банкир и биржевой делец», сообщил Протопопову, что с ним «очень желал бы видеться германский посланник в Швеции», заявил сам Протопопов на специально созванном 29 августа 1916 г. в Москве совещании губернских предводителей дворянства⁴⁴. Другой участник стокгольмской встречи с русской стороны, граф А. В. Олсуфьев, в своем заявлении⁴⁵, инспирированном русским посланником в Швеции Неклюдовым⁴⁶ и написанном при участии одного из организаторов встречи, Л. С. Поляка⁴⁷, указывал, возражая Протопопову, что свидание было организовано не Ашбергом, а М. С. Гуревичем и Л. С. Поляком⁴⁸.

Как же объяснить столь резкое противоречие в таком простом и конкретном вопросе? Нам представляется, что это можно сделать с помощью двух документов — показаний Поляка Чрезвычайной следствен-

⁴³ O. Aschberg. En vandrande Jude från Glasbruksgatan. Stockholm, 1946, S. 352—353.

⁴⁴ «Русское слово», 19 января/1 февраля 1917 г.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ «Константинополь и проливы», т. I. М., 1925, стр. 409—411. Неклюдов — Покровскому, 8/21 декабря 1916 г.

⁴⁷ ЦГАОР СССР, ф. 1467, оп. 1, д. 552, лл. 80—81. Протокол допроса Л. С. Поляка 13 июля 1917 г. по поручению Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства.

⁴⁸ Они оба были связаны с нефтепромышленным обществом «Мазут».

ной комиссии и недавно опубликованного официального отчета немецкого участника встречи Фр. Варбурга (он явился неожиданно для Протопопова вместо германского посланника в Швеции). Поляк, признавая, что Ашберг был все время в центре всех событий, связанных с пребыванием в Стокгольме протопоповской группы, отрицал его присутствие на русско-германской встрече и сообщал, что она была устроена по просьбе Олсуфьева М. С. Гуревичем⁴⁹. Но, как явствует из отчета Фр. Варбурга, ни Гуревич, ни Поляк, договорившиеся с ним о встрече с Олсуфьевым, не упомянули об участии в предстоявшей беседе Протопопова⁵⁰. Кстати, это совпадает с сообщением самого Олсуфьева о том, что первоначально участие в беседе Протопопова не предполагалось. Остается признать, что Поляк и Олсуфьев и не могли знать, кто пригласил Протопопова, и достоверным является лишь его собственное сообщение об этом. Следовательно, именно Ашберг придал стокгольмской встрече ее значение, обеспечив участие в ней Протопопова⁵¹.

Кто же был Фриц Варбург, германский участник встречи? Это был член того самого банкирского дома Варбургов, который еще в 1915 г., как сообщал тогда в Петроград Неклюдов, намечался германской стороной в качестве ее представителя на предлагавшихся России переговорах⁵². Один из его братьев, Макс Варбург, возглавлял этот гамбургский банкирский дом, имевший, кстати сказать, до войны отношения и с русскими банками. Другой брат, Пауль, женатый на дочери крупного американского банкира Леба, стал членом влиятельной американской финансовой группы «Кун, Леб и К°» и одним из видных банковских деятелей США⁵³. Дом Варбургов имел очень тесные связи с Америкой, и за спиной у Фр. Варбурга были такие же, как и у Ашберга, нейтральные американские деловые связи.

На стокгольмской площадке русско-германской встречи скрестились, таким образом, две уходившие в Америку финансовые нити.

Такова была хоть и опосредствованная, но тем не менее совершенно реальная связь между трудно, на первый взгляд, объяснимым тяготением романовской монархии к формально нейтральному Уолл-стрит и проектами сепаратного «царского мира» как средства ее самосохране-

⁴⁹ ЦГАОР СССР, ф. 1467, оп. 1, д. 552, лл. 77 и сл. Протокол допроса Л. С. Поляка 13 июля 1917 г. по поручению Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства.

⁵⁰ «L'Allemagne et les problèmes de la paix pendant la première guerre mondiale. I (Août 1914 — janvier 1917)», Paris, 1962, p. 392 и сл.

⁵¹ Сам Ашберг, промолчавший в 1917 г. во время публичной полемики по поводу стокгольмской встречи и его собственной роли в ней, коснулся этого сюжета в своих мемуарах много лет спустя, когда одиозный характер попыток русско-германского сближения стал хрестоматийной исторической истиной. Он писал лишь, что они с Протопоповым встретились у Неклюдова на обеде и имели беседу о русско-американских финансовых связях, которая и дала повод к появлению слухов о том, что он, Ашберг, «был посредником при передаче предложения о мире между немцами и царским режимом» (O. Aschberg, Указ. соч., стр. 125). Даже если допустить, что ни о чем, кроме русско-американских дел, Протопопов и Ашберг не разговаривали, то и в этом случае сообщение Ашберга весьма интересно, так как оно подтверждает, что мирный эндаж и вопрос о финансовых связях с Америкой были как-то связаны между собой, входя в круг стокгольмских интересов Протопопова и его группы. Мы подозреваем, однако, что именно на этом обеде Протопопов получил через Ашберга приглашение на встречу с немцем и принял его, как он подчеркивал, не только с ведома, но и по просьбе Неклюдова. Не участвовал ли хозяин дома в разговоре своих гостей и не потому ли ему никак нельзя было потом признать, что Протопопова ангажировал именно Ашберг?

⁵² «Константинополь и проливы», т. II. М., 1926, стр. 377. Телеграмма Неклюдова Сазонову 15/28 июля 1915 г.

⁵³ Во время войны он был еще и официальным лицом — одним из пяти назначавшихся президентом США членов совета Федеральной резервной системы.

ния, независимо от того, насколько серьезны и реальны были эти проекты. Недаром Ашберг хорошо запомнил, что основной темой разговора с Протопоповым были русско-американские финансовые связи, а сам Протопопов в своих показаниях Чрезвычайной следственной комиссии, не будучи спрошен, словно это само собой разумелось, включил вопрос об американском займе в круг дел распутинской группы, о которых он должен был повествовать.

* * *

Специфический характер пристрастия царизма к американским кредитам, по понятным причинам, долгое время оставался скрытым от глаз большинства современников, как и вообще все то, что относилось к сепаратистским тенденциям царизма. На поверхности явлений дело, напротив, выглядело так, что в качестве наиболее расположенной к американскому капиталу силы, неустанно ратовавшей за его привлечение, выступали как раз либерально-буржуазные круги, игравшие в оппозицию царизму и все дальше заходившие в этой игре. Заключение американского займа (журнал Комитета финансов 23 и 26 мая (ст. ст.) 1916 г. был утвержден царем 1 июля), естественно, привело к усилению кампании за привлечение американского капитала, которая охватила теперь печатные органы различных направлений. Как и члены придворной клики, представители буржуазных кругов в свое отношение к вопросу об американском капитале вкладывали определенный политический и даже социальный смысл. Если для первых привлекательность американского капитала заключалась прежде всего в его нейтральности, то вторые связывали его привлечение в Россию со своими планами буржуазного переустройства страны. В призывах к американскому капиталу, сопровождавшихся обещаниями золотых гор в России, звучала надежда на то, что экономическое сближение с американской буржуазной демократией, основанной на всевластии монополий, не пройдет для царизма даром, и он вынужден будет пойти на уступки буржуазии, по крайней мере в сфере экономической, что американские монополии, проникнув в Россию, наконец, просто вынудят царизм к этому. Весьма ясно выразил это в «Биржевых ведомостях» известный буржуазный экономист В. Зив, заключив свои нарочито туманные рассуждения о том, что экономически всемогущий американский капитал совершенно, дескать, беспомощен перед препятствиями и ограничениями со стороны государственной власти, многозначительной фразой: «Хочется верить, что с появлением американского капитала и американской предприимчивости возникнут те условия, при которых они получат возможность широко развить свою деятельность...»⁵⁴ Надежда на то, что приток американского капитала подействует некоторым политическим сдвигам в России, проглядывала в статье профессора И. М. Гольдштейна⁵⁵, часто служившего рупором тех самых московских торгово-промышленных кругов, которые выступили застрельщиками «сближения» с Америкой, организовали Русско-американскую торговую палату и т. д.

Не следует, впрочем, думать, что сторонники «сближения» с Америкой из буржуазных кругов ожидали от американских партнеров платформы политического радикализма. Пределы американских требований в этой сфере были весьма определенно очерчены вернувшимся из России Мак-Робертсом. Вопрос о правительственных ограничениях предпринимательской деятельности ничуть, оказывается, его не интересовал и

⁵⁴ «Биржевые ведомости», 30 июля (12 августа) 1916 г.

⁵⁵ «Русское слово», 25 мая (7 июня) 1916 г.

даже не был им упомянут. При том благоволении царизма к американцам, в котором Мак-Робертс имел случай убедиться, эти ограничения должны были представляться ему не только не страшными, но и невыгодными, ибо могли быть при случае обращены против их конкурентов. Тем более желательным и полезным было сохранение самодержавия, и Мак-Робертс специально подчеркивал, что он отнюдь не имеет «в виду какую-либо перемену общего управления страной»⁵⁶. Единственное, что всерьез интересовало его в России, это проблема рынка, расчистка пути для развития капитализма путем окончательного разрушения крестьянской общины, которую он считал «тормозом для промышленности». «В этой области необходима дальнейшая работа», — заявлял он, имея в виду возобновление после войны столыпинской политики⁵⁷. Таков был взгляд влиятельнейшего американца, взгляд, который своей полной и подчеркнутой благонамеренностью по отношению к самодержавию мог соответствовать ожиданиям лишь наиболее умеренных и консервативных представителей буржуазных кругов. (Тем не менее заявление Мак-Робертса было напечатано с купюрами цензурного происхождения.)

Вообще сколько ни шумели буржуазные деятели по поводу привлечения американского капитала и как ни старались они придать этому политический, чуть ли не оппозиционный характер, на самом деле их позиция и позиция царизма в этом вопросе до известной степени совпадали. И дело здесь было как в крайней умеренности притязаний буржуазных «оппозиционеров», так и в готовности царизма сделать шаг навстречу буржуазии как раз в той области, в которой сосредоточивались эти притязания, — в области экономической политики. Дума в это время, как, впрочем, и до того, собиралась заняться обсуждением акционерного законодательства и ограничений предпринимательской деятельности в связи с вопросом о привлечении в Россию иностранного капитала. Усиление зависимости царизма от иностранных поставок и займов, с одной стороны, и нарастание внутривнутриполитических трудностей — с другой, послужили причиной того, что и Барк, и князь В. Н. Шаховской, министр торговли и промышленности, выступили в печати с весьма мягкими заявлениями, в которых они, хотя и утверждали, что отменить разрешительную систему учреждения акционерных обществ невозможно, явственно давали понять, что правительство постарается чинить поменьше препятствий иностранному капиталу. Барк заявлял даже, что затруднения, чинимые иностранному и еврейскому капиталу, «препятствуют росту нашей промышленности»^{58—59}.

В вопросе об экономическом «сближении» с Америкой, который усиленно дебатировался в России, острые споры велись о соотношении между ввозом в страну американских капиталов и товаров. Буржуазия опасалась конкуренции иностранных товаров, а царизм уже готовил систему протекционистских мер, чтобы ввести их в действие сейчас же после войны. Назначенный товарищем министра торговли и промышленности, Н. П. Ланговой, с прошлой деятельностью которого было связано множество мероприятий царизма в области внешней торговли, еще в 1915 г. официально предупреждал об этом в «Финансовой газете»⁶⁰. Что касалось, в частности, экономических отношений с США, то протекционизм рассматривался как средство побудить американцев к предпочтению

⁵⁶ «Вестник Русско-американской торговой палаты», 1916, № 12, стр. 345. Промышленные перспективы России и Америка. Впечатления С. Мак-Робертса.

⁵⁷ Там же.

^{58—59} Там же, № 6, стр. 173—174.

⁶⁰ Там же, № 1, стр. 14—15.

экспорта капиталов товарному экспорту. Особую остроту дилемме — товары или капиталы — придавала активность американской дипломатии, которая в лице Фрэнсиса настойчиво домогалась заключения торгового договора.

Едва заняв свой пост, Фрэнсис отправился в Москву и развил там агитацию в пользу заключения торгового договора, очевидно, правильно уразумев, что московские мануфактуристы, верховодившие там в биржевом комитете и других предпринимательских организациях, ввоз американских машин или хлопка могут только приветствовать. Вскоре, действительно, во влиятельнейшей московской кадетской газете «Русское слово» профессор Гольдштейн обрушился на «ультрапротекционистов» за их желание «чинить американцам всякие помехи»⁶¹. При этом Гольдштейн и те круги сторонников «сближения», которые он представлял, приветствовали ввоз американских товаров наряду с ввозом капиталов. Свообразие переплетения конкурентных противоречий было таково, что в этих кругах, заинтересованных в снижении цен на оборудование и машины, не прочь были использовать проникновение в Россию американских монополий для подрыва мощи отечественных. Если бы американский «Стальной трест» открыл производство в России, мечтал Гольдштейн, «правительство могло бы... использовать конкуренцию его предприятий для борьбы с непомерными аппетитами „Продаметы“, делающей благодаря искусственному вздуванию цен и несвоевременным поставкам сырья невозможным в России развитие обрабатывающей промышленности»⁶². По вопросу об импорте американских товаров Гольдштейну возразил в специальном интервью в «Нью-Йорк таймс» отставной премьер Коковцов, который перед войной посылал его в Америку на предмет «сближения». Коковцов заявил, что высокий тариф после войны неизбежен для предотвращения «потопа» «дешевых товаров из-за границы», и добавил: «Самое лучшее, что я мог бы порекомендовать американцам,— помещение капитала внутри России, в русскую промышленность»⁶³.

А. В. Бер, активнейший представитель буржуазных сторонников «сближения», доказывал американским капиталистам, что именно такая позиция русской стороны им на руку, что, обернув русский протекционизм себе на пользу, они смогут сделать капиталовложения гораздо более прибыльным делом, чем товарный экспорт. «При нашем протекционистском тарифе, дешевом труде и ваших эффективных методах производства можно будет не бояться никакой конкуренции», — обещал он американцам⁶⁴. Как и прежде, в конце 1915— начале 1916 г. некоторые представители деловых и официальных американских кругов усваивали этот взгляд русской стороны на пути развития американской экспансии в России. Это проявилось в ходе газетной и журнальной кампании, следовавшей за совершением американского займа. И Мак-Робертс, и новый коммерческий атташе США в Петрограде Хантингтон в своих публичных выступлениях старались определенно подчеркнуть, что американские капиталисты, не собираясь уклоняться от строительства в России своих предприятий, будут развивать и товарный экспорт. Но бывший коммерческий атташе Беккер, сняв с себя официальную ответственность по возвращении в Нью-Йорк и лаская слух американских промышленников, не без цинизма дал понять, что вряд ли придется царизму в условиях возрастающей зависимости от иностранного капитала указывать

⁶¹ «Русское слово», 25 мая (7 июня) 1916 г.

⁶² «Вестник Русско-американской торговой палаты», 1916, № 4, стр. 105—106.

⁶³ «Промышленная Америка». Нью-Йорк, 1917, стр. 43.

⁶⁴ «Вестник Русско-американской торговой палаты», 1916, № 4, стр. 122.

американцам их образ действий в России. Он скептически отозвался о возможности введения в России запретительного тарифа при росте ее внешней задолженности, а об американских капиталовложениях высказался лишь в том смысле, что они облегчат расчеты по товарному экспорту из США в Россию⁶⁵. В сущности такая высокомерная позиция не очень-то была оправдана с деловой точки зрения печальным опытом, который американский капитал имел пока что в России. Но она соответствовала тому униженному тону, который то и дело звучал в раздававшихся из кругов буржуазной общественности призывах к американскому капиталу прийти в Россию. Беспрестанные разговоры об «организационном гении» и «аполитичности» американского капитала были тесно связаны с общеполитической ориентацией на англо-американскую буржуазную демократию. Такая ориентация была в это время характерна для политических партий русской буржуазии, особенно для лидеров прогрессивного блока. И здесь уже противоположность позиций самодержавия и буржуазных политиков была гораздо более разительна, чем это мы отмечали применительно к экономической сфере. Впрочем, вопрос об общем отношении буржуазной общественности к Америке выходит за пределы темы настоящей статьи.

Совершение американского займа, утвержденное царем, как уже указывалось, 1 июля, в Петрограде решили на какой-то срок сохранить в тайне. Была даже предпринята попытка отрицать его, причем не только для широкой публики. В самый момент подписания соглашения с американцами в газетах появилось официальное сообщение, гласившее, что русское правительство воздержалось от размещения прямого русского займа в США ввиду того, что правительства Франции и Англии предложили ему свое посредничество на более благоприятных условиях. В своем выступлении в Особом совещании по обороне в июне Барк ни словом не упомянул о соглашении с американцами и, не смущаясь противоречием с газетной версией, изобразил дело совсем не так отраднo, а потому внешне более правдоподобно: ввиду невозможности добыть кредит в США необходимо-де идти на любые условия союзников⁶⁶. Чем была вызвана такая игра и как мог Барк выступать с абсолютнo друг другу противоречащими заявлениями в Комитете финансов и в Особом совещании по обороне (не говоря уже о газетном сообщении), на какой срок был рассчитан этот обман, который неминуемо должен был раскрыться, — на все эти вопросы трудно дать полный и точный ответ на основании известных нам материалов. Можно лишь отметить, что, как и само заключение американского займа, попытка скрыть этот факт не случайно пришлось на момент сложнейшего переплетения внешне- и внутриполитических обстоятельств. Среди них были и специфическое значение американского займа в планах штурмеровско-распутинской группировки, и вызвавшее большой резонанс увольнение Сазонова с заменой его самим Штурмером, и особо деликатный характер отношений с союзниками в те дни (вспомним беспрецедентное с формально-юридической точки зрения вмешательство Бьюкенена в русские внутренние дела — его попытку предотвратить смещение Сазонова).

Конечно, об американском займе очень скоро стало известно в России: русские газеты перепечатали сообщения о нем из иностранной прессы⁶⁷. Помимо дискуссии в печати, которая за этим последовала, заем возымел и непосредственные практические результаты. Одним из них

⁶⁵ Там же, № 9, стр. 247—248.

⁶⁶ А. Л. Сидоров. Указ. соч., стр. 340.

⁶⁷ См., например, «Финансовое обозрение», 25 июля 1916 г.

было улучшение курса рубля, которое объяснялось тогда усиленным спросом на русские ценные бумаги в Америке.

Сам «Сити бэнк» сейчас же вслед за совершением займа решил открыть свое отделение в Петрограде. Активизация деятельности американского капитала в России была в тот момент столь ощутима, что привела в Петрограде к обострению конкуренции между представителями Антанты и США. Напомним, что царское утверждение американского займа последовало в тот самый день, когда закрылась экономическая конференция союзников в Париже, в ходе которой Англия и Франция пытались, как известно, помимо выработки планов экономического порабощения Германии, заложить международно-правовые основы своей торговой и финансовой гегемонии над Россией после войны. По-прежнему особенно ревнивый ко всему, что относилось к экономической экспансии в России, Фрэнсис поставил итоги Парижской конференции в прямую связь с целями американского империализма. В письме Лансингу 14 августа (н. ст.) он писал: «Мне представляется, что внимание всего мира с каждым днем все более настойчиво направляется на Россию. Европейские и американские газеты и журналы подчеркивают великолепие этой империи, ее неразработанные богатства и колоссальные возможности. После войны предстоит большая конкуренция за торговлю с Россией. Американская предприимчивость уже смотрит алчным глазом на минеральные месторождения, громадную водную энергию и возможность железнодорожного строительства, которые существуют в этой стране. Несколько американцев отправляются домой тем пароходом, который берет эту почту, но среди них нет ни одного, который не планировал бы вернуться в Россию, так как все считают, что нет такой сферы деятельности на земле, которая может сравниться с этой»⁶⁸. Но существовало препятствие в виде конкуренции держав Антанты, для преодоления которой американским капиталистам в России была необходима, по мнению Фрэнсиса, не только активная поддержка, но и подталкивание со стороны своего правительства. «У меня нет ни намерения, ни желания нарушать нейтралитет Америки, но, по моему мнению, американский капитал и изобретательность должны быть здесь подстрекаемы, чтобы свести на нет, если не больше, хорошо задуманный план Англии, а возможно, и Франции, состоящий в захвате торговли с Россией после войны с помощью решений, принятых на экономической конференции союзников 14—17 июня. Здесь побывало много американцев, и среди них есть сейчас, вероятно, такие, которые настолько неразумны, что пытаются извлечь выгоду из неотложных нужд России, требуя немислимые цены за продаваемые ими товары; это, однако, близорукая политика, которой я советую всем американцам избегать...»⁶⁹.

Ясно, что погоня американских капиталистов за кратковременной военной наживой с точки зрения Фрэнсиса могла помешать закладыванию основ для американской экономической экспансии в России на длительное время. Однако нельзя определить, какими мерами Фрэнсис предлагал создать эти основы: на приведенных нами выше словах Фрэнсиса текст его письма в официальной публикации Госдепартамента оборван.

В своей оценке конкурентной борьбы между западными державами из-за России Фрэнсис ошибался только в одном — когда ставил Францию как конкурента США в России на второе место после Англии. Раньше, в период американских рекогносцировок в России, когда характер будущих действий США и масштабы их возможных кредитов были

⁶⁸ «The Lansing papers», vol. II, p. 319.

⁶⁹ Там же.

еще неясны, американцам приходилось считаться прежде всего с англичанами как с главными военными кредиторами России. Теперь, когда за совершенным займом, хотя и небольшим, встало на очередь открытие в Петрограде отделения крупнейшего американского банка, когда участие американского капитала в русском железнодорожном деле представлялось все более реальным, пришли в движение именно французы, рассматривавшие русское банковское дело (после ликвидации германских капиталов) и железнодорожное строительство как свою заповедную сферу. Причем, если тогда Мезерв считал для американских действий в России необходимым союз с англичанами, то теперь в среде крупнейших французских финансистов, действовавших в Петрограде, рассматривался вопрос о том, как бы «пристроиться» к американскому походу в Россию. Таким представлялось им изменившееся соотношение сил. Как только стал известным факт заключения американского займа, М. Верстрат, который одновременно был едва ли не наиболее опытным организатором французской экономической экспансии в России и одним из руководителей Русско-Азиатского банка, составил специальную записку о деятельности американцев. Наряду с надеждой на их неудачи («так как на деле американцы плохо знают Россию, ...можно задать себе вопрос, не произойдет ли каких-нибудь столкновений») в этой записке уже ставился вопрос о значении американской экспансии для французских интересов в России («не нужно будет питать подозрений..., а, наоборот, можно воспользоваться этим») ⁷⁰. Когда же директор Кредитной канцелярии Д. И. Никифоров официально заявил, что рассматривает открытие отделения «Сити бэнк» в Петрограде «как меру чрезвычайно полезную», поскольку «с открытием указанного отделения пойдут деньги в русские железнодорожные предприятия и в русскую промышленность» ⁷¹, Верстрат высказался с полной определенностью. Надеждам на «столкновения» американцев с русским правительством как будто не оставалось теперь места, и Верстрат письмом от 4/17 августа 1916 г. сообщил французскому послу в Петрограде М. Палеологу свою цель, которая совпала, по его мнению, с общим «французским интересом» — «сделать все возможное для превращения Русско-Азиатского банка в посредника для будущей деятельности американцев в России с тем, чтобы присоединить к этому наших соотечественников, как только позволят обстоятельства» ⁷². «Мы сочли уместным в этих условиях укрепить, насколько это возможно, связи с „Нэйшнл сити бэнк“,» — писал Верстрат и сообщал о командировании в Америку одного из директоров Русско-Азиатского банка, Герценберга ⁷³, «который лично знает многих главных руководителей» финансовой группы, возглавляемой «Сити бэнк».

Упомянув о том, что осуществление «программы», принятой Русско-Азиатским банком с началом войны, уже дало ему первое место среди русских банков, но одновременно вызывает сопротивление «друзей» германского капитала (намек на Международный банк), Верстрат заключал: «Наши противники прилагают усилия, чтобы отдалить от нас американцев по тем же причинам, по которым мы ищем сближения с

⁷⁰ ЦГИА СССР, ф. 630, оп. 11, д. 1107. Записка датирована 26 июля/8 августа 1916 г.

⁷¹ «Финансовое обозрение», 27 августа 1916 г.

⁷² ЦГИА СССР, ф. 630, оп. 11, д. 1108.

⁷³ Из данного Мезервом Герценбергу рекомендательного письма и посланного одновременно Вандерлипу дополнительного письма видно, что руководство Русско-Азиатского банка и сам Герценберг спекулировали своими связями с «Гаранти», давая Мезерву понять, что готовы от них отказаться в интересах «Сити бэнк» (Там же, ф. 624, оп. 1, д. 26, лл. 158—159. Мезерв — Вандерлипу, 29 июля/11 августа 1916 г., № 108 и 109).

ними. Отсюда следует, что если нам понадобится когда-нибудь официальная помощь, французское правительство, понимая ситуацию, окажет нам такую помощь, будь то в Париже, в Петрограде или еще где-нибудь, и если представится случай, даст почувствовать то значение, которое оно придает нашему учреждению»⁷⁴. Легко заметить, что в стремлении заручиться официальной поддержкой французской дипломатии не столько для французского капитала в России, сколько для Русско-Азиатского банка Верстрат пытался выдать его чуть ли не за чисто французское предприятие. На самом же деле действия Верстрата были продиктованы конкурентной ревностью русского банка в равной, если не в большей степени, чем интересами французского капитала.

Верстрат начал обдумывать вопрос о том, как примкнуть к американцам в России, отнюдь не тогда, когда обратился к Палеологу, а значительно раньше,— очевидно, сразу же по приезде в Петроград Мак-Робертса и Рича. Первой его мыслью было привлечь к участию в Русско-Азиатском банке самого Моргана или создать вместе с ним специальный Русско-Американский банк. Однако директор Парижского отделения Русско-Азиатского банка Н. Рафалович, знаток международно-биржевых дел, к которому Верстрат обратился за советом, охладил его. Прежде всего он описал Верстрату положение Моргана в американском финансовом мире и подчеркнул «враждебность», которую он там к себе вызвал своими махинациями с военными заказами союзников. Н. Рафалович считал, что Морган в качестве акционера Русско-Азиатского банка поможет в развитии связей с американским капиталом только в том случае, если получит «слишком большую часть в прибылях и слишком значительное участие», а скорее всего он станет «препятствием для установления отношений с другими американскими банками, способными ныне играть в России весьма активную роль, а именно с „Нэйшнл Сити бэнк“ и „Гаранти траст компани“»⁷⁵. Рафалович предпочитал вариант создания Русско-Американского банка, при котором положение учредителя и одного из главных акционеров заставляло бы Моргана заботиться об успехе всего предприятия. Но в целом Верстрату должно было стать ясно, что связываться с Морганом и накладно, и опасно. Потому-то как только «Сити бэнк» совершил свою операцию в Петрограде, русско-французский директор Русско-Азиатского банка, уже не колеблясь, стал принимать меры к сближению именно с этой американской финансовой группой⁷⁶.

Однако идея создания Русско-Американского банка, хотя Верстрат, по-видимому, от нее и отказался, сама по себе не умерла. Одновременно с ходатайством «Сити бэнк» «о допущении его к деятельности в России путем открытия в русских городах отделений» в Министерство финансов поступило несколько ходатайств от различных групп о разрешении учредить Русско-Американский банк. Все эти проекты предусматривали учреждение такого банка в форме русского акционерного общества, часть акций которого находилась бы в американских руках⁷⁷. По словам про-

⁷⁴ ЦГИА СССР, ф. 630, оп. 11, д. 1108.

⁷⁵ Там же, д. 196, лл. 41—43. Н. Рафалович — Верстрату, 5 июня 1916 г. (н. ст.).

⁷⁶ Теперь и другие французы в Петрограде изменили свое отношение к «Сити бэнк». После десятимесячного «терпеливого ожидания» Мезерв был «счастлив» вдруг получить не только доступ в святая святых Петроградского отделения Лионского кредита — в картотеку сведений о кредитоспособности русских дельцов и фирм, но и право снять копии всех материалов, собиравшихся Лионским кредитом в течение 43 лет и относившихся к 45 тыс. лиц (Там же, ф. 624, оп. 1, д. 26, лл. 167—168а. Мезерв — Вандерлипу, 30 августа/12 сентября 1916 г.).

⁷⁷ Там же, ф. 1276, оп. 12, д. 475, лл. 1—19. Представление министра финансов в Совет министров 16 августа 1916 г. о допущении к деятельности в России Национального Нью-йоркского городского банка.

фессора И. Х. Озерова, инициатора одного из этих проектов, банк, который он собирался учредить, должен был действовать в «сотрудничестве» с Петроградским отделением «Сити бэнк»⁷⁸.

Разумеется, это «сотрудничество», как и в планах Верстрата, ничуть не отменяло конкуренции, оно лишь выражало стремление к ней приспособиться, а сами проекты Русско-Американского банка в сущности эту конкуренцию обостряли. Недаром, хотя ни один из русских ходатаев об учреждении Русско-Американского банка «не представил гарантии участия каких-либо солидных банковых или финансовых сил Америки»⁷⁹ и вообще Барк не считал целесообразным учреждение такого банка, эти проекты до некоторой степени помешали «Сити бэнк», задержав открытие его Петроградского отделения. В своем представлении в Совет министров Барк, делая выбор в пользу открытия отделения «Сити бэнк» (о возможности одновременного существования этого отделения и Русско-Американского банка в представлении речи не было), должен был все же в качестве «единственного серьезного возражения против допущения американского кредитного учреждения в России» упомянуть о «твердо усвоенном» русской кредитной политикой «принципе национальности, согласно которому иностранные банки вообще не получают концессий в России»⁸⁰. Для «Сити бэнк» Барк считал необходимым сделать исключение, подобное тому, которое было сделано всего однажды, в 1879 г., для Лионского кредита, учитывая интерес американцев к финансированию русской промышленности.

С точки зрения министра финансов, на американцев нельзя было в тогдашних условиях распространять никаких запретительных или ограничительных мер, традиционно применявшихся по отношению к иностранным капиталам. Но не все разделяли эту точку зрения Барка. Начатое Советом министров рассмотрение его представления было прервано, чтобы запросить заключения министров юстиции и торговли и промышленности. Наиболее показательной была позиция, занятая Шаховским. В письме Штюрмеру 19 сентября (ст. ст.), высказываясь за удовлетворение ходатайства «Сити бэнк», он заявлял о предпочтительности смешанного Русско-Американского банка. Поскольку же это невозможно, продолжал он, не лучше ли пока разрешить «Сити бэнк» открытие отделения лишь в Петрограде с тем, чтобы на устройство отделений в других городах требовалось каждый раз особое разрешение⁸¹. Речь шла, таким образом, о том, чтобы, отнюдь не отказываясь от привлечения американского капитала, как-нибудь поосторожнее это привлечение обставить. Макаров же вообще предложил в весьма просторном письме решать дело не в порядке верховного управления, а законодательным путем⁸², что, разумеется, означало длительную оттяжку. Пришлось Барку прекратить бюрократическую игру, недвусмысленно объяснив своим коллегам, что с американцами так обращаться не приходится, что русское правительство не в таком положении, чтобы это себе позволить. «Долгом считаю указать,— написал он 24 октября (ст. ст.) управляющему делами Совета министров,— что открытию русских отделений Городского национального Нью-Йоркского банка я придаю особое значение по

⁷⁸ «Известия Общества сближения между Россией и Америкой», вып. 3, 1916, сентябрь, стр. 25.

⁷⁹ ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 12, д. 475, лл. 1—19. Представление министра финансов в Совет министров 16 августа 1916 г. о допущении к деятельности в России Национального Нью-Йоркского городского банка.

⁸⁰ Там же, л. 8.

⁸¹ Там же, лл. 36—37.

⁸² Там же, лл. 38—61.

обстоятельствам настоящего времени и считаю, что неудовлетворение ходатайства названного банка в непродолжительном по возможности времени не только лишит финансовое ведомство преимуществ, кои связаны с поддержанием известных отношений с этим банком, но может вообще неблагоприятно отозваться на нашем положении на американском денежном рынке»⁸³. Через два дня, 28 октября, Совет министров разрешил «Сити бэнк» открытие его отделения в России⁸⁴. Слишком влиятельным был теперь для официального Петербурга этот Нью-Йоркский банк, подкрепивший свое ходатайство об открытии отделений новым кредитным предложением.

Пока ходатайство рассматривалось в официальных инстанциях, Барк получил от «Сити бэнк» предложение кредита на условиях, аналогичных условиям только что совершенного займа. 3/16 сентября Барк передал Мезерву текст телеграммы в Нью-Йорк, в которой он отказывался от прежних условий в их полном объеме и предлагал просто выпустить на американском рынке обязательства Государственного казначейства в той сумме, в которой это окажется возможным⁸⁵. В ноябре был заключен контракт, согласно которому группа «Сити бэнк» предоставляла 25 млн. долл. и брала 5½% обязательства Государственного казначейства, выпущенные указом 1 июня 1916 г. для осуществления летнего американского займа на сумму до 225 млн. руб.⁸⁶ Условия ноябрьской операции существенно отличались от летней: синдикат не мог относить стоимость обязательств в рублях на свой рублевый счет в России⁸⁷.

Барк хорошо понимал, что даже в условиях все углубляющейся зависимости царизма от западных кредитов нарастание экспансионистских вождедений иностранного, в частности американского, капитала в России было таким фактором, который русское финансовое ведомство могло использовать в своих целях. Действительно, еще не был заключен ноябрьский контракт, а Барк располагал уже предложением американских фирм о немедленном приступе к строительству системы элеваторов в кредит на сумму свыше 30 млн. руб. Инициатором этого дела, продолжавшего давнее, ставшее почти традиционным, стремление американцев к получению концессий на строительство русских элеваторов, выступила «Меткэлф компани» из Монреаля, крупнейшая фирма по проектированию элеваторов, президент которой Спеллмэн еще перед войной приезжал в Россию, но потерпел неудачу. Теперь он обратился к Фр. Хольбруку, представителю Американской международной корпорации в России, и дело попало в поле зрения этой корпорации⁸⁸. 25 августа в ее правлении в Нью-Йорке состоялось специальное заседание, в котором участвовал, кроме Спеллмэна, вице-президента корпорации Болдуина, Хольбрука и др., еще и Дж. Уитерспун, президент крупной чикагской строительной фирмы «Уитерспун Инглэр компани». Уитерспун и Меткэлф предлагали немедленно приступить к «русскому делу» и учредить для этого с участием Американской международной корпорации специальное акционерное общество. Но тут Болдуин с высокомерием уолл-стритовского магната по отношению к дельцам средней руки заявил, что Амери-

⁸³ ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 12, д. 475, л. 65.

⁸⁴ Там же, оп. 20, д. 118, лл. 130 и сл. Особый журнал Совета министров от 6 сентября и 28 октября 1916 г., утвержденный царем 9 декабря.

⁸⁵ Там же, ф. 624, оп. 1, д. 23, л. 56. Телеграмма Мезерва в «Сити бэнк» 3/16 сентября 1916 г.

⁸⁶ Подлинный указ см. там же, ф. 563, оп. 2, д. 531, л. 9.

⁸⁷ Там же, ф. 560, оп. 26, д. 1169, лл. 67—71. Справка о кредитных операциях, совершенных Россией в Америке с начала войны (не ранее 24 июня 1917 г.).

⁸⁸ ЛГИА, ф. 2178, д. 1, л. 18. Меморандум, составленный Хольбруком для Роллинса, совладельца его фирмы «Хольбрук, Кэбот энд Роллинс», в декабре 1916 г.

канская международная корпорация возьмет на себя финансирование предприятия лишь после того, как Спеллмэн и Уитерспун продвинуто дело, докажут, что оно стоящее, добьются заключения контракта и т. д. Он обещал (и то лишь после упреков Уитерспуна) содействие своей корпорации и Хольбрука в Петербурге за соответствующее вознаграждение⁸⁹.

В октябре перед Барком лежало уже упомянутое предложение представителя «Меткэлф компани» и «Уитерспун Инглэр компани» в Петрограде, одного из наиболее пронырливых американских дельцов в Петрограде, Байрона Брукса. Оно предусматривало строительство системы элеваторов новейшего типа в Москве, Петрограде, Котласе, Архангельске, Таганроге, Царицыне, Покровской слободе, Харькове и Воронеже. Одна из привлекательных сторон этого предложения — и Брукс всячески ее подчеркивал — заключалась для правительства в том, что строительство элеваторов помогало хлеботорговцам поднимать в ущерб производителям хлеба цены на него, а Государственный банк принимал, как известно, в хлебной торговле активное участие⁹⁰. Дела у Брукса пошли как будто на лад; начать строительство намечалось с Котласа. Хольбрук, который раньше подпевал Болдуину, когда тот третировал обе строительные компании, теперь посоветовал ему, чтобы Американская международная корпорация, не задумываясь, приняла участие в образуемом акционерном обществе, и сам торопился обеспечить долю в этом деле для своей компании «Хольбрук, Кэбот энд Роллинс»⁹¹. Секрет первых успехов Брукса состоял, по-видимому, не столько в содействии Хольбрука и Американской международной корпорации, сколько в тесной связи Брукса с Мезервом, которому как представителю «Сити бэнк» были больше всего доступны ключи к дверям петербургских канцелярий. Недаром, когда начался ажиотаж вокруг дележа участия в образуемом элеваторном обществе, и Американская международная корпорация, не заставляя более себя просить, потребовала за финансирование не только половинного участия, но еще и специального отчисления от прибылей в размере $\frac{1}{3}$, именно Мезерв должен был стать арбитром в этом деле.

Главную роль играл Мезерв и во втором деле, которое осуществлялось в России Американской международной корпорацией, — создании акционерного общества для строительства сахарных заводов. Совсем недавно еще эта идея была связана, как мы видели, с именами Ярошинского и Ашберга и носила чисто финансовый характер, теперь же речь шла о строительстве предприятий. Учредителями общества выступали американская фирма «Грэйс энд компани», тесно связанная с «Сити бэнк» и Американской международной корпорацией (один из владельцев фирмы входил в число директоров «Сити бэнк»), а с русской стороны — крупный петроградский промышленник Сан-Галли. За всем этим предприятием теперь, как и тогда, стояла Кредитная канцелярия. Как указывал Хольбрук в письме председателю правления Американской международной корпорации Стоуну, «сахарный бизнес» пришел, Мезерву в руки «прямо из канцелярии», ввиду чего предполагалось сделать его дирек-

⁸⁹ Там же, лл. 19—20. Меморандум, составленный Хольбруком для Болдуина, 28 августа 1916 г. (н. ст.).

⁹⁰ Там же, лл. 1—2. Прошение Брукса на имя министра финансов, 21 октября 1916 г.

⁹¹ Там же, лл. 25—26. Хольбрук — Болдуину, не ранее декабря 1916 г. Компания Хольбрука по договору с МПС, заключенному в ноябре 1915 г., производила для строящейся Мурманской железной дороги поставки рельсов и других материалов и оборудования, изготовлявшихся на заводе Лекзэунна «Стил корпорэйшн». Перевозку этих грузов взяло на себя Русское Восточно-Азиатское пароходство (ЦГИА СССР ф. 104, оп. 1, д. 94, лл. 3, 12).

тором-кандидатом правления нового общества, тем более что он собирался навсегда остаться в России. Хольбрук весьма выразительно описывал Стоуну «великолепное положение», которое Мезерв имел в Министерстве финансов и Кредитной канцелярии, где «ему доверяли и в него верили», за что он и оказал им «услугу» организацией сахарного дела. «Одновременно он дал нам хороший бизнес,— добавлял Хольбрук,— и я надеюсь, что аналогичным образом удастся получить и другие дела. Конечно, этот бизнес хорош и для банка, но это несколько не обесценивает того, что он сделал для нас»⁹².

Тесный контакт, установившийся между «Сити бэнк» и Кредитной канцелярией, естественно, использовался также в интересах Американской международной корпорации и американских компаний, связанных с корпорацией и в первую очередь с самим банком. «Я пришел к выводу,— докладывал Мезерв Вандерлипу,— что приобретенный мною здесь за минувшие полтора года опыт поставил меня в совершенно необыкновенное благоприятное положение для того, чтобы добывать дела для нашего банка и связанных с ним субсидируемых компаний, и я теперь все свое время практически посвящаю этой работе»⁹³. Отделение «Сити бэнк» в Петрограде открыло свои действия 2 января (ст. ст.) 1917 г., и уже через месяц Мезерв был настолько удовлетворен его делами и доходностью (главной формой инвестиций банка было приобретение 5% обязательств Государственного казначейства), что предложил Вандерлипу «как можно скорее» открыть еще одно отделение — в Москве. Он аргументировал это тем, что нужда в долларах, существующая во время войны в России, даст банку возможность с помощью скромных по размерам кредитов в Нью-Йорке завязать отношения с «сильнейшими русскими компаниями», чего «в обычные времена» добиться «крайне трудно». К тому же в Москве, «торговом центре России», он видел «гораздо лучшие шансы» на это, чем в Петрограде. «Здесь великое будущее для нашего банка», — откликнулся Мезерв⁹⁴ на сообщение из Нью-Йорка о том, что, по «всеобщему мнению» в правлении «Сити бэнк», Петроградское отделение «станет одним из важнейших отделений» банка во всем мире, что Мак-Робертс опять собирается в Россию, а «Нейшнл сити компани» посылает туда специального представителя по делам муниципальных займов⁹⁵.

* * *

Главной сферой интересов «Сити бэнк» и Американской международной корпорации было, как и прежде, железнодорожное строительство. Вопрос о необходимости развертывания железнодорожного строительства возник с самого начала 1916 г. Интерес к этому делу, проявленный весной императрицей, дал ему лишь некоторый толчок. Летом и особенно осенью под влиянием успешной военной кампании обсуждение различных строительных проектов приняло широкий размах. Действовавшая с начала года междуведомственная комиссия под председательством товарища министра путей сообщения И. Н. Борисова составляла план железнодорожного строительства на 1917—1922 гг. В сущности это была попытка в расчете на скорое окончание войны возобновить проектируемые системы крупных железнодорожных строительных предприятий.

⁹² ЦГИА СССР, ф. 624, оп. 1, д. 23, лл. 222—223. Хольбрук — Стоуну, 19 января 1917 г.

⁹³ Там же, д. 26, лл. 195—196. Мезерв — Вандерлипу, 10/23 февраля 1917 г.

⁹⁴ Там же.

⁹⁵ Там же, д. 23, лл. 279—281. Ч. Дженкинсон — Мезерву, 19 января 1917 г.

Естественно, что война лишь усугубила существовавшую и ранее потребность в расширении железнодорожной сети. Департамент железнодорожных дел Министерства финансов, который ведал финансированием железнодорожного строительства, готовился широко распахнуть ворота перед иностранным капиталом, считая его «привлечение в дело железнодорожного строительства» «неизбежным», поскольку уповать на средства казны или на частные капиталы отечественного происхождения департамент считал «невозможным». Намечалось даже некоторое регулирование распределения иностранного капитала между различными отраслями хозяйства. Чтобы он не миновал железнодорожного дела («не подлежит сомнению, что по окончании войны... понадобится усиленное привлечение иностранных капиталов еще в другие, притом более доходные, промышленные предприятия»), предполагалось ввести льготы в условиях организации железнодорожных обществ⁹⁶. В первую очередь имелись в виду те льготы, проект которых был внесен в Думу еще в 1910 г., — гарантия правительством не только облигаций, но и акций частных обществ, установление выкупного вознаграждения за акции в размере не ниже не погашенной к сроку выкупа части акционерного капитала, оплата акциями отчуждаемых под дорогу земель, расширение тарифных прав частных обществ и др.

Но в «изменившейся с войной обстановке» эти льготы считались, «само собой разумеется», недостаточными, и, кроме них, предполагались «новые», «дополнительные» шаги навстречу требованиям, которые выдвигали предприниматели, не дожидавшиеся конца войны. В качестве «примеров» таких условий, которыми «придется, по-видимому, поступиться», фигурировали более льготное соотношение между акционерными и облигационными капиталами — 1 : 12 или даже 1 : 15 вместо 1 : 9, отказ от требования взноса сразу всего капитала дороги, увеличение гарантируемого правительством процента роста по облигациям и разрешение железнодорожным обществам эксплуатировать не связанные с железнодорожным делом предприятия⁹⁷.

Среди линий, намечавшихся к первоочередной постройке еще накануне войны, в 1914 г.⁹⁸, фигурировала линия Москва — Донбасс, рассматривавшаяся прежде всего как магистраль для вывоза донецкого угля в промышленный центр страны. С началом войны все это было отложено до «окончания военного времени»⁹⁹. Когда вопрос о железнодорожном строительстве был вновь поставлен в 1916 г., линия Москва — Донбасс опять оказалась в числе первоочередных или даже внеочередных в предположениях как государственной комиссии Борисова, так и совещания, созванного Советом съездов представителей промышленности и торговли и Центральным Военно-промышленным комитетом под пред-

⁹⁶ Там же, ф. 268, оп. 3, д. 861, лл. 406—408. Справка о частном железнодорожном строительстве, 18 февраля 1916 г.

⁹⁷ Там же.

⁹⁸ Там же, д. 870, л. 429. Справка Департамента железнодорожных дел МФ по поводу представления Совета съездов горнопромышленников Юга России от 31 мая 1914 г. о железнодорожном строительстве, необходимом для горнопромышленности; особая справка о разногласиях между МПС и МФ, приложенная к предыдущей (МФ считало строительство дороги Москва — Ростов преждевременным) (там же, л. 432); ходатайство группы крупных капиталистов и буржуазных деятелей Н. Авлакова, Г. Крестовникова, В. Коковцова, М. Ковалевского, И. Озерова и других о принятии правительством мер к сооружению «угольных дорог, сильных по пропускной и провозной способности особенно из восточной части Донецкого бассейна», б. д. (там же, л. 431).

⁹⁹ Там же, д. 871, лл. 36—37. Отношение Департамента железнодорожных дел МФ в Совет съезда горнопромышленников Юга России, 23 августа 1914 г.

седательством А. А. Бубликова, совещания представителей областных военно-промышленных комитетов и других совещаний, созывавшихся буржуазными представительными организациями¹⁰⁰. В октябре Совет министров одобрил для внесения в Думу представление о разрешении строительства «средствами и распоряжением казны» ряда линий, из которых дорога Москва — Донбасс была самой значительной¹⁰¹. Через месяц министр путей сообщения А. Ф. Трепов внес в Думу уже специальный законопроект об ассигновании средств именно на строительство Московско-Донецкой дороги¹⁰².

На эту-то линию и нацелились американцы. Как свидетельствовал русский участник американских рекогносцировок и предприятий Ф. А. Липский, «Сити бэнк» и Американская международная корпорация, занявшись летом 1916 г. «изучением..., главным образом в Донецком бассейне, угольного дела, металлургического дела», обнаружила недостаточность путей для вывоза продукции, стала разрабатывать существовавший уже казенный проект дороги Москва — Донбасс и пришла к выводу, что вместо однопутной линии, которую собиралось строить правительство, нужна двухпутная. «Американская группа остановилась на этой линии..., — подчеркивал Липский, — не просто потому, что она хочет к какому бы то ни было русскому железнодорожному строительству приложить свои средства и капитал, но именно эта линия ей нужна в связи с теми начинаниями, которые она имеет в виду произвести в отношении разработки угольных богатств Донецкого бассейна и рудных, т. е. металлургических и машиностроительных, заводов»¹⁰³. Что американцы не рассматривали железнодорожное дело как конечную свою цель, Липский подчеркивал и в более определенной форме. «Эта самая группа, — говорил он, — занимается железнодорожным делом потому, что она взялась построить железодельательные, рельсопрокатные, машиностроительные заводы в Донецком бассейне. Так что, может быть, на ее заводах будут готовиться и рельсы, и вагоны, и паровозы»¹⁰⁴. Да и в самом ходатайстве о концессии американская группа указывала: «Имея в виду недостаток металла в России, остро ощущаемый в настоящее время, Американская международная корпорация уже приступила к изучению мест и условий основания в России в крупном масштабе чугунолитейных, сталелитейных, рельсопрокатных и других заводов на американские капиталы при участии русских инженеров и имеет полное основание заявить, что она нашла в России все данные для выгодной и рациональной постановки этого дела в самых широких размерах и для быстрого его развития»¹⁰⁵. Таким образом, линия Москва — Донбасс была выбрана американской группой

¹⁰⁰ «Финансовая газета», 24 октября (6 ноября) 1916 г.; ЦГИА СССР, ф. 32, оп. 1, д. 666, лл. 29—31. Циркуляр ССПиТ, 2 августа 1916 г. Список линий, предложенных к включению в план железнодорожного строительства на предстоящие годы, рассмотренных и принятых совещанием представителей областных военно-промышленных комитетов 20, 21 и 22 октября 1916 г. (там же, лл. 46—49); список линий, предложенных к включению в план железнодорожного строительства на предстоящие годы, рассмотренных и принятых Особым междуведомственным совещанием с участием представителей общественных организаций под председательством товарища министра И. Н. Борисова в заседаниях 3, 4, 5 и 7 ноября 1916 г. (там же, лл. 50—51).

¹⁰¹ «Финансовая газета», 17 (30) октября 1916 г.

¹⁰² Там же, 16 (29) ноября 1916 г. Речь шла о 32 млн. руб., которых могло хватить лишь для приступа к делу.

¹⁰³ ЦГИА СССР, ф. 32, оп. 1, д. 834, л. 2. Стенограмма заседания членов первозочного отдела ЦВПК и железнодорожной комиссии ССПиТ 1/14 февраля 1917 г. Датируется по газетному отчету о заседании в «Русском слове», 2/15 февраля 1917 г.

¹⁰⁴ ЦГИА СССР, ф. 32, оп. 1, д. 834, л. 36.

¹⁰⁵ Там же, ф. 560, оп. 26, д. 32, лл. 82—83. Прошение Хольбрука и Липского министру финансов, 5 декабря 1916 г.

в связи с общими планами американского капитала в России, в которых ключевые отрасли тяжелой индустрии стояли на первом месте.

В состав синдиката, как явствует из краткой черновой записи, сделанной рукой Мезерва¹⁰⁶, вошли, кроме Американской международной корпорации и фирмы Хольбрука, вице-президент «Сити бэнк» Рич в компании с Мезервом. Русская сторона была представлена Э. К. Грубе, заседавшим теперь в правлении Сибирского торгового банка, но по-прежнему десятками нитей связанным с правительственным финансовым ведомством, и Ф. А. Липским, членом совета Сибирского банка.

Хольбрук и Липский просили разрешить им «образование акционерного общества для сооружения и эксплуатации железнодорожной линии магистрального типа от Москвы до Донецкого бассейна (Луганск) в два пути и от Донецкого бассейна (Луганск) до Мариуполя или Таганрога, по соглашению с правительством, в один путь»¹⁰⁷. Общая стоимость постройки исчислялась заявителями в 580 млн. руб.

Американская международная корпорация (Липский, сам определяя свою роль, указывал, что она сводилась к помощи американской финансовой группе) предлагала на выбор две формы образования капитала: либо безо всякой правительственной гарантии, либо с правительственной гарантией облигационного капитала в размере $\frac{13}{14}$ всего капитала общества. В последнем случае имел бы место краткосрочный (на 10 лет) долларовый железнодорожный заем, гарантированный правительством, на сумму в 500—600 млн. руб., выручка от которого была бы внесена (конечно же!) в «Сити бэнк». Причем Министерство финансов имело бы возможность за контрвалюту в рублях использовать в своих целях доллары, оставшиеся от закупок рельсов и подвижного состава в США. В случае правительственной гарантии американцы соглашались на участие правительства в прибылях.

Срок концессии (81 год), срок выкупа (25 лет) и условия выкупа были те же, что обычно фигурировали во всех уставах русских железнодорожных обществ. В ходатайстве подчеркивалось, что «Американская международная корпорация предлагает построить железную дорогу ввиду предстоящей весьма значительной работы наиболее мощного типа, применив все последние усовершенствования железнодорожной техники». Американцы обещали использовать при строительстве и эксплуатации дороги русских рабочих и специалистов, а также употреблять русские материалы, прибегая к американским лишь в тех случаях, когда русские невозможно будет достать¹⁰⁸. От варианта с правительственной гарантией министры финансов и путей сообщения сейчас же отказались: краткосрочные займы были для русского правительства всегда нежелательны, а теперь просто невозможны.

Второй предложенный американцами вариант образования капитала — без правительственной гарантии, от $\frac{1}{2}$ до $\frac{1}{4}$ акциями, остальное облигациями — был принят правительством, по словам Липского, «благогосклонно»¹⁰⁹. И не удивительно: доллары и при этом варианте оказались бы в распоряжении Министерства финансов¹¹⁰, а предложенное соотношение акционерного и облигационного капитала представлялось весьма привлекательным, поскольку, как мы видели, даже действовавшая в русских обществах норма 1 : 9 считалась неосуществимой и ее предполагалось заменить более льготной 1 : 12 или 1 : 15. Помимо привычки аме-

¹⁰⁶ Там же, ф. 624, оп. 1, д. 23, л. 214.

¹⁰⁷ Там же, ф. 560, оп. 26, д. 32, лл. 82—83.

¹⁰⁸ Там же.

¹⁰⁹ Там же, ф. 32, оп. 1, д. 834, л. 4. Стенограмма заседания 1/14 февраля 1917 г.

¹¹⁰ Липский подчеркнул это в ответ на специальный вопрос (там же, лл. 17—18).

риканцев к такой форме ведения дел, в том, что они предложили столь удовлетворительное для русского правительства соотношение между акционерным и облигационным капиталами, несомненно, сказался их расчет на необычную прибыльность дела. Правительство было того же мнения о доходности дороги, и хотя обычно негарантированные предприятия пользовались правом на прибыль любого размера, здесь правительство «выторговало» у американцев в свою пользу половину чистой прибыли, если она превысит 12% ¹¹¹.

Но при всей коммерческой выгодности предложенного американцами предприятия и хозяйственной в нем необходимости с чисто экономической точки зрения никак невозможно объяснить намерение правительства немедленно приступить к строительству новой гигантской магистрали, когда разруха на действовавших линиях принимала все более тревожный характер, и требовались срочные меры и средства, чтобы ее преодолеть ¹¹². Недаром ни один из участников совещания, обсуждавшего американский проект, не мог поверить, что к строительству дороги собираются приступить тотчас же, а сам Липский не без смущения говорил, что «приходится строить эту дорогу теперь», так как правительство выдвигает в качестве «необходимого условия», чтобы строительство началось «немедленно». И когда его прервали недоуменным вопросом: «Во время войны?», он должен был ответить хотя и уклончиво, но утвердительно («Мы не знаем, когда она кончится»). Представители американского синдиката и сами незадолго до того были сильно удивлены, когда в первых числах февраля директор Кредитной канцелярии Замен вдруг пригласил к себе Мезерва и предложил, чтобы они вдвоем «выступили в роли посредников между Министерством путей сообщения и американским синдикатом с тем, чтобы ускорить переговоры между ними». Услышав это, Мезерв, по его собственным словам, «подскочил» от радостного удивления ¹¹³.

Конечно, отнюдь не срочностью экономической необходимости в новой линии объяснялся неожиданный для Мезерва демарш Кредитной канцелярии. Выработанный в кругу Александры Федоровны железнодорожно-строительный план с социально-умиротворительным прицелом, по-видимому, продолжал существовать и даже стал как будто приближаться к своему осуществлению в связи с новой, февральской активизацией придворных «миротворцев» — сепаратистов ¹¹⁴. При всех сдвигах в позиции США по отношению к Германии американский капитал даже после разрыва германо-американских дипломатических отношений не терял для царизма своей специфической привлекательности в связи с этим строительным проектом. Противоречия и колебания в США по вопросу о вступлении или невступлении в войну были в течение всего

¹¹¹ ЦГИА СССР, ф. 32, оп. 1, д. 834, лл. 17—18.

¹¹² 31 января состоялось посвященное этому специальное совещание представителей Думы, Государственного совета и буржуазных организаций, входивших в состав Особого совещания по обороне («Речь», 1 февраля 1917 г. (ст. ст.).

¹¹³ «Дорогой Карл Васильевич.— писал он Ричу, одному из основателей синдиката и своему компаньону в нем.— Похоже, что теперь Американская международная корпорация на самом деле имеет хорошие шансы на строительство Московско-Северодонецкой железной дороги. По словам всякого и каждого, эта предполагаемая дорога явится самым лакомым куском из всех железных дорог в России, и если вообще мы намерены что-нибудь предпринять в России по железнодорожной части, мы должны с головой войти в дело строительства этой дороги» (ЦГИА СССР, ф. 624, оп. 1, д. 23, лл. 465—466).

¹¹⁴ Напомним известное свидетельство министра иностранных дел Австро-Венгрии графа Чернина о том, что 13 февраля 1917 г. (ст. ст.) он получил из России предложение о мире, причем подчеркивалось, что его условия будут «благоприятны» для центральных держав (О. Чернин. В дни мировой войны. М., 1923, стр. 156—158).

февраля настолько разительны, что американский денежный рынок, естественно, продолжал рассматриваться как источник средств неантантовского происхождения. К «Сити бэнк» это относилось в особенности. Недаром ведь в 30-х годах пресловутая сенатская комиссия Ная, рассматривавшая вопрос о вступлении США в войну, выделяла именно дом Моргана как ту финансовую силу в США, которая была тесно связана с Антантой в деле производства и кредитования военных заказов, и благодаря этому втягивала США в войну. У «Сити бэнк» военно-промышленные связи с Антантой были, наоборот, незначительны, хотя это, конечно, отнюдь не ставило «Сити бэнк» на одну доску с германофильскими банками «Кун, Леб и К^о» и др. Впрочем, при политическом оценке американского денежного рынка у представителей петроградских официальных кругов были основания считать, что Америка, даже вступив в войну с Германией, все равно займет в союзнической коалиции особое место, что противоречия между США и союзниками едва ли будут сильно смягчены, а конкуренция между ними в России станет еще ожесточеннее.

Одним словом, пристрастие официальных петроградских кругов к нейтральному американскому капиталу все еще продолжало быть одной из причин, способствовавших успеху Мезерва и Хольбрука. Недаром проект строительства американцами дороги Москва — Донбасс, продвигнутый ими в правительственных кругах и ставший достоянием гласности в момент наивысшего обострения противоречий между царизмом и буржуазной оппозицией, вызвал в буржуазных кругах, как мы увидим, весьма активное и довольно единодушное сопротивление. Казалось бы, теперь, когда «великая заатлантическая демократия» намеревалась примкнуть к «борьбе против тирании» (так выражалась о разрыве США с центральными державами буржуазная печать), привлечение американского капитала должно было стать для буржуазии более желанным делом, чем раньше. Но отношение к этому американскому проекту было иным и определялось, по-видимому, наряду с конкретными и другими ранее существовавшими соображениями именно тем, что проект этот пользовался особой поддержкой царских властей.

1/14 февраля в Петрограде состоялось специальное заседание членов перевозочного отдела ЦВПК и железнодорожной комиссии Совета съездов с участием представителей различных железнодорожных обществ, Министерства путей сообщения и бюджетной комиссии Думы, посвященное американскому строительному проекту. Обсуждение показало, что представители капиталистических кругов, как и прежде, горячо высказываясь за привлечение американского капитала, обставляют свои призывы различными оговорками. Пожалуй, лишь профессор Бахметьев, представитель ЦВПК в Америке, который и до падения царизма, и позже, при Временном правительстве, был одним из первых в ряду деятелей «русско-американского сближения», а затем, после Октябрьской революции, стал одним из организаторов поддержки правительством США белогвардейских генералов, высказался за ориентацию на США и за привлечение американского капитала в сущности без каких бы то ни было оговорок. В подтверждение своей позиции он изложил во всей полноте тезис об аполитичности американского капитала, весьма распространенный тогда не только в России, но и в других странах. «Я считал и считаю, — говорил он, — что из всех иностранных капиталов, которые могут быть привлечены к участию в развитии производительных сил России, американский капитал имеет то огромное преимущество, что он лишен политической окраски. Всякий другой капитал, который стремится работать в России, уже имеет определенную политическую окраску, так как страна, его ввозящая, может иметь определенную политическую цель в

России. Наоборот, мне всегда казалось, что трудно себе представить такую политическую конъюнктуру, при которой Америка может иметь непосредственные политические задачи в России, и потому капитал ее будет нейтральным, будет преследовать исключительно торгово-промышленные интересы и не будет окрашен политически»¹¹⁵.

Прошло немногим более года, и возникла та «политическая конъюнктура», которую Бахметьеву было так «трудно себе представить», — началась антисоветская военная интервенция США, за кулисами которой активно действовал сам Бахметьев в роли посла не существующего более Временного правительства. Теория об аполитичности американского капитала рухнула. «Непосредственные политические задачи, которые ставил перед собой американский империализм, участвуя в антисоветской военной интервенции в России, оказались соответствующими жизненным интересам российского империализма, интересам сохранения буржуазно-помещичьего строя.

Все это было, однако, потом. В интересующий же нас момент, в начале февраля 1917 г., ни буржуазные политики типа Бахметьева, ни капиталисты-практики, естественно, вообще не ставили вопроса о возможной помощи американского империализма русской буржуазии в ее внутриполитических делах: ведь в тот момент в широких буржуазных кругах не только не предвидели революционной угрозы основам капиталистического строя, но и не понимали истинных размеров опасности, нависшей над царизмом. В соответствии с теорией об аполитичности американского капитала никто как будто не признавал наличия у американского капитала и таких политических целей, которые были бы враждебны интересам российской буржуазии. Но под влиянием соображений конкурентного характера в буржуазных кругах возникал вопрос: не приведет ли привлечение американского капитала, столь желательное вообще, к возникновению новой линии экономической зависимости России? Сам Липский, представлявший на совещании по поводу дороги Москва — Донбасс интересы американской группы, должен был с этим считаться, обосновывая желательность принятия американских предложений. Не дожидаясь возражений в прениях, он сразу же поставил вопрос: «нельзя ли привлечь американский капитал к железнодорожному русскому строительству в другом виде, т. е., чтобы эти американские капиталисты покупали русские облигационные займы, гарантированные правительством, и этим кончилось бы участие американских капиталистов в этом деле?» «Но, к сожалению, — отвечал он на свой собственный вопрос, — американские капиталисты совершенно иначе смотрят на участие в наших делах, чем, например, капиталисты-французы... Американцы желают давать деньги только на такие дела, где они участвуют активно, т. е. давать на фабрично-заводские, металлургические, каменноугольные или железнодорожные предприятия, но они желают участвовать в них активно, своими капиталами, т. е. если в первые годы они не получат никакой прибыли, то зато в дальнейшем они надеются, что, может быть, эта прибыль будет более 4½—5—6%. Это для американцев представляется более заманчивым»¹¹⁶.

Таким образом, привлечение американского капитала в удобной ему «активной», по выражению Липского, форме, связанной с переходом к американцам права собственности на ряд крупных предприятий, пред-

¹¹⁵ ЦГИА СССР, ф. 32, оп. 1, д. 834, лл. 11—12. Стенограмма заседания 1/14 февраля 1917 г.

¹¹⁶ Там же, л. 7. Стенограмма заседания 1/14 февраля 1917 г.

ставлялось в сущности как неизбежное зло. Средство сделать это зло наименьшим Липский видел в том, чтобы направить американский капитал «именно» в железнодорожное дело, где в силу правительственной регламентации «активный капитал, хотя бы иностранный, ...поставлен в тесные и узкие рамки», а потому и американцы будут там вынуждены действовать «наименее стесняющим нас образом» по сравнению с другими отраслями¹¹⁷. Атмосфера на заседании была такова, что никто прямо не выступал против привлечения американского капитала в целом, но и никто в сущности не поддерживал американского проекта, из-за которого заседание было созвано. Чрезвычайно выразительна была в этом отношении линия, которую последовательно проводили представители Рязано-Уральской и Северо-Донецкой дорог, боявшиеся конкуренции новой магистрали.

М. П. Федоров, крупный капиталист, связанный с Рязано-Уральской дорогой, начал с того, что объявил проектируемую американцами дорогу бесперспективной в отношении доходности, и в связи с этим выразил опасение, как бы американцы, обманувшись в этом деле, не разочаровались в России вообще¹¹⁸. Но в ходе дальнейших прений Федоров проговорился об истинной подоплке своей позиции, обронив фразу о «дорогах, которые будут обездолены, если американский проект осуществится»¹¹⁹. Не слишком благоприятна по отношению к американской группе была позиция председательствовавшего на заседании одного из видных деятелей прогрессивного блока А. А. Бубликова, которому предстояло в февральские дни стать уполномоченным думского Временного комитета в Министерстве путей сообщения. Он с полной серьезностью поддержал поначалу деланные заботы о том, «чтобы американцы не обожглись на этом деле», а затем вдруг в общем плане поставил вопрос о целесообразности «привлечения американских капиталов», отметив, что он интересуется не только «сферы», но и «широкую читающую публику», причем у этой последней (читай: буржуазной общественности) «вызывает некоторое волнение, как бы знатные иностранцы, привлеченные к нам, не обошлись бы нам слишком дорого»¹²⁰. Дорогу, которую американцы намеревались строить, он считал в смысле доходности весьма многообещающей («едва ли найдем на русской сети дорогу, которая бы обещала большую доходность, чем эта») ¹²¹ и потому объявлял предложенные американцами условия — без гарантии, но с повышенной нормой начала дележа прибыли с казной — слишком для них выгодными. «Из-за этого», считал он, придется «посылать в Америку от 13 до 18 млн. лишних в год»¹²². Общую политику царизма в вопросе об американском капитале Бубликов критиковал с двух сторон. С одной стороны, он говорил о «преступной канцелярской волоките», в результате которой американский капитал «шел в предприятия и страны, далеко не обеспечивающие той доходности, какую давала на практике Россия, ...отливал во всякие Бразилии, Аргентины, Гватемалы и т. д., ...но не шел в Россию». С другой стороны, он требовал, чтобы в деле привлечения американских капиталов правительство не повторило довольно частых в его прошлом ошибок и в достаточно твердой мере оговорило интересы России перед «знат-

¹¹⁷ Там же, л. 7—8.

¹¹⁸ Там же, лл. 25, 29, 33—34. Липский саркастически поблагодарил при этом представителей конкурентных дорог за заботу об американцах.

¹¹⁹ Там же, л. 60.

¹²⁰ Там же, лл. 36, 43.

¹²¹ Там же, л. 48.

¹²² Там же, лл. 60—61.

ными иностранцами»¹²³. В общем буржуазные «привлекатели» американского капитала оказались значительно менее к нему благосклонными, нежели правительственные ведомства, которые фактически уже решили дело в пользу американцев. Несмотря на крайне осторожные выпады в адрес «власти», которые позволял себе Бубликов, несмотря на открыто выраженные другими мнения о том, что строительство дороги Москва — Донбасс во время войны «преступно»¹²⁴, несмотря на требования заставить американцев строить в России и менее доходные линии¹²⁵, элемент политической оппозиции царизму был выражен на этом совещании весьма незначительно. По существу же дела — предоставлять ли американцам просимую ими концессию — совещание единого мнения так и не выразило.

Но прошло всего три недели, и последовал публично заявленный резкий протест против принятия американских предложений. Он раздался в такой критический для царизма момент и был произнесен с такой резкостью, что не мог не прозвучать как голос буржуазной оппозиции царизму. Особенное значение этому протесту придавало то обстоятельство, что исходил он от буржуазных организаций Москвы, которые всегда активно выступали за привлечение американского капитала, создали Русско-американскую торговую палату и т. д. 25 февраля в газетах появилось сообщение о состоявшемся накануне в Московском биржевом комитете большом совещании по поводу строительства все той же дороги¹²⁶. Председательствовал С. Н. Третьяков, один из лидеров руководящих кругов московской буржуазии, верхушка которой, как известно, находилась обычно в конкурентных отношениях с руководителями петроградских буржуазных представительных организаций. В совещании участвовали представители различных буржуазных организаций не только самой Москвы, но и Московского промышленного района. На этом совещании не было никакого разногласия по поводу отношения к замыслу американского капитала. Единогласно было решено поручить Третьякову решительно протестовать против возможности предоставления концессии американцам.

Посланная председателю Совета министров и министрам торговли и промышленности, финансов и путей сообщения телеграмма и газетные отчеты о совещании содержали самые резкие выражения об угрозе «засилья иностранных капиталов»; в них указывалось, например, что «совершенно недопустимо делать при выдаче концессии предпочтение иностранцам перед отечественными предпринимателями, а тем самым отдавать управление важной дороги в руки иностранных предпринимателей, которые будут руководить ею не из России и могут руководить не в русских интересах».

О том, что здесь имела место политическая демонстрация буржуазной оппозиции, свидетельствовали, помимо резкости выражений, направленных как бы против американцев, а на самом деле, совершенно очевидно, против правительства, и другие обстоятельства. Прежде всего — подчерк-

¹²³ ЦГИА СССР, ф. 32, оп. 1, л. 834, л. 69. Подводя итоги совещания, Бубликов упомянул даже о «нашествии иностранного капитала, нужного нам, но все-таки идущего на завоевание России». Но как только Федоров предложил опустить слова «идущего на завоевание», последовал отклик Бубликова: «Я сказал это в шуточной форме». В тексте стенограммы эти слова были зачеркнуты (там же, лл. 68—69).

¹²⁴ Там же, л. 38.

¹²⁵ Там же, л. 47.

¹²⁶ См., например, «Русское слово» и «Речь» за 25 февраля (10 марта) 1917 г. Для петроградских газет этот номер был последним перед длительным перерывом, вызванным февральскими событиями.

нутая публичность, а затем внезапно заявленная готовность всех без исключения московских банков финансировать строительство дороги. Демонстративно-политический характер созданного Московским биржевым комитетом совещания 24 февраля был тем более очевиден, что в конце января Третьякову как исполняющему должность председателя биржевого комитета был запрещен правительством созыв торгово-промышленного съезда. Он был предупрежден, что даже частные совещания лиц, которые могли бы прибыть на съезд, повлекут за собой уголовную ответственность¹²⁷. Конечно, немалое значение могли иметь и конкурентные соображения. Московские капиталисты, которые не прочь были расширить себе на пользу американский товарный импорт и ввоз американских капиталов постольку, поскольку он шел во вред интересам петербургских магнатов, теперь, когда возник вопрос о внедрении американского капитала в экономическую жизнь Центрально-промышленного района, имели веские основания для протеста. Но все же протест этот носил характер политической демонстрации. В самом деле, какой практический смысл могло иначе иметь собрание протеста против предоставления царским правительством железнодорожной концессии американцам, проводимое 24 февраля, когда столица была уже целиком охвачена массовым движением? Тем более, что еще до февральских событий председатель Земгора будущий премьер Временного правительства Г. Е. Львов на специальном «ультрасекретном» заседании сообщил руководителям московских буржуазных организаций о подготовке дворцового переворота¹²⁸. Подчеркнуто демонстративный московский протест явился наглядным воплощением неутешительных итогов американской политики в России к моменту свержения самодержавия. Конечно, в исторической перспективе свержение царизма и установление власти буржуазно-помещичьего Временного правительства, принявшего ориентацию на США в качестве одной из основ своего внешнеполитического курса, привело к значительному усилению «русско-американского сближения». Но в дни февральских событий эта перспектива была еще далеко не ясна, и положение американской дипломатии в Петрограде и представителей американских фирм в России представлялось нелегким.

Своеобразный «роман» американцев в Петрограде с царскими правительственными ведомствами и прочные отношения, установленные Мезервом, Хольбруком и другими с петроградскими банковскими кругами, которые всегда имели с царизмом тесные связи, а в результате распутинской истории еще более их упрочили,— все это не только оказывалось теперь бесполезным, но и, наоборот, могло обернуться американцам во вред. Прежняя буржуазная оппозиция царизму, придя к власти (отметим как известный факт, что при Временном правительстве и в нем самом начали играть видную роль московские конкуренты петроградских капиталистических лидеров), могла поставить американцам в строку их тесные связи с одиозными силами свергнутого строя.

Имя Ашберга как организатора стокгольмской встречи было названо в печати в январе, когда был опубликован доклад Протопопова. И хотя в этом докладе Протопопов ничего не говорил об американских связях Ашберга, в деловых кругах это было всем, конечно, известно. Для широкой «публики» большое значение имели упорно циркулировавшие слухи о том, что сношения Протопопова с немцами продолжались после Стокгольма через гадателя-афериста таинственного германо-американца

¹²⁷ «Русское слово», 19 января/1 февраля 1917 г.

¹²⁸ П. А. Бурышкин. Москва купеческая. Нью-Йорк, 1954, стр. 317.

Перрэна¹²⁹⁻¹³⁰. Гордая фраза Фрэнсиса в последнем перед свержением царизма письме в Вашингтон о его «очень дружеских» отношениях с царским правительством могла в новых условиях возыметь совсем неожиданное значение. Как бы ни изменилась после разрыва германо-американских дипломатических отношений безразличная позиция американской дипломатии в вопросе об участии России в войне, а на практике за три недели такого изменения, по-видимому, еще не произошло, январская позиция США в этом вопросе, как и в общем вопросе о продолжении войны, могла оказаться не по нраву и новым правящим кругам буржуазно-помещичьей России и их политическим союзникам — дипломатам стран Антанты в Петрограде. Ведь и те, и другие громче всего настаивали на лозунге «война до победного конца», а президент США Вильсон еще 22 января, т. е. за несколько дней до германо-американского разрыва, выступил со своим нашумевшим обращением к конгрессу о «мире без победы». Для американского империализма «мир без победы» означал бы возможность игры на противоречиях между ослабевшими друг друга в войне блоками, для Антанты же американское предложение было, по выражению Ллойд-Джорджа, «оскорблением». Между тем русская буржуазия, придя к власти, стремилась занять в рядах Антанты не последнее по воинственности место. И хотя Фрэнсис писал Лансингу, что неблагоприятная для США реакция на действия американской дипломатии «полностью перекрыта» разрывом их отношений с Германией, которым-де в России настолько удовлетворены, что начинают смотреть на США как на союзника, это сообщение было скорее всего продиктовано желанием Фрэнсиса уменьшить в глазах Лансинга и самого Вильсона значение допущенного им промаха.

К трудностям и препятствиям, возникавшим в тот момент перед американской политикой в России в связи с российскими внутривнутриполитическими событиями, добавлялась еще и конкуренция в русском вопросе с Англией и другими странами Антанты. Английский посол в Петрограде Бьюкенен, пользовавшийся, как известно, большим влиянием при царском дворе, одновременно держал контакт с буржуазными заговорщиками. Милюков был Бьюкенену так же близок, как ранее Сазонов. Между тем английское и американское посольства находились накануне февральских событий в более чем прохладных отношениях. В отличие от Бьюкенена, Фрэнсис именно в феврале придерживался довольно оптимистических взглядов относительно прочности царизма. Не далее как в

129—130 См. допрос Протопопова Чрезвычайной следственной комиссией Временного правительства («Падение царского режима», т. II, стр. 1—8). В январские дни 1917 г. Перрэн чуть было не явился объектом схватки между жандармскими властями и ставкой. «12 января этого года, — показывал летом 1917 г. Чрезвычайной следственной комиссии капитан С. А. Соколов, — мне была дана начальником штаба округа ген[ералом] Тяжелниковым задача взять исключительно строевых лично мне известных и надежных офицеров и отправиться сперва на пограничный пункт Белоостров, где установить абсолютный контроль всех поездов, направляющихся в Петроград, для воспрепятствования проникновению в Россию американского гражданина Карла Перрэна, который будто бы, по словам генерала Тяжелникова должен был заменить Распутина. По установке этой заставы я с остальными офицерами и чиновниками должен был отправиться в Торнео, где и установить такой же контроль. У меня были сведения от начальника штаба округа, что Карлу Перрэну будет оказано содействие жандармскими властями, между тем как я, согласно полученному приказанию, должен был парализовать это содействие и под конвоем моих офицеров и чиновников доставить Перрэна негласно в Петроград, а затем в Петропавловскую крепость, откуда на следующий день я должен был сопровождать его в г. Мурманск, где посадить на один из американских пароходов и отправить в Америку» (ЦГАОР СССР, ф. 1467, оп. 1, д. 552, л. 64). Протопопов, однако, как он потом заявил, отменил приезд Перрэна. Приказ же о его задержании был отдан начальником штаба Верховного главнокомандующего генерала В. И. Гурко (там же, л. 65. Протокол допроса Гурко).

августе он полагал, что если дворцовая «партия» не пойдет на уступки Думе, то «не пройдет и нескольких лет, как разразится революция», хотя и не допускал, чтобы это произошло «сейчас же после окончания войны», не говоря уже о самом военном времени¹³¹. А теперь в письме от 29 января/11 февраля 1917 г. Фрэнсис как раз наоборот писал, что «внутреннее положение несколько успокоилось», сообщал Лансину об «очень хороших результатах» записки царя премьеру Голицыну о сотрудничестве правительства с законодательными учреждениями. Что касается «дремлющей оппозиции... влияниям, контролирующим императора», то она не могла, по его словам, «показать зубы» из-за войны. Потому-то главное внимание в этом своем последнем перед свержением царизма письме Лансину он уделил сведению счетов с английской дипломатией в России и лично с Бьюкененом. «Не нравится мне позиция Англии, точнее британского посольства здесь», — жаловался Фрэнсис Лансину. Бьюкенен, оказывается, не считал нужным как-либо реагировать на разрыв германо-американских дипломатических отношений. Так же повели себя и французский, и итальянский послы, которые, по словам Фрэнсиса, «без консультации с британским послом почти что не могут сказать, который час»¹³². Фрэнсис ждал визитов и «по крайней мере» выражений удовлетворения по поводу разрыва США с «архиврагом их стран», но дождался этого лишь от бельгийца. Очевидно, с точки зрения своих служебных задач в России Бьюкенен вовсе не радовался разрыву США с Германией и возможному их вступлению в войну с ней: в России, которая была объектом его деятельности, это могло лишь усилить американскую экспансию и ослабить английские позиции, а до общих задач и интересов Англии в войне ему было гораздо меньше дела.

Родство чиновничье-империалистических душ помогло Фрэнсису понять эту логику Бьюкенена. Он не игнорировал и общих англо-американских противоречий («Англия боится, что Америка, вступив в войну, станет слишком могущественным фактором в мирных переговорах»). Но главную причину отчуждения между ним и Бьюкененом Фрэнсис увидел в их соперничестве из-за влияния в России. «Должен признаться, что я не удовлетворен позицией наших английских кузенов, — сообщал он Лансину и, как бы солидаризируясь с дворцовыми сферами, под этим именно флагом добившимися удаления Сазонова как англофила, добавлял: «Они занимают в России господствующее положение». «Английский диктат вмешивается в прямую торговлю России с Америкой, — писал он далее, — ...русские говорят, что если уж иметь торгового хозяина, то нет причин сменять в этом качестве Германию, особенно, если за эту замену нужно платить такую громадную цену. Верно, что Англия финансирует Россию и может требовать права одобрения того, как расходуются предоставленные ею деньги, следует также признать, что, поступая так, Англия осуществляет право, осуществления которого в этих обстоятельствах можно ожидать со стороны любой страны или любого правительства (иными словами, Фрэнсис говорил Лансину: стоит нам, американцам, начать прямое кредитование России, и мы потребуем того же контроля над расходованием денег, которого домогается Англия.— Р. Г.). Англия не должна, однако, забывать, что может финансировать Россию и других союзников только при той помощи, которую она получает от Соединенных Штатов. Теперь, однако, эта помощь, несомненно, прекратится, так как появилась перспектива использования нами самими всех наших денег для собственной подготовки (и, конечно, для прямого

¹³¹ «The Lansing papers», vol. II, p. 319. Фрэнсис — Лансину, 14 августа (н. ст.) 1916 г.

¹³² Там же, стр. 320—324. Фрэнсис — Лансину, 29 января/11 февраля 1917 г.

кредитования России, как оно, действительно, и произошло.— *Р. Г.*), и возможно, что понимание этой ситуации или страх перед ней являются причиной того равнодушия, которое проявляет Англия к весьма вероятному объявлению нами войны Германии»¹³³. Но понимание полного смысла и глубоких причин своих расхождений с Бьюкененом мало что давало Фрэнсису для усиления его позиций в Петрограде. И лишь в письме в Вашингтон к собственному шефу сводил он счеты со своим английским коллегой, позволяя себе высокомерные фразы по отношению к будущим союзникам США в войне¹³⁴. В Петрограде же «дружеские связи» Фрэнсиса с последними царскими министрами после свержения царизма могли лишь помочь Бьюкенену подставить американскому посольству какую-нибудь подножку.

Все это были неизбежные последствия американской империалистической политики спекуляции на нейтралитете. Именно эта политика дала возможность царизму смотреть на определенные круги американского капитала как на силу если не германфильскую, то по крайней мере не связанную с Антантой, и она-то теперь и отливалась некоторыми трудностями для американской дипломатии в России. Что агитация против кружка царицы как оплота германского влияния, которая предшествовала началу массового движения в Петрограде, может краешком задеть и американцев, в этом Фрэнсис убедился еще 12 февраля, когда секретарей американского посольства назвали в трамвае «сторонниками Германии». Телеграфируя об этом государственному секретарю, Фрэнсис сообщил также, что ему пришлось потребовать охраны для здания австрийского посольства, и с облегчением добавил: «Масса не знает, что мы все еще представляем Австрию»¹³⁵. Помимо того, что американское посольство представляло в России интересы Австро-Венгрии и заботилось о германских военнопленных, против американцев в Петрограде и самого Фрэнсиса могли быть обращены еще два обстоятельства. Прежде всего внушительное здание американской фирмы «Зингер» в самом центре столицы (ныне Дом книги), в котором помещались и другие американские фирмы и консульство США в Петрограде, было, по выражению консула, «с самого начала войны под подозрением в том, что это германское здание, так как массы считают компанию Зингер германской»¹³⁶. Национальная принадлежность компании «Зингер», действительно, была во время войны предметом различных правительственных расследований, так как «Зингер», подобно другим американским компаниям в России, представлял собой «общество-внука» американского мирового концерна, связанное с «обществом-матерью» в США через германское «общество-дочь». С этим и были связаны «предубеждения» против всех американских фирм, расположенных в доме Зингера, хотя консул в Петрограде Н. Уиншип в своих жалобах Лансингу явно преувеличивал опасность, которой подвергались из-за этого он сам и другие американцы¹³⁷. Впро-

¹³³ «The Lansing papers», vol. II, стр. 320—324.

¹³⁴ «Союзники должны иметь в виду,— внушал Фрэнсис Лансингу свои принципы обращения США со странами Антанты,— что их совместные попытки принудить центральные державы принять их условия безуспешны в течение двух с половиной лет. Они должны также иметь в виду, что в то время, как они были ослаблены потерей миллионов людей и миллиардными долгами, которые они наделали, Америка стала сильнее. Ее сила не только в богатстве и людских ресурсах, но и в том, что она приобрела в деле военного производства больший опыт, чем за все время ее существования» (там же).

¹³⁵ «Papers relating to the foreign relations of the US. 1918. Russia», vol. I. Washington, 1931, p. 1.

¹³⁶ Там же, стр. 10. Н. Уиншип — государственному секретарю, 20 марта 1917 г.

¹³⁷ Там же.

чем, и Мезерв жаловался Вандерлипу на «нервную пытку», которую американцам пришлось-де пережить в Петрограде в февральские дни; при этом он отмечал высокую дисциплинированность и сдержанность участников движения¹³⁸. Второе обстоятельство состояло в том, что сам Фрэнсис еще на пароходе по дороге из США в Петроград завязал знакомство с одной дамой, которая числилась у союзных разведывательных органов под подозрением по части шпионажа в пользу Германии. Знакомство это в дальнейшем упрочилось, внушая американцам в Петрограде большие опасения¹³⁹.

Конечно, эти обстоятельства относились как бы к внешней стороне дела, но в те дни они-то и вызывали у представителей США в России особенное беспокойство, тем более что существовали и другие факторы, отнюдь не лежавшие на поверхности, но Фрэнсису и американцам хорошо известные. Ведь антигерманский мотир, который зачастую придавали тогда буржуазные и мелкобуржуазные круги своей агитации против царизма, находил известный отклик в народе на гребне поднявшейся в февральские дни волны мелкобуржуазной и, в частности, оборонческой идеологии.

Хотя дипломатия Соединенных Штатов и до их разрыва с Германией никогда не ставила перед собой такой цели, как выход России из войны каким бы то ни было путем, и не оказывала этому никакого содействия, Фрэнсис должен был понимать, что репутация «нейтралов» или даже «нейтралов германофильского толка», которую стяжали себе в России американцы, никогда, естественно, не поддерживавшие лозунг «войны до победного конца», может помешать установлению американского влияния на Временное правительство.

Еще важнее лично для Фрэнсиса было то, что его образ действий мог встретить неодобрение и в США. Каково бы ни было раньше отношение в США к возможности русско-германского сепаратного мира, теперь, после разрыва США с Германией, оно было, разумеется, отрицательным. Фон Ягов в интервью, данном Буллиту, еще в августе 1916 г. пугал США союзом Германии с Россией и Японией на случай, если США примкнут к англо-французской антанте¹⁴⁰. Именно ради предотвращения русско-германского союза как оплота монархической реакции «Нью рипаблик», орган так называемых «антиимпериалистов» (крайняя левая буржуазная группировка, обставлявшая свою поддержку вступления США в войну различными условиями), предложила в декабре 1916 г. «мир без победы», с тем чтобы превратить Германию в «барьер против русской экспансии». Когда же вновь разразилась подводная война, «Нью рипаблик» выступила за войну с Германией и, само собой разумеется, была против сепаратного русско-германского мира. Выход России из войны был, конечно, невыгоден и сторонникам войны из более правых буржуазных кругов США. И когда из русских источников кадетского происхождения в Америке стало известно о сепаратистских намерениях царизма, то даже прочно существовавшее в пропагандистской сфере предубеждение против «военного союза американской демократии с русской монархической реакцией» претерпело моментальную и совершенно неожиданную трансформацию. Концепция эта, содержавшая изрядную долю политического ханжества, и раньше не принадлежала к числу реальных по-

¹³⁸ ЦГИА СССР, ф. 624, оп. 1, д. 26, л. 202. Мезерв — Вандерлипу, 16/29 марта 1917 г.

¹³⁹ S. N. Harper. The Russia I believe in Chicago, 1945, p. 92—93.

¹⁴⁰ Ch. L. ash. The American liberals and the Russian revolution. New York — London, 1963, p. 16.

литических факторов, на деле определявших отношение США к участию в войне. Она была всего лишь демагогическим средством, которое использовали различные противники вступления США в войну. Теперь же, когда Америка по-настоящему приблизилась к войне, элементарный эгоистический расчет (чем сильнее и многочисленнее антигерманская коалиция, все равно, кто бы в ней ни состоял, тем легче будет воевать Соединенным Штатам) перекрыл собою эту теорию. От нее остался лишь курьезный прием, использованный уже не противниками, а, наоборот, сторонниками войны из либерально-буржуазного лагеря в их последних пропагандистских усилиях, направленных к вступлению США в войну. «Если царь против войны, — заявляли они, — кто может отказаться от того, чтобы быть за войну?»¹⁴¹ Как отмечает современный американский буржуазный историк Лэш, «если страх перед Германией был способен с такой легкостью вытеснить собою страх перед Россией, значит страх перед Россией с самого начала был не так уж глубок»¹⁴². С этим утверждением Лэша можно, пожалуй, согласиться, с той только поправкой, что дело было не в страхе перед Россией (бессмысленно было бояться России в Америке), а в старом искусственно-пропагандистского характера предубеждении против русской монархической реакции, которое, действительно, и раньше-то было несерьезным и неглубоким и совершенно растворилось теперь, когда сохранение России в войне приобрело для интересов американского империализма важное стратегическое значение.

Теперь выход России из войны путем сепаратного мира с Германией был пугающей перспективой даже для тех левобуржуазных кругов, которые раньше стремились изобразить участие царизма в войне с кайзером как «моральное препятствие» к вступлению в эту войну «демократической» Америки. Пресловутую ноту Циммермана «антиимпериалисты» рассматривали как доказательство намерений «реакционной прорусской партии» в Германии заключить сепаратный мир с Россией. «Де Мойн Реджистер», который наряду с «Нью рипаблик» был органом «антиимпериалистов», прямо писал, что «за нотой Циммермана можно увидеть еще вынашиваемую в Берлине надежду на сепаратный мир с Россией и на формирование большой лиги, включающей Германию, Австрию, Турцию, Болгарию, Россию, Японию и Мексику»¹⁴³. Номер, в котором это было напечатано, вышел в свет 4 марта 1917 г. (н. ст.). Независимо от того, знал ли Фрэнсис о таких высказываниях американской печати, ему и самому должна была стать ясной необходимость для американской дипломатии в России срочной перестройки и перемены ориентации¹⁴⁴.

Когда за восемь месяцев до того Фрэнсис ехал в Россию, перед ним

¹⁴¹ Ch. L a s h. Указ. соч., стр. 23.

¹⁴² Там же, стр. 25.

¹⁴³ Там же, стр. 15.

¹⁴⁴ Официальные американские публикации документов не содержат каких-либо инструкций Госдепартаменту Фрэнсису в связи с предстоявшим вступлением США в войну или таких, которые представляли бы собой непосредственную реакцию на Февральскую революцию. Можно предположить, что в данном случае быстрая смена событий в Америке препятствовала составлению и отправке таких инструкций дипломатической почтой; вряд ли также могла идти речь о телеграфных инструкциях. В письмах Фрэнсиса Лансингу только однажды — от 29 января/11 февраля 1917 г. — упоминается факт получения им письма от Лансинга. В этом письме от 28 декабря (н. ст.) 1916 г., полученном в Петрограде через месяц, Лансинг, как явствует из письма Фрэнсиса, лишь отмечал, что сообщения Фрэнсиса дают ему представление о положении в России. Письмо Лансинга, по утверждению американских публикаторов, ими в архиве Госдепартаменту не обнаружено («The Lansing papers», vol. II, p. 320). В целом, таким образом, следует считать, что Фрэнсис оказался предоставленным Госдепартаменту самому себе.

стояла лишь одна задача — развитие экономической экспансии США в России и общее укрепление американских позиций там, главным образом путем преодоления английского влияния. Военно-политических задач перед ним тогда еще не стояло. Более того, именно нейтралитет США рассматривался как создающий благоприятные условия для захвата позиций в России на послевоенное время. Появление перед американской дипломатией в России задач военно-политического характера застигло Фрэнсиса врасплох, в частности потому, что и крушения царизма он как раз в это время не ожидал. Когда же разразилась революция, которая смела царизм, и на политической арене России Фрэнсис увидел два лагеря — буржуазно-помещичий и революционно-демократический, он избрал единственно возможный для него как по классовым, так и по военно-политическим мотивам путь — навестывать упущенное в установлении тесных связей с лидерами русской буржуазии, оказавшейся теперь у власти. Отсюда его стремление обязательно обогнать (хоть на несколько часов!) англичан в деле дипломатического признания Временного правительства. Отсюда и его поспешность в организации кредитования Временного правительства Соединенными Штатами. И когда уже 6/19 марта 1917 г. Фрэнсис в письме Лансину заявил, что «финансовая помощь из Америки была бы сейчас мастерским ходом»¹⁴⁵, то он имел в виду не только политическое усиление Временного правительства в противовес Совету, но и установление тесных отношений между Временным правительством и США. Для этого-то и требовался срочный долларový «ход», с помощью которого Фрэнсис надеялся «мастерски» превратить США в главного союзника Временного правительства, заглядив свою прошлую близость к его предшественникам.

---

¹⁴⁵ «Papers relating to the foreign relations of the US. 1918. Russia», vol. I, p. 7.

Б. В. АНАНЬИЧ

ВНЕШНИЕ ЗАЙМЫ ЦАРИЗМА И ДУМСКИЙ ВОПРОС В 1906—1907 гг.

С момента учреждения Государственной думы царское правительство стремилось ограничить ее права в сфере экономической и финансовой политики, особенно ее вмешательство в дела, связанные с государственным кредитом. И тем не менее уже сам факт существования Думы создал для русского финансового ведомства целый ряд дополнительных трудностей в проведении заграничных займовых операций, совершение которых до того зависело исключительно от воли царя и намерений министра финансов. Вместе с тем попытки ограничить роль Думы при решении вопросов финансовой политики встретили хотя и робкое, но все же противодействие со стороны думской оппозиции в лице прежде всего представителей конституционно-демократической партии. И думский вопрос, таким образом, с весны 1906 г. оказался тесно связанным с проблемой кредитования царизма на западноевропейских биржах, проблемой, которая ввиду глубокого финансового и политического кризиса самодержавия приобрела для него первостепенное значение.

Получив в декабре 1905 г. во Франции 100-миллионный аванс в счет будущего займа и отсрочив тем самым наступавшее финансовое банкротство, правительство Витте с самого начала 1906 г. приступило в Париже к переговорам о большом международном займе. Причем Витте сразу же поставил перед собою цель — любой ценой добиться заключения займа до намечавшегося на апрель открытия I Государственной думы. Однако одним из препятствий на пути к этой цели оказалась кампания протестов против нового займа, возникшая не только в России, но и во Франции, в кругах, в разной мере сочувствовавших русскому революционному движению. В связи с этой кампанией среди представителей французской либеральной интеллигенции и значительной части русских кадетов довольно широкое распространение получила та точка зрения, что в соответствии с манифестом 17 октября заключение займа возможно только с разрешения Думы, а стало быть, попытки совершить заем до ее созыва незаконны. После январских событий 1905 г. в Петербурге в Париже возник целый ряд организаций, заявивших о своем сочувствии русской революции. Особенно значительная роль среди них принадлежала образовавшемуся в феврале 1905 г. «Обществу друзей русского народа», в центральный комитет которого вошла большая группа французских писателей, художников и ученых во главе с А. Франсом¹. Сторонники движения в защиту русской революции стремились заставить

¹ Более подробно о деятельности этого общества см.: И. Г. Гуткина. «Общество друзей русского народа и присоединившихся народов» во Франции в годы первой русской революции.— «Из истории общественных движений и международных отношений». М., 1957, стр. 615—632.

французское правительство отказаться от финансовой поддержки самодержавия и рассчитывали с этой целью использовать влияние радикала Ж. Клемансо, который занял в пришедшем к власти в марте 1906 г. кабинете Саррjena пост министра внутренних дел. Естественно, что к этому движению примкнули и многие находившиеся во Франции представители русской эмиграции, в том числе из кадетов.

Хотя большинство представителей кадетской партии осуждали подготавливаемый заем как незаконный, партия не предприняла каких-либо шагов к тому, чтобы воспрепятствовать его заключению. Распространившаяся же «легенда о кадетском противодействии займу»² была позднее опровергнута самими же лидерами кадетского движения, а скрывавшиеся за ней реальные факты оказались весьма прозаичны. Все «противодействие» займу свелось к партизанским выступлениям отдельных представителей кадетской партии, по разным причинам оказавшихся весной 1906 г. в Париже и втянутых в кампанию против займа порой волею случая. Пассивное отношение кадетской партии к переговорам о займе, судя по воспоминаниям видного ее деятеля В. А. Маклакова, вызывало удивление в Париже в среде сочувствовавших русскому революционному движению. Сам Маклаков, появившийся в Париже в первых числах апреля (ст. ст.) 1906 г., отнюдь не собирался принимать участие в агитации против займа. Однако по настоянию парижских знакомых и, в частности, французского журналиста Гильяра, «личного друга и почитателя Клемансо», согласился изложить свои взгляды на предстоящий заем в специальной записке³. Такая записка была составлена Маклаковым на квартире его хорошего знакомого С. Е. Кальмановича при участии графа Нессельроде. «Я придавал ей так мало значения, — писал впоследствии по поводу этой записки Маклаков, — что копии у себя не оставил. Я не говорил ни о незаконности займа, ни о том, что Россия по нему не станет платить, ни о том, что она не сможет платить. Я указывал только, что этим займом Франция вмешивается в борьбу страны с властью на стороне власти и что по отношению к русскому народу это будет недружественный жест»⁴. Записка была составлена в двух или трех экземплярах, и Маклаков, подписав ее в качестве выборщика от кадетской партии от Москвы, передал Гильяру. Французский журналист, получив от Маклакова разрешение свободно распоряжаться этим документом, вручил один из его экземпляров министру внутренних дел. Некоторое время спустя Маклаков через Гильяра был приглашен к Клемансо⁵. Визит состоялся, и в нем приняли участие Нессельроде и Кальманович⁶. Разговор с Клемансо «был длинный и интересный», но с займом «покончили сразу». «Клемансо сказал, — вспоминал позднее Маклаков, — что мою записку прочел, но она опоздала, постановление Совета министров уже состоялось». «Что же вы раньше молчали? Теперь делать нечего. А раз заем разрешен, то он непременно будет покрыт. Банки давно его весь распи-

² В. А. Маклаков. Власть и общественность на закате старой России. Воспоминания современника. Париж, [1936], стр. 525. В январе 1906 г. на кадетском съезде большинством голосов было отвергнуто предложение заявить от имени партии, что она не будет платить по займам правительства.

³ Пьер Гильяр (Кильяр) редактировал еженедельный литературно-политический орган «Эропэен» (L'Éuropeen), издававшийся в Париже с 1900 по 1906 г. В 1905—1906 гг. «Эропэен» был рупором «Общества друзей русского народа» (И. Г. Гуткина. Анатолий Франс и французская общественность в 1905—1906 годах. — «Революция 1905 г. в России и русская литература». М. — Л., 1956, стр. 352.

⁴ В. А. Маклаков. Указ. соч., стр. 531—532.

⁵ Там же, стр. 532—533. У Маклакова осталось подозрение, что инициатором визита был Гильяр, а не Клемансо.

⁶ Там же, стр. 534.

сали, и они теперь сумеют всучить его публике. Да как же иначе? Я сам советовал своей прислуге подписаться на этот заем. Не может же всякий консьерж по поводу займа делать политику?»⁷ Этим монологом Клемансо и была исчерпана тема займа.

Некоторое время спустя один из парижских знакомых выхлопотал ничего не подозревавшему Маклакову через А. Франса визит к министру финансов Пуанкаре, которому был переслан один из экземпляров записки, составленной на квартире у Кальмановича⁸. Министра финансов Маклаков посетил в компании с П. Д. Долгоруковым⁹. И на этот раз вопрос о займе практически не обсуждался¹⁰. Через несколько дней Маклаков и Долгоруков покинули Париж. Между тем сторонники кампании в защиту русской революции приняли решение обратиться к французскому народу с воззваниями против займа, подписанными кандидатами социалистов, опубликовав их в газетах и расклеив в виде афиш¹¹. Синдикат банкиров, выпускавших заем, в свою очередь подготовился к тому, чтобы заклеивать афиши социалистов или «рекламами, или программными заявлениями кандидатов антисоциалистов»¹². За три дня до отъезда из Парижа Маклакова и Долгорукова Гильяр сделал им обоим предложение принять участие в этой бумажной войне, поставив свои подписи под воззваниями против займа. Однако лидеры кадетской партии самостоятельно не решились на такой шаг, а посланный ими в Петербург телеграфный запрос остался без ответа¹³.

Несмотря на всю незначительность кадетского «противодействия» займу, оно не было оставлено без внимания не только русскими дипломатическим и финансовым представителями в Париже, но и находившимся там в то время в связи с переговорами о займе Коковцовым. Сообщения, передававшиеся по этому поводу в Петербург в начале апреля (ст. ст.) Коковцовым, Нелидовым и Рафаловичем, не противоречат той версии о деятельности кадетских лидеров в Париже, которая приводится в воспоминаниях Маклакова, хотя от нее и отличаются. Из них прежде всего следует, что, помимо министра финансов и министра внутренних дел, кадетские представители побывали еще и у президента республики¹⁴. Именно «депутация» кадетов к президенту республики и визит к министру внутренних дел, как телеграфировал в Петербург 5/18 апреля 1906 г. Коковцов, послужили причиной созыва специального совещания вечером 4/17 апреля у русского посла. На совещании присутствовали французский министр финансов и Рувье. Действия кадетов были признаны «неопасными» и не заслуживающими каких бы то ни было контр-

⁷ В. А. Маклаков. Указ. соч., стр. 538.

⁸ В 1961 г. английская историк О. Крипс опубликовала обнаруженный ею в Национальном архиве Франции экземпляр записки Маклакова, адресованной министру финансов и директору Кредитной канцелярии французского Министерства финансов, который был передан по назначению 5/18 апреля 1906 г. (O. Crisp. The Russian Liberals and the 1906 Anglo-French Loan to Russia.—«The Slavonic and East European Review». London, 1961, № XXXIX).

⁹ Ср. Д. Майснер. Миражи и действительность. Записки эмигранта. М., 1966, стр. 160; С. Ю. Витте. Воспоминания, т. III. М., 1960, стр. 222.

¹⁰ В. А. Маклаков. Указ. соч., стр. 538.

¹¹ Там же, стр. 541.

¹² ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 2, д. 476, лл. 46—47 об. Рафалович — Витте 8/21 апреля 1906 г.

¹³ В. А. Маклаков. Указ. соч., стр. 541.

¹⁴ «Русские финансы и европейская биржа в 1904—1906 гг.» М.—Л., 1926 (далее — «Русские финансы»), стр. 314. Коковцов — Витте, 5/18 апреля 1906 г.; АВПР. ф. Канцелярия, 1906 г., д. 107, л. 11, лл. 418—419. Нелидов — Ламздорфу, 7/20 апреля 1906 г.; ср. также: В. Н. Коковцов. Из моего прошлого, т. I. Париж, 1933, стр. 155—156.

мер¹⁵. «Приезд членов конституционно-демократической партии для воспрепятствования нашему займу не произвел здесь никакого впечатления,— телеграфировал в Петербург 7/20 апреля 1906 г. Нелидов.— Они пробрались под видом журналистов к президенту республики, который, узнав, кто они, отправил их записку, врученную ими, к Клемансо, последний передал ее министру финансов, который оставил ее без последствий, объявив им, что дело займа уже устроено, и французское министерство имеет дело только с русским правительством. Мы находим, что при таком положении с нашей стороны было бы ошибкой вызывать любопытство публики, печатая опровержения или критики действий этих самозванных провокаторов. Здешняя печать слишком заинтересована в выпуске займа, чтобы ставить ему препятствия, правительство же будет твердо отклонять всякое чуждое вмешательство в дело»¹⁶. Посланная три дня спустя в Петербург телеграмма Коковцова была выдержана в еще более успокоительном тоне. В телеграмме сообщалось, что кампания против займа «вредного влияния не имела» и кадеты не играли в ней руководящей роли. «Вся кампания велась и ведется одними революционерами,— телеграфировал Коковцов,— и во главе стоит доктор Рубанович»¹⁷.

Однако французское правительство, хотя и не собиралось уклониться от поддержки русского займа, не могло не считаться с отношением к предстоящей операции французского общественного мнения, и для того чтобы застраховать себя от атак в печати и парламенте со стороны оппозиции, потребовало от русского правительства юридическое заключение, которое подтвердило бы законность выпуска займа без утверждения его Государственной думой. Такое заключение было дано известным специалистом по международному праву профессором Петербургского университета Ф. Ф. Мартенсом¹⁸. Меморандум Мартенса был дополнен, кроме того, заключениями русских министерств иностранных дел и финансов¹⁹. Русское правительство обосновывало законный характер совершенной операции до созыва Думы тем, что заем-де предназначен для покрытия расходов по сметам 1905—1906 гг., утвержденным Государственным советом еще в старом порядке, в то время как утверждению Думы будет подлежать только смета 1907 г. и, соответственно, связанные с нею займы²⁰.

Впрочем, следует сказать, что рассмотрение вопроса о законности займа 1906 г. почти не отразилось на ходе его подготовки. На переговоры о займе серьезно не повлияла и смена кабинета Рувье правительством Саррjena. В Петербурге, правда, были обеспокоены присутствием в новом составе Совета министров Клемансо и опасались, что он «может причинить большие затруднения для заключения займа»²¹. Эти опасения в какой-то мере были рассеяны самим Клемансо, который во время встречи с Нелидовым 2/15 марта назвался «искренним сторонником союза с Россией» и заявил, что он «критиковал иногда лишь способ, ко-

¹⁵ «Русские финансы», стр. 314; АВПР, ф. Канцелярия, 1906 г., д. 107, п. 11, лл. 418—419.

¹⁶ АВПР, ф. Канцелярия, 1906 г., д. 107, п. 11, лл. 418—419.

¹⁷ ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 2, д. 476, л. 45. И. А. Рубанович — один из лидеров партии эсеров.

¹⁸ «Россия и Алжезирасская конференция». — «Красный архив», 1930, т. 4-5 (41-42), стр. 61. Ламздорф — Нелидову 27 марта/9 апреля 1906 г.; С. Ю. Витте. Указ. соч., т. III, стр. 241.

¹⁹ В. Н. Коковцов. Указ. соч., т. I, стр. 152.

²⁰ «Россия и Алжезирасская конференция», стр. 57. Деша Нелидова 23 марта; 5 апреля 1906 г.

²¹ Там же, стр. 41—42. Нелидов — Ламздорфу 1/14 марта 1906 г.

торым французское правительство использовало этот союз. Что касается его словесных выпадов, оскорбительных для нас,— сообщал в Петербург о своем разговоре с Клемансо Нелидов,— он выражает о них сожаление и приписывает их той свободе печати, которая принуждает журналистов, мало ответственных за свои слова, к резкости в выражениях, не всегда отвечающих действительным намерениям»²².

Тем не менее в правительстве Саррьена Клемансо занимал (или вынужден был занимать) несколько отличную по сравнению с другими членами кабинета позицию в отношении русского займа. Коковцову довелось самому убедиться в этом, когда он в последних числах марта (ст. ст.) появился в Париже для завершения переговоров о займе. Коковцов считал, что он «не уехал из Парижа с пустыми руками» главным образом благодаря содействию министра финансов Пуанкаре, который оказал безоговорочную поддержку русскому займу²³. Именно Пуанкаре Коковцов вручил заключение о займе Мартенса и русских министерств финансов и иностранных дел. Оказалось, что французское Министерство иностранных дел со своей стороны также имело «разработанное заключение одного из лучших своих знатоков международного права», «во всем» совпадавшее с «русской точкой зрения». Однако Пуанкаре заявил Коковцову о своих опасениях, что «некоторые члены кабинета придерживаются совершенно противоположной точки зрения и не легко откажутся от нее», ибо считают возможным вообще не устраивать русской кредитной операции во Франции, «в особенности после того, как Германия и Америка уклонились от участия в ней». Пуанкаре не сказал, кого он имеет в виду, но Коковцов понял, что речь идет в первую очередь о Клемансо, который «особенно враждебно» настроен против русского займа²⁴. И действительно, во время переговоров Коковцова о займе в Париже только Клемансо оказал ему более чем сдержанный прием. Клемансо открыто заявил Коковцову, что он не уверен, имеет ли право русское правительство на заключение займа, и еще не знает, подаст ли за него свой голос. К тому же он «видел на днях» соотечественников русского министра финансов, которые оспаривают законность займа²⁵. «Скажите мне, ваше превосходительство, отчего бы вашему государю не пригласить господина Милюкова возглавить новое правительство? — наконец, поразил Коковцова неожиданным вопросом французский министр внутренних дел.— Мне кажется, что это было бы очень хорошо и с точки зрения удовлетворения общественного мнения и разрешило бы многие вопросы»²⁶. Коковцов, разумеется, уклонился от прямого ответа, заявив, что он не знает, будет ли произведена смена правительства, а если будет, то на ком царь остановит свой выбор, и предпочел отделаться общими рассуждениями о правах императора избирать министров по своему усмотрению. Клемансо высказал сожаление по поводу позиции Коковцова, однако настаивать на своем предложении не стал²⁷.

Коковцов не сообщил даты своего посещения Клемансо, а потому трудно предположить, когда состоялась их встреча (до или после визита к французскому министру внутренних дел Маклакова) и кого именно из соотечественников Коковцова Клемансо имел в виду. Вполне возможно, что Клемансо, помимо Маклакова и Нессельроде, принимал еще кого-то из представителей кадетской партии. Так, известно, что Маклаков не

²² «Россия и Алжезирасская конференция», стр. 42.

²³ В. Н. Коковцов. Указ. соч., т. I, стр. 152—153.

²⁴ Там же, стр. 153.

²⁵ Там же, стр. 153—154.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же, стр. 154.

был, например, у президента республики Фальера, а, по сведениям Ковковцова, П. Долгоруков и Нессельроде проникли к нему с помощью Анатоля Франса для того, чтобы протестовать против выпуска русского займа.

Впрочем, в конечном счете, все эти разрозненные и робкие противодействия некоторых видных представителей кадетской партии не только не возымели каких-либо серьезных практических последствий, но и не были поддержаны ее ЦК. Более того, петербургский отдел ЦК конституционно-демократической партии выступил с опровержением появившегося в «Vossische Zeitung» и перепечатанного 4/17 апреля в вечернем выпуске «Русского государства» сообщения о попытках «членов парижского комитета» партии через Клемансо препятствовать заключению займа. В опровержении подчеркивалось, что «парижского комитета» вообще не существует в природе, а ЦК партии кадетов никаких постановлений по вопросу о новом займе не делал и никому не поручал выступать в Париже и вообще за границей от имени партии или комитета, наконец, если же имел место факт обращения каких-то лиц к Клемансо, то они действовали исключительно «под своей личной ответственностью»²⁸. Желание лидеров кадетской партии поскорее отмежеваться от кампании, которая велась во Франции против русского займа, слишком бросалось в глаза, чтобы остаться незамеченным, и авторам «опровержения» в одной из петербургских газет либерального направления немедленно был задан вопрос: «Для кого выдан этот сертификат доброго поведения?»²⁹.

Ответ на этот вопрос появился спустя несколько месяцев на страницах большевистской печати. В последних числах февраля 1907 г. В. И. Ленин в газете «Новый Луч» обвинил кадетов в прямой помощи правительству в деле заключения займа. «Теперь выясняется даже,— писал В. И. Ленин,— что кадеты *помогли правительству* в прошлом году получить *два миллиарда* из Франции на военно-полевые суды и расстрелы, ибо Клемансо прямо заявил кадетам: займа не будет, если партия кадетов официально выступит против займа. Кадеты отказались выступить против займа из боязни потерять свое положение завтрашней *правительственной партии!* Россию расстреливали не только треповские пулеметы, но и кадетско-французские миллионы»³⁰.

* * *

Заем 1906 г. явился последней крупной финансовой операцией, осуществленной правительством Витте. Самодержавие избежало угрожавшего ему банкротства и сохранило введенную Витте в результате реформы 1897 г. систему золотого денежного обращения. Однако известный исторический парадокс состоял в том, что именно Витте, создавший эту финансовую систему, вдохновлявший в течение более чем 10 лет всю экономическую и финансовую политику России, настойчиво пробивавший все это время дорогу самодержавию на международный денежный рынок, сразу после заключения займа вынужден был сойти с политической сцены, причем теперь уже безвозвратно.

I Государственная дума начала свою деятельность при правительстве И. Л. Горемыкина. В новом кабинете пост министра финансов занял Ковковцов, отныне надолго и безраздельно завладевший всеми нитями, связывавшими Министерство финансов с европейскими биржами.

²⁸ «XX век», 6/19 апреля 1906 г., № 11.

²⁹ Там же.

³⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 15, стр. 32.

В русской дипломатической переписке за апрель — май 1906 г. не видно следов явно выраженной отрицательной реакции западноевропейских финансовых сфер на отставку Витте. Но если даже такая реакция имела место, то и назначение Коковцова на пост министра финансов было воспринято не только парижскими и лондонскими, но и берлинскими банкирами, несомненно, с удовлетворением. В частности, Мендельсон обратился к Коковцову с пространственным поздравительным посланием, в котором за пожеланиями «от всего сердца» «счастья» и «полной победы сейчас и всегда над противниками, которые найдутся в Думе и других местах», сквозило плохо скрытое беспокойство о том, чтобы впредь не оказаться в стороне от доходных операций по размещению русских ценных бумаг. «Я был бы счастлив,— писал немецкий банкир в заключение своего пересыпанного любезностями послания,— если бы мог быть уверен, что вы меня не забудете и... сохраните ко мне доверие, которым вы меня всегда удостаивали»³¹.

Впрочем, смена кабинета, отставка Витте и назначение Коковцова на пост министра финансов не внесли никаких существенных перемен в финансовую политику самодержавия. Сам Горемыкин не считал нужным вообще заниматься финансовыми делами и видел главную задачу своего правительства в подавлении революционного движения и роспуске Думы³². Что касается Коковцова, то он сосредоточил все свои усилия на сохранении золотого обращения и соответственно поддержаний курсов русских ценных бумаг, в частности облигаций только что выпущенного займа, цена которых уже в мае 1906 г. начала резко падать и снизилась с выпускной цены в 88 до 75 и 70%³³. Падение русских ценных бумаг, перспектива «постепенного понижения экономических сил России и русской платежеспособности» вызвали новую вспышку тревоги у держателей русских фондов во Франции и французского правительства, тем более что «в известной связи с падением русских фондов... обнаружилось и падение французской ренты»³⁴. И на этот раз французское правительство в первую очередь было озабочено внутренним положением России. Ликование во французских финансовых и политических сферах по поводу открытия Думы и «вступления России на конституционный путь» очень скоро сменилось тревогой, вызванной конфликтом между правительством и Думой³⁵. После выступления Горемыкина 13/26 мая с думской трибуны, в котором он отклонил все основные требования программы, выдвинутой кадетами и трудовиками в ответ на тронную речь Николая II, конфликт между правительством и Думой достиг своего апогея. Дума почти единогласно потребовала отставки кабинета Горемыкина. Правительство же начало готовить разгон Думы и только выжидало благоприятного момента для того, чтобы осуществить свое намерение³⁶. Конфликт между Думой и правительством Горемыкина нашел отклик во французском парламенте, депутаты которого подвергли критике инертное отношение правительства к событиям в Рос-

³¹ ЦГИА СССР, ф. 560, оп. 22, д. 271, лл. 52—53.

³² На попытки Коковцова привлечь внимание Горемыкина к вопросам государственного кредита тот «отвечал самым недвусмысленным безразличием», повторяя всякий раз одну и ту же фразу: «Все это чепуха и не стоит останавливаться на мелочах, когда главное состоит в совершенно определенном революционном натиске, с которым можно бороться только одним — роспуском Думы, и до этого мы неизбежно дойдем, и тогда можно будет говорить о настоящей работе» (В. Н. Коковцов. Указ. соч., т. I, стр. 222).

³³ Там же, стр. 221.

³⁴ АВПр, ф. Канцелярия, 1906, д. 107, п. 1, лл. 206—210. Неклюдов — Извольскому, 15/28 июня 1906 г.

³⁵ В. Н. Коковцов. Указ. соч., т. I, стр. 221.

³⁶ С. Ю. Витте. Указ. соч., т. III, стр. 363.

сии. Причем эта критика едва не явилась причиной серьезного дипломатического демарша со стороны Франции, как это известно из воспоминаний французского посла в Петербурге Бомпара.

В начале июня 1906 г., вскоре после белостокского погрома, Бомпар получил телеграмму министра иностранных дел Буржуа, специально посвященную внутреннему положению России и содержащую инструкцию, согласно которой Бомпар должен был просить аудиенции у Николая II. На посла возлагалась обязанность поставить царя в известность о том, какое огромное значение французское правительство придает сохранению союза между русским правительством и Думой³⁷. Бомпар сразу же принял решение уклониться от неприятного поручения, расценив его как попытку беспрецедентного во франко-русских отношениях вмешательства во внутренние дела России. Он написал Буржуа в надежде убедить министра отказаться от задуманного демарша. И только после того, как Буржуа ответил телеграммой, в которой послу (на этот раз от имени Совета министров) предлагалось действовать в соответствии с полученной инструкцией, Бомпар вынужден был обратиться к русскому министру иностранных дел Извольскому. Позицию своего правительства Бомпар объяснил стремлением предотвратить опасность, которой подвергается в настоящий момент на французской бирже русский кредит, и защитить интересы французского держателя. Подчеркнув, что правительство Франции не имеет решительно никаких намерений вмешиваться во внутренние дела России, Бомпар просил Извольского помочь ему найти наиболее подходящий способ исполнить деликатное поручение³⁸. От Извольского Бомпар услышал то, что и ожидал. Как министр иностранных дел Извольский отказался давать какие бы то ни было советы французскому послу, но как частное лицо определенно ему рекомендовал не добиваться аудиенции у царя для обсуждения внутриполитического положения России. Естественно, что после такого совета (а Бомпар немедленно сообщил в Париж содержание своего разговора с русским министром иностранных дел) французское правительство уже больше не настаивало на специальной встрече Бомпара с царем. Теперь уж это стало делом Извольского: когда и в какой форме передать царю мнение французского правительства по поводу одного из центральных внутриполитических вопросов³⁹.

Обострение конфликта между правительством и Думой не замедлило отразиться на курсе русских фондов, котирувавшихся на парижской бирже, а во французских политических сферах во второй половине мая (ст. ст.) настолько прочно укоренилось мнение о неизбежности отставки кабинета Горемыкина, что председатель палаты депутатов французского парламента Думер даже заявил представителю петербургского телеграфного агентства в Париже А. Ефрону о своем желании видеть Коковцова во главе нового русского правительства⁴⁰. Впрочем, подобная же атмосфера царила, по-видимому, не только во французских политических сферах, но и в русском посольстве в Париже, ибо Нелидов, судя по сообщениям в Петербург того же Ефрона, считал, что «верховная власть» (т. е. царь) должна сохранить «министров-специалистов», таких, как В. Н. Коковцов, А. Ф. Редигер, А. А. Бирилев, и «доверить» остальные портфели в правительстве членам Думы и Государственного совета из умеренных⁴¹. Заметим, что об этих настроениях русского посла Еф-

³⁷ M. B o m p a r d. Mon Ambassade en Russie. 1903—1908. Paris, 1937, p. 216.

³⁸ Там же, стр. 217.

³⁹ Там же.

⁴⁰ ЦГИА СССР, ф. 560, оп. 22, д. 296, лл. 33—35. Ефрон — Коковцову, 18/31 мая 1906 г.

⁴¹ Там же.

рон сообщал в Петербург 18/31 мая 1906 г., а менее чем месяц спустя, в середине июня, русский поверенный в делах Неклюдов прислал из Парижа министру иностранных дел специальное донесение по поводу настроений и мнения о положении в России «огромного большинства французского мыслящего общества, правящих и финансовых кругов»⁴². Мнение это сводилось к тому, что конфликт между Думой и правительством при наличии таких «остро назревших вопросов, как аграрный или еврейский», при «расшатанности» не только «русских финансов», но и «дисциплины в войсках» и продолжающейся революционной агитации грозил привести к новой «катастрофе». «Единственным средством к предотвращению этой надвигающейся катастрофы,— писал Неклюдов,— явилось бы, по господствующему во Франции убеждению, призвание к власти кабинета, составленного в большинстве из умеренных членов Думы и притом из таких, которые еще властно обеспечить себе поддержку известного большинства в этом собрании»⁴³. Новый кабинет должен был поправить дело, действуя по «заранее обусловленной программе», составленной с учетом «общих» государственных интересов и «вожделений» «большинства населения». Ему предстояло, кроме того, взять на себя руководство «решениями и настроениями своей партии в Думе»⁴⁴. О том, какую именно партию хотело видеть у власти в России «большинство французского мыслящего общества», Неклюдов прямо не писал, однако не стоило большого труда догадаться, что речь идет о конституционных демократах, тем более что и сам совет допустить их в правительство не был так уж нов.

В Париже, видимо, достаточно ясно себе представляли, как отнесутся в русских бюрократических кругах к предложению допустить к власти кадетов. А потому предложение это, в передаче Неклюдова, содержало еще и поручительство за то, что кадеты, оказавшись у власти, будут вести себя и «благоразумнее», и, так сказать, «государственнее»⁴⁵. В качестве же гарантии тому приводился парламентский опыт Франции. «Во Франции... знают по опыту, насколько глубоко различие между партией в оппозиции и той же партией у кормила правления; парламентский опыт Франции, начиная с 1789 г.,— сообщал с беспристрастием и добросовестностью дипломатического чиновника Неклюдов,— указывает ей на то, как шатко настроение всякого собрания, не принимающего деятельного и ответственного участия в правительстве страны, и как бесцельно и безнадежно делается положение „жирондистов“, коль скоро большинство собрания уже не повинуетя их внушениям и их руководству; тогда этим людям остается на выбор: либо примкнуть к большинству крайних, либо воскликнуть как Vergniaud: „la vertu est en minorité“⁴⁶ и пойти на плаху вслед за теми, которые их самих считали еще накануне людьми крайними и опасными для общественного строя. Здесь боятся, что при продолжении настоящего положения вещей Дума получит все более и более революционную окраску и что наступит минута, когда вместо чаемого здесь лозунга „Правительство и Дума“ представится грозный выбор: „либо монархия и правительство без Думы и без всякого улучшения государственного строя, либо окончательные потрясения и революция“»⁴⁷.

⁴² АВПР, ф. Канцелярия, 1906 г., д. 107, п. 1, лл. 206—210.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Верно: «Добродетель осталась в меньшинстве».

⁴⁷ АВПР, ф. Канцелярия, 1906 г., д. 107, п. 1, лл. 206—210.

К сожалению, трудно сказать, как было встречено это письмо Неклюдова в Петербурге. На нем одна помета: знак прочтения Николаем II, обычно просматривавшим большинство донесений из Парижа. Несомненно только, что для царя документ этот должен был представить непосредственный практический интерес, ибо к моменту его получения Николай II возглавил довольно сложную политическую игру вокруг создания так называемого «министерства доверия».

На фоне достигшего крайнего предела конфликта Думы с правительством Горемыкина развернулись переговоры с представителями «общественных» и думских деятелей об образовании нового кабинета, которые по поручению царя совершенно независимо друг от друга повели, с одной стороны, дворцовый комендант Д. Ф. Трепов, а с другой — министр иностранных дел А. П. Извольский и министр внутренних дел П. А. Столыпин. Причем Трепов выступил с программой создания чисто кадетского кабинета, а Извольский и Столыпин — коалиционного. Восстановить теперь достаточно четкую хронологическую канву этих переговоров на основании весьма противоречивых воспоминаний их участников едва ли возможно. Однако начало их следует, по-видимому, отнести к середине июня (ст. ст.). В это время состоялось ставшее впоследствии широко известным свидание лидера кадетской партии П. Н. Милюкова с Треповым в ресторане «Кюба». Об этом свидании Милюков вынужден был рассказать еще в 1909 г. на страницах «Речи», а много позднее, в эмиграции, подробно описал его в своих воспоминаниях⁴⁸. Трепов спокойно выслушал изложенную Милюковым кадетскую программу. «Пересмото „основных законов“, новая конституция, созданная учредительной властью Думы, но „с одобрения государя“, отмена Государственного совета — вся эта государственная юрисдика, — писал Милюков, — вовсе не приводила в священный ужас генерала, чуждого законоведению. Все это просто принималось к сведению и заносилось в книжку без возражений»⁴⁹. Трепов высказался только против требования Милюкова о всеобщей амнистии для политических заключенных, сославшись на то, что царь никогда на это не согласится. Впрочем, Трепов с самого начала разговора заявил, что выполняет «роль граммофона» и в его задачу входит записать все то, что говорит Милюков, а затем передать это «по прямому назначению»⁵⁰. Помимо Милюкова, Трепов сделал попытки встретиться и с другими лидерами кадетского движения и в результате переговоров к концу июня представил Николаю II примерный список членов «министерства доверия». Пост председателя совета министров должен был занять С. А. Муромцев, министра внутренних дел — П. Н. Милюков или И. И. Петрункевич, министра юстиции — В. Д. Набоков или В. Д. Кузьмин-Караваев, министра иностранных дел — Милюков или А. П. Извольский, министра финансов — М. Я. Герценштейн, министра земледелия — Н. Н. Львов, государственного контролера — Д. Н. Шипов. Министры двора, военный и морской должны были быть назначены по усмотрению царя⁵¹.

Переговоры Трепова с лидерами кадетской партии держались в секрете, и Милюков, например, узнал только значительно позже о том, что Трепов помимо него обращался еще к Муромцеву, Петрункевичу и др.⁵² Однако держать в секрете сам факт своего намерения образовать кадет-

⁴⁸ «Речь», 17 февраля/2 марта 1909 г.; П. Н. Милюков. Воспоминания (1859—1917), т. I. Нью-Йорк, 1955.

⁴⁹ П. Н. Милюков. Указ. соч., стр. 379.

⁵⁰ «Речь», 17 февраля/2 марта 1909.

⁵¹ В. Н. Кокорцов. Указ. соч., т. I, стр. 196—197.

⁵² П. Н. Милюков. Указ. соч., стр. 389.

ское министерство Трепов, видимо, не был обязан и не считал нужным. Прежде всего в качестве посредника для устройства свиданий в ресторане «Кюба» Трепов избрал английского журналиста Ламарка, что уже само по себе едва ли могло способствовать сохранению в тайне самого факта переговоров. А в последних числах июня (ст. ст.) Трепов и вовсе дал пространное интервью агентству Рейтер, в котором открыто высказался за передачу власти кадетам «как сильнейшей партии в Думе», заявив, что «ни коалиционное министерство, ни министерство вне Думы не дадут стране успокоения»⁵³. Вместе с тем Трепов критиковал кадетскую программу, выразив несогласие с некоторыми из тех ее пунктов, которые не вызвали у него возражения в ходе разговора с Милюковым. Таким образом, интервью агентству Рейтер было как бы публичным продолжением переговоров, которые Трепов до сих пор вел закулисно. «Речь» немедленно откликнулась большой редакционной статьей на интервью Трепова, написанной Милюковым⁵⁴, который (конечно, не называя себя) продемонстрировал тем самым готовность продолжать переговоры. Разумеется, заявление Трепова сделалось предметом обсуждения и других русских газет.

Что же побудило дворцового коменданта обратиться к услугам иностранного агентства и вынести на суд как западноевропейской, так и русской печати свою программу образования кадетского министерства, остается до конца неясным. Но едва ли можно допустить, чтобы Трепов позволил себе сделать этот шаг, не получив на него разрешение Николая II, хотя известно, что к моменту опубликования интервью Трепова сторонники образования коалиционного министерства развернули энергичную кампанию за дискредитацию в глазах царя треповского проекта и уже достигли в этом отношении известного успеха⁵⁵.

Столыпин и Извольский выступили с проектом создания коалиционного министерства, судя по воспоминаниям Извольского, тоже где-то в середине июня (ст. ст.) совершенно независимо от Трепова.

Во второй половине июня 1906 г. (ст. ст.) на квартире Извольского происходили встречи с представителями «умеренно-либеральной партии в Думе и Государственном совете», велись переговоры, в результате которых и была составлена докладная записка императору о необходимости сформировать коалиционное правительство во главе с Муромцевым. Извольский называет точную дату вручения этой записки Николаю II — 25 июня/8 июля (т. е. тот самый день, когда в «Новом времени» уже появилось сообщение об интервью Трепова)⁵⁶. Царь ознакомился с запиской, и через несколько дней Извольский вновь был приглашен в Петергоф для специального разговора, во время которого он как министр иностранных дел обратил внимание царя на то, что «за границей единодушно осуждается политика кабинета Горемыкина и что никто не ожидает восстановления нормального положения в России, помимо призвания к власти новых людей и изменения политики». «Это мешает нам,— заявил Извольский,— предпринимать различные шаги в наших внешних делах и, как несомненно подтвердит министр финансов, подрывает наш финансовый кредит»⁵⁷. Как утверждает в своих воспоминаниях Изволь-

⁵³ «Новое время», 25 июня/8 июля 1906 г.

⁵⁴ П. Н. Милюков. Указ. соч., стр. 384.

⁵⁵ Из лиц, поддерживавших Д. Ф. Трепова, известны его зять, свитский генерал А. А. Мосолов и министр двора барон Фридерикс. В лагере противников Трепова, помимо Столыпина, Извольского и Коковцова, оказались и два его брата Александр и Владимир Треповы (П. Н. Милюков. Указ. соч., стр. 384).

⁵⁶ А. П. Извольский. Воспоминания. Л.— М., 1924, стр. 126.

⁵⁷ Там же, стр. 127.

ский, он без особого труда сумел убедить царя в необходимости создания коалиционного министерства и тут же получил его разрешение на ведение (вместе со Столыпиным) переговоров по этому поводу⁵⁸.

Извольский и Столыпин принялись за дело с удвоенной энергией. Причем Извольский постоянно держал в курсе своих действий английского журналиста, корреспондента «Таймс», Маккензи Уоллеса, выполнявшего функции советника при английском после в Петербурге и следившего по личному поручению Эдуарда VII за внутренними событиями в России⁵⁹. В последних числах июня — начале июля 1906 г. (ст. ст.) сама атмосфера и в придворных кругах, и в думских кулуарах была насыщена слухами о формировании нового правительства, распространению которых способствовали почти непрерывные переговоры с «общественными» деятелями, которые Извольский и Столыпин вели и порознь, и вместе то на квартире кузена Извольского министра земледелия Ермолова, то в летней резиденции Столыпина.

Много лет спустя Милюков не без иронии описал свое свидание со Столыпиным на Аптекарском острове, поездку с дачи Столыпина белой летней ночью по пустынным улицам города в одной карете с Извольским не без риска для обоих быть узванными случайными прохожими⁶⁰. Однако в конце июня — начале июля 1906 г. лидеры кадетской партии весьма серьезно относились к происходившим переговорам, особенно после того, как царь принял 28 июня/11 июля у себя в Петергофе Д. Н. Шипова и «более часа», казалось, благосклонно выслушивал его соображения о необходимости сформирования кадетского министерства⁶¹.

Вероятность прихода к власти кадетской партии казалась настолько реальной, что Муромцев всерьез был обеспокоен проблемой совместного с Милюковым участия в составе одного правительства: «двум медведям в одной берлоге ужитья трудно»⁶², и, залучив Милюкова к себе в кабинет, председатель Думы в упор поставил ему вопрос: «Кто из нас будет премьером?» «Для меня это было так неожиданно и показалось так забавно, — вспоминал впоследствии Милюков, — что я не мог не рассмеяться и ответил: „по-моему, никто не будет“. Видимо, Муромцев принял это за уклонение от ответа и продолжал настаивать. Может быть, я и уклонился бы, если бы считал шансы кадетского кабинета серьезными. Я знал, что фракция едва ли остановит свой выбор на Муромцеве. И официальная часть моего ответа была: „Если уж дело дойдет до такого важного события, как кадетское министерство, то вопрос о премьерстве есть уже второстепенная подробность, которую решит партия“. Но я почувствовал, что это как раз и не удовлетворяет Муромцева. И я продолжал: „Что касается меня, то я с удовольствием отказываюсь от премьерства, предоставляя его вам“. Действие этих последних слов было совершенно неожиданное. Муромцев не мог скрыть охватившей его радости и выразил ее в жесте, который более походил на антраша балерины, нежели на реакцию председателя Думы»⁶³.

3/16 июля Милюков, до тех пор державший в секрете от партии свои переговоры с представителями бюрократии «спешно созвал экстренное собрание фракции» для обсуждения условий, на которых кадеты могли

⁵⁸ Там же, стр. 127—128.

⁵⁹ Там же, стр. 132.

⁶⁰ П. Н. Милюков. Указ. соч., стр. 386.

⁶¹ Д. Н. Шипов. Воспоминания и думы о пережитом. М., 1918, стр. 445—460.

⁶² Там же, стр. 458.

⁶³ П. Н. Милюков. Указ. соч., стр. 394—395.

бы войти в правительство в случае «серьезного» к ним обращения⁶⁴. Ждали приглашения Муромцева в Петергоф. В Петербурге на квартире председателя Думы в конспиративной обстановке заранее обсуждались все детали предстоявшего его визита к царю, вплоть до фрака, который был сшит по специальному заказу чуть ли не за ночь⁶⁵. В Петергофе аудиенцию Муромцеву готовили Трепов и Фридерикс. Однако вызов так и не последовал. 7/20 июля Извольский сообщил Шипову, что еще 5/18 июля «положение резко изменилось» и Муромцев приглашен не будет, а через день был подписан указ о роспуске Думы⁶⁶.

Что же побудило Николая II в первых числах июля 1906 г. окончательно решиться на роспуск Думы и оборвать всякие переговоры с представителями кадетской партии? По мнению Миллюкова, решающую роль в этом сыграло влияние Столыпина. 4/17 июля Столыпин явился в Думу, «где был редким гостем», и «просидел целое заседание в министерской ложе, тщательно записывая прения», которые были посвящены обсуждению проекта аграрного «контрсообщения» Думы, подготовленного в ответ на правительственное сообщение от 20 июня/3 июля, и носили острый характер⁶⁷. Известно далее, что в тот же день Столыпин делал царю отчет о думском заседании, во время которого «был затронут» вопрос о роспуске Думы. Вероятно, тогда же он и был решен, ибо 5/18 июля за обедом у графини Клейнмихель граф Потоцкий сообщил Коковцову о том, что роспуск Думы назначен на воскресенье 9/22 июля. 7/20 июля Столыпин представил царю уже подробный план роспуска Думы и заготовил все необходимые документы для его осуществления⁶⁸. Одновременно было принято решение об образовании нового кабинета во главе со Столыпиным.

Итак, роль Столыпина в роспуске Думы достаточно ясна. Однако едва ли приход к власти Столыпина и провал треповского проекта образования кадетского министерства можно объяснить только тем, что влияние на царя министра внутренних дел сказалось более значительным, чем влияние дворцового коменданта. По-видимому, роль самого царя в переговорах по поводу образования как чисто кадетского министерства, так и министерства с участием общественных деятелей была не такой уж незначительной, как это может показаться на первый взгляд. Дело не только в том, что как Трепов, с одной стороны, так и Столыпин с Извольским — с другой, вели свои переговоры с разрешения царя, но и в том, что только царь располагал более или менее полными сведениями о ходе этих переговоров. Выясняется, что Трепов в мае 1906 г. высказался в пользу образования кадетского министерства⁶⁹, однако до поры до времени о его действиях почти ничего не было известно. Где-то между 15 и 20 июня (ст. ст.) Николай II доверительно сообщил Коковцову составленный Треповым проект кадетского министерства и спросил его мнение по этому поводу. Коковцов пустился в рассуждения о том, что Россия не выросла еще «до однопалатной конституционной монархии чисто парламентского образца», предостерег Николая II «от такого нового эксперимента, от которого, пожалуй, уже и не будет больше возврата назад», и высказался за роспуск Думы и пересмотр избиратель-

⁶⁴ П. Н. Миллюков. Указ. соч., стр. 396. «Я получил не особенно дружественную санкцию собрания,— писал по поводу этого заседания Миллюков.— Кадетское министерство представлялось нашим «левым» кадетам опасной политической авантюрой, связанной с компромиссом подозрительного характера».

⁶⁵ М. В о т р а г д. Указ. соч., стр. 223—224.

⁶⁶ Д. Н. Ш и п о в. Указ. соч., стр. 460.

⁶⁷ П. Н. М и л л ю к о в. Указ. соч., стр. 397.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ В. Н. К о к о в ц о в. Указ. соч., т. I, стр. 196.

ного закона⁷⁰. К собственному удовлетворению Коковцов констатировал, что и у царя «не было ясно назревшей мысли допустить переход власти в руки кадетского министерства». «Многое из того, что вы сказали мне,— ответил ему Николай II,— я давно пережил и перестрадал. Я люблю слушать разные мнения и не отвергаю сразу того, что мне говорят, хотя бы мне было очень больно слышать суждения, разбивающие лучшие мечты всей моей жизни, но верьте мне, что я не приму решения, с которым не мирится моя совесть, и, конечно, взвешу каждую мысль, которую вы мне высказали, и скажу вам, на что я решусь. До этой же поры не верьте, если вам скажут, что я уже сделал этот скачок в неизвестность»⁷¹.

Неделю спустя Николай II вновь вернулся к этой теме в разговоре с Коковцовым и выразил свое отношение к созданию кадетского министерства еще определеннее. «Я могу сказать вам теперь с полным спокойствием, что я никогда не имел в виду пускаться в неизвестную для меня даль, которую мне советовали испробовать. Я не сказал это тем, кто предложил мне эту мысль, конечно, с наилучшими намерениями, но не вполне оценивая, по их неопытности, всей опасности, и хотел проверить свои собственные мысли, спросивши тех, кому я доверяю, и могу теперь сказать вам, что то, что вы мне сказали, сказали также почти все, с кем я говорил за это время, и теперь у меня нет более никаких колебаний да их и не было на самом деле, потому что я не имею права отказать от того, что мне завещано моими предками и что я должен передать в сохранности моему сыну»⁷². Все это было сказано Коковцову в последних числах июня либо в самый канун встречи с Шиповым, либо сразу же после нее. Между тем Николай II спокойно выслушивал не только все аргументы Шипова в пользу создания кадетского министерства, но и его рассуждения о том, что на посту председателя Совета министров «желательно было бы видеть» именно Муромцева как человека «высокоморального настроения», а не Милюкова, который был бы полезен на посту министра иностранных или внутренних дел, но не мог бы возглавить кабинет, так как у него «слабо развито религиозное сознание, т. е. сознание лежащего на человеке нравственного долга», и он «слишком самодержавен»⁷³. Шипов испугался «необдуманно» вырвавшегося у него словечка о «самодержавности» Милюкова, но оно не вызвало никакой реакции со стороны царя, который внимательно следил за ходом рассуждений своего собеседника и даже подвел им итог: «Да, таким образом, может установиться правильное соотношение умственных и духовных сил». Шипов покинул Петергоф «в бодром настроении», «был счастлив» и «глубоко тронут» оказанным ему «доверием и вниманием»⁷⁴. Царь же, как передал позднее Милюкову В. О. Ключевский, «вернувшись в семейный круг после аудиенции, сказал своим: „Вот, говорят, Шипов — умный человек. А я у него все выспросил и ничего ему не сказал“»⁷⁵.

Таким образом, немногое, что известно о линии поведения самого Николая II в июне — июле 1906 г., дает основание полагать, что царь не относился достаточно серьезно к возможности сформирования чисто кадетского министерства, хотя при несомненном его поощрении переговоры на эту тему не прерывались почти вплоть до самого роспуска Думы.

⁷⁰ Там же, стр. 197—199.

⁷¹ Там же, стр. 200.

⁷² Там же, стр. 201.

⁷³ Д. Н. Шипов. Указ. соч., стр. 456.

⁷⁴ Там же, стр. 457.

⁷⁵ П. Н. Милюков. Указ. соч., стр. 394. В. О. Ключевский, как свидетельствует Милюков, «был близок к царской семье» (там же).

С передачей власти в руки кадетского министерства Николай II связывал опасность превращения Думы в парламент западного образца и ограничения прав монархии. Заставить же Николая II пойти на уступки в ущерб династическим интересам могла только сила неумолимых обстоятельств. В то же время ни к чему не обязывавшие переговоры Трепова с Милюковым и другими представителями кадетской партии служили прикрытием готовившегося разгона Думы. И действительно, роспуск Думы застал кадетскую партию врасплох.

Выборгское воззвание, которым она на него ответила, прозвучало холостым выстрелом и было использовано новым правительством Столыпина как повод для обвинения кадетов в революционности. Но если с проблемой образования кадетского министерства теперь было покончено, то переговоры с «общественными деятелями» о вхождении их в новое правительство Столыпин продолжал и после роспуска Думы. Столыпин возобновил переговоры с Д. Н. Шиповым, Н. Н. Львовым, М. А. Стаховичем, А. И. Гучковым, П. А. Гейденом, А. Ф. Кони и др. Встречи на Аптекарском острове продолжались до второй половины июля (ст. ст.), однако ни к чему определенному так и не привели. А 25 июля/7 августа в «Новом времени» появилось сообщение Петербургского телеграфного агентства по поводу переговоров правительства и царя с «общественными деятелями», в котором ответственность за неудачу переговоров фактически возлагалась на последних. П. Гейден, а также Д. Н. Шипов с Г. Е. Львовым, пытаясь опровергнуть это «сообщение», отозвались на него письмами в редакцию газеты. Письма были напечатаны в «Новом времени» 28 июля/10 августа, однако с редакционным примечанием, в котором мысль об ответственности «общественных» деятелей за срыв переговоров получила дальнейшее развитие⁷⁶. Относительно же Шипова и Львова было сказано, что переговоры с ними были прерваны с самого начала, ибо представленная ими программа «близко подходила к кадетской программе», в то время как правительство намерено было «осуществить необходимые реформы и прежде всего аграрную, не слагая оружия перед кадетской партией»⁷⁷. И в сообщении от 25 июля/7 августа, и в редакционной заметке, помещенной 28 июля/10 августа, события были представлены так, словно правительство Столыпина совершенно «искренно» стремилось вовлечь «общественных деятелей» в работу по осуществлению намечаемых новым правительством реформ, но потерпело неудачу⁷⁸.

В первые недели после роспуска Думы Столыпин при каждом удобном случае стремился подчеркнуть либеральный характер намерений нового правительства. Так, предлагая А. Ф. Кони войти в состав сформированного им кабинета, Столыпин заявил, что задача правительства состоит в том, чтобы «проявить авторитет и силу и вместе с тем идти по либеральному пути», удерживая царя «от впадения в реакцию и подготавливая временными мерами основы тех законов, которые должны быть внесены в будущую Думу»⁷⁹. И устные заявления Столыпина, и инспирированные им в «Новом времени» заметки по поводу переговоров правительства с «общественными деятелями» преследовали одну цель — смягчить впечатление, вызванное роспуском Думы и формированием нового чисто бюрократического правительства не только в России, но и

⁷⁶ Подробнее об этом см.: Д. Н. Ш и п о в. Указ. соч., стр. 461—484.

⁷⁷ Там же, стр. 478.

⁷⁸ Там же, стр. 461—484.

⁷⁹ А. Ф. К о н и. Собрание сочинений, т. 2. М., 1966, стр. 362. Во время разговора с А. Ф. Кони Столыпин держался так, словно и образование кадетского министерства представлялось ему вполне вероятным, если бы кадеты «не скомпрометировали себя Выборгским воззванием» (там же).

за ее пределами, особенно во Франции, денежный рынок которой ответил на июльские события в России самой настоящей паникой. «Когда роспуск (Думы.— Б. А.) был совершен,— писал об этой панике в своих воспоминаниях Коковцов,— то первое впечатление было просто катастрофическое. Нельзя было даже в точности определить, до какой цены упали наши фонды, настолько велико было стремление держателей их освободиться от них во что бы то ни стало, и нельзя даже сказать, до какого уровня дошло бы их падение, если бы оно не встретило фактической преграды в отсутствии покупателей на них»⁸⁰. Паническое настроение, охватившее французские круги, стало спадать по мере того, как обнаружилось, что роспуск Думы не послужил поводом для новых серьезных революционных выступлений. «Лебединая песня» членов Думы (Выборгское воззвание) не встретила отклика в этих кругах, где теперь были обеспокоены прежде всего тем, чтобы в стране сохранился «порядок»⁸¹. Не прошли тут даром, видимо, и старания Столыпина обрести доверие французских финансовых и правительственных кругов. Новый премьер не ограничился для этой цели только услугами прессы, но и встретился непосредственно с французским послом. В разговоре с Бомпаром Столыпин заявил, что правительство намерено установить твердый порядок, но пойдет не по пути реакции, а реформ, а он сам в отличие от своих предшественников Витте и Горемыкина имеет четкую программу действий, которая вскоре всем будет известна⁸².

И действительно, как сообщал Коковцову менее чем через неделю после роспуска Думы глава «русского синдиката» в Париже Нецлин, в парижских финансовых сферах склонны были надеяться, что правительство Столыпина «намерено твердо стать на путь политического прогресса». «Если бы нынешний кабинет решился по собственной инициативе,— писал Нецлин,— провести в жизнь часть тех политических реформ, в отношении которых предшествующее министерство не могло и не хотело сделать каких-либо уступок Думе, предъявлявшей свои необдуманные и неосновательные требования, я убежден, что это рассеяло бы то недовольство, которое в настоящее время обнаруживается на Западе»⁸³. Коковцов со своей стороны принял все меры к тому, чтобы укрепить это сочувственное отношение французских банковских кругов к правительству Столыпина. В свое время, очевидно, еще до его сформирования, Коковцов уже «имел случай сообщить» Нецлину о «намерении» нового правительства «привлечь в состав кабинета общественных деятелей»⁸⁴. Теперь же он спешил сообщить в Париж, что «намерение это не имело успеха, несмотря на самое искреннее желание Столыпина осуществить его» исключительно по вине самих общественных деятелей, которые «не оказались на высоте патриотической задачи» и не уступили уговорам не только Столыпина, но и самого императора «принять назначение на министерские посты»⁸⁵. Коковцов решительно отводил высказывавшуюся в печати мысль об отрицательном в этом отношении влиянии «некоторых наиболее консервативных представителей бюрократического режима» и еще раз заверял французского банкира, что действительно влиятельные члены кабинета употребили все усилия «к тому, чтобы облегчить вступление общественных деятелей в правительство»⁸⁶.

⁸⁰ В. Н. Коковцов. Указ. соч., т. I, стр. 222.

⁸¹ «Русские финансы», стр. 323. Нецлин — Коковцову, 15/28 июля 1906 г.

⁸² М. В о т р а г д. Указ. соч., стр. 227—228.

⁸³ «Русские финансы», стр. 323. Нецлин — Коковцову, 15/28 июля 1906 г.

⁸⁴ Там же, стр. 325. Коковцов — Нецлину, 28 июля/10 августа 1906 г.

⁸⁵ Там же, стр. 325—326.

⁸⁶ Там же.

Сообщение Коковцова о переговорах с «общественными деятелями» вызвало в парижских финансовых кругах «чрезвычайный интерес». «Ваши разъяснения,— писал Коковцову из Парижа Нецлин,— доставили здесь истинное удовольствие; они внушают доверие ко всей предстоящей деятельности правительства Столыпина»⁸⁷. Однако французский финансовый мир продолжал волновать не только состав нового правительства, но и целый ряд совершенно определенных сторон его политики. И Коковцову пришлось давать не только Нецлину, но и Вернейлю пространные объяснения об отношении правительства Столыпина к вопросу о предоставлении равноправия евреям и о том, какую роль новая Дума будет играть в предстоящих русских финансовых операциях. В последних числах июля (ст. ст.) Коковцов уже сообщал в Париж о своем намерении «в самом непродолжительном времени» войти в Совет министров с предложением «об отмене всяких ограничений для евреев в смысле занятия торговлей и промыслами и стеснительных постановлений относительно участия их в акционерных предприятиях, а также об отмене закона 3—16 мая 1882 г.»⁸⁸. Что касается роли новой Думы в решении финансовых вопросов, то Коковцов заявил, что правительство намерено действовать в соответствии с «основными законами», а, стало быть, бюджет 1907 г. должен быть представлен на рассмотрение обеих палат, т. е. Думы и Государственного совета, равно как и новые займы после созыва Думы «будут подлежать» их разрешению⁸⁹. «Но если бы государство встретило необходимость в займе до созыва Думы,— писал Коковцов,— то такой заем на основании статей 45 и 76 основных законов мог быть разрешен его величеством (*par voie de decret*) по докладу Совета министров. Я надеюсь, однако, что мы будем избавлены от необходимости прибегать до открытия Думы к займам внешним и ограничимся небольшой внутренней кредитной операциею для специальной цели оказания помощи населению, постигнутому неурожаем»⁹⁰. Процедура утверждения бюджета вызвала у Нецлина восторженную реакцию: «Так поступают и парламенты западных либеральных государств». Его смутила только перспектива «вмешательства палат» в переговоры о займах⁹¹, но Коковцов поспешил рассеять сомнения французского банкира, указав ему на то, что Дума и Государственный совет полномочны будут решать только вопрос о «необходимости того или иного займа», проведение же

⁸⁷ «Русские финансы», стр. 329. Нецлин — Коковцову, 10/23 августа 1906 г.

⁸⁸ Там же, стр. 327. Коковцов — Нецлину, 28 июля/10 августа 1906 г. Из воспоминаний Коковцова известно, что попытки пересмотра законодательства о евреях были предприняты правительством Столыпина в октябре — декабре 1906 г. Столыпин, считавший необходимым расширить права еврейского населения, ссылался на то, что даже В. К. Плеве «при всем его консерватизме» незадолго до смерти предпринял «некоторые меры к сближению с еврейским центром в Америке», которые, впрочем, были встречены довольно холодно «руководителем этого центра» банкиром Шифом.

В октябре 1906 г. Совет министров подготовил решение об исключении из законодательства «целого ряда» существовавших для евреев ограничений. Однако Николай II отказался утвердить журнал Совета министров и вернуть его в конце декабря 1906 г. Столыпину с сопроводительным письмом, поразившим своим мистическим настроением даже Коковцова. «Несмотря на вполне убедительные доводы в пользу принятия положительного решения по этому делу,— писал Николай II Столыпину,— внутренний голос все настойчивее твердит мне, чтобы я не брал этого решения на себя. До сих пор совесть моя никогда меня не обманывала, и в данном случае я намерен следовать ее велениям. Я знаю, Вы также верите, что «сердце царевы в руках божиих». Да будет так. Я несу за все власти, мною поставленные, великую перед богом ответственность и во всякое время готов отдать ему в том ответ» (В. Н. Коковцов. Указ. соч., т. I, стр. 238—239).

⁸⁹ «Русские финансы», стр. 327. Коковцов — Нецлину, 28 июля/10 августа 1906 г.

⁹⁰ Там же, стр. 328.

⁹¹ Там же, стр. 330. Нецлин — Коковцову, 10/23 августа 1906 г.

операции и ее условия, как и прежде, будут зависеть от министра финансов. «Так как в данный момент,— вам это известно лучше, чем кому-либо,— правительство не имеет намерения обращаться к иностранному кредиту, вопрос этот имеет в настоящее время чисто академический характер»,— заключил свои рассуждения Коковцов⁹².

В опубликованной переписке Коковцова с Нецлиным за осенние месяцы 1906 г. налицо, таким образом, все признаки того, что финансово-политическая программа правительства Столыпина была встречена парижскими банкирами с очевидным удовлетворением. Однако оно оказалось бессильным повлиять на настроения французских парламентских сфер и прессу, по-прежнему доставлявшую русскому Министерству финансов немало беспокойства. При этом Коковцов, вольно или невольно, сам дал лишний повод французским газетам для обсуждения финансового положения России: 22 сентября/5 октября «Тан» опубликовала его письмо Столыпину от 6/19 сентября, имевшее, разумеется, секретный характер⁹³.

Русское Министерство финансов вступило в 1906 г. с дефицитом в 481,1 млн. руб., помимо которого ему предстояло погасить краткосрочный заем 1905 г. в 150 млн. руб. и расходы за 1905 г. в 180 млн. руб. Для покрытия всей суммы в 811 млн. руб. были мобилизованы 677 млн. руб., вырученные в результате заключенного в апреле внешнего займа; 20 млн. руб., полученные за счет сокращения по росписи; 5 млн. руб., перечисленных в казну «специальных капиталов»; 34 млн. руб., добытые от реализации в августе 1906 г. «через портфель сберегательных касс» внутреннего займа; 100 млн. руб., поступившие за счет превышения в доходах за семь первых месяцев 1906 г.⁹⁴ Эти поступления составили в итоге 836 млн. руб., которыми можно было покрыть с избытком в 25 млн. руб. и дефицит текущего 1906 г., и невыполненные расходы за истекший 1905 г. Однако «уже после сведения росписи» было принято решение об отпуске 50 млн. руб. на «разные потребности» и 75 млн. руб. на оказание продовольственной помощи населению. В результате к сентябрю 1906 г. «недостаток в средствах» казны достиг 95 млн. руб. и угрожал до конца года увеличиться до 155 млн. руб. за счет новых расходов, связанных с требованиями Военного ведомства о подкреплении его средств продовольственными потребностями, оплатой Японии издержек по содержанию русских военнопленных и т. п.⁹⁵ Все эти расчеты, предъявленные Коковцовым в письме Столыпину, равно как и его требование сократить расходы по всем ведомствам и в первую очередь по военному, поскольку не предвидится «возможность заключения внешнего займа», стали благодаря «Тан» достоянием мировой печати. «Тан» же сопроводила свою публикацию еще и «враждебно тенденциозными» (по определению Коковцова) комментариями⁹⁶. Петербургское телеграфное агентство поместило в ответ во французских и немецких газетах «официальные разъяснения»⁹⁷. Впрочем, эта попытка «смягчить» неблагоприятное впечатление о русском кредите у западного читателя, конечно, не могла иметь серьезного значения, и Коковцов вновь обратился к синдикату биржевых маклеров Вернейлю с просьбой использовать свой «престиж» и «положение в деловом мире Парижа» для воздействия на

⁹² Там же, стр. 334. Коковцов — Нецлину, 22 августа/4 сентября 1906 г.; см. также. ЦГИА СССР, ф. 560, оп. 22, д. 390, лл. 22—23.

⁹³ «Русские финансы», стр. 336—340. Коковцов — Столыпину, 6/19 сентября 1906 г.

⁹⁴ Там же, стр. 337.

⁹⁵ Там же, стр. 337—338.

⁹⁶ Там же, стр. 341. Коковцов — Вернейлю, 29 сентября/12 октября 1906 г.

⁹⁷ «Русские финансы», стр. 336.

«враждебно» настроенные к России печать и парламентские группы⁹⁸. Обращаясь к Вернейлю, Коковцов на этот раз особенно подчеркивал тесную связь франко-русских финансовых отношений с политическим союзом, которому-де в первую очередь и наносит ущерб критика во французских газетах внутреннего положения России⁹⁹.

Однако тема эта не нашла отклика в ответе Вернейля, который уклонился от попыток использовать свое влияние в парламенте или прессе. Вернейль одно только советовал русскому правительству: «воспользоваться» первым же удобным случаем и «во всеуслышание твердо заявить о своем желании управлять конституционным порядком и, в частности, работать в согласии с новой Думой над постепенным установлением либерального режима». «Могу с уверенностью утверждать, — писал он Коковцову, — что официальные заявления подобного рода, сделанные авторитетным путем, нашли бы здесь серьезный отклик... Минута представляется удобной для демонстрации либеральных идей, которые произведут здесь большой эффект»¹⁰⁰. В Петербурге, однако, не вняли этому совету. Ни Столыпин, ни Коковцов, видимо, не собирались идти в своих заявлениях о программе деятельности нового правительства дальше того, что ими уже было сказано и через печать, и в переписке с представителями французского финансового мира и уже приносило свои плоды.

Близился конец 1906 г., революция отступала, положение царизма с каждым днем становилось более устойчивым.

* * *

Последние месяцы 1906 г. ознаменовались важным событием во франко-русских отношениях, свидетельствовавшим о том, что правительство Столыпина обрело полное доверие в парижских банковских кругах. 30 ноября/13 декабря Вернейль обратился к Коковцову с предложением создать «мощную» финансовую группу из русских и французских банков для содействия развитию в России коммерческих и промышленных предприятий «с помощью французских капиталов». По мнению Вернейля, наиболее крупные русские банки, такие, как С.-Петербургский Международный, Учетный, Русский для Внешней торговли, Волжско-Камский и Азовско-Донской, должны были разделить с французскими банками «моральную и материальную ответственность» за организуемое предприятие¹⁰¹. Предложение Вернейля было встречено в Петербурге с «особенным удовольствием», и Коковцов неделю спустя уже сообщил в Париж, что все упомянутые Вернейлем банки счастливы принять участие в образуемой франко-русской группе, а их представители А. И. Вышнеградский и Я. И. Утин¹⁰² выезжают для переговоров по поводу сделанного Вернейлем предложения¹⁰³. Однако деятельность франко-русского синдиката очень скоро натолкнулась на неожиданные для русского правительства трудности.

⁹⁸ «Русские финансы», стр. 341. О своем недовольстве позиции «Тан» и ее комментариями по финансовым вопросам в декабре 1906 г. заявил французскому послу и Николаю II (М. В о т р а г д. Указ. соч., стр. 250).

⁹⁹ «Русские финансы», стр. 341.

¹⁰⁰ Там же, стр. 344—345; см. также: ЦГИА СССР, ф. 560, оп. 22, д. 309, лл. 27—29.

¹⁰¹ «Русские финансы», стр. 371—372.

¹⁰² В Париже к А. И. Вышнеградскому и Я. И. Утину присоединился П. Л. Барк, приехавший с юга Франции, где он проводил свой отпуск (ЦГИА СССР, ф. 560, оп. 22, д. 313, лл. 11—12. П. И. Миллер — Е. Д. Львову, 20 января/2 февраля 1907 г.).

¹⁰³ «Русские финансы», стр. 373—374. Коковцов не упомянул в своем ответе только Азовско-Донской банк, по предположению Б. А. Романова «ввиду связи с его газетой „Речь“» (там же).

В апреле 1906 г. русское правительство взяло на себя обязательство не совершать в течение двух лет во Франции государственных займов, которое не распространялось, впрочем, на железнодорожные займы, в том числе и гарантированные государством. В связи с этим франко-русский синдикат предпринял в начале 1907 г. попытку разместить на парижской бирже гарантированные правительством облигации русских железнодорожных обществ. Но тут-то и всплыл на поверхность чисто «академический», по выражению Коковцова, вопрос о роли Думы в заключении внешних финансовых операций. Этот вопрос принял сугубо практический характер, ибо французское правительство отказалось допустить к котировке облигации гарантированного правительством железнодорожного займа без разрешения Думы.

Еще в начале февраля 1907 г. французский министр финансов Кайо (заявивший этот пост в сформированном в октябре 1906 г. кабинете Клемансо) ответил на запрос, который был сделан в парламенте депутатом Руанне по поводу франко-русского синдиката, что русские бумаги, выпуск которых будет осуществлен при поддержке этого синдиката, будут допущены к котировке только «на вполне законном основании»¹⁰⁴. В начале марта (ст. ст.) Коковцову стало известно из газет заявление Кайо представителям франко-русского синдиката, что облигации российских железных дорог, гарантированные правительством, будут допущены к биржевому обращению только в случае одобрения этой операции Государственной думой¹⁰⁵. Достоверность газетного сообщения не вызвала у Коковцова ни малейшего сомнения, ибо он уже знал, что подобной же точки зрения придерживаются и некоторые представители французского финансового мира¹⁰⁶. Поэтому, не дожидаясь «официального донесения» агента Министерства финансов о заявлении Кайо, Коковцов поспешил предпринять шаги к тому, чтобы воздействовать на французское правительство через дипломатические каналы и заставить его изменить принятое решение. Поведение Кайо вызвало у Коковцова смешанное чувство раздражения и глубокого беспокойства. «От французского правительства, конечно, зависит давать разрешение на биржевое обращение тех или иных ценностей,— писал он Извольскому 9/22 марта 1907 г.,— но мотивировать невозможность такого обращения отдельных ценностей только тем, что на выпуск их не испрашено разрешение Государственной думы, равносильно признанию того, что ценности эти выпущены незаконно и что законными могут быть признаны лишь такие облигации, гарантированные правительством, которые разрешены Государственной думой. Подобную точку зрения я могу объяснить себе двояким образом: или желанием французского министра финансов воспрепятствовать вообще биржевому обращению ценностей, выпускаемых Россией, или совершенно неправильным пониманием действующих у нас законов. В первом случае подобное действие должно быть рассматриваемо как действие прямо недружелюбное и, казалось бы, вызывало бы необходимость соответствующих шагов со стороны представителя императорского правительства в Париже. Во втором случае на том же правительстве лежит, как мне кажется, нравственный долг устранить неправильное понимание русского законодательства и исправить тем самым ошибку, могущую иметь нежелательные последствия и в сфере наших политических отношений»¹⁰⁷.

¹⁰⁴ Нелидов сообщил об этом в Петербург в своем донесении от 6/19 февраля 1907 г. (ЦГИА СССР, ф. 560, оп. 22, д. 315, лл. 8—9).

¹⁰⁵ Там же, лл. 1—4. Коковцов — Извольскому, 9/22 марта 1907 г.

¹⁰⁶ Там же.

¹⁰⁷ Там же.

Разумеется, что Коковцова беспокоил в первую очередь не факт «неправильного», с его точки зрения, толкования «отдельными представителями французского правительства» русских законов, хотя он и склонен был видеть в этом «признаки вмешательства» в сферу русского законодательства, а само существо дела. И Коковцов прямо указал на это в письме Извольскому. «Мы вступаем в такой период нашей экономической жизни,— писал он,— когда потребность в постройке железных дорог становится все более и более неотложной. Приступить к постройке железных дорог без участия иностранных капиталов мы не в состоянии. Обилие же капиталов и даже готовность их искать помещению в этом направлении имеется только во Франции. Поэтому точка зрения Кайо, если она была окончательно усвоена французским правительством, имела все свойства искусственного воспрепятствования капиталу находить себе помещение в железнодорожных предприятиях России и была бы равносильна полному застою в нашем железнодорожном строительстве к прямому ущербу экономических интересов нашего отечества»¹⁰⁸.

Задача найти выход из создавшегося положения и «оградить достоинство России без нарушения... близких политических отношений» с Францией была возложена на Нелидова. Однако предпринятые русским послом в Париже шаги не принесли утешительных для правительства результатов. Нелидову удалось выяснить, что Кайо не делал публичного заявления, а просто высказал свою точку зрения относительно русских железнодорожных займов «в частных разговорах с отдельными лицами французского финансового мира». Но суть дела от этого не менялась, ибо Кайо преследовал цель «предупредить ходатайства о допущении на парижской бирже новых выпусков русских бумаг, на падении курса которых французы понесли в последние два года столь значительные потери»¹⁰⁹. «Действуя таким образом,— доносил в Петербург Нелидов,— министр финансов отчасти подчинился давлению вождя социалистов Жореса, имеющего, несмотря на личные препирательства с г. Клемансо, несомненное влияние на председательствуемое последним министерство. Вместе с тем, однако, он имел в виду и необходимость обставить самым законным образом условия обращения нашего к французскому рынку»¹¹⁰. Наконец, Нелидову было известно и непосредственно от самого Кайо, что тот «готов всегда допускать заключение в Париже новых русских займов», но раз уж в России «учреждена Дума, которой предоставлено право наблюдения за финансовыми интересами государства», необходимо, чтобы «займы были ею одобрены»¹¹¹.

К тому моменту, когда вопрос о правах Думы разрешать выпуск гарантированных правительством русских железнодорожных займов неожиданно оказался в поле зрения французских правящих кругов, он уже имел свою историю. До 1905 г., согласно п. 3 ст. 26 об учреждении Комитета министров, дела о сооружении и эксплуатации железных дорог подлежали рассмотрению Комитета министров и Департамента Государственной экономики Государственного совета¹¹².

В составленном А. Г. Булыгиным в начале 1905 г. проекте учреждения Государственной думы к ее компетенции были отнесены (согласно п. 16 ст. 32) «предварительная разработка и обсуждение подлежащих рассмотрению Государственного совета представлений министра путей

¹⁰⁸ ЦГИА СССР, ф. 560, оп. 22, д. 315, лл. 1—4.

¹⁰⁹ Там же, лл. 8—9. Нелидов — Извольскому, 4/17 апреля 1907 г.

¹¹⁰ Там же, лл. 8—9.

¹¹¹ Там же.

¹¹² «Свод законов», т. I, ч. 2, изд. 1901 г.

сообщения по разрешению постройки железных дорог»¹¹³. При рассмотрении булыгинского проекта в Совете министров п. 16 ст. 32 первоначально был вовсе из него исключен, но в конечном счете восстановлен в следующей редакции: обсуждению Государственной думы «подлежат дела о постройке железных дорог непосредственным распоряжением казны и за ее счет» (п. 7, ст. 35). Это постановление, лишившее Думу права рассматривать вопросы частного железнодорожного строительства, вошло в документы об учреждении Думы от 6 августа 1905 г. (ст. ст.) (п. «д» ст. 33) и 20 февраля 1906 г. (ст. ст.) (п. 5 ст. 31)¹¹⁴.

Однако стоило I Государственной думе открыть свои заседания, как вновь был поставлен вопрос о ее правах в области контроля за частным железнодорожным строительством. Вопрос этот возник при составлении наказа Государственной думе. До своего роспуска I Дума успела принять и утвердить три главы наказа, в последнюю из которых вошел п. «б» параграфа 33, определявший функции постоянной финансовой комиссии. В нем указывалось, что компетенции комиссии, помимо прочего, подлежат рассмотрению дел «по постройке железных дорог за счет казны или с ее гарантией»¹¹⁵. Эта попытка включить в компетенцию Думы и частное железнодорожное строительство вызвала резкие возражения со стороны Сената, в который был направлен после утверждения Думой в конце мая (ст. ст.) все три главы наказа. 12/25 июня 1906 г. I-й департамент Сената вынес определение по поводу обнаруженных им в наказе «некоторых несоответствий» существующим законам. В частности, в определении I-го департамента Сената была признана незаконной попытка расширить компетенцию Государственной думы в смысле отнесения к ее ведомству дел по постройке гарантированных правительством частных железных дорог¹¹⁶.

В связи с роспуском I Государственной думы конфликт между нею и Сенатом так и остался неразрешенным. II Дума постановлением 24 февраля (ст. ст.), впредь до утверждения всего наказа, приняла к руководству первые три главы наказа в их первоначальной редакции. Комиссия II Думы, которая должна была пересмотреть первые главы, в первую очередь приступила к составлению последующих глав. Когда Дума, постановлениями 8/21 и 10/23 мая 1907 г. приняла главу четвертую и четыре отдела главы пятой наказа, первые три главы так и не были ею еще пересмотрены. В результате II Государственная дума на протяжении всей своей деятельности фактически руководствовалась 33-й статьей наказа, предусматривавшей право Думы контролировать гарантированное правительством железнодорожное строительство¹¹⁷. Стало быть, требование Кайо о том, чтобы Дума санкционировала выпуск гарантированных правительством железнодорожных займов, прямо соответствовало содержанию хотя и опротестованных Сенатом, но еще не отмененных самой Думой статей наказа. Такое «совпадение» несколько осложняло положение русского правительства.

Однако самодержавие, избежавшее в апреле 1906 г., в гораздо более сложных для него условиях революционного подъема, вмешательства Думы в заключение крупного государственного займа, ни при каких условиях не собиралось теперь, в 1907 г., идти на уступки и допустить конт-

¹¹³ ЦГИА СССР, ф. 560, оп. 22, д. 315, лл. 48—49.

¹¹⁴ Там же.

¹¹⁵ «Материалы по составлению наказа Государственной думы». СПб., 1907, стр. 17.

¹¹⁶ Там же, стр. 20.

¹¹⁷ Там же, стр. 6. В подготовленном комиссией II Думы проекте изменений в статьях наказа пункт 33-й был отредактирован в соответствии с требованием Сената (там же, стр. 17).

роль Думы над выпуском за границей железнодорожных облигаций, тем более что правительство Столыпина в апреле 1907 г. уже взяло курс на роспуск II Государственной думы, также оказавшейся для него слишком революционной, и спешно готовило новый избирательный закон¹¹⁸. Поэтому в Петербурге решили принять все меры к тому, чтобы заставить Кайо изменить свое решение и открыть доступ на парижскую биржу новым сериям русских железнодорожных облигаций. Для достижения этой цели были предприняты энергичные действия по линии как русского дипломатического, так и финансового ведомства. Нелидов в связи с возникшим конфликтом нанес специальный визит французскому министру иностранных дел и, не ограничившись устными объяснениями, вручил Пишону ноту и записку, составленную на основании пересланной Извольским выписки из мемории Совета министров. Что касается Коковцова, то он вступил в непосредственные переговоры с Кайо с целью убедить французского министра в том, что с точки зрения русских законов о частном железнодорожном строительстве и железнодорожных займах не входит в компетенцию Государственной думы, обсуждению которой подлежат только государственные займы и строительство дорог за счет казны. Однако, несмотря на старания Коковцова и Нелидова, тяжба с французским правительством относительно допуска на парижскую биржу гарантированных русских железнодорожных облигаций затянулась почти до конца 1907 г., а разрешение ее едва ли можно рассматривать вне связи с дальнейшим укреплением политического и финансового положения кабинета Столыпина.

Разгон II Государственной думы и издание нового избирательного закона 3 июня 1907 г. произвели, как и следовало ожидать, неблагоприятное впечатление на европейские биржи, однако до паники на этот раз дело не дошло. Некоторый переполох в Петербурге вызвало сообщение посла в Лондоне Бенкендорфа о необходимости поддержки со стороны русского Министерства финансов упавшего курса русских ценностей на лондонской бирже. Коковцов немедленно запросил главу банкирского дома «Братья Беринг» лорда Ревельстока, а также Нецлина относительно целесообразности «интервенционных покупок» русских ценных бумаг в Лондоне и Париже и к 8/21 июня уже получил утешительные ответы от обоих банкиров, признавших возможным обойтись без чрезвычайных мер воздействия на биржу¹¹⁹.

Но если разгон Думы не повлек за собой катастрофического падения цен на русские фонды, то из этого отнюдь не следует, что к середине 1907 г. они уже обрели достаточную устойчивость. И в Лондоне, и в Париже спрос на русские ценности все еще был довольно слабым. И хотя Нецлин отклонил предложение Коковцова об «интервенционных покупках» в начале июня 1907 г., французские банкиры после выпуска в апреле 1906 г. 5%-ного займа постоянно требовали от министра финансов не только расходов на «поддержку» прессы, но и предоставления им средств для покупки сбываемых «слабыми держателями» русских облигаций¹²⁰. В связи с тем, что после разгона II Государственной думы эти

¹¹⁸ 24 апреля (ст. ст.) Николай II заявил Коковцову, что считает «вопрос о роспуске окончательно решенным» (Коковцов. Указ. соч., т. I, стр. 265).

¹¹⁹ 8/21 июня Коковцов представил телеграммы банкиров Николаю II (ЦГИА СССР, ф. 583, оп. 4, д. 320, л. 36. Справка о вызванном роспуском Государственной думы понижении русских ценностей на Лондонской бирже и о необходимости поддержки их курса со стороны Министерства финансов). О реакции французской биржи на роспуск Думы см.: ЦГИА СССР, ф. 560, оп. 22, д. 312, лл. 63—64 об. Ефрон — Коковцову, 14/27 июня 1907 г.

¹²⁰ В. Н. Коковцов. Указ. соч., т. I, стр. 279—280.

требования не только не прекратились, но и «сделались снова особенно настойчивыми», а положение правительства несколько укрепилось, Коковцов решился на то, чтобы начать на парижской бирже игру на повышение курса русских ценностей. С этой целью он «предложил парижским банкирам устроить то, что впоследствии получило наименование «Красного креста», т. е. общий счет между русскою группою в Париже и Государственным банком», и вести «операцию поддержки курса» русских бумаг «совместными силами»¹²¹. Когда же выяснилось, что французские банки не решаются принять участие в подобной сделке, Коковцов начал действовать один, на свой страх и риск, давая через Государственный банк и Кредитную канцелярию «прямые приказы парижской бирже»¹²². В тайну этой финансовой операции Коковцов посвятил из Совета министров только Столыпина, которого и держал в курсе дела вплоть до ее завершения в первой половине 1908 г., когда облигации русского 5%-ного займа 1906 г. почти достигли выпускной цены 87—88%, а Государственный банк на их перепродаже получил «чистый доход, превышавший 1 млн. руб.»¹²³. Игра на повышение русских фондов на парижской бирже оказалась «успешной» для русского правительства только благодаря, как это признавал сам Коковцов, спаду революционного движения в стране¹²⁴. Отступление революции, некоторое улучшение финансового положения царского правительства не замедлили отразиться и в сфере франко-русских отношений. Вскоре после третьенюньского переворота «Новое время» обрушилось с критикой на французского партнера по союзу. 22 июня/5 июля 1907 г. газета опубликовала под заголовком «Франко-русские счета» письмо в редакцию, подписанное псевдонимом «Инсаров». Автор письма в резкой форме критиковал и французское правительство, и французскую «официозную печать», обвиняя последнюю в том, что она-де «явно кадетствует», а в результате вся «оппозиция» русского правительства, «до крайних революционеров включительно», черпает во Франции «новые силы для борьбы с существующим... порядком вещей». Разумеется, отношение французского правительства к Думе подвергалось в этой статье самому решительному осуждению. «Pas de Doune — pas d'argent», — провозглашают сенские близорукие политики, писало «Новое время», не сознавая того, что они этим роют яму самим себе, и к тому же упуская из виду, что деньги дают не они, а денежный рынок, и что они не в силах приостановить естественное движение капиталов туда, где они встречают выгодное и верное помещение¹²⁵.

Выступление «Нового времени» представляло собой не что иное, как прямую попытку указать французскому правительству, что если оно дорожит франко-русским союзом, то должно немедленно изменить свое отношение к внутривнутриполитическим событиям в России. Естественно, что в Париже это выступление было встречено с озабоченностью. «Тан» откликнулась на статью «Нового времени» и подвергла разбору некоторые ошибки, допущенные французскими официальными лицами по отношению к России, осудив, в частности, попытки Бомпара вмешиваться в русские внутренние дела и контролировать финансовое положение в стране¹²⁶. Критика поведения Бомпара нашла самый горячий отклик

¹²¹ Там же.

¹²² Там же.

¹²³ Там же.

¹²⁴ Там же.

¹²⁵ «Новое время», 22 июня/5 июля 1907 г.

¹²⁶ Там же, 28 июня/11 июля 1907 г.

на страницах «Нового времени», которое воспользовалось случаем, чтобы еще раз обвинить «парижское правительство» во враждебном отношении к «официальной России». «Отзывы парижской официозной печати,— говорилось 29 июня/12 июля 1906 г. в «Новом времени»,— о наших внутренних делах и некоторые заявления в палате депутатов в ответ на запрос о русском займе производили подчас впечатление, будто правящие круги Франции готовы войти в соглашение с новорожденной, политически незрелой Государственной думой через голову или за спиной русского правительства». Не стоило большого труда догадаться о том, кто стоял за выступлениями «Нового времени» в защиту «официальной России».

Поведение «Нового времени», конечно, прежде всего отражало процесс дальнейшего укрепления, особенно после третьеиюньского переворота, положения правительства Столыпина. Это отразилось и на отношениях министра финансов с представителями французского финансового и делового мира. Обещания реформ и преобразований, на которые Коковцов не скупился после прихода к власти в апреле 1906 г., сменились заверениями в том, что «никакого восстания в духе московского 1905 года опасаться не следует», ибо «правительство теперь иное, чем тогда», и «новый избирательный закон издан именно для того, чтобы спасти народное представительство, которое было искажено совершенно несоответствующими стране слишком широкими избирательными правами по декабрьскому закону 1905 г.»¹²⁷.

Осенью 1907 г. Коковцов предпринял поездку в Париж с целью дальнейшего развития франко-русского финансового и экономического сотрудничества. К сожалению, мы не располагаем достаточно достоверными и полными сведениями о переговорах Коковцова с представителями французского правительства. Однако известно, что предметом обсуждения была, в частности, программа участия французских капиталов в русском железнодорожном строительстве. При этом вновь возник вопрос, необходимо ли разрешение Думы не только на выпуск гарантированных правительством железнодорожных займов, но и на строительство самих дорог. Конкретно же речь зашла о праве русского правительства без представления в Думу одобрить проект постройки Северо-Донецкой дороги, финансирование которой брал на себя франко-русский синдикат. По мнению французских юристов, в частности юрисконсульта Министерства иностранных дел Рено, ссылавшихся на п. 6 ст. 31 закона 1906 г. об учреждении Думы, русское правительство не имело такого права. По-видимому, в ходе переговоров в Париже Коковцову не удалось до конца разрешить спор с французским правительством относительно компетентности Думы в вопросах гарантированного правительством частного железнодорожного строительства. Кайо потребовал от русского министра финансов документального подтверждения того, что частное железнодорожное строительство находится исключительно в ведении правительства и Государственного совета. И Коковцов уже после возвращения в Петербург 4/17 октября отправил французскому министру финансов собственноручно прокорректированные переводы извлечений из двух статей Основных законов, касавшихся компетенции Думы и Государственного совета, а также выписку из мемории Совета министров, посвященную тому же вопросу¹²⁸. В сопроводительном письме Коковцов опротестовал то толкование п. 6 ст. 31 закона 1906 г. об учреждении Думы, которое было дано французскими юристами, указав, что

¹²⁷ В. Н. Коковцов. Указ. соч., т. I, стр. 277.

¹²⁸ ЦГИА СССР, ф. 560, оп. 22, д. 315, лл. 5—6.

этот пункт вообще не имеет отношения к железнодорожному строительству¹²⁹.

Являлось ли это следствием переговоров, которые Коковцов вел с Кайо во время своей поездки в Париж, или были на то и какие-то другие причины, но только на этот раз объяснения русского правительства были приняты во внимание. К 11/24 октября 1907 г. Рафаловичу уже было известно от самого Кайо, что тот получил посланные Коковцовым документы и, прочитав их, «абсолютно убедился» в ошибочности мнения, высказывавшегося юрисконсультлом французского Министерства иностранных дел относительно права Думы контролировать частное железнодорожное строительство¹³⁰. 9/22 ноября Кайо сообщил Коковцову, что его разъяснения позволили «опрокинуть» возражения, которые выдвигались французскими юристами на основе п. 6 ст. 31 закона об учреждении Думы¹³¹. Кайо только интересовал вопрос о том, было ли опубликовано и широко известно в России решение Совета министров, ограничивавшее права Думы только областью государственного железнодорожного строительства¹³². Коковцов поспешил заверить своего французского коллегу, что хотя это решение и не публиковалось, но оно «не составляет секрета» и не раз было «предметом ссылок при рассмотрении Государственным советом дел о постройке железных дорог»¹³³. Поведение Кайо в последние месяцы 1907 г. явно свидетельствовало о том, что французский министр финансов решил уступить и отказаться от наложенного им запрета на допуск к котировке не утвержденных Думой русских железнодорожных займов. И действительно, в 1908 г. число обращавшихся на парижской бирже гарантированных правительством облигаций русских железных дорог увеличилось за счет новых выпусков, осуществленных франко-русским синдикатом.

Что же побудило Кайо отказаться от попытки заставить правительство царя считаться с мнением Думы при рассмотрении дел, связанных с выпуском железнодорожных займов? Едва ли это можно приписать сделанным Коковцовым «разъяснениям», кстати сказать, весьма противоречивых законов относительно прав Думы. Эти разъяснения, как и представленное в апреле 1906 г. заключение Ф. Ф. Мартенса, могли иметь для французского кабинета, пожалуй, только перестраховочное значение. Главное, на наш взгляд, заключалось в том, что как и в апреле 1906 г., так и теперь, в конце 1907 г., французское правительство не решилось ради поддержки Думы ставить на карту интересы франко-русского союза.

После того как сопротивление Кайо было сломлено, правительству Столыпина оставалось еще отвести претензии думской оппозиции, которая отстаивала право Думы контролировать выпуск гарантированных правительством железнодорожных займов. Но это уже не было спешным делом, и пока дебаты по этому вопросу затянулись в Думе до середины

¹²⁹ Там же, лл. 23—28. Согласно п. 6 ст. 31 закона 1906 г., к компетенции Думы были отнесены дела об учреждении акционерных обществ в тех случаях, когда речь шла об исключениях из действовавших законов. По мнению французских юристов, правительственная гарантия оплаты процентов и погашения облигаций частных железнодорожных обществ как раз и была таким случаем и потому подлежала утверждению Думы (там же).

¹³⁰ ЦГИА СССР, ф. 560, оп. 22, д. 315, лл. 34—35. Рафалович — Коковцову 11/24 октября 1907 г.

¹³¹ Там же, лл. 36—36 об.

¹³² Там же.

¹³³ Там же, лл. 37, 37 об. Коковцов — Кайо 17/30 ноября 1907 г.; см. также помету Коковцова на письме Кайо от 9/22 ноября 1907 г. (там же, лл. 36—36 об.).

1909 г.¹³⁴, Министерство финансов беспрепятственно могло совершать и совершало заграничные операции, проводя их, как правило, через 2-й департамент Государственного совета.

В конечном счете царское правительство сорвало все попытки представителей кадетской партии контролировать хоть в какой-то мере через Думу заключение гарантированных железнодорожных займов. Даже в послушной III Думе при робком характере кадетской оппозиции правительство опасалось столкнуться с препятствиями в осуществлении обширной программы именно железнодорожных займовых операций, к которому Коковцов приступил после 1908 г. Что же касается права Думы контролировать государственные займы, то оно не оказалось особенно стеснительным ни для правительства Столыпина, ни для правительства Коковцова, ибо после 1906 г. и вплоть до первой мировой войны за границей был размещен только один русский государственный заем — 4,5% — ный заем 1909 г. на 525 млн. руб. нарицательных¹³⁵.

---

¹³⁴ Дебаты эти возникли в связи с запросом от 15 февраля 1908 г. 43 депутатов Думы (в большинстве своем кадетов) председателю Совета министров и министру финансов «по поводу неправильного порядка ведения дел по разрешению выпуска гарантированных правительством облигаций частных железных дорог» («Приложения к стенографическим отчетам Государственной думы», т. I, № 142. СПб., 1908, стр. 710—712). Запрос обсуждался в Думе 3 декабря 1908 г., 25 февраля, 5 марта и 8 мая 1909 г. («Государственная дума, Третий созыв». Стенографические отчеты, ч. I, 1908; ч. II—IV, 1909 г.).

¹³⁵ Заем предназначался для погашения 5% обязательств Государственного казначейства 1904 г. и покрытия чрезвычайных расходов 1909 г. Правое большинство Думы обеспечило министру финансов полную свободу действий в подготовке этой операции. Против займа выступили только социал-демократическая фракция и трудовая группа. Кадетская фракция признала себя обязанной голосовать за ту часть займа, которая предназначалась для погашения обязательств 1904 г., и при поштатном голосовании законопроекта высказалась только против предоставления министру финансов права до утверждения бюджета занимать 150 млн. руб. на погашение чрезвычайных расходов 1909 г. («Государственная дума. Стенографические отчеты. Третий созыв». Сессия II, заседания 23, 28 ноября 1908 г., стр. 1985—1986).

М. С. СИМОНОВА

АГРАРНАЯ ПОЛИТИКА САМОДЕРЖАВИЯ В 1905 г.

1905 год был своеобразным этапом в развитии аграрной политики царизма. Уже предреволюционный период ярко обнаружил кризис традиционного дворянско-крепостнического аграрного курса. Напрасны были попытки В. К. Плеве реформировать дворянско-крепостническую аграрную политику, согласовать ее с требованиями жизни. С конца 1904 г. основным центром разработки «крестьянского вопроса» стало Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности под председательством С. Ю. Витте. Совещание действовало на основе указа 12 декабря 1904 г., провозгласившего курс на уравнивание крестьян в правах с другими сословиями. Опираясь на поддержку большинства местных комитетов, виттевское Особое совещание в период с декабря 1904 г. по март 1905 г. высказалось против общины, в пользу крестьянской индивидуальной частной поземельной собственности, против правовой сословной обособленности крестьянства, противоречившей потребностям капиталистического развития¹. В политическом отношении план Витте объективно выражал разрыв с традиционным курсом опоры на все крестьянство как патриархальное целое и переход к иному курсу — опоры на зажиточную крестьянскую верхушку.

Принципиально однородный со столыпинской аграрной реформой план Витте в еще большей мере, чем столыпинский, таил в себе элементы своего неизбежного краха. Утопичными были надежды на возможность преобразования самодержавия на буржуазной социально-экономической основе. Полукрепостническое дворянство по-прежнему оставалось главной социальной опорой царского режима, а это закрывало путь для сколько-нибудь глубокого капиталистического преобразования деревни. Буржуазная аграрная реформа выступала в планах Витте в старом демагогическом обличье защиты интересов «всего народа». Характерным был своеобразный «нейтралитет», провозглашенный Витте по отношению к общине. В отличие от Столыпина Витте выступал против полицейских методов ее разрушения. В действительности же царское правительство никогда не было «нейтральным» к общине. Отмирание последней во многом искусственно задерживалось мерами аграрной политики. Проводимая Витте идея государственной защиты и поддержки мелкой крестьянской собственности была на деле всего лишь одним из вариантов бюрократически-крепостнического насилия над крестьянством. Однако в начале 1905 г., в обстановке бурного подъема революции, виттевский план перестройки аграрного курса правительства не получил поддержки в правящих сферах.

---

¹ С. Ю. Витте. Записка по крестьянскому делу. СПб., 1904; а также выступление Витте в Особом совещании о нуждах сельскохозяйственной промышленности («Протоколы по крестьянскому делу». СПб., 1905).

События 9 января и невиданный подъем пролетарского движения в первые месяцы революции вызвали в правящем лагере своеобразный взрыв реакционных иллюзий о патриархальности крестьянства и преданности его самодержавию. Мнимая консервативность крестьянства противопоставлялась революционности пролетариата.

Рескрипт о Булыгинской думе 18 февраля исходил из предпосылки, что будущая совещательная дума будет крестьянской по преимуществу². Для характеристики настроений правящих сфер и всего помещичьего дворянства на протяжении 1905 г. показательны прения по поводу принципиальных основ избирательного закона о выборах в совещательную Булыгинскую думу, в проходивших в июле 1905 г. «Петергофских совещаниях». Так, ярый сторонник сословной системы выборов А. А. Бобринский утверждал: «Об устойчивую стену консервативных крестьян разобьются все волны красноречия передовых элементов»³. П. Х. Шванебах (исполняющий должность главноуправляющего землеустройством и земледелием), видный представитель реакционной бюрократии «старого закала», говорил: «...крестьян можно уподобить ценному балласту, который придает устойчивость кораблю — Думе в борьбе со стихийными течениями и увлечениями общественной мысли»⁴. Таких высказываний было много, и именно они определяли будущее содержание избирательного закона.

Булыгинская избирательная система, сословная по отношению к крестьянству и полностью лишавшая рабочий класс избирательных прав, была воплощением реакционного политического курса, торжеством старых попечительно-охранительных начал внутренней политики. Очевидно, именно эти «начала» должны были воплотиться и в аграрной политике. Виттевское совещание с его многосторонней критикой общины и сословного крестьянского строя самым очевиднейшим образом расходилось с общими принципами внутривнутриполитического курса, в том его реакционном варианте, который стабилизировался уже в феврале 1905 г. Далее, к марту 1905 г. Особое совещание полностью исчерпало ту политическую роль, для которой оно собственно и предназначалось: стать «отдушиной» для общественного недовольства. Либеральная буржуазия, определив свою аграрную программу дополнительного наделения крестьян землей путем «принудительного отчуждения» ее у помещиков за выкуп по «справедливой оценке», уже в феврале решительно отмежевалась от виттевского Особого совещания⁵. Все это обусловило падение престижа Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности и Витте как его председателя.

30 марта, в день закрытия виттевского Особого совещания, Николай II объявил об учреждении взамен его «Особого совещания о мерах к укреплению крестьянского землевладения»⁶. Председателем нового совещания был назначен И. Л. Горемыкин, пользовавшийся поддержкой реакционной камарильи. Сам Витте объяснял закрытие Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности интригами правых: Горемыкин вместе с А. В. Кривошеиным «подвели при помощи генерала Трепова (товарища министра внутренних дел Булыгина) под совещание

² С. Ю. Витте. Воспоминания, т. 2. М., 1960, стр. 484.

³ «Петергофские совещания о проекте Государственной думы». Пг., 1917, стр. 142.—143.

⁴ Там же, стр. 143.

⁵ «Постановление Московского съезда земских деятелей 24 и 25 февраля 1905 г.».— «Аграрный вопрос». Сборник, т. I. М., 1906, стр. VII.

⁶ «Полное собрание законов Российской империи». Собрание третье (далее — ПСЗ, III), т. XXV, 1905 г., отд. 1. СПб., 1908, стб. 26034.

мину, внушив, что оно неблагонадежно»⁷. Витте, конечно, преувеличивал. Безусловно, правые воспользовались благоприятной обстановкой для того, чтобы «свалить» Витте. Но главная причина была иная.

Февральско-мартовские выступления крестьянства вызвали усиление реакционных настроений в помещичьем дворянстве и правящей бюрократии. Одних репрессий, однако, было явно недостаточно. На первый план в аграрной политике выдвинулись поиски мер, которые могли бы внести немедленное «успокоение» в деревенскую среду, оживить и укрепить пошатнувшиеся монархические иллюзии крестьянства.

Намеченная виттевским совещанием буржуазная реформа, к тому же рассчитанная на длительный исторический период, не могла быть использована для этой задачи; она не имела никаких шансов привлечь крестьянство, поднявшееся на борьбу против помещиков. Именно политическое значение аграрной программы правительства подчеркнул диктатор Д. Ф. Трепов, обратившийся в марте 1905 г. к Николаю II со специальным докладом. Трепов обвинял Витте в извращении «правильной перспективы» в разработке аграрной политики, так как вместо рассмотрения реальных экономических причин, угнетающих ныне сельское население, вопрос переносится в область «юридических построений»⁸. Он предлагал отказаться от направления, данного указом 12 декабря 1904 г., и вместо стремления к уничтожению сословий принять меры для подъема экономического положения крестьянства. «Изменение поземельных отношений и широкое развитие экономических реформ представляет в данный момент более настоятельный и существенный вопрос, чем какая бы то ни было реформа политическая», — писал Трепов⁹.

Именно эта идея Трепова о необходимости выдвижения на первый план в аграрной политике экономических проблем положения крестьянства и была воплощена в рескрипте 30 марта 1905 г. об учреждении Особого совещания о мерах к укреплению крестьянского землевладения. Рескрипт предписывал обратить особое внимание «на непосредственное упрочение земельного строя крестьян как главной основы народного благосостояния»¹⁰. Однако, как мы увидим в дальнейшем, решение этой задачи намечалось в Особом совещании Горемыкина в ином плане, чем предлагал Трепов.

История горемыкинского совещания до сих пор еще почти не изучена¹¹. Между тем деятельность его представляет интерес, ибо вплоть до

⁷ С. Ю. Витте. Воспоминания, т. 2, стр. 536.

⁸ Д. Ф. Трепов. Земельная политика и крестьянский вопрос. — Цит. по тексту, впервые приведенному Г. М. Дейчем в кандидатской диссертации «Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности 1902—1905 гг.» М., 1946, стр. 211.

⁹ Там же.

¹⁰ ЦГИА СССР, ф. 1212 (Особое совещание о мерах к укреплению крестьянского землевладения), оп. XVI, 1905 г., д. 1, л. 74—74 об.

¹¹ В книге С. М. Дубровского «Столыпинская земельная реформа» (М., 1963) содержится лишь общая оценка Особого совещания Горемыкина. Автор считает его деятельность «подготовительным шагом к будущей столыпинской реформе» (стр. 88). С этой точкой зрения, однако, нельзя согласиться. Подобную оценку можно отнести лишь к позиции меньшинства в горемыкинском совещании. Совещание же в целом продолжило курс, намеченный В. К. Плеве и направленный на защиту сословного общинного строя. В других работах, посвященных аграрной политике самодержавия, в том числе в 1905 г., анализ горемыкинского совещания либо отсутствует, либо о нем лишь упоминается в связи с закрытием Особого совещания под председательством С. Ю. Витте (И. В. Чернышев. Аграрно-крестьянская политика России за 150 лет. Пг., 1918, стр. 308; Е. Г. Василевский. Идеиная борьба вокруг столыпинской аграрной реформы. М., 1960, стр. 29; Е. И. Бочкарева. Из истории аграрной политики царизма в годы первой русской революции. — «Ученые записки Ленинградского государственного педагогического института им. А. И. Герцена», т. 61, кафедра истории СССР. Л., 1947).

октября 1905 г., до создания Совета министров во главе с Витте, горемыкинское совещание было главным центром правительственной аграрной политики.

Реакционный состав горемыкинского совещания во многом предопределял направление его деятельности. Убежденные защитники общины в составе совещания были в большинстве. В работе его приняли самое активное участие известные славянофилы Д. А. Хомяков и Ф. Д. Самарин, зарекомендовавшие себя яркими сторонниками общинного строя в виттевском совещании; П. П. Семенов (экономист, географ, всемирно известный ученый), А. Г. Щербатов (президент Московского общества сельского хозяйства), реакционные члены Государственного совета, соратник Плеве А. С. Стишинский (глава Редакционной комиссии МВД по пересмотру законодательства о крестьянах) и др. Кроме того, к участию в работе совещания была привлечена большая группа высшего чиновничества, представителей министерств и ведомств, руководящих аграрной политикой. Из их числа в горемыкинском совещании выделялась своеобразная оппозиционная к большинству группа противников общинного строя, в том числе управляющий земским отделом В. И. Гурко, начальник переселенческого управления Г. В. Глинка (сменивший А. В. Кривошеина) и ближайшие сотрудники Витте по Министерству финансов Н. Н. Кутлер и А. И. Путилов (в конце 1905 г. управляющий Дворянским и Крестьянским банками).

Группа убежденных противников общины была неоднородной; наряду с принципиальными противниками экономической политики Витте — Гурко, В. Ф. Треповым (сенатор, брат диктатора) она включала соратников Витте, фактически разделявших с последним авторство его планов: Кутлера и Путилова.

Образование подобной группировки показательно в одном плане — в плане намечающегося общего сдвига в сторону столыпинского аграрного курса. Сдвиг этот раньше определился в правящих сферах; помещичье дворянство в целом перешло на эти позиции позднее, под влиянием революции 1905—1907 гг.

Однако в начале 1905 г. правительство продолжало упорно цепляться за отжившую аграрную политику, и это отчетливо видно на примере деятельности горемыкинского совещания. Программа совещания была изложена во всеподданнейшем докладе Горемыкина от 22 апреля 1905 г. Первое, что предложил Горемыкин, — это централизация руководства аграрной политикой (идея, заимствованная у Трепова). Было предложено создать два новых органа: во-первых, Главное управление землеустройства и земледелия (ГУЗиЗ), которое должно было объединить преобразованные Министерство земледелия и государственных имуществ, переселенческое управление и земский отдел МВД¹². Вторым органом, который предназначался для осуществления общего руководства земельным и переселенческим делом, должен явиться Комитет по земельным делам под личным председательством царя в составе министров внутренних дел, финансов, императорского двора и уделов, юстиции, государственного контролера и главноуправляющего землеустройством и земледелием¹³.

Это предложение было немедленно воплощено в жизнь. Создание ГУЗиЗ и Главного комитета по земельным делам было провозглашено

¹² ЦГАИ СССР, ф. 1212, оп. XVI, 1905 г., д. 1, л. 24. Но предложение Трепова передать в ведение ГУЗиЗ и Крестьянский банк, изъяв его из ведения Министерства финансов, Горемыкин все же отклонил из соображений финансового порядка (там же, л. 30).

¹³ ЦГАИ СССР, ф. 1212, оп. XVI, 1905 г., д. 1, лл. 30—31.

указом Николая II уже 6 мая 1905 г.; правительство, таким образом, стремилось выразить свое особое внимание к крестьянскому вопросу¹⁴.

Программа деятельности совещания, во исполнение рескрипта от 30 марта 1905 г., была определена Горемыкиным следующим образом. На совещание возлагались задачи выработки наказа Главному управлению землеустройства и земледелия, инструкции Крестьянскому банку¹⁵, подготовки законодательных предложений (для последующего вынесения в Государственный совет), направленных к улучшению условий крестьянского землевладения. «Целью этой работы,— говорилось в докладе,— должно быть облегчение выдела крестьянам в частную собственность, причитающихся на их долю участков надельной земли».

Николай II в своей резолюции от 2 мая на докладе Горемыкина акцентировал внимание именно на последнем моменте, определив его как главную задачу совещания¹⁶. Вместе с тем было решено, что намеченные законодательные мероприятия по реформированию общины должны «всемерно избегать изменений правительственной регламентации крестьянского землевладения и резкого вмешательства принудительными мерами в исторически сложившийся земельный быт сельского населения»¹⁷. Как на принципиальную основу предстоящего пересмотра Горемыкин сослался на манифест 26 февраля 1903 г. и указ 8 января 1904 г. В этом и заключался фактический разрыв с программой, намеченной Особым совещанием Витте, и возврат к традиционному аграрному курсу в том его варианте, который был осуществлен в проекте Редакционной комиссии МВД 1903 г. под руководством Плеве и Стишинского¹⁸.

Как и Плеве, Горемыкин предлагал укрепить и сохранить крестьянскую общину для основной массы сельского населения. Облегчение порядка выхода из общины имело в виду прежде всего зажиточных. Он ссылался на два новых условия, облегчавших выход из общины (которых не было в 1903 г. при составлении проекта Редакционной комиссии МВД), отмену круговой поруки и ожидающееся завершение выкупной операции¹⁹. Горемыкин писал царю: «В случае осуществления намечаемой меры более предприимчивым и нуждающимся в хозяйственной независимости членам сельских обществ, желающим улучшить свое землепользование, будет открыт путь к освобождению от тяготеющей над ними хозяйственной власти мира и к переходу к более совершенным приемам земледельческой культуры»²⁰. Забота в данном случае проявлялась непосредственно о кулацкой верхушке деревни. Но это еще не была столыпинская ставка на «сильных», ибо проектируемое правило касалось только «отдельных» крестьян, в то время как для основной их массы сохранялась неприкосновенность общинного строя. В качестве гарантии прав общины Горемыкин предлагал вознаградить выходящих деньгами вместо выдела причитающегося им участка земли²¹. Дальнейшее развитие эти основные положения получили в наказе Главному управлению землеустройства и земледелия.

¹⁴ ПСЗ, III, т. XXV, отд. I, 1905 г., стб. 26172.

¹⁵ ЦГИА СССР, ф. 1212, оп. XVI, 1905 г., д. 1, л. 36.

¹⁶ Там же, л. 47.

¹⁷ Там же, л. 48.

¹⁸ См. М. С. Симонова. Кризис аграрной политики самодержавия накануне первой русской революции.— «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1962 год». М., 1964.

¹⁹ ЦГИА СССР, ф. 1212, оп. XVI, 1905 г., д. 1, л. 40.

²⁰ Там же, л. 42.

²¹ Там же.

Основные положения наказа, определявшие существо развиваемого горемыкинским совещанием аграрного курса, были следующие. Совещание исходило из признания неприкосновенности помещичьего землевладения. Поэтому было категорически отвергнуто расширение землевладения крестьян, их дополнительное наделение за счет помещиков как путь к «укреплению крестьянского землевладения». В соответствии с этой основной посылкой роль крестьянского малоземелья как такового участниками совещания преуменьшалась. «Задача обеспечения земель всего крестьянства, и притом как настоящего, так и будущих поколений,— задача совершенно неосуществимая»,— говорилось в наказе²². Речь шла лишь об улучшении условий крестьянского землевладения и землепользования в основном в их существующих границах, т. е. наделение крестьян землей по реформе 19 февраля 1861 г. считалось окончательным. Увеличение размеров крестьянского землевладения допускалось лишь путем покупки земли с помощью Крестьянского банка. «Укрепления крестьянского землевладения» Главное управление землеустройства и земледелия должно было достигнуть «не столько в смысле расширения площади крестьянского землевладения, сколько в смысле поднятия их производительности и доходности»²³.

На этой принципиальной основе и были сформулированы четыре основных направления деятельности ГУЗиЗ: 1) поземельное устройство и улучшение условий землевладения и землепользования в существующих границах; 2) содействие введению сельскохозяйственных усовершенствований; 3) увеличение площади крестьянского землевладения; 4) поддержка и развитие подсобных промыслов²⁴.

Кроме того, на ГУЗиЗ возлагалась задача поддержки и защиты интересов крестьянского землевладения, а также сельскохозяйственной промышленности и мелких крестьянских промыслов, согласование интересов сельского хозяйства с интересами общей экономической и финансовой политики государства (здесь имелись в виду тарифная политика, таможенные пошлины, податное обложение). В завуалированной форме этот пункт содержал критику финансово-экономической политики Витте с дворянских позиций. В самом же горемыкинском совещании критика эта не развернулась. Очевидно, фокус разногласий был именно в проблемах аграрной политики, непосредственно затрагивающей основы полукрепостнической власти помещиков и дворян в деревне.

При обсуждении вопроса о судьбах общины в горемыкинском совещании определились две полярные точки зрения.

На заседании 9 июня 1905 г. выступил Гурко с планом насильственного уничтожения общины, предложив «не считать общинами» общества, в которых в течение 25 лет не было переделов²⁵. «Допускать переделы в таких обществах, где их давным-давно не бывало, где земельные владения отдельных семей так кристаллизовались, значило бы разрушать только что нарождающееся понятие о праве собственности и сознательно идти на путь социальной революции»,— заявлял Гурко, настаивая на общегосударственном значении своей идеи²⁶. Однако план Гурко не собрал большинства. В наказе ГУЗиЗ в соответствии с аграрным курсом Плеве было подчеркнуто, что «укрепление расшатанных устоев земельного быта крестьян» может быть достигнуто лишь

²² ЦГИА СССР, ф. 1212, оп. XVI, 1905 г., д. 2, ч. 2, л. 535.

²³ Там же, л. 536.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же, л. 356.

²⁶ Там же, л. 354 об.

при непременною условии «бережного» отношения к исторически сложившимся порядкам крестьянского землевладения, «дабы неосторожным прикосновением к ним не вызвать нежелательных потрясений во всем многомиллионном составе нашего крестьянского населения»²⁷. В наказе подчеркивалось, что все нововведения могут быть лишь «по осмысленному хозяйственному расчету самих крестьян»²⁸. 5-я статья наказа признавала экономическое преимущество хutorского и отрубного землепользования по сравнению с общинным. ГУЗиЗ предписывалось «отнестись к этому строю с особым вниманием и облегчить населению возможность свободно совершенствовать порядки своего землепользования», подчеркивая вместе с тем отказ от какого-либо принуждения в этой области. Наказ ссылался на мнение редакционных комиссий 1861 г. предоставить судьбу общины «естественному ходу вещей» и провозглашал «неприкосновенность общинного строя». Это означало, что правительство отказывается от новых охранительных мер в отношении общины. Но замалчивался тот факт, что существующая община отнюдь не была свободной, что разложение ее тормозилось правительственной аграрной политикой.

Несмотря на реакционный характер принятой горемыкинским совещанием программы, она вызвала тревогу в лагере сторонников общины. Д. А. Хомяков 26 июня 1905 г. обратился к Горемыкину с письмом, в котором категорически возражал против обращения земли подворного владения в «заурядную частную собственность»²⁹. Хомяков был готов согласиться на облегчение выдела из общины, но при непременною условии «сохранения всех ограничений, связанных с крестьянской надельной землей»³⁰. «Единственный оплот русского самобытного строя во всех отношениях заключается в незыблемости „крестьянства“, обеспеченного землей в сословно-бытовом смысле этого слова», — писал Хомяков³¹. В этой формуле заключались вековая крепостническая вражда дворянства к принципу буржуазной крестьянской собственности, стремление отгородить крестьянство сословными перегородками, сохранить его как объект монополярной эксплуатации.

Хомяков предлагал свой план аграрной реформы, направленный на искусственное сохранение полукрепостнической надельного землевладения крестьян. Согласно этому плану, общинное землевладение могло быть заменено подворным лишь по единогласному решению мира. Выход из общины допускался только путем переселения, притом новые земли подчинялись правилам о недробимости и неотчуждаемости надельных земель. Вводился «участково-общинный уклад» — без переделов, но со скидками и накидками тягол³².

Здесь мы имеем дело с любопытным вариантом традиционного аграрного курса. Защитники последнего уяснили себе, что дело не в общине как форме землепользования, а в связанных с общиной полукрепостнических сословных формах надельного землевладения, противопоставляемых ими буржуазной частной собственности. Собственно эту полукрепостническую надельную собственность и тшился спасти Хомяков, притом методами, еще более реакционными, чем это предусматривалось в свое время Стишинским и Плеве в проекте крестьянского

²⁷ Там же, л. 536.

²⁸ Там же, л. 536 об.

²⁹ Там же, л. 5 об.

³⁰ Там же.

³¹ Там же, л. 14.

³² Там же, лл. 21—22.

законодательства, составленного Редакционной комиссией МВД в 1903 г.³³

Горемыкин в своем ответе Хомякову (10 октября 1905 г.) исчерпывающе пояснил сущность аграрного курса правительства. Сославшись на манифест 26 февраля 1903 г., он подчеркнул, что предложенная им программа «ничего нового» по сравнению с манифестом не вносит: ни выход из общины, ни выдел из нее отдельных крестьян «не колеблют неприкосновенности общественного строя, а, напротив, могут лишь содействовать его прочности, служа в нем как бы предохранительным клапаном»³⁴.

Единственное новшество, введенное Горемыкиным, заключалось в распространении на выделяющихся из общины установленного законом 6 июня 1904 г. для переселенцев права получить денежное вознаграждение за оставляемый в общине земельный надел³⁵. Не приходится доказывать, насколько от такого права было еще далеко до установленной столыпинской аграрной реформой свободной продажи надела. Poleмика об общине в горемыкинском совещании и итоги ее, изложенные в наказе Главному управлению землеустройства и земледелия, ярко раскрывают застойность и консервативность аграрной политики самодержавия. Правящие круги и в условиях революции продолжали цепляться за отживший аграрный курс.

Другие рычаги аграрной политики — переселение, аренда казенной земли и деятельность Крестьянского банка — в наказе ГУЗиЗ были отодвинуты на второй план.

В соответствии с приведенной выше точкой зрения на крестьянское малоземелье переселение по-прежнему рассматривалось как мера «государственного управления», а отнюдь не обязанность государства наделять землей всех малоземельных³⁶. Наказ поддерживал направление, установленное еще Плеве в переселенческом законе 6 июня 1904 г.: главной целью переселения считать «устройство нуждающихся», т. е. разрежение земельной тесноты в центре страны, подчинение колонизационной политики аграрной³⁷. При этом ярко определялась насильственная русификаторская шовинистическая направленность переселенческой политики. Горемыкинское совещание предлагало произвести «выселение и выдел излишних земель, состоящих в пользовании кочевого населения, не ожидая отдаленного, может быть, времени окончательного поземельного устройства кочевников»³⁸.

Таким образом, правительство уже не нуждалось в землеустройстве как ширме для ограбления коренного населения национальных районов Российской империи. В наказе указывалась необходимость расширения масштабов переселенческого движения, отмечалось как крайне неблагоприятное явление развитие обратного переселенческого движения (20—28% прямого). В связи с этим намечалась система мер: от улучшения дела подготовки переселенческих участков до подбора переселенцев. Новым по сравнению с законом 6 июня 1904 г. было предложение о развитии вольной колонизации в особенно трудные для заселения районы (на основе принципов, установленных Комитетом Сибирской железной дороги законом 15 апреля 1896 г.)³⁹.

³³ О курсе аграрной политики, проводимой В. К. Плеве, см.: М. С. Симонова. Указ. соч., стр. 464—488.

³⁴ ЦГИА СССР, ф. 1212, оп. XVI, 1905 г., д. 3, л. 15 об.

³⁵ Там же, д. 1, л. 42; д. 3, л. 16.

³⁶ Там же, д. 2, ч. 2, л. 540.

³⁷ Там же, л. 541.

³⁸ Там же, л. 542.

³⁹ Там же, л. 544 об.

Для смягчения малоземелья предлагалось также использовать аренду казенных оброчных земель крестьянами. Под влиянием крестьянских восстаний правительство демагогически провозглашало, что «аренда крестьянами казенных оброчных статей должна рассматриваться не только как источник государственных доходов, но и как средство для улучшения экономического быта крестьянского населения и распространения в его среде культурных приемов»⁴⁰.

В наказе приводились следующие цифры: из 4 102 347 десятин казенной земли в аренду сдавалось 86,5%, в том числе целым сельским обществам — 39,4%, товариществам — 13,9, отдельным домохозяевам — 33,2%. Наказ ГУЗиЗ рекомендовал в отношении казенных земель следующую политику, рассчитанную на зажиточные слои деревни: а) отпуск средств для разбивки казенных оброчных статей на мелкие участки, посильные для отдельных домохозяев и товариществ; б) расширение прав министра по сдаче в аренду казенных земель без торгов отдельным домохозяевам и членам товариществ, которые согласились бы арендовать землю на определенных условиях (улучшение использования земель и т. д.); в) права отвода казенных земель без торгов при условии переселения крестьянства на участки. В дальнейшем предусматривалась передача казенных оброчных статей не только во временное владение, но и в постоянное пользование⁴¹. Здесь мы имеем дело с планом насаждения хуторов на казенной земле, однако этот план принципиально отличался от столыпинского, ибо отнюдь не имелись в виду хутора, основанные на частной поземельной собственности. По-прежнему сохранялись правовые препятствия процессу капиталистической концентрации земель.

Обсуждением наказа ГУЗиЗ закончился первый период деятельности Особого совещания Горемыкина, период, в течение которого оно реально влияло на развитие аграрной политики. Как мы увидим ниже, практически совещание оказалось бесплодно, ибо результаты его деятельности были отброшены революцией. Подводя итоги этому периоду аграрной политики, отметим, что деятельность горемыкинского совещания ярко обнаружила растущий кризис традиционного дворянско-крепостнического аграрного курса. В условиях революции амплитуда колебаний в правящих сферах по проблемам аграрной политики увеличилась. К разработке ее были привлечены наиболее реакционные представители помещичьего класса. Но в то же время окрепла оппозиция правительственному аграрному курсу. Решения совещания были внутренне противоречивы, эклектичны, отражая лихорадочные поиски компромисса между традиционным направлением политики и неизбежными уступками капиталистическому развитию. (И уступки эти развивались в направлении столыпинской аграрной политики.) Однако благодаря тому, что по коренному вопросу — о судьбе общинного строя землевладения — совещание Горемыкина продолжало стоять на прежних позициях, охраняя «неприкосновенность» сословной крестьянской общины, значение этих уступок сводилось во многом на нет.

Своеобразный тупик, в который зашло совещание, отчетливо обнаружился во второй период его деятельности при выработке проекта инструкции Крестьянскому банку. Совещание занималось проектом в ноябре — декабре 1905 г. при иной политической обстановке, чем это было в первую половину года. Об этом будет сказано ниже.

После Октябрьской всеобщей стачки руководящим центром аграрной политики стал Совет министров во главе с Витте. В то время как

⁴⁰ Там же, лл. 545—546.

⁴¹ Там же, л. 549.

новое правительство колебалось, накапливая силы для расправы с революцией, волна крестьянского движения поднималась все выше. Могучий подъем народной революции поставил под угрозу существование царского самодержавия и его оплота — помещичьего класса. В аграрной политике проблема судьбы крестьянского общинного землевладения временно оказалась отодвинутой на второй план. На первый выдвинулась задача прямого «спасания» помещичьего землевладения. Решение этой задачи было тесно связано с политическим курсом нового правительства и его главы Витте. Попытаемся кратко охарактеризовать этот политический курс.

Манифест 17 октября и созданный на его основе избирательный закон 11 декабря 1905 г. исходили из излюбленной политической концепции Витте о самодержавии, опирающемся на «весь народ»⁴². Под последним Витте понимал крестьянство, которое надеялся постепенно превратить в крепких, частных собственников⁴³. В период высшего подъема революции Витте попытался в последний раз использовать веру крестьян в царя для упрочения пошатнувшегося престижа самодержавия.

Именно поэтому в царскосельских совещаниях при определении существа нового избирательного закона Витте отверг либеральный проект всеобщего избирательного права и поддержал проект Совета министров об опоре на все крестьянство, как это и предусматривалось ранее Булыгинской избирательной системой⁴⁴⁻⁴⁵.

Поскольку источником монархизма крестьянских масс Витте считал наделение их землей в 1861 г., то наилучшим средством оживления этого монархизма была признана выдвнутая либеральной буржуазией идея дополнительного наделения крестьянства путем «принудительного отчуждения» части помещичьей земли за выкуп. Пресловутое «принудительное отчуждение», против которого Витте до 1905 г. последовательно боролся, ибо оно подрывало, по его мнению, представление о «священном» праве частной собственности, было чрезвычайной мерой, вынужденной уступкой, вырванной революцией, а отнюдь не органической частью виттевского плана буржуазного преобразования крестьянского землевладения. Сторонники проекта «принудительного отчуждения» в 1905 г. П. П. Мигулин, Н. Н. Кутлер, А. А. Кауфман и, наконец, сам Витте были и оставались убежденными противниками общины и приверженцами буржуазной крестьянской частной собственности. Поэтому проект «принудительного отчуждения» не был для них прямым возвратом к старому политическому курсу опоры на патриархальное крестьянство, а лишь политической уступкой, необходимой для подрыва стихийных национализаторских стремлений крестьянских масс. Поэтому неправильно безоговорочное отождествление виттевской группировки со сторонниками дворянско-крепостнического курса опоры на патриархальное крестьянство.

Приведем в качестве иллюстрации к сказанному характерное для близких к Витте кругов свидетельство современника. Е. А. Святополк-Мирская (жена бывшего министра внутренних дел) писала 18 октября в своем дневнике: «Если не уничтожить развратный принцип общинного владения, никогда в России не будет спокойно. Чтобы расселить

⁴² «Царскосельские совещания». Протоколы секретного совещания в декабре 1905 г. о расширении избирательного права; см. выступление С. Ю. Витте на заседании 7 декабря 1905 г. — «Былое», 1917, № 3 (25), стр. 252.

⁴³ См. об этом выше, стр. 200.

⁴⁴⁻⁴⁵ «Царскосельские совещания»; С. Ю. Витте. Воспоминания, т. 3. М., 1961, стр. 127—130.

крестьян на своей собственной [земле], можно даже прибегнуть к такой мере, как нарушение права собственности, обязательного выкупа известной части помещичьей земли, но раз навсегда»⁴⁶.

История возникновения в правящих сферах проекта «принудительного отчуждения» вкратце такова. Впервые этот план в осторожной, но достаточно определенной форме был сформулирован самим Витте во всеподданнейшем докладе 9 октября, определявшем программу будущего виттевского министерства⁴⁷. Так, наряду с такими мерами ликвидации «земельного голода» в некоторых губерниях, как покупка земли с помощью Крестьянского банка и использование казенных земель, допускалась возможность экспроприации частной собственности: «...выкуп ренты, получаемой частными собственниками в виде арендной платы за землю, не может посчитаться мерой, совершенно недопустимой. Такая форма экспроприации частной земельной собственности находит некоторое оправдание в признании увеличения площади землевладения на началах личного земледельческого труда потребностью государственною и немногим отличается от выкупа земли, например, для проведения железной дороги»⁴⁸.

В этом высказывании Витте налицо все основные элементы плана «принудительного отчуждения»: «отчуждение» земли, сдаваемой помещиками в аренду крестьянам, выкуп ее государством и, наконец, насаждение на этой земле личной крестьянской частной собственности. Те же элементы определяли существо проекта П. П. Мигулина, в котором идея «принудительного отчуждения» получила законченное оформление. Концепция Мигулина состояла в следующем. Выход из кризиса крестьянского хозяйства он видел в интенсификации. Но для подъема производительности крестьянского хозяйства необходимо было, во-первых, расширение площади крестьянского землевладения до пределов, обеспечивающих переход к интенсивному хозяйству (Мигулин дал примерно такую формулу минимальных условий для интенсификации: обеспечить крестьян выгонами, провести землеустройство и издать закон о неделимости наделов далее известного предела); во-вторых, организация мелиоративного и сельскохозяйственного кредита⁴⁹. Мигулин предлагал передать крестьянам на условиях «самого умеренного выкупа» от 10 до 20 млн. десятин государственных, общественных и удельных земель⁵⁰. Но главным земельным фондом для дополнительного наделения Мигулин считал частновладельческие земли. По его расчетам, «правильное хозяйство» велось в России едва ли более чем на 5—6 млн. десятин земли⁵¹. Округляя эту цифру до 10 млн. десятин и увеличив ее вдвое как максимум, которого могло достигнуть интенсивное частновладельческое хозяйство, Мигулин предлагал остальные 20—25 млн. десятин, сдававшиеся большей частью в аренду крестьянам помещиками, использовать для дополнительного наделения крестьян⁵².

⁴⁶ «Дневник кн. Екатерины Алексеевны Святополк-Мирской за 1904—1905 гг.».— «Исторические записки», т. 77, стр. 288.

⁴⁷ Впервые на это обстоятельство было указано Е. И. Бочкаревой (Указ. соч., стр. 36).

⁴⁸ И. Л. Татаров. Манифест 17 октября.— «Красный архив», 1925, т. 4-5 (11-12), стр. 58.

⁴⁹ П. П. Мигулин. Аграрный вопрос. Харьков, 1906, стр. 54.

⁵⁰ Там же, стр. 58.

⁵¹ В эти 5—6 млн. десятин входили посевы сахарной свекловицы (500 тыс. десятин) и картофеля (200 тыс. десятин), что при пятипольном севообороте составляло 3500 тыс. десятин. К ним Мигулин предлагал добавить еще 2 млн. десятин, числящихся при винокуренных заводах (там же, стр. 58).

⁵² Там же.

«Принудительно отчужденную» землю Мигулин предлагал передать крестьянам в частную собственность, ибо только она, по его мнению, способна обеспечить наилучшую обработку земли. Мигулин при этом ориентировался на зажиточных. Убеждая помещиков согласиться на «принудительное отчуждение», Мигулин доказывал, что это лучший путь к установлению добрососедских отношений с зажиточными крестьянами. «Зажиточные крестьяне (а дополнительный надел должен несомненно способствовать росту этой зажиточности) — и лучшие работники, и лучшие покупатели, и лучшие арендаторы, — писал Мигулин. — Самый опасный человек — голодный, которому нечего терять. Голодные крестьяне всегда будут создавать и голодные бунты и вечно возбуждать аграрные волнения»⁵³.

Помещикам, помимо этого благополучия, Мигулин обещал щедрую компенсацию, предлагая произвести выкуп по ценам Крестьянского банка (ориентировочно 100 руб. за десятину), что при указанных выше расчетах отчуждаемой площади земли должно было составить огромную сумму — 2000—2500 млн. руб.⁵⁴

Для сравнения отметим, что в районах наибольшей активности крестьянского движения в конце 1905 — начале 1906 г. продажные цены на помещичью землю упали значительно ниже. Крестьянский банк пришел на помощь помещикам, покупая в период с 3 ноября 1905 г. по 1 января 1907 г. 1 десятину земли у крестьян по 64 руб., а у дворян — по 121 руб.⁵⁵

Тем не менее проект Мигулина был отвергнут большинством Совета министров. Не поддержал его в тот период и Витте, не по принципиальным, а по личным мотивам, поскольку инициатива передачи проекта на рассмотрение Николая II принадлежала Трепову, ярому врагу Витте и главе придворно-помещичьей реакции⁵⁶. «Патронируемый генералом Треповым» проект Мигулина Витте органически не мог принять⁵⁷. Отклонив проект Мигулина под благовидным предлогом необходимости постановки крестьянского вопроса на обсуждение Государственной думы и Государственного совета, Витте вскоре воскресил основную идею Мигулина⁵⁸.

В конце октября Совет министров подтвердил неприкосновенность помещичьей частной собственности. Был намечен принципиально иной путь смягчения крестьянского малоземелья с помощью Крестьянского поземельного банка. На деле же этой мерой правительство поспешило на помощь в первую очередь помещикам, стремясь спасти и сохранить крупные очаги помещичьих хозяйств в районах массовых крестьянских восстаний. В октябре был согласован вопрос об отмене выкупных платежей⁵⁹. Обе эти меры составили основу актов 3 ноября 1905 г. Манифест 3 ноября 1905 г., угрожая крестьянам карами за «насилие» и «самоуправство», провозглашал «мирный и законный путь» к разрешению крестьянского вопроса. С 1 января 1906 г. выкупные платежи сокращались наполовину, а с 1 января 1907 г. были отменены полностью. Самодержавное государство пошло на эту «жертву», с лихвой возместив ее огромными переплатами крестьян по выкупной операции со времени

⁵³ П. П. Мигулин. Аграрный вопрос, стр. 61.

⁵⁴ Там же, стр. 58.

⁵⁵ В. В. Святловский. Мобилизация земельной собственности в России за 1861—1908 гг. СПб., 1911, стр. 137.

⁵⁶ С. Ю. Витте. Воспоминания, т. 3, стр. 196—197.

⁵⁷ Там же, стр. 199.

⁵⁸ Там же, стр. 196—199 и др.

⁵⁹ ЦГИА СССР, ф. 1212, оп. XVI, 1905 г., д. 2, лл. 512—514 об.

реформы 1861 г.⁶⁰ Царским указом от 3 ноября были расширены права Крестьянского банка для массового приобретения помещичьей земли. Увеличились банковские ссуды — до выдачи их в полном размере оценки — для расширения землевладения безземельных и малоземельных⁶¹.

Эти меры были уступкой всему крестьянству. Но значение их было сведено на нет бурным размахом крестьянской революции. Именно поэтому Витте в ноябре 1905 г., несмотря на манифест, не дожидаясь созыва Думы, поручил Кутлеру срочную разработку нового проекта «принудительного отчуждения». Проект Кутлера, разработанный в ноябре — декабре 1905 г., был центральным звеном в цепи мероприятий, направленных на то, чтобы обмануть крестьянскую массу.

Принципиально кутлеровский проект не отличался от мигулинского, но Витте находил его более «мягким» для помещиков⁶².

Во-первых, по тактическим соображениям, так как основной мерой для расширения крестьянского землевладения проект объявлял покупку крестьянами земли через Крестьянский поземельный банк. Принудительное же отчуждение вводилось лишь как корректив для тех случаев, «когда владельцы либо вовсе не пожелали бы продать необходимых для того земель, либо предъявили бы в отношении цен слишком несоответственные требования»⁶³. Вместе с тем сама деятельность Крестьянского поземельного банка оказывалась неразрывно связанной с политикой «принудительного отчуждения». Банк как орудие аграрной политики обязывался действовать именно в этом направлении. «Современное положение вещей грозит землевладельцам полной потерей всего их имущества, и лишь решительные меры в направлении принудительного отчуждения дадут им возможность сохранить известную часть своей земель и получить за оставшиеся справедливое вознаграждение», — подчеркивали авторы проекта⁶⁴.

Во-вторых, кутлеровское «справедливое вознаграждение» на деле было более выгодным для помещиков, чем компенсация по мигулинскому проекту, ибо, согласно статьям 19, 20, 21 проекта, в основание оценки отчуждаемой помещичьей земли бралась арендная плата, в том числе и при краткосрочной аренде⁶⁵ (оговорки в проекте не меняли этого основного факта).

В-третьих, в результате конкретизации понятия «принудительное отчуждение» вне сферы последнего оказалась значительная часть земель, на которых помещики вели собственное хозяйство. Вводилась дифференциация помещичьих хозяйств на мелкие, средние и крупные. У мелких «принудительному отчуждению» подлежало не более $\frac{1}{5}$, у средних — $\frac{1}{3}$, у крупных — $\frac{1}{2}$ площади собственного хозяйства⁶⁶.

Как видим, проект Кутлера исходил из ошибочного представления, что главными очагами сельскохозяйственного капитализма («культуры») было мелкое и среднее, а не крупное помещичье землевладение. Впоследствии сами авторы этого проекта отказались от этой точки зрения⁶⁷, но в конце 1905 г., как мы увидим ниже, она имела немаловаж-

⁶⁰ ПСЗ, III, т. XXV, 1905 г., отд. 1, стб. 26871.

⁶¹ Там же, стб. 26873.

⁶² «Аграрный вопрос в Совете министров (1906 г.)», М.—Л., 1924, стр. 76.

⁶³ Н. Н. Кутлер. Объяснительная записка к проекту закона о мерах к расширению и улучшению крестьянского землевладения.— Там же, стр. 45—46.

⁶⁴ Там же, стр. 47—48.

⁶⁵ Там же, стр. 32—33.

⁶⁶ Там же, стр. 31.

⁶⁷ А. А. Кауфман. Отчуждение владельческих земель.— «Аграрный вопрос». СПб., 1907, стр. 104—208.

ное значение для формирования общего плана аграрной политики. Далее в проекте подчеркивалась необходимость предоставить крестьянам право собственности на отведенные им земли как «единственный способ земельного устройства, отвечающего психологии крестьянских масс»⁶⁸.

Таким образом, в период высшего подъема революции правительственная линия в аграрном вопросе определялась как уступка всему крестьянству. Но возврат к старому курсу в чистом виде был невозможен. И связь «принудительного отчуждения» с планами дальнейшего развития частной собственности принципиально важна как симптом назревшего перехода к буржуазно-дворянской, столыпинской аграрной политике.

В накаленной атмосфере конца 1905 г. одновременно с виттевско-кутлеровским планом «принудительного отчуждения» происходила кристаллизация и других течений в правящем лагере. В ноябре Гурко, в то время управляющему земским отделом МВД, было поручено создать и возглавить комиссию по согласованию манифеста 3 ноября 1905 г. с действующим крестьянским законодательством⁶⁹. Гурко, как это видно из его выступлений в горемыкинском совещании, рассматривал отмену выкупных платежей как решающую предпосылку полной ликвидации общины и готовил проект в этом духе⁷⁰. Гурко выступал как принципиальный противник «принудительного отчуждения»⁷¹. В 20-х числа ноября, когда получили широкое распространение слухи о кутлеровском проекте, на рассмотрение Николая II поступила записка «О недопустимости дополнительного наделения крестьян»⁷². Царь одобрил автора резолюцией: «это умная записка»⁷³. Есть основания полагать, что автором «умной записки» был Гурко. Ибо аргументация дополнительного наделения и нарисованная в записке мрачная картина краха финансового и экономического строя России целиком совпадают с выступлением Гурко в Особом совещании Горемыкина⁷⁴. В данном случае представляют интерес политические доводы автора против «принудительного отчуждения»: «правительственная власть не может искать опоры в наиболее неимущих слоях населения, хотя бы уже потому, что эти слои одновременно и наименее нравственно устойчивые, и наименее деятельны. Власть эта должна опираться на наиболее крепкие народные элементы»⁷⁵.

Эти же идеи Гурко развивал в Особом совещании Горемыкина в ноябре — декабре 1905 г. при обсуждении проекта инструкции Крестьянскому поземельному банку. Дискуссия развернулась по вопросу об основном направлении и цели деятельности банка.

Крепостническое большинство совещания действовало по букве манифеста 3 ноября и цель эту видело в увеличении землевладения малоземельных и безземельных. Подготовленный большинством проект инструкции был проникнут патриархальным недоверием к зажиточным слоям деревни: «Расширение землевладения так называемых большенаделных крестьян и многоземельных сельских обществ в сущности не вызывается общегосударственными интересами, а между тем умень-

⁶⁸ Н. Н. Кутлер. Указ. соч., стр. 48—49.

⁶⁹ И. В. Чернышев. Аграрно-крестьянская политика России за 150 лет. Пг., 1918, стр. 308. Напомним, что манифест 3 ноября 1905 г. отнюдь не предreshал будущего направления аграрной политики.

⁷⁰ См. ниже, стр. 213—214.

⁷¹ С. Ю. Витте. Воспоминания, т. 3, стр. 201.

⁷² «Аграрный вопрос в Совете министров», стр. 63—70.

⁷³ Там же, стр. 63.

⁷⁴ См. ниже, стр. 214.

⁷⁵ «Аграрный вопрос в Совете министров», стр. 68.

шает земельный фонд, могущий быть использованным для обеспечения крестьян, испытывающих крайнее земельное стеснение»⁷⁶. Согласно мнению члена Особого совещания П. П. Семенова, проект предоставлял зажиточным право покупки земли у банка как исключение, притом лишь при условии отказа от земельного надела в пользу общины⁷⁷. Хомяков прямо требовал, чтобы банк «укреплял лишь чисто крестьянское земле- владение, но не содействовал бы развитию землевладения буржуазно- го»⁷⁸. Земли, приобретенные крестьянами через Крестьянский банк, члены Особого совещания, Хомяков, Щербатов, Самарин, предлагали обратить в надельные, т. е. распространить на них все правовые ограни- чения, связанные с крестьянской надельной землей, в том числе глав- ное — изъятие их из торгового оборота⁷⁹.

Далее большинство совещания предлагало в целях ограничения покупки земель кулачеством понизить предельные размеры продаваемых через банк участков земли⁸⁰. Согласно «семейно-трудовой» теории, пре- дельные размеры участка устанавливались в соответствии с количест- вом земли, которое могло быть обработано собственным трудом вла- дельца⁸¹. (И в отношении нормирования большинство Совещания вы- ступило прямым преемником проекта Редакционной комиссии МВД 1903 г.) Ко всему вышесказанному следует добавить, что правые в го- ремыкинском совещании (Семенов, Стишинский) настаивали также на сохранении за Крестьянским банком сугубо сословного характера⁸².

Этот план встретил ожесточенную критику со стороны меньшинства. Его оппонентами выступили сенатор Трепов, Гурко, Кутлер, начальник переселенческого управления Глинка, управляющий Дворянским и Кре- стьянским банками Путилов. На заседаниях 18 и 25 ноября Гурко за- явил о своем принципиальном несогласии с основным направлением инструкции и предложил свою программу ликвидации кризиса кресть- янского хозяйства. Главный путь, по мнению Гурко, заключался не столько в ликвидации малоземелья как такового, сколько в общем подъеме уровня сельскохозяйственной культуры.

«Устанавливая правило, что Крестьянский банк должен содейство- вать увеличению площади общинного землепользования, мы тем самым, несомненно, понижаем средний уровень сельскохозяйственной культуры в стране», — говорил Гурко⁸³. Главное направление аграрной политики и деятельности Крестьянского банка, по мнению Гурко, состояло в соз- дании среднего землевладения фермерского типа по западноевропей- скому образцу. Отличительным принципом такого землевладения Гурко считал личное участие владельца в ведении хозяйства «хотя бы с по- мощью наемных рабочих»⁸⁴. Гурко привел такие цифры: среднее земле- владение охватывает во Франции 44% частновладельческой террито- рии, в Германии — 47, в России — менее 3%. Крупное землевладение, обрабатывающее землю исключительно наемным трудом, по данным Гурко, составляло во Франции 25%, в Германии — 24, в России — около 40% частновладельческих земель. При этом, отмечал Гурко, во Фран- ции нет владений размером свыше 1000 гектаров, в Германии их очень мало, а в России они составляют $\frac{4}{5}$ ($\frac{1}{3}$ площади частновладельческой

⁷⁶ ЦГИА СССР, ф. 1212, оп. XVI, 1905 г., д. 3, л. 32.

⁷⁷ Там же, д. 2, л. 336 об.; д. 3, лл. 32 об., 41.

⁷⁸ Там же, д. 3, л. 22; д. 2, лл. 333 об., 335.

⁷⁹ Там же, д. 2, л. 333.

⁸⁰ Там же, л. 98 об.

⁸¹ Там же, лл. 98 об., 101. Выступления П. Х. Шванебаха и А. С. Стишинского.

⁸² Там же, лл. 69, 71, 78 об.

⁸³ Там же, л. 99 об.

⁸⁴ Там же, л. 100.

земли)⁸⁵. И далее Гурко дал резко отрицательную экономическую оценку крупного дворянского землевладения, заявив, что «у лиц, владеющих подобными латифундиями, отсутствует самый главный стимул к наиболее производительному использованию земли — желание увеличить приносимый ею доход, ибо собственники таких крупных площадей земли настолько богаты, что не заинтересованы в повышении своих доходов»⁸⁶. Напротив, среднему (фермерскому) землевладению Гурко придавал первостепенное политическое значение: «оно-то и есть соль земли, на нем-то и зиждется все благосостояние государства, оно-то и доставляет государству тот элемент надежных граждан, которые являются наиболее убежденными поборниками государственного строя»⁸⁷. В том же духе выступал и Трепов⁸⁸. Идеи, которые высказывал Гурко, — о «великой будущности» среднего фермерского землевладения, о культурной миссии капиталистического хозяйства, отрицательное отношение к дворянским латифундиям — перекликались с кутлеровским проектом, хотя сам Гурко зарекомендовал себя принципиальным противником «принудительного отчуждения»⁸⁹. Но «жесткий» план Гурко, предвосхищавший столыпинский, не мог получить поддержки в ноябре 1905 г., в период бурного подъема волны крестьянских восстаний и наибольшей паники среди помещиков. Показательно, однако, что столыпинское направление все более отчетливо выкристаллизовывалось в правящих сферах. Защитников старого курса (от Горемыкина до Стшинского) Гурко запугивал деградацией всего народного хозяйства. Обращение всей площади культурного крупного и среднего помещичьего землевладения в «рабочие участки» для наделения крестьян привело бы, по его мнению, к господству натурального хозяйства и краху финансового и экономического строя страны⁹⁰. Гурко доложил свое мнение не как личное, а от имени Министерства внутренних дел как результат своего доклада П. Н. Дурново.

Резюме его выступления было таково: «Направление этой инструкции (Крестьянскому банку. — М. С.) не отвечает общегосударственным интересам, взятым в их совокупности»⁹¹. Это был по существу приговор горемыкинскому совещанию. В начале декабря был составлен журнал совещания с проектом инструкции Крестьянскому банку. Меньшинство заявило особое мнение по этому вопросу, почти полностью воспроизведя текст речи Гурко. В проект инструкции были включены пункты, поощрявшие развитие кулацкого хуторского и отрубного хозяйства на банковской земле (льготы и помощь переселяющимся на участки — статьи 10 и 11 проекта)⁹². Но эти уступки не меняли существа проекта, который явно разошелся с руководящим направлением аграрной политики.

В январе 1906 г., по представлению Витте, горемыкинское совещание было закрыто. В практическом плане, как отмечал Витте, оно действительно «ничем не кончилось»⁹³. Накануне созыва Думы в мемории Совета министров от 10 февраля 1906 г. констатировалось, что «самые основания деятельности вновь образованного Главного управления землеустройства и земледелия еще не выяснились»⁹⁴. Несколько позднее,

⁸⁵ ЦГИА СССР, ф. 1212, оп. XVI, 1905 г., д. 3, л. 32.

⁸⁶ Там же.

⁸⁷ Там же, л. 99 об.

⁸⁸ Там же, л. 71 об.

⁸⁹ См. об этом ниже, стр. 215.

⁹⁰ ЦГИА СССР, ф. 1212, оп. XVI, 1905 г., д. 2, л. 98.

⁹¹ Там же, л. 98 об.

⁹² Там же, л. 36 об.

⁹³ С. Ю. Витте. Воспоминания, т. 2, стр. 539.

⁹⁴ «Аграрный вопрос в Совете министров», стр. 121.

в мемории от 17 и 24 февраля 1906 г., отмечалось, что созданный указом 6 мая 1905 г. Комитет по земельным делам, «еще и до сего времени не приступивший к своей деятельности, подлежит упразднению»⁹⁵. Инструкция, составленная для Крестьянского банка горемыкинским совещанием, также не годилась, и Витте поручил составить новую⁹⁶. Но один результат совещания несомненен: вариант старого аграрного курса, отстаиваемый Плеве и Стишинским и утвержденный манифестом 26 февраля 1903 г., — курса на сохранение «неприкосновенности общинного строя» с облегчением возможности выхода из нее отдельным крестьянам — этот вариант был полностью изжит.

Революционная борьба крестьянства похоронила этот курс. Правое большинство горемыкинского совещания оказалось консервативнее реакционных помещиков, которые 17 ноября 1905 г. на заседании съезда учредителей Всероссийского союза землевладельцев заявили, что «весь наш 40-летний строй, воздвигнутый на принципе общинного владения крестьян, был роковой ошибкой...», и потребовали разрушения общины во имя защиты «священного права собственности». В начале января проект Кутлера обсуждался в Совете министров. Чрезвычайно характерно, что течение, представляемое большинством горемыкинского совещания, вообще отсутствовало во время дискуссии. Борьба шла теперь между двумя иными направлениями: с одной стороны, Кутлер и поддерживающий его Витте (либеральная бюрократия, отстаивающая как «исключительную меру» «принудительное отчуждение»)⁹⁷, с другой — В. И. Гурко, А. П. Никольский и др. (реакционная бюрократия, перешедшая уже на буржуазные позиции в аграрном вопросе).

Характерно и то общее, что объединяло обе эти группировки. Витте писал в своем докладе царю 10 октября, что в отношении «органических» мероприятий по подъему уровня крестьянского хозяйства разногласий не было. И Витте, и Гурко были единодушны в решении: не дожидаясь созыва Государственной думы, признать надельные земли частной собственностью и установить порядок выхода крестьян из обществ в связи с выделом отдельных участков из общины⁹⁸. Общим было убеждение, что подобные меры внушат крестьянам «более здравые взгляды на чужое право собственности»⁹⁹.

Разногласия возникли по вопросу о судьбе проекта «принудительного отчуждения». Принципиальные противники его во главе с Гурко отстаивали «святость понятия собственности». После октябрьско-ноябрьских выступлений крестьянства особенно убедительно звучал аргумент, решающий в конечном счете, что крестьяне не успокоятся передачей им «принудительно отчужденных» земель, а будут стремиться к полному захвату всей помещичьей земельной собственности¹⁰⁰.

После поражения первой волны крестьянских восстаний, зимой 1905/06 г., эти настроения в помещичьей среде стали еще более устойчивыми. Покончив с колебаниями, дворянство и реакционная правящая верхушка во главе с Николаем II отбросили план «принудительного отчуждения», противопоставив стихийным стремлениям крестьянских масс к национализации всей земли защиту буржуазной частной собственности. Таким образом, либеральное и реакционное крыло бюрократии сомкнулось. Назрел поворот к столыпинской аграрной политике.

⁹⁵ Там же, стр. 127.

⁹⁶ Там же, стр. 125.

⁹⁷ «Журнал заседания съезда учредителей Всероссийского союза землевладельцев 17 ноября 1905 г.», М., 1906, стр. 23, 21.

⁹⁸ С. Ю. В и т т е. Воспоминания, т. 3, стр. 199.

⁹⁹ «Аграрный вопрос в Совете министров», стр. 77, 80.

¹⁰⁰ Там же, стр. 77.

А. С. НИФОНТОВ

СТАТИСТИКА УРОЖАЕВ В РОССИИ XIX в.
(по материалам губернаторских отчетов)

Официальное исчисление урожаев в России до 70-х годов XIX в. основывалось на материалах ежегодных губернаторских отчетов. Обобщавшая эти материалы урожайная статистика по ведомству министерства внутренних дел является для изучения сельского хозяйства уникальным источником всероссийского значения. Хорошая сохранность годовых комплектов губернаторских отчетов в архивных фондах Центрального государственного исторического архива СССР, дублирующих друг друга, а иногда и в архивах республиканского и областного значения, делает их доступными широкому кругу исследователей. За последние годы при изучении социально-экономического развития отдельных районов страны в России в целом историки все чаще стали обращаться к этому источнику. В значительной мере благодаря использованию ими обильных и свежих материалов официальной статистики МВД намечился благоприятный перелом в изучении истории русского сельского хозяйства. Появились первые общие обзоры развития земледелия в России за XIX начало XX в.¹ Создаются монографические исследования, посвященные развитию сельского хозяйства отдельных республик и областей в XIX в. (работы И. А. Гуржия, А. В. Фадеева, И. Д. Ковальченко, Н. Н. Улащика и др.)²

И все же разработка материалов о сельском хозяйстве по данным губернаторских отчетов только еще начинается. Использование одного из незаменимых источников по истории сельского хозяйства России в XIX в. тормозится в первую очередь широко распространенным предубеждением о его якобы заведомой неполноценности. Не случайно, обращаясь к нему, все исследователи начинают, как правило, с общих оговорок о приблизительной точности сведений о посевах и сборах хлебов в

¹ И. Д. Ковальченко. Динамика уровня земледельческого производства России в первой половине XIX в.— «История СССР», 1959, № 1; он же. К вопросу о состоянии хозяйства и положении помещичьих крестьян Европейской России в 40—50-х годах XIX в.— «Научные доклады высшей школы». Исторические науки, 1959, № 2; он же. К вопросу о состоянии помещичьего хозяйства перед отменой крепостного права в России.— «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы 1959 г.» М., 1961; В. К. Яцунский. Изменения в размещении земледелия в Европейской России с конца XVIII в. до первой мировой войны.— «Вопросы истории сельского хозяйства, крестьянства и революционного движения в России». М., 1961.

² И. А. Гуржий. Разложение феодально-крепостнической системы в сельском хозяйстве Украины первой половины XIX в. (на укр. яз.). Киев, 1954; А. В. Фадеев. Очерки экономического развития степного Предкавказья в дореформенный период. М., 1957; И. Д. Ковальченко. Крестьяне и крепостное хозяйство Рязанской и Тамбовской губерний в первой половине XIX в. М., 1959; Н. Н. Улащик. Предпосылки крестьянской реформы 1861 г. в Литве и Западной Белоруссии. М., 1965; И. Д. Ковальченко. Русское крепостное крестьянство в первой половине XIX в. М., 1967.

губернаторских отчетах. Не менее характерны не прекращающиеся споры среди историков о степени достоверности официальной статистики урожаев по ведомству МВД.

Казалось бы, специальный источниковедческий вопрос становится пометой дальнейшей разработки истории сельскохозяйственного производства в России. Разбор основательности тех доводов, которые выдвигаются против использования исследователями материалов губернаторских отчетов о сельском хозяйстве является, как видим, неотложной необходимостью.

ОТНОШЕНИЕ ЭКОНОМИСТОВ И СТАТИСТИКОВ XIX в. К ОФИЦИАЛЬНОЙ СТАТИСТИКЕ УРОЖАЕВ

Критики русской урожайной статистики чаще всего начинают с указания, что данные этой статистики не пользовались признанием у самих современников на протяжении всего XIX в. Действительно, официальная статистика урожаев в крепостной России издавна вызывала горячие споры. Однако в позднейшей литературе до наших дней включительно обычно приводились лишь отрицательные мнения об этой статистике. Чиновники разных ведомств, помещики-практики, статистики середины XIX в. рассматривали сведения об урожаях с чисто утилитарных позиций. Это придавало их суждениям подчас особо эмоциональный тон, вело к преувеличениям и крайностям оценок, порождало заостренную полемичность мнений. Без учета полного контекста высказываний современников ссылки на их свидетельства не могут быть признаны обоснованными.

Следует также отметить, что эти пристрастные оценки заимствуются, почти как правило, из монографии А. Фортунатова, который касается и дореформенной статистики урожаев³. Уже на первых страницах его работы приводится яркая подборка отрицательных отзывов об этой статистике. Однако исследование самого Фортунатова по сути дела опровергает эти распространенные мнения о несостоятельности определения урожаев в дореформенной России, и в итоге он приходит к противоположным выводам (об этом см. ниже). Оказалось же так, что собранная в этом труде коллекция отрицательных свидетельств современников позднее стала использоваться для односторонней оценки урожайной статистики, с которой сам Фортунатов был решительно несогласен.

Неосторожность поспешных выводов из подобных свидетельств, переданных Фортунатовым весьма схематично, очевидна. В этом нетрудно убедиться при более внимательном сопоставлении приведенных им цитат с текстом первоисточников.

Начнем с жалоб на недостоверность дореформенной статистики урожаев самих чиновников министерства внутренних дел. Для подтверждения этого Фортунатов приводит изолированно взятую фразу из годового отчета министра за 1834 г.: «Я уже имел случай неоднократно докладывать в. и. в., что сии сведения (о количестве посева и урожая.— А. Н.) весьма неверны, что оные даже не могут быть верны по образу получения их»⁴. На первый взгляд, сам глава министерства внутренних дел высказывает здесь решительное сомнение в возможности получения достоверных сведений об урожаях в царской России того времени.

Обратимся к тексту этого отчета, в извлечениях напечатанного в «Журнале МВД» за 1835 г. Оказывается, назначенный в 1832 г. министром внутренних дел Д. Н. Блудов (Фортунатов ошибочно приписывает

³ А. Фортунатов. Урожай ржи в Европейской России. М., 1893.

⁴ Там же, стр. 13 (примечание).

эти слова Перовскому) в своих первых годовых отчетах озабочен был в основном тем, чтобы смягчить впечатление от бедственного неурожая 1833 г. Отметив, что сбор хлебов в отчетном году «был вообще удовлетворительнее», он тут же спешит указать на ненадежность такого рода исчислений, допуская тем самым возможность не столь разорительных последствий неурожая. В этой связи министр и обрушивается на существовавший до него порядок определения урожаев. Он выражает уверенность, что разработанные в его ведомстве новые «Правила для статистического отделения при Совете МВД и статистических комитетов в губерниях», утвержденные 20 декабря 1834 г., сразу обеспечат «достовернейшие сведения и по сей важной статье народного хозяйства»⁵.

Как же можно после этого считать, что министр внутренних дел опровергивал всю дореформенную статистику урожаев? Блудов попросту занимал типичную для сановного бюрократа позицию: критиковал порядки, существовавшие при его предшественнике, и стремился в выгодном свете представить свою собственную деятельность. В данном случае ссылка на свидетельство составителей отчета по МВД за 1834 г. явно несостоятельна.

А. Фортунатов называет и других видных чиновников разных ведомств, которые в 40—50-х годах XIX в. также высказывали сомнения в надежности исчисления урожаев хлебов в крепостной России. Количество их при желании может быть умножено. Однако, критикуя такие данные, и эти лица исходили обычно из предвзятых и подчас весьма произвольных предположений.

Так, Д. П. Журавский все сведения о посеве и сборе хлебов в помещичьих имениях объявляет заведомо неполными. Он безоговорочно утверждает, что крепостные крестьяне и масса мелкопоместных дворян, как правило, скрывают действительную доходность своих хозяйств. К тому же он считает, что вся крепостная челядь систематически обкрадывает своих помещиков. Исходя из таких огульных предположений, он приходит к выводу: «Нынешнее знание нашей отечественной земли и ее производительности есть только примерное, как и самые сведения, от которых они происходят»⁶.

Другими причинами объясняет недостаточность официальных сведений об урожаях Л. В. Тенгоборский. Заниженность таких сведений он признает типичным недостатком земледельческой статистики всех стран того времени. Правда, Тенгоборский предполагает бóльшую неточность при определении размера урожаев хлеба в России, но причину этого он усматривает в трудности получения верных данных об урожае в столь обширной стране. По его мнению, цифра официально устанавливаемого у нас сбора хлебов должна быть повышена примерно на 10%⁷.

Исходя из иных соображений, критикует правительственные сведения об урожаях К. С. Веселовский. Он утверждает, что такого рода сведения не могут быть обоснованными, поскольку не только крестьяне, но и рядовые помещики не учитывают точного количества ни посева, ни сбора зерна. Для доказательства этого он приводит совершенно различные показатели средних урожаев за 1842—1853 гг. по 17 губерниям на основании кадастровых сведений и по отчетам палат министерства государственных имуществ. Наиболее надежными он признает данные об уро-

⁵ «Журнал МВД», 1835. ч. XVII, стр. 244.

⁶ Д. П. Журавский. Об источниках и употреблении статистических сведений. Киев, 1846, стр. 120.

⁷ Л. В. Тенгоборский. О производительных силах России, ч. 1. М., 1854, стр. 198—199.

жаях по многолетним записям в отдельных имениях. Но тут же оговаривается, что в силу ряда обстоятельств эти частные случаи «могут быть совершенно иные, чем у соседей или в целом уезде или губернии»⁸.

Особые мотивы для доказательства несостоятельности существовавшей тогда в России статистики урожаев выдвинул в 1860 г. кн. Н. С. Голицын. Исходный порок такой статистики он усматривал в получении первичных сведений об урожаях при помощи земской полиции. Полицейские власти, по его мнению, рассматривали эту обязанность как второстепенную и относились к ней крайне халатно: заполняли бланки готовых форм «сплеча... большею частью наугад, примерно, приблизительно». По словам Голицына, губернские статистические комитеты также находятся «в неудовлетворительном состоянии» и иногда существуют «только по имени». В итоге он приходил к выводу: «...Что бы ни говорили, как бы ни смягчали горькой правды, а нельзя не сознаться, что состояние статистики у нас в настоящее время самое плачевное»⁹.

Наконец, к числу чиновных критиков дореформенной статистики урожаев можно отнести и П. А. Валуева. В самом начале 1861 г., еще будучи управляющим делами Комитета министров, он издевался над косностью мышления графа Гурьева, который-де может не сомневаться «в верности цифр посевов и урожаев, заимствованных из официальных отчетов»¹⁰. Через несколько лет уже как министр внутренних дел в сводном отчете за 1861—1863 гг. по МВД он осторожно оговаривался, что данные о посевах «имеют у нас весьма условное значение». Но тут же, на основании официальных данных за три отчетных года, отмечал увеличение сбора хлебов благодаря хорошим урожаям, несмотря на значительное сокращение посевов помещиками¹¹. Двойственность оценки Валуевым урожайной статистики отразилась через 10 лет в опубликованных материалах состоявшей под его председательством комиссии, изучавшей состояние сельского хозяйства России в начале 70-х годов XIX в. Там мы читаем: «Хотя все эти официальные сведения и не выдерживают строгой критики и требуют поправок, сделанных на основании сведений другого рода и собранных другим путем, но по однородности приемов собирания этих данных в каждой губернии они представляют элементы, довольно правдоподобные для сравнения степени урожайности и производительности в пределах длинного периода лет»¹².

Нетрудно заметить, что приведенные суждения о дореформенной статистике урожаев основаны на самых общих утверждениях, нередко противоречивы и едва ли могут быть признаны доказательными. Оба министра внутренних дел, считая официальные цифры урожаев в крепостной России условными, ограничивались указанием на нечеткость работы ведомственного аппарата. Отличие между ними состояло лишь в том, что Блудов выражал уверенность в исправлении этих недостатков с середины 30-х годов XIX в. путем очередных административных распоряжений. Валуев же не видел улучшений и в 60-х годах. Журавский и Тенгоборский единодушно утверждали, что сведения об урожаях хлебов в России

⁸ К. С. Веселовский. Несколько данных для статистики урожаев и неурожаев России.— «Журнал МГИ», 1857, ч. LXII (кн. 1), стр. 26—37.

⁹ Н. С. Голицын. О мерах к устройству статистических источников и работ в России.— «Журнал МВД», 1860, кн. 3, стр. 9—15.

¹⁰ «Дневник П. А. Валуева», т. I. 1861—1864. М., 1961, стр. 58.

¹¹ Центральный государственный исторический архив СССР (далее — ЦГИА СССР), ф. 908, д. 21, лл. 289—290.

¹² «Доклад учрежденной 26 мая 1872 г. Комиссии для исследования нынешнего положения сельского хозяйства и сельской производительности в России». СПб., 1873, стр. 8.

занижены. Но первый объяснял это повсеместным утаиванием помещиками и крестьянами их действительных доходов, а второй усматривал в этом обычный недостаток земледельческой статистики того времени, признавая его лишь несколько большим для России. Веселовский и Голицын ставили под сомнение обоснованность исходных данных об урожае, но также расходились при объяснении порождавших это причин. Веселовский указывал на отсутствие точных сведений о посеве и сборе хлебов не только в крестьянских, но и в помещичьих хозяйствах, Голицын, в свою очередь, считал несостоятельным порядок сбора первичных данных об урожае через полицию.

Для доказательства неполноценности определения урожаев в крепостной России нередко ссылаются на обследования хозяйственного положения губерний в середине XIX в. офицерами Генерального штаба. Эти данные также привлекаются в таких случаях недостаточно полно и толкуются односторонне. Тот же Фортунатов в упомянутой выше работе отмечает в них только «неблагоприятный отзыв о статистической деятельности русских станových». Он ограничивается крайне лапидарным цитированием подобранных под этим углом зрения отдельных фраз, относящихся лишь к отдельным губерниям¹³.

Результаты экспедиционных исследований, предпринятых Генеральным штабом царской России в 50—60-х годах XIX в., опубликованы в серии «Материалы для географии и статистики России». Она состоит из трех десятков книг, вышедших в свет в 1860—1868 гг. и содержащих довольно подробную характеристику природных условий, состава населения и хозяйственных ресурсов 21 губернии Европейской России¹⁴. Существенным недостатком этих материалов является, следовательно, неполнота освещения хозяйственных районов страны. В них нет сведений по пяти центрально-промышленным губерниям, по четырем центрально-черноземным губерниям, по пяти коренным губерниям Украины и т. д. Ограниченность основанных на них выводов очевидна. Тем более, конечно, недопустимы обобщающие заключения, подкрепленные выхваченными из текста фразами, относящимися к произвольно взятым губерниям. При использовании данной серии для суждения о статистике доформенных урожаев необходимо: 1) учитывать свидетельства исследователей по крайней мере по всем 21 губерниям, 2) брать в расчет их соображения о степени точности такой статистики и об определяющих ее причинах.

И вот получается, что в большей части этих хозяйственных описаний губерний обоснованной критики урожайной статистики в России просто не содержится. По шести губерниям — Архангельской, Казанской, Калужской, Ковенской, Лифляндской и Пермской — материалы официальной статистики урожаев принимаются безоговорочно¹⁵. По Курляндской и Рязанской губерниям, а также по области Войска Донского в них вносятся лишь некоторые уточнения¹⁶. По Гродненской, Екатеринославской,

¹³ А. Фортунатов. Указ. соч., стр. 28.

¹⁴ Сверх того в этой серии опубликованы материалы: «Киргизская степь Оренбургского ведомства». СПб., 1865; «Уральское казачье войско», ч. 1—2. СПб., 1866; «Область сибирских киргизов», ч. 1—3. СПб., 1868.

¹⁵ Н. Козлов. Архангельская губерния. СПб., 1865, стр. 142—143; М. Лаптев. Казанская губерния. СПб., 1861, стр. 270—274; М. Попрочкий. Калужская губерния. СПб., 1864, стр. 460; Д. Афанасьев. Ковенская губерния. СПб., 1861, стр. 375—376; Ф. Веймарн. Лифляндская губерния. СПб., 1864, стр. 365—367; Х. Мозель. Пермская губерния, ч. 2. СПб., 1864, стр. 39—42.

¹⁶ А. Орановский. Курляндская губерния. СПб., 1862, стр. 227; М. Баранович. Рязанская губерния. СПб., 1860, стр. 188—189; Н. Краснов. Земля Войска Донского. СПб., 1863, стр. 265.

Костромской, Пензенской и Херсонской губерниям отношение к этим данным противоречно¹⁷.

По сути дела только по семи губерниям из двадцати одной (Воронежская, Виленская, Минская, Симбирская, Смоленская, Черниговская и Бессарабская) в тексте обзоров по Генеральному штабу более или менее последовательно отрицается достоверность существовавшей тогда статистики урожая¹⁸, но считать мнение составителей лишь последних семи обзоров в этом отношении типичным нет никаких оснований.

Ко всему этому, исходные положения критических отзывов в упомянутых обзорах вызывают серьезные сомнения. При всей пестроте приводимых при этом мотивов в них различаются две основные тенденции. Одна из них характерна для черноземных губерний, средние урожаи в которых, по материалам МВД, объявляются неправдоподобно низкими, исходя из потенциально высокого плодородия местных почв, могущих давать высокие сборы хлеба. Но только отдельные авторы упоминают, что повышенные урожаи там весьма нерегулярны и обязательно требуют благоприятных погодных условий. При этом они не замечают шаткости своего основного утверждения¹⁹. Вторая тенденция характерна для нечерноземных губерний. Странники ее считают средние урожаи преуменьшенными по соображениям несоответствия их потребностям губернии в хлебе, обычно покрываемым за счет его местного производства. Спорность подобных утверждений иногда становится ясной из тут же приведенных цифровых исчислений. Так, например, норма душевого потребления хлеба и картофеля автором обзора по Виленской губернии принимается почти в два раза большей, чем такая же норма в обзоре по смежной Минской губернии²⁰.

Касааясь причин неточности сведений об урожаях по отдельным губерниям, составители обзоров подчас лишь повторяют сказанное их современниками. Автор обзора по Минской губернии подполковник И. Зеленский прямо ссылается на брошюру Д. П. Журавского²¹. Другие офицеры Генерального штаба пишут о формальных донесениях об урожаях, присылаемых местной полицией, о голословных сообщениях на эту тему предводителей дворянства, о плохой организации работ в губернских статистических комитетах и т. д.²²

В этой связи уместно напомнить, что сводная оценка по военному ведомству официальной статистики урожая в России того времени, которая давалась в «Военно-статистическом сборнике», изданном в начале 70-х годов XIX в., весьма далека от пессимизма. Правда, начиналась она с общего утверждения об ограниченной достоверности такой стати-

¹⁷ П. Бобровский. Гродненская губерния, ч. 2. СПб., 1863, стр. 52—59; В. Павлович. Екатеринославская губерния. СПб., 1862, стр. 73, 134; Я. Крживоблоцкий. Костромская губерния. СПб., 1861, стр. 217, 220; Сталь. Пензенская губерния, ч. 1. СПб., 1867, стр. 427, 430; А. Шмидт. Херсонская губерния, ч. 2. СПб., 1863, стр. 12—14, 63.

¹⁸ В. Михалевич. Воронежская губерния. СПб., 1862, стр. 77, 196; А. Корева. Виленская губерния. СПб., 1861, стр. 443, 451; И. Зеленский. Минская губерния, ч. 2. СПб., 1864, стр. 14; Липинский. Симбирская губерния. СПб., 1868, стр. 336, 400; М. Цебриков. Смоленская губерния. СПб., 1862, стр. 193; М. Домонтович. Черниговская губерния. СПб., 1865, стр. 183; А. Защук. Бессарабская область. СПб., 1862, стр. 230, 233—234.

¹⁹ Н. Краснов. Указ. соч., стр. 250, 263; В. Павлович. Указ. соч., стр. 134; А. Шмидт. Указ. соч., ч. 2, стр. 63; В. Михалевич. Указ. соч., стр. 196.

²⁰ А. Корева. Указ. соч., стр. 450; И. Зеленский. Указ. соч., ч. 2, стр. 28.

²¹ И. Зеленский. Указ. соч., ч. 2, стр. 120, 126.

²² М. Цебриков. Указ. соч., стр. 193; А. Защук. Бессарабская область, стр. 233—234; М. Домонтович. Указ. соч., стр. 183; И. Зеленский. Указ. соч., ч. 2, стр. 14.

стики, основанной на материалах губернаторских отчетов: «...Сведения о посеве, сборе и урожае хлебов, ежегодно прилагаемые к губернаторским отчетам, не могут быть признаны заслуживающими полного доверия». Но затем признается, что урожайная статистика 50—60-х годов XIX в. нашла несомненное подтверждение в первых же трудах по этому вопросу земских статистиков: «Обнаружившиеся доселе результаты нового порядка собирания сведений земскими управами придают значительно большую долю вероятия прежним цифрам, к которым многие относились уже слишком недоверчиво». В конечном итоге авторы этого известного издания приходят к следующему выводу: «Таким образом, цифры официальных отчетов приводят в общем к довольно сообразным результатам. Нет сомнения, что в частных показаниях по губерниям должны быть значительные погрешности, но в общей сложности по всей империи они много утрачивают своей силы и обнаруживаются заметно лишь тогда, когда подвергаются более близкой проверке при сравнении результатов производства различных губерний по отношению к их населению»²³.

Итак, представление о том, что свидетельства современников о недостоверности статистики урожаев в крепостной России якобы обоснованы и должны иметь серьезное значение, оказывается сомнительным. Они носят чрезмерно общий характер, исходят из произвольных утверждений, отличаются противоречивостью и шаткостью итоговых заключений. К тому же подобные суждения и в свое время были далеко не столь единодушны, как то склонны представлять иногда сейчас.

Далеко не всегда точно излагаются мнения экономистов и статистиков второй половины XIX в. по данному вопросу. Нередко они также выступают противниками использования дореформенной статистики урожаев. Искажение их точки зрения особенно опасно, так как подкрепляет одностороннюю оценку материалов об урожайности авторитетом известных ученых того времени — П. П. Семенова, И. И. Вильсона, Ю. Э. Янсона и др. Кстати, и в данном случае взгляды этих ученых нередко передаются со слов того же А. Фортунатова.

Касаясь позиции в этом вопросе П. П. Семенова, Фортунатов ограничился буквально двумя фразами: «Директор Центрального статистического комитета П. П. Семенов писал в 1866 году («Статистический временник». Серия 1, вып. 1. Предисловие): «Все наши цифры об урожае хлебов сводятся к совершенно гадательным предположениям». «Центральный комитет в половине шестидесятых годов попробовал разработать эти данные за несколько лет, но не решился обнародовать, не находя в них гарантии даже для приблизительной точности»²⁴. Эти цитаты создают впечатление, что глава Центрального статистического комитета в 60-х годах XIX в. решительно отвергал всякую достоверность статистики урожаев в России того времени.

Обратимся к тексту написанного П. П. Семеновым предисловия для указанного тома «Статистического временника». Прежде всего Фортунатов произвольно отбрасывает конец первой цитаты, из этого предисловия.

Вот точный текст, принадлежащий Семенову: «...Все наши цифры об урожаях хлебов сводятся на совершенно гадательные предположения, которые для больших пространств только потому имеют некоторое отдаленное отношение к действительности, что образуются из относитель-

²³ «Военно-статистический сборник», вып. IV. «Россия». Под ред. Н. Н. Обручева: СПб., 1871, стр. 237—238, 246.

²⁴ А. Фортунатов. Указ. соч., стр. 13, 28.

но довольно мелких составных частей (становых цифр)»²⁵. Опушенный Фортунатовым конец фразы исключает возможность относить Семенова к числу безоговорочных скептиков в оценке всякого познавательного значения этой статистики по линии МВД.

Еще более существенно умолчание Фортунатова о том, что критике Семенова подвергались исключительно только материалы по статистике урожая, относящейся к землям, подведомственным министерству внутренних дел. Совершенно иное мнение в том же предисловии высказал Семенов об урожайной статистике по ведомству министерства государственных имуществ. Буквально вслед за приведенной выше фразой он писал: «Несравненно более точные цифры, относящиеся до сельского хозяйства у государственных крестьян, собирались министерством госуд. имуществ, где количество посевов известно, а цифры урожая отбираются от каждой волости. Но сведения эти, относящиеся до одного сословия, объемяющего только меньшую часть хлебных производителей в государстве, не подходили под план нашего издания»²⁶.

Из всего этого следует, что П. П. Семенов весьма далек от огульного отрицания всей русской статистики урожая, существовавшей в 50—60-х годах XIX в. Более того, он подчеркивал объективную вероятность исчисления как посева, так и сбора хлебов на землях министерства государственных имуществ (МГИ).

Крайне схематично и односторонне изложена у А. Фортунатова также точка зрения на статистику урожая в России И. И. Вильсона — автора «Объяснений к хозяйственно-статистическому атласу Европейской России», выдержавших в 50—60-х годах XIX в. несколько изданий. Фортунатов лишь бегло упомянул имя этого видного в свое время экономиста в ряду тех лиц, которые «считали волостные сведения на 10—15% ниже истины»²⁷. Ограничиться, говоря о Вильсоне, только этим суждением — в лучшем случае равносильно умолчанию. В последних изданиях названного труда имеется специальный раздел, посвященный разбору официальных данных о средних урожаях за 1857—1863 гг. В нем рассматривается достоверность этих показателей для разных губерний, предлагаются к ним в отдельных случаях существенные поправки, определяется круг вопросов, которые могут быть решены на основании средних показателей урожайности за 50—60-е годы XIX в., и дается итоговая оценка их соответствия действительности.

Начинает Вильсон с указания на недостатки исчисления на местах средних урожая (неизвестны размеры запашки, нет точных приемов сбора первичных данных) и замечает, что официальные сведения об урожаях «можно принимать только с крайнею осторожностью». Но затем он сразу оговаривается, что в основе таких сведений все же лежат конкретные показатели, и приходит к заключению, что «при одинаковости приемов собирания сведений об урожаях в одной и той же губернии в продолжение нескольких лет в этих сведениях должны непременно заключаться элементы для сравнения степени урожайности по отдельным годам». Он признает имеющиеся сведения об урожаях по губерниям за семилетний период вполне достаточными «для средних выводов».

Абсолютные цифры посева и сбора хлебов Вильсон ставит под сомнение. Он исключает также сопоставление средних урожая по разным губерниям, считая их несоизмеримыми. В частности, ему кажется, что

²⁵ «Статистический временник Российской империи», серия первая, т. I. СПб., 1866, стр. XXIII.

²⁶ Там же (Разрядка моя.— А. Н.).

²⁷ А. Фортунатов. Указ. соч., стр. 29.

эти показатели сильно приуменьшены для всех черноземных местностей. Не касаясь сейчас спорности таких утверждений, отметим лишь, что они решительно противоречат конечной, итоговой оценке самого Вильсона. «Официальные данные об урожаях при всех их недостатках не сочиняются наобум, как некоторые думают, а соотносятся с действительностью, иначе не могло быть такого совпадения показаний по отдельным годам по разным губерниям»²⁸.

Суждение о статистике урожаев Ю. Э. Янсона, известного ученого-статистика последних десятилетий XIX в., А. Фортунатов передает не столь тенденциозно, но все же создается впечатление, что и Янсон обращает внимание преимущественно на недостоверность исходных данных об урожаях. Фортунатов сначала приводит слова Янсона: «Хозяин сам весьма часто не знает количества урожая». Через двадцать с лишним страниц он снова цитирует, но уже другую работу того же ученого: «...Для волостей срочная ведомость есть часто дело бумажной отписки; и если волостное правление может дать сколько-нибудь пригодные сведения об урожае крестьянском, то о сборе помещичьем сведения в значительной мере произвольны». Потом следует часть фразы Янсона, вырванная из контекста и явно противоречащая двум приведенным выше цитатам: «Наши волостные материалы вовсе не так худы, как обыкновенно думают»²⁹.

Прежде всего следует восстановить полный текст фразы, из которой взяты последние слова. У Янсона она звучит так: «Мы держимся вообще того мнения, которое и найдет себе подтверждение в последующем изложении, — что наши материалы о посевах и даже сборах вовсе не так худы, т. е. неточны, как обыкновенно думают те, которые вообще нашу официальную статистику считают никуда непригодной». Янсон, как видим, выступает против огульного отрицания официальных данных не только о посевах, но и о сборах хлебов и считает их вполне пригодными для обоснованных заключений. И действительно, он с успехом пользуется официальной статистикой урожаев, в частности, для исчисления чистого сбора хлебов на одного человека в России сравнительно с другими европейскими государствами. При этом еще раз отмечается достаточная точность абсолютных показателей статистики урожаев в России. Вычислив душевое потребление хлеба в России, Франции, Швеции, Англии и Норвегии, Янсон пишет: «Сопоставления эти приводят к тому заключению, что если наши официальные цифры сборов ниже действительных, то на величину сравнительно незначительную, могущую делать разницу в дробях гектолитра на одного человека»³⁰. Причислять после этого Янсона к кругу лиц, сомневающих в познавательном значении русской урожайной статистики, можно лишь по явному недоразумению.

Особое место в литературе вопроса занимает малоизвестная среди историков работа Л. И. Грасса, которая была написана с прикладной целью — установить возможность страхования хлебных посевов в России на основании официальных данных об урожаях с середины 50-х до конца 80-х годов XIX в.³¹ Для этого автор использовал за 1857—1866 гг. сведения по МВД, основанные на ежегодных губернаторских отчетах, за 1870—1877 гг. — материалы Центрального статистического комитета и за 1883—1889 гг. — данные департамента земледелия.

²⁸ И. И. Вильсон. Объяснения к хозяйственно-статистическому атласу Европейской России. СПб., 1869, стр. 75, 76, 80—85, 95.

²⁹ А. Фортунатов. Указ. соч., стр. 5, 29.

³⁰ Ю. Э. Янсон. Сравнительная статистика России и западноевропейских государств, т. II, отд. 1. Статистика сельского хозяйства. СПб., 1880, стр. 413—414, 416.

³¹ Л. И. Грасс. Записка об учреждении «Общества для страхования сельскохозяйственных посевов от неурожая». Казань, 1890.

Специально останавливаясь на разборе сообщений об урожаях в губернаторских отчетах за 50—60-е годы, Грасс признает их вполне пригодными для суждения о динамике урожайности в Европейской России за эти годы и пишет: «По свидетельству таких компетентных исследователей (имеется в виду И. Вильсон и авторы четвертого выпуска «Военно-статистического сборника». — А. Н.), даже данные *первого периода* официальной статистики дают основания для некоторых выводов об урожайности; проверенные более точными наблюдениями последующих лет, *выводы эти приобретают еще большую цену*». По его мнению, вполне закономерно по этим материалам официальной статистики урожаям решение следующих вопросов: в скольких губерниях *в каждом году* данного десятилетия урожай озимых и яровых хлебов были хорошими, средними и плохими; сколько было за это десятилетие *в каждой губернии* годов с урожаями озимых и яровых хлебов хорошими, средними и плохими; как велики *пределы колебаний* средних урожаев за отдельные годы по каждой губернии.

После сравнительного изучения материалов об урожаях в России за три названных периода по трем разным источникам Грасс находил все основания использовать для решения поставленной им задачи также аналогичные сведения по ведомству МВД. «Для отдельных губерний, — считает он, — мы можем ввести в эти ряды и данные за десятилетие 1857—1866 гг. (в общей форме колебаний урожая „озимых“ и „яровых“), так как данные *о степени урожая* в форме „сам-сколько“ имеются и за этот период».

Подводя итоги рассмотренной им официальной статистики урожаев на протяжении 50—80-х годов, Грасс считает периодичность смены урожайных и неурожайных лет в России вполне обоснованной: «Настоящим исследованием мы сделали первый шаг, чтобы доказать *возможность* страхования посевов, несмотря на то, что мы, как видно из „Записки“, относились весьма критически к тем материалам, на которых имеющиеся в приложениях таблицы построены»³².

Наиболее обстоятельно статистика урожаев в России за прошлое столетие рассмотрена в ранее упомянутом исследовании А. Фортунатова «Урожай ржи в Европейской России». В нем большое место отведено изучению методики и техники исчисления урожаев на протяжении всего XIX в. и дана развернутая оценка степени надежности средних урожаев хлеба (на примере озимого) в материалах губернаторских отчетов.

Вслед за Грассом Фортунатов изучает вопрос об урожаях ржи за XIX в. на основании разных источников: ежегодных губернаторских отчетов, сводок Центрального статистического комитета, данных департамента земледелия, конкретных многолетних записей по отдельным имениям. Касаясь материалов комиссий народного продовольствия, лежащих в основе показателей об урожаях в губернаторских отчетах и в сводках министерства государственных имуществ, он отмечает их «незаслуженно низкую репутацию».

Видимо, для подтверждения того, насколько широко это предубеждение распространено, Фортунатов в начале своего труда приводит сводку в основном отрицательных суждений о правительственной статистике урожаев. Не разделяя их по существу, он передает их в нарочито заостренной форме, как бы ярче формулируя тезис, опровергаемый последующим содержанием его исследования.

Официальные сведения об урожаях озимых, по материалам МВД, Фортунатов подвергает детальному разбору. В конечном счете он приходит к

³² Там же, стр. 10, 25, 48, 55.

следующему заключению: «Таким образом, при грубых хронологических сравнениях все четыре источника дают результаты, согласные между собою; три источника (в том числе губернаторские отчеты.— А. Н.) сходятся при несколько более тонких сравнениях. Особенно любопытна взаимная близость наименее конкретного источника — губернаторских отчетов, опирающихся на *догадки* волостных правлений, с наиболее конкретными, с действительными погодными *записями* об урожае в частных хозяйствах»³³.

Итоговый вывод крупнейшего специалиста по данному вопросу о фактическом совпадении данных официальной статистики урожаев с конкретными многолетними записями об урожаях крайне убедителен. Он, в частности, решительно противоречит мнению тех исследователей, которые отрицают как раз практическую пригодность казенной статистики урожаев и опираются притом, по явному недоразумению, на авторитет Фортунатова.

Как видим, экономисты и ученые статистики второй половины XIX в. также были далеки от того, чтобы отрицать всякую достоверность официальной статистики урожаев в России по ведомству МВД. Относясь к ним критически после сравнения их с такого же рода позднейшими данными (Центрального статистического комитета и департамента земледелия), а также с конкретными многолетними записями посева и сбора хлебов по отдельным хозяйствам, они приходили к выводу, что сведения об урожаях из губернаторских отчетов вполне могут быть использованы для изучения разных сторон развития земледелия России в XIX в.

В заключение данного обзора следует остановиться на оценке дореформенной статистики урожаев известным статистиком XX в. В. Г. Михайловским. Тезисы его доклада «Урожай ржи в России. 1801—1914 гг.», сделанного на заседании коллегии Центрального статистического управления 23 мая 1921 г., упоминаются в литературе вопроса вплоть до нашего времени. К сожалению, текст самого доклада, видимо, не сохранился. По наведенным справкам, в библиотеке ЦСУ его не имеется. Из находящегося там комплекта печатных протоколов заседаний коллегии за 1921 г. можно узнать, что в принятом постановлении по этой работе Михайловского имелся особый пункт о ее публикации: «Просить В. Г. Михайловского дать краткий очерк по прочитанному докладу для «Бюллетеня ЦСУ» и подробную статью для «Вестника статистики»³⁴. Первая часть этого решения выполнена — краткое изложение доклада было напечатано в том же году. Полный же его текст в «Вестнике статистики» не публиковался.

Доклад В. Г. Михайловского, а также все связанные с этой темой работы по линии ЦСУ в 1920—1921 гг. имели не только теоретический, но и чисто практический интерес. Они должны были ответить на остро стоявший вопрос о ближайших перспективах обеспечения страны хотя бы самыми минимальными хлебными ресурсами. На поворотном моменте перехода к новой экономической политике, после неурожая 1920 г., названного В. И. Лениным «тяжелым»³⁵, от обоснованного решения этого вопроса зависело очень многое.

Неблагоприятные погодные условия уже ранней весной 1921 г. давали основания опасаться повторения крупного неурожая и в наступившем году. Выступая 11 апреля с докладом о концессиях на заседании коммунистической фракции ВЦСПС, В. И. Ленин говорил: «...Положение

³³ А. Фортунатов. Указ. соч., стр. 48, 62.

³⁴ Библиотека ЦСУ. «Протоколы заседаний коллегии ЦСУ за 1921 г.»; протокол № 200, 23 мая 1921 г.

³⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, стр. 266.

продолжает обостряться... Топливный кризис надвигается. Затем весна грозит новым неурожаем, опять-таки по климатическим условиям, бескормицей, что может сократить еще больше поступление топлива. И если еще появится засуха, то кризис грозит принять характер совсем чрезвычайный»³⁶. Опасение это вскоре подтвердилось, и в речи 16 июня того же года на III Всероссийском продовольственном совещании В. И. Ленин сказал: «...Вступили ли мы в целую полосу засушливых лет, как это нам второй год предсказывают, этого мы еще не знаем, но что второй год мы опять-таки в значительных районах будем переживать сильнейший неурожай и хлебов и трав, это уже выяснилось и рисует нам картину громадной опасности»³⁷.

Между этими двумя выступлениями В. И. Ленина и прочитан был доклад В. Г. Михайловского. Он ставил перед собой задачи: установить степень периодичности неурожаев в России на протяжении длительного времени — за весь XIX и за начало XX в.; уяснить основные причины, вызывающие крупные неурожай; наметить надежные приемы исчисления средних урожаев. Прямая связь содержания и выводов этого доклада с тревожным ожиданием в 1921 г. повторного неурожая очевидна.

По свидетельству протокольной записи заседания, Михайловскому удалось установить периодичность урожаев в России, но неравномерную — наблюдались периоды в 4 года и в 6 лет, а большею частью в 8 лет. В пределах каждого периода «урожайные годы чередовались с неурожайными вполне правильно». Решающее влияние на размеры урожая оказывало, по мнению Михайловского, количество осадков. Он пришел к выводу, что в черноземной полосе, где не применяется искусственное удобрение, «количество осадков стоит в прямой связи с урожаем». В нечерноземных же местностях обилие осадков может вызвать даже неурожай. В протоколе заседания, где слушался доклад, записано: «Теорию зависимости урожая и неурожая от солнечных пятен наблюдения В. Г. Михайловского не подтвердили».

Краткий пересказ доклада в этом протоколе заканчивается так: «Из своей работы В. Г. Михайловский вывел следующие методологические заключения: 1) для определения среднего урожая нельзя брать ни слишком длинного периода лет, ни слишком короткого, так как средний урожай в России значительно увеличился (вместо сам-3 достиг сам-5,5). Для практических целей рекомендуется держаться восьмилетних периодов. 2) Необходимо придавать значение количеству сделанных наблюдений: чем больше показаний об урожае, тем средний урожай определяется ниже. 3) При сопоставлении с метеорологическими данными урожай текущего года необходимо сопоставлять и с метеорологическими данными за предыдущий год (за весь вегетационный период). 4) При оценке данных об урожае надо считаться с индивидуальными показаниями. После урожайного года корреспонденты повышают требования к урожаю, а после неурожайного понижают»³⁸.

При изучении динамики урожаев в дореволюционной России почти за 120 лет В. Г. Михайловский не мог обойти данных официальной статистики урожаев, основанной на материалах губернаторских отчетов. Именно эти показатели урожайности хлебов были им использованы для периода с 1801 по 1882 г. Михайловский сразу указывает на недостаточную достоверность таких показателей. Уже в первом тезисе к его докла-

³⁶ Там же, стр. 166—167.

³⁷ Там же, стр. 350.

³⁸ Библиотека ЦСУ. «Протоколы заседаний коллегии ЦСУ за 1921 г.», протокол № 200, 23 мая 1921 г.

ду сказано: «Данные об урожаях, собиравшиеся в России административными органами (через посредство волостных писарей и полицию), с 1802 г., ближе к истине, чем обычно думают статистики, и пригодны для цифровой характеристики урожаев по крупным районам (не менее 4—5 губерний в каждом)»³⁹.

В приложениях к тезисам доклада приведена сводка показателей средней урожайности хлебов в России за каждый год, исчисленных «в самах», суммарно для озимых и яровых⁴⁰. Соглашаясь с мнением Фортунатова, что данные о средних годовых урожаях по отчетам министерства внутренних дел примерно на 6,3% ниже соответствующих данных Центрального статистического комитета, включенных в эту сводку с 1883 г., Михайловский вносит эту поправку в данную таблицу. При всех последних цифровых расчетах он безоговорочно использует этот единый ряд полученных им цифровых показателей. В данном случае, как и при определении Грассом закономерности неурожая для возможного страхования посевов, Михайловский сведения дереформенной статистики урожаев признавал достаточно обоснованными.

Следует, наконец, особенно подчеркнуть, что при исчислении средних годовых урожаев В. Г. Михайловский следовал принятому в свое время в России, по крайней мере до 80-х годов XIX в., способу определять степень урожая «в самах» на основании общего количества посеянного и собранного зерна. В объяснениях к упомянутой таблице средних годовых урожаев за 1801—1914 гг. он пишет: «Величина урожаев определялась путем деления валового сбора (в четвертях) на высеянное количество зерна»⁴¹. Михайловский для уяснения общей тенденции динамики урожайности в России за длительный период времени эти данные официальной статистики урожаев в XIX в. считал вполне достаточными.

ПОРЯДОК УСТАНОВЛЕНИЯ УРОЖАЙНОСТИ ХЛЕБОВ В ДОРЕФОРМЕННОЙ РОССИИ

Сохранились многочисленные официальные документы, а также хозяйственные материалы, помогающие восстановить практиковавшийся в России с начала XIX в. порядок определения ежегодных урожаев хлеба как по каждой губернии, так и по всей стране в целом. Царское правительство далеко не переоценивало ни сообразительности, ни рвения своих чиновников и стремилось регламентировать по возможности всю деятельность и местных и центральных учреждений нередко до малейших деталей. Упорядочению статистики, прежде всего относящейся к земледелию, уделялось при этом значительное внимание по чисто практическим соображениям. От урожая хлебов в аграрной России зависело общее хозяйственное положение страны, состояние ее промышленности, торговли и финансов. В частности, на основании поступающих из губерний данных о значительных недородах хлебов принимались решения о снижении на голодное время податей и об оказании крестьянскому населению, терпящему бедствие, единовременной помощи продовольствием и денежными ссудами. Такие сверхсметные расходы иногда исчислялись десятками миллионов рублей ассигнациями. В 1833 г., например, после крайне скудного урожая было выдано населению 33 млн. руб.⁴²

³⁹ «Тезисы доклада В. Г. Михайловского «Урожай в России 1801—1914 гг.» — «Бюллетень ЦСУ», № 50, 1921, стр. 2.

⁴⁰ Там же, стр. 4, табл. 1.

⁴¹ Там же.

⁴² «Материалы по вопросу о обеспечении продовольствием», ч. II. «Исторический обзор правительственных распоряжений по народному продовольствию в России». СПб., 1860, стр. 1.

Вполне естественно, что правительство было постоянно озабочено своевременным получением от губернских начальств обоснованных сообщений о хозяйственном положении на местах. Центральная роль при этом отводилась ежегодным «сборам хлебов и трав». В этой связи выработан был обязательный способ получения первичных данных об урожае, распространенный на земли всех ведомств. Предусмотрено было регулярное поступление таких данных в созданные по всем губерниям учреждения и подробно определены были обязанности их по обработке этих сведений. Губернаторам предписывалось в точно установленные сроки по определенным формам доносить об итогах урожая в центральные ведомства Петербурга.

Эти мероприятия правительства излагались в специальных постановлениях, ведомственных правилах, инструкциях и распоряжениях, которые вполне доступны для исследователей. Наиболее важные из них получили силу закона и входили в состав действующего законодательства царской России. Они не раз упоминались в литературе о русской урожайной статистике со ссылками на Полное собрание законов⁴³. Ведомственные распоряжения и инструкции по вопросам «обеспечения народного продовольствия», как тогда именовалась деятельность властей в связи с неурожаем, частично печатались в официальной периодической печати. Помимо того, в систематизированном виде они публиковались в ведомственных сборниках. Среди последних следует выделить два издания, содержащие ценные сведения по разным вопросам делопроизводства в административных инстанциях середины XIX в. Одно из них ограничено сферой ведомства министерства внутренних дел⁴⁴. Другое посвящено представлению разных статистических сведений по всем министерствам и другим центральным учреждениям⁴⁵.

При анализе этих материалов отчетливо выступают следующие обязательные операции установления ежегодных урожаев хлеба по каждой губернии: определение первичных данных об урожае на местах, собиране материалов по уездам и представление их в губернский центр, исчисление среднего урожая хлеба для данной губернии и представление сводных данных по особой форме в Петербург.

Исходные сведения о ежегодных сборах хлебов издавна определялись на Руси путем пробных умолотов. Об этом, например, писалось в хозяйственных документах по имениям Морозова, относящихся к началу 60-х годов XVII в.⁴⁶

Способ исчисления средних урожаев посредством пробных умолотов вошел в практику губернской администрации с самого начала ее деятельности. Применительно к составлению урожайных ведомостей во второй половине XVIII в. один из наших историков-специалистов писал: «Как свидетельствуют, в частности, отдельные губернаторские донесения, речь

⁴³ Ю. Э. Янсон. Теория статистики. СПб., 1886, стр. 153—170; А. Фортунатов. Указ. соч., стр. 8—10, 27—28; Н. Н. Улащик. Отчеты губернаторов Литвы и Западной Белоруссии как исторический источник (1804—1861) (далее — Н. Н. Улащик. Отчеты губернаторов...). — «Проблемы источниковедения», кн. IX. М., 1961, стр. 18 и сл.; Н. П. Дятлова. Отчеты губернаторов как исторический источник. — «Проблемы архивоведения и источниковедения». Л., 1964, стр. 228—229, 236—237.

⁴⁴ «Сборник циркуляров и инструкций МВД с учреждения министерства по 1 октября 1853 г.», т. I. СПб., 1854.

⁴⁵ «Общий обзор записей по ведомствам и главным управлениям империи». Составлен в Центральном статистическом комитете под ред. Е. Огородникова. СПб., 1867.

⁴⁶ «Книги посевные, ужинные и умолотные в имении Морозова». — «Временник Московского общества истории и древностей», кн. 7. М., 1850, стр. 7, 10 и 13—14.

шла о предварительных пробных уборках и обмолотах по уездам, на основе которых определялась средняя урожайность»⁴⁷.

К началу XIX в. определение сбора хлебов при помощи пробных умолотов было проверено длительным опытом не только в вотчинных и монастырских хозяйствах, но и в повседневной административно-хозяйственной деятельности царских властей. Порядок и приемы проведения пробных умолотов, видимо, настолько стали обычными, что законодатели прошлого столетия считали их само собою разумеющимися.

В официальных документах XIX в. проведение пробных умолотов предусматривалось как обязательная, но рядовая и хорошо всем известная хозяйственная операция. Об этом так и упоминается в особом «Распоряжении, относящемся к исполнению указа 14 апреля 1822 г. о обеспечении продовольствия народного», которое было опубликовано 30 апреля того же года. В этом документе предусматривалось поступление с мест к гражданским губернаторам ежегодных сведений «по окончании жатвы в октябре месяце: каков урожай хлеба, принимаая в сем случае в соображение среднее количество из умолота в нескольких селениях каждого уезда»⁴⁸. Распоряжение это исходило от министра внутренних дел и распространялось на подведомственные ему земли, т. е. в основном на помещичьи имения, включая земельные наделы крепостных крестьян.

Такой же порядок выявления первичных данных об урожаях хлебов узаконен был и для казенных земель сразу после учреждения министерства государственных имуществ. В «Положении об обеспечении продовольствия государственных крестьян» от 16 марта 1842 г. предписывалось начальникам палат государственных имуществ представлять в министерство осенью каждого года такие же сведения о сборе хлебов, «принимая в сем случае в соображение среднее количество из умолота в нескольких селениях каждого округа»⁴⁹. Таким образом, путем пробных умолотов устанавливались ежегодные урожаи и на удельных землях, как это подтверждается материалами губернских комиссий народного продовольствия.

Постановления этих комиссий за 50-е годы XIX в. по отдельным губерниям сохранились в фонде хозяйственного департамента МВД, а по комплексам смежных губерний они иногда встречаются в фондах губернских учреждений, хранящихся в некоторых наших областных архивах. Они подтверждают, что ежегодные сведения о сборе хлебов действительно поступали в губернские комиссии продовольствия от местных властей всех ведомств, в том числе от палат государственных имуществ и от удельных контор. В тексте постановлений губернских комиссий прямо указывается, что величина средних урожаев как озимых, так и яровых хлебов на землях всех этих ведомств приводится на основании средних умолотов: «Принимая в соображение среднее количество из умолота в нескольких селениях уезда...» (Нижегородская губерния), «По пробным умолотам и в общей сложности...» (Воронежская, Екатеринославская, Владимирская, Пермская губернии), «Сложный урожай по пробным умолотам оказался...» (Архангельская губерния), «По пробным умолотам урожай хлеба был следующий...» (Вятская, Олонецкая, Псковская губернии), «По пробным же умолотам... (Костромская губерния), «Урожай оных по пробным умолотам и в общей сложности простирается по уездам...» (Казанская губерния), «Урожай оных оказался по пробным умо-

⁴⁷ Н. Л. Рубинштейн. Сельское хозяйство России во второй половине XVIII века. М., 1957, стр. 358.

⁴⁸ ПСЗ, I, т. XXXVIII, 1822, № 29025, ст. 21.

⁴⁹ ПСЗ, II, т. XVII, 1842, № 15386, ст. 25.

лотам у помещичьих крестьян...» (Новгородская губерния), «Урожай последовал по пробным умолотам в помещичьих имениях по уездам...» (Астраханская губерния), «Судя по пробным замолотам...» (Оренбургская губерния), «По сделанным в уездах пробным умолотам...» (Рязанская губерния), «Урожай хлеба по пробным замолотам оказался...» (Пензенская губерния) и т. д.⁵⁰

Первичные сообщения о пробных умолотах на местах в отдельных имениях и хозяйствах в делопроизводстве губернских комиссий продовольствия отсутствуют. Но по ряду прямых и косвенных свидетельств можно утверждать, что средние урожаи хлебов основывались комиссиями действительно на материалах о таких умолотах, поступающих с мест. Об этом, например, говорится в особой справке, содержащейся в журнале Владимирской комиссии продовольствия от 7 сентября 1853 г. и составленной в ответ на запрос военного министерства о запасах в губернии хлеба и фуража на 1854 г. Отсутствие таких сведений у комиссии в этой справке объясняется так: «В здешней губернии ныне не везде еще окончена уборка ржаного хлеба и трав, а яровое повсеместно убирают, успеху в чем много препятствуют часто перепадающие дожди, и только в некоторых местах деланы были пробные замолоты ржаного хлеба...»⁵¹.

Косвенным подтверждением исчисления погубернской урожайности по данным о пробных умолотах является также разнообразие нестандартных упоминаний об этом в протоколах самих комиссий. Образцы таких разных формулировок, относящихся к различным губерниям, были приведены выше. Можно также утверждать, что в тех случаях, когда в материалах комиссий пробные умолоты и не упомянуты, они явно подразумеваются, как само собою очевидные. Пример того дает журнал Владимирской комиссии продовольствия от 21 октября 1853 г., где подводятся итоги урожая за год без обычной фразы об исчислении его этим выборочным способом⁵². Из сопоставления этого документа с приведенной цитатой протокола той же самой комиссии от 7 сентября 1853 г. становится несомненным, что и во втором протоколе сбор зерна установлен именно путем пробных умолотов.

В этой связи особый интерес представляет недавно обнаруженный Н. Н. Улащиком архивный текст, подтверждающий конкретные случаи исчисления в середине XIX в. урожаяв при помощи пробных умолотов. Такой документ содержится в деле «Сведения к ведомостям по отчету за 1850 г.», хранящемся в фондах ЦГИА Литовской ССР. Он относится к 1862 г. и сообщает, что в юрбургском имении Васильчикова (Ковенская губерния) для определения урожая из 3052 коп собранной ржи на пробу было обмолочено 15 коп, а из 861 коп овса — 4 копы⁵³. По свидетельству Н. Н. Улащика, подобные сведения найдены им также в архивных фондах по Виленской губернии, в частности по имени Витгенштейна в Ошмянском уезде. Малая известность такого рода документов объясняется, по-видимому, тем, что они, как правило, не выходили за пределы вотчинных архивов или фондов уездных или волостных учреждений. Последние же в значительной мере утрачены, да и изучены к тому же недостаточно.

⁵⁰ ЦГИА СССР, ф. 1287, оп. 2, д. 1876, лл. 2 об.—3, 23 об., 48, 106, 138 об., 163 об.—165, 266 об., 288 об., 330, 412 об., 455 об., 481, 509—509 об., 567, 596, 662; Государственный архив Владимирской области (далее — ГАВО), ф. 360, оп. 1, д. 1102, лл. 132, 135, 141; д. 1834, л. 441 об.; Центральный государственный военно-исторический архив, ф. 2, оп. 1, 1852 г., д. 862, л. 41.

⁵¹ ГАВО, ф. 360, оп. 1, д. 1224, л. 163 (Разрядка моя.— А. Н.).

⁵² Там же, л. 178 об.

⁵³ Н. Н. Улащик. Отчеты губернаторов..., стр. 40.

Разработка их и в этом направлении может привести к ценным находкам⁵⁴.

Точное количество производившихся в каждой губернии пробных умолов в протоколах комиссий не называлось. Но, учитывая предписание закона о выборочном определении зерна «в нескольких селениях каждого уезда», общее их количество по губернии могло составить до 20—30 (отдельно по озимым и яровым). Примерно столько же данных о пробных умологах поступало с казенных и удельных земель. Для многолетнего ряда средних погубернских урожаев комиссии располагали значительным фактическим материалом.

Не так примитивно, как часто рисуется, обстояло дело и с передачей материалов об урожаях с мест в губернские инстанции. Об этом до сих пор имеются у нас самые общие представления, возможно потому, что действительному происхождению первичных данных об урожаях в нашей литературе вообще не придавалось значения. Нередко считают, что сообщения о сборе хлебов по уездам поступали от полицейских властей, которым приписывается подчас чуть ли не решающая роль и в определении величины урожая. Другие, наоборот, полагают, что такие извещения шли от самих помещиков, на которых в свою очередь возлагали всю ответственность и за местные сведения о степени урожайности. Помимо противоречивости таких суждений, они многое оставляли неясным. Оказывалось непонятным, какое место при этом принадлежало уездным учреждениям, в том числе земскому суду. Упускалось также из вида, что в губернские комиссии продовольствия доставлялись сведения о сборе хлебов и на казенных и на удельных землях.

Ряд таких вопросов уясняется при ознакомлении с соответствующими положениями, регулировавшими деятельность царских властей на местах. И в данном случае, не полагаясь на исполнительность своих уездных и губернских чиновников, правительство установило твердый порядок доставки сведений об урожае в губернский центр. Этот порядок сложился в ходе бюрократической практики на протяжении первых десятилетий XIX в. и охватывал важнейшие рычаги провинциального управления.

Особыми законоположениями предусматривалось поступление к губернскому начальству первичных сведений об урожае одновременно и через предводителей дворянства уездов и через уездную администрацию. Кроме того, такие же сведения доставлялись губернатору по казенным землям и удельным имениям. В уже цитированном распоряжении по МВД от 30 апреля 1822 г. об этом говорилось в двух статьях. Статьей 22 предусматривалось, что поуездные сведения об урожаях представляются: «О селениях помещичьих от уездных предводителей дворянства, через

⁵⁴ Это предположение оправдалось вскоре по завершении данного очерка. При изучении вотчинных архивов И. Д. Ковальченко обнаружил значительное число материалов, подтверждающих широкое использование пробных умолов в помещичьих хозяйствах на протяжении всей первой половины XIX в. Ужинно-умолотные книги и ведомости, рапорты и счетные выписки сельской администрации о пробных замолотах и учете хлебных урожаев имеются в ряде архивных фондов Центрального государственного архива древних актов (например, ф. 1262 Гагариных, оп. 4, 1810 г., д. 14; 1827 г., д. 372; оп. 5, 1809 г., д. 2; 1814 г., д. 39; 1824 г., д. 190; 1827 г., д. 372; 1857 г., д. 574, 575; ф. 1282 Толстых-Кристи, оп. 1, 1836 г., д. 173; 1840 г., д. 181; ф. 1290 Юсуповых, 1809 г., д. 4804; 1857 г., д. 5926, 5927 и др.). По свидетельству И. Д. Ковальченко, в Государственном историческом архиве Московской области в ф. 22 Комиссии народного продовольствия Московской губернии сохранилась часть переписки губернских инстанций с уездными о представлении с мест необходимых сведений по урожайной статистике с материалами первичных донесений об урожаях, поступавшими через земский суд (оп. 1, д. 3, 1822—1832 гг., лл. 121, 130, 142, 155, 166).

губернского; о селениях свободных хлебопашцев тем же порядком; а о селениях казенных и удельных от их начальств». В статье 23, кроме того, предписывалось земским исправникам и земским судам «на основании существующих постановлений» доносить начальнику губернии о всем «в отношении посева, произрастания урожая или повреждения хлеба и трав от физических причин»⁵⁵. Подробнее об этой обязанности уездных властей сказано в «Наказе чинам и служителям земской полиции» от 3 июня 1837 г.: «Земский суд, получая также через станowych приставов от волостных и других сельских управлений сведения о посевах и урожае хлеба, а равно и о состоянии запасов у казенных поселян, доставляет оные благовременно, в надлежащем порядке в комиссию продовольствия и в казенную палату»⁵⁶.

Этот порядок продолжал уточняться циркулярными распоряжениями в 40-х и в первой половине 50-х годов XIX в.⁵⁷ Основные его положения были подчеркнуты в особом инструктивном документе Центрального статистического комитета. В специальном его разделе, озаглавленном «О посевах и урожае хлебов, овощей и плодов, по ведомствам разного звания хлебопашцев», сказано предельно четко: «Сведения начальникам губерний доставляются: по имениям владельческим — уездными предводителями дворянства; по имениям государственным — от палат государственных имуществ; по имениям удельным — от удельных контор. Сверх того, сведения подобного рода соредоточиваются у станowych приставов, кои получают их от волостных, удельных и вотчинных управлений»⁵⁸.

Дошедшие до нас материалы самих продовольственных комиссий наглядно отражают именно такой порядок поступления сведений об урожаях в губернские центры. В начале протоколов заключительных заседаний этих комиссий, когда устанавливалось общее количество собранного по губернии хлеба за данный год, обычно приводится полный перечень инстанций, от которых поступили необходимые для того материалы. Так, в постановлении Нижегородской комиссии народного продовольствия от 9 ноября 1854 г. сказано: «Рассматривали и обсуждали собранные сведения: 1) от уездных предводителей дворянства о состоянии хлебных продовольственных запасов у помещичьих крестьян; 2) от палаты государственных имуществ о посевах и урожае хлебов и сборе сена и о состоянии хлебных и денежных запасов у казенных и коннозаводских крестьян; 3) от удельной конторы о посевах и урожае хлеба, картофеля и сборе сена в имениях удельного ведомства; 4) от земских исправников о посевах и урожае хлеба, картофеля и сборе сена по помещичьим имениям и у других подведомых МВД сословий; 5) от городских голов о количестве частных запасов хлеба, имеющихся в городах; 6) от казенной палаты о числе окладных и неокладных душ...»⁵⁹ В журнале Тверской комиссии от 10 ноября 1853 г. отмечены поступления таких же сведений от земских судов, от палаты государственных имуществ и от удельной конторы. В протоколе Костромской комиссии от 7 декабря 1853 г. в этой же связи названы уездные предводители дворянства, земские суды, палата государственных имуществ и удельная контора⁶⁰. Перечень подобных записей может быть умножен во много раз.

⁵⁵ ПСЗ, I, т. XXXVIII, 1822 г., № 29025.

⁵⁶ ПСЗ, II, т. XII, 1837 г., № 10306, ст. 36.

⁵⁷ «Официальные прибавления к «Северной пчеле», 1854, № 209.

⁵⁸ «Общий обзор записей по ведомствам и главным управлениям империи», стр. 174.

⁵⁹ ЦГИА СССР, ф. 1287, оп. 2, д. 1876, лл. 349 об.—350.

⁶⁰ ГАВО, ф. 360, оп. 1, д. 1102, лл. 128, 135.

Приведенные тексты дают основания для ценных наблюдений. Прежде всего оказывается, что сведения об урожаях с мест поступали в губернию по двум независимым друг от друга каналам: 1) от уездных предводителей дворянства и начальства казенных и удельных земель; 2) от местной уездной администрации. Правительство опиралось тем самым как на сообщения от представителей местного дворянства и чиновников МГИ и Уделов, так и на уездные административные инстанции — на земского исправника и земский суд. Это дублирование поступающих данных об урожаях до какой-то степени допускало их взаимную проверку. Та же цель могла быть достигнута путем сравнения сбора хлебов в имениях помещиков и на казенных и удельных землях, поскольку и эти сведения поступали из трех различных источников. Наконец, становится очевидным сравнительно скромное место во всем этом полицейских властей, которым в основном отводилась техническая роль передаточной инстанции.

В целом же приходится признать, что и в данном случае правительством предпринимались различные меры, предусматривавшие по возможности своевременную и полную информацию губернской администрации по текущей статистике хлебных урожаев.

Достаточно четко закон устанавливал также порядок деятельности и самих губернских комиссий народного продовольствия. Исключительно этому посвящен был указ 14 апреля 1822 г. «Об учреждении в каждой губернии комиссии для продовольствия в неурожайные годы жителей хлебом и денежным пособием» и связанное с этим указом распоряжение МВД, изданное 30 апреля того же года⁶¹. Этот же вопрос подробно рассматривался в особом разделе типового общего наказа гражданским губернаторам от 3 июня 1837 г., озаглавленном «Народное продовольствие и общественное хозяйство»⁶². Текущая деятельность губернских комиссий народного продовольствия регулировалась также рядом дополнительных постановлений и разъяснений по ведомству МВД.

Главная задача комиссий продовольствия заключалась «в наблюдении, чтобы ежегодное продовольствие в губернии хлебом было обеспечено»⁶³. В губернскую комиссию входили: гражданский губернатор (председатель), губернский предводитель дворянства, вице-губернатор, управляющий удельной конторой, губернский прокурор, два уездных предводителя дворянства и один непреременный член от местных дворян⁶⁴. Предварительная обработка поступающих из уездов сведений о посеве и сборе хлебов возлагалась на губернские статистические комитеты. В утвержденных для них 20 декабря 1834 г. «Правилах» сказано: «Губернский статистический комитет по собиранию сведений занимается проверкою оных и приведением в единообразный порядок»⁶⁵.

Комиссии продовольствия обычно созывались губернатором два раза в год: в середине лета (июнь-июль) и поздней осенью (в октябре). Летнее заседание, видимо, было связано с возложенной на губернатора обязанностью следить как за состоянием хлебных цен на местном рынке, так и за видами на урожай⁶⁶. На осеннем же заседании подводились итоги сельскохозяйственного года по поступившим уже к тому времени из уездов сведениям об урожае: подсчитывались валовой и чистый сборы хлебов, определялся продовольственный баланс по губернии на предстоя-

⁶¹ ПСЗ, I, т. XXXVIII, 1822 г., № 29000, 29025.

⁶² ПСЗ, II, т. XII, 1837 г., № 10303, отд. IV.

⁶³ ПСЗ, I, т. XXXVIII, 1822 г., № 29000, ст. 12.

⁶⁴ Там же, ст. 11.

⁶⁵ ПСЗ, II, т. IX, 1834 г., № 7684, ст. 38.

⁶⁶ ПСЗ, II, т. XII, 1837 г., № 10303, ст. 75, 76.

ший год. Особая заинтересованность правительства в обоснованном решении этих вопросов сказалась в более конкретном регламентировании занятий комиссий продовольствия именно на этом заключительном этапе их деятельности. В специальном указе в этой связи давались такие общие указания. Ежегодно осенью («по уборке хлеба») комиссия продовольствия, «составляя присутствие, по сведениям, доставляемым ей от гражданского губернатора, входит в соображение: а) о состоянии урожая внутри губернии, по сравнению одного с теми годами, в коих продовольствие было достаточно; б) о состоянии урожая в тех местах, откуда хлеб в губернию доставляется, если потребности продовольствия ее в обыкновенном положении дополняются внешним привозом; в) о состоянии положенных в губернии запасов»⁶⁷.

Губернские комиссии продовольствия не ограничивались механической сводкой поступавших к ним материалов о посевах и сборах хлебов по разным уездам. В протоколах их заседаний приведенные данные о количестве собранного хлеба связываются с условиями погоды, определявшими развитие как озимых, так и яровых со времени посева и по уборку урожая включительно. Особо указываются и потери посевов от стихийных бедствий. Часто такие сведения даются по отдельным уездам. Во всех случаях, когда приводятся цифры итоговых подсчетов по всей губернии, приводится фактическая справка, насколько эти цифры больше или меньше таких же показателей за предыдущий год. Взаимная согласованность всех этих данных подкрепляла итоговой вывод комиссии о количестве собранного хлеба за минувший год.

В тех же осенних протоколах комиссий делались подсчеты внутренней потребности в хлебе по губернии на предстоящий год. Предполагаемый расход зерна приводился по основным рубрикам с учетом опыта прежних лет и роста населения губернии. Отдельно указывались потребное на будущий год количество посевных семян, расходы зерна на винокурение, на продовольствие и фураж в пределах всей губернии. При подведении общего хлебного баланса учитывалось наличие зерна в запасных магазинах и возможности населения (включая и крестьян) для изыскания средств на покупку недостающего хлеба. Все эти подсчеты могли также служить для дополнительной проверки установленной комиссией общей величины урожая за данный год.

Единой формы для журналов комиссий продовольствия, в которых подводились итоги погубернских урожаев, до 1854 г. не существовало. За предшествующее ему время осенние заключительные журналы комиссий по разным губерниям значительно отличались друг от друга как полнотой, так и детальностью содержащихся в них сведений. Унификация требуемых от губернских комиссий сообщений введена была лишь циркуляром МВД № 67 от 28 апреля 1854 г., обязательным для всех начальников губерний. К нему прилагалась детально разработанная «Программа ежегодных постановлений продовольственных комиссий о средствах обеспечения народного продовольствия» и форма сводной ведомости хлебного баланса по губернии в цифровом выражении⁶⁸.

Как видим, деятельность губернских комиссий продовольствия достаточно подробно регламентировалась правительственными постановлениями, важнейшие из которых имели силу закона. Существовал разработанный и проверенный практикой порядок для сведения поуздных данных об урожаях в общегубернские показатели. В нем предусматривалась возможность прямого и косвенного подтверждения цифровых выводов

⁶⁷ ПСЗ, I, т. XXXVIII, 1822 г., № 29000, ст. 13.

⁶⁸ «Материалы по вопросу о обеспечении продовольствием», ч. III. «Руководства, постановления, проекты». СПб., 1860, стр. 64—68.

комиссий о годовом урожае хлебов. Это могло быть достигнуто сопоставлением установленного сбора хлебов с существовавшими условиями погоды, сравнением степени урожая на землях разных ведомств, выведением примерного хлебного баланса по губернии, проверкой количества полученного зерна многолетними данными о том, имевшимися в комиссии, и т. д. Этот общий для всей России порядок в какой-то мере обеспечивал и единообразие приемов исчисления величины урожаев по разным губерниям.

Существовали, наконец, определенные требования для извещения центральных правительственных учреждений об основных выводах губернских комиссий продовольствия. Наиболее четко они были изложены в упомянутом выше распоряжении по МВД от 28 апреля 1854 г., которое так и называлось «Циркулярное предложение министра внутренних дел к начальникам губерний касательно представления сведений по части народного продовольствия».

В этом циркуляре предписывалось губернаторам как председателям комиссий продовольствия представлять итоговые сведения о посеве и сборе хлебов и о продовольственных запасах по губернии в виде следующих документов: «а) в составляемых продовольственными комиссиями, по окончании уборки хлебов и трав, постановлениях и б) в особых ведомостях, из коих одни доставляются к ноябрю, а другие тремя месяцами позже, т. е. к февралю следующего года»⁶⁹.

Таким образом, губернаторы должны были отсылать в МВД заключительный (октябрьский) протокол комиссии продовольствия сразу же после его составления. Помимо того, на них возлагалась обязанность представлять в указанные сроки сведения о посеве и сборе хлебов по формам двух особых ведомостей. Одна из них посвящена была исчислению хлебного баланса на предстоящий год и посылалась одновременно с упомянутым протоколом комиссии. В ней сообщались сведения лишь применительно к землям, подведомственным МВД, по таким рубрикам: 1) число ревизских душ и лиц обоего пола; 2) количество посева, сбора (в четвертях) и степени урожая (с подразделением каждой графы на три раздела для озимых, яровых и картофеля); 3) количество необходимого хлеба (в четвертях): а) на посев, б) на продовольствие, в) на винокурение, г) на прочие потребности (с подразделением каждой графы на три указанных раздела); 4) излишек или недостаток отдельно для озимых, яровых и картофеля. Другая ведомость отражала посев и урожай хлебов и трав на землях всех ведомств в данной губернии и представлялась в феврале-марте следующего года одновременно с годовым отчетом губернатора. Количество посева и сбора (в четвертях) приводилось в ней отдельно по озимым, яровым и картофелю с выделением этих данных по помещичьим имениям (с подразделением их на барскую запашку и наделы крестьян), на землях государственных крестьян, у удельных крестьян, у горнозаводских, у колонистов и т. д. Степень урожая озимых, яровых и картофеля, как и в первой ведомости, исчислялась в «самах».

Первые ведомости в Центральном статистическом комитете МВД сводились по всем губерниям Европейской России в общую ведомость, которая прилагалась к очередному годовому отчету министра внутренних дел. Такие сводные ведомости обычно имеются в приложениях к «Извлечениям из отчетов МВД», публиковавшихся иногда за 40—50-е годы XIX в. в «Журнале МВД». (Следует еще раз напомнить, что эти данные относятся только к землям ведомства МВД, т. е. не касаются ни казенных, ни удельных земель.) Вторые ведомости сохраняются при тек-

⁶⁹ «Материалы по вопросу о обеспечении продовольствием», ч. III, стр. 64.

стах губернаторских отчетов, в комплекте приложений к ним. Коллекции таких отчетов сосредоточены в двух фондах ЦГИА СССР: Совета министра внутренних дел (ф. 1281) и Комитета министров (ф. 1263). Кроме того, копии и черновики губернаторских отчетов, приложений к ним, а иногда и материалов по их подготовке обычно хранятся в местных архивах областного и республиканского значения (чаще всего в фондах канцелярии губернатора, иногда губернского статистического комитета, комиссии народного продовольствия и др.).

И те и другие ведомости отражают результаты текущей статистики урожая в России. Они дают наиболее полное представление о посеве и сборе хлебов во всех губерниях на протяжении почти всего XIX в.

Таков был длительный путь исчисления урожая хлебов в царской России до 70-х годов XIX в. Как видим, нет оснований отрицать, что исходные данные о сборе хлебов получались путем пробных умолотов на местах, т. е. отражали действительное количество зерна, получавшееся при измерении урожая на землях разных ведомств в различных уездах. Неосновательны также сомнения в ненадежности способов доставки этих первичных сведений об урожае в губернские учреждения; передавались они по разным, не связанным друг с другом каналам, что и допускает их взаимную проверку. В равной мере нельзя признать примитивными и приемы обобщений в губернских инстанциях поступающих с мест материалов о сборе хлебов; установленный для того порядок до известной степени обеспечивал обоснованность выводов комиссий народного продовольствия. Предвзятое отрицательное отношение к урожайной статистике по линии МВД, исключающее познавательное ее значение, как видим, явно произвольно. И. Вильсон имел все основания утверждать, что сведения о сборе хлебов в середине XIX в. по крайней мере «соображаются с действительностью»⁷⁰.

ОБ ИСЧИСЛЕНИИ УРОЖАЕВ ХЛЕБА В «САМАХ»

Данные об урожаях по материалам губернаторских отчетов иногда берутся под сомнение в связи с исчислением сборов хлеба в так называемых «самах». Степень урожая при этом выражается соотношением количества собранного зерна к количеству высеянного («сам сколько») независимо от измерения площади, занятой под посевами. Автор одного из курсов сельскохозяйственной статистики пишет: «Недостаток такого приема при определении высоты урожая заключается в том, что при этом приеме не принимается во внимание густота сева на десятину. Урожай «сам сколько» имеет стремление повышаться при понижении густоты посева, хотя бы при этом подесятинный урожай и понижался... Между тем густота сева подвергается значительным колебаниям как по отдельным местностям, так и по отдельным годам. Поэтому урожай зерновых культур, измеряемые выражением «сам сколько», представляются, при условии неодинаковой густоты сева, несоизмеримыми и не допускающими сравнения»⁷¹.

С этим, на первый взгляд, частным недостатком урожайной статистики в «самах» связывается и более общий — невозможность (при отсутствии измерения общей площади посевов) исчисления всего количества собранного зерна путем умножения его среднего подесятинного сбора на все количество засеянных десятин. Эту точку зрения, несколько ее схематизируя, можно свести к такому силлогизму: 1) достоверные све-

⁷⁰ И. И. Вильсон. Указ. соч., стр. 95.

⁷¹ П. А. Выхляев. Краткий курс текущей сельскохозяйственной статистики. М., 1920, стр. 83.

дения об урожае хлебов исключаются без сплошного учета посевных площадей; 2) такой учет впервые был произведен в России только в 1881 г. Отсюда следовало безоговорочное заключение — до 80-х годов XIX в. русская статистика урожаев не отражала реальной действительности.

Однако к таким выводам приходят далеко не все исследователи. Тот же Вихляев в своем «Курсе» указывает ряд способов определения подесятинного урожая при отсутствии сплошного учета посевных площадей. Он пишет: «Когда одновременно имеются сведения о засеянной площади под тем или иным из возделываемых растений и о количестве семян, высеянных на эту площадь, не представится никаких затруднений к вычислению средней густоты сева по расчету на 1 десятину. Значительно сложнее представляется вопрос в том случае, если населению известно только количество высеянных семян без определения той площади, на которую этот высев произведен. При таких условиях имеется несколько путей к определению густоты сева. Записываются те сравнительно редкие случаи, когда посевику почему-либо известна засеянная площадь. Такие случаи наблюдаются преимущественно на купленных землях или при подесятинной аренде пашен... Другой прием собиранья сведений о густоте сева заключается в обмере отдельных полос и в записи посеянных на эти полосы семян»⁷².

В равной мере далеко не идеальным считается также и способ исчисления валового сбора хлебов по среднему урожаю на единицу площади. Ученый-статистик М. А. Сиринов склонен, например, согласиться с мнением тех авторитетных статистиков XX в., которые «очень скептически относятся к массе цифр урожайной статистики и даже дают им повод думать, что вместо кропотливых и дорогостоящих подсчетов можно было бы ограничиться простою оценкою, такую же, какая получается при оценке видов на урожай»⁷³.

Очевидно, столь общие соображения не вносят в данный вопрос должной ясности. Более конкретная оценка статистики урожаев в России в «самах» может быть получена лишь с учетом особых исторических условий того или иного периода. Для этого следует напомнить главные этапы развития русской урожайной статистики на протяжении XIX в.

До 70-х годов прошлого столетия определение величины и степени хлебных урожаев производилось по материалам комиссий народного продовольствия в порядке, который был рассмотрен в предыдущем разделе. С введением земских учреждений эти комиссии были упразднены, а обязанности их перешли к земским уездным и губернским управам, положение о которых предусматривало несколько более детальные приемы сбора сведений об урожаях. В частности, посев и сбор яровых хлебов стали теперь учитываться по каждой культуре особо, что нашло с 1870 г. отражение в губернаторских отчетах и в соответствующих к ним приложениях. (Количество приложений было несколько сокращено, но содержание ведомостей стало более подробное, форма их была приспособлена к новым группам землевладения.) По этим материалам образованный в конце 1866 г. департамент земледелия и сельской промышленности опубликовал сводку, хотя далеко не полную, о земледелии в Европейской России за 1870—1874 гг.⁷⁴

⁷² П. А. Вихляев. Указ. соч., стр. 51.

⁷³ М. А. Сиринов. Очерки по аграрной статистике. Юрьев, 1915, стр. 387.

⁷⁴ «Материалы по статистике хлебной производительности в Европейской России за пятилетний период, с 1870 по 1874 г.». СПб., 1880.

В 1881 г. Центральный статистический комитет впервые произвел в России обследование сельскохозяйственных угодий и посевных площадей. Это обследование было повторено в 1887 г., а с 1898 г. сведения о посевных площадях Центральный статистический комитет стал собирать ежегодно через волостные правления и уездную полицию. Центральный статистический комитет эти данные использовал для вычисления урожаев в первый раз в 1883 г., о чем в позднейшем официальном издании писалось так: «Площадь посева отдельных хлебов в каждом уезде была принята Комитетом за множимое, средняя же урожайность этих хлебов, исчисленная из доставлявшихся из каждой волости ответов (в числе 20-ти) о размерах высева хлебов и сборе последних по отдельным хозяйствам,— за множителя, и, таким образом, в произведении получался весь сбор каждого хлеба в данном уезде. Этим методом исчисления урожая хлебов Центральный статистический комитет пользуется и до настоящего времени»⁷⁵.

Приведенная справка довольно ясно намечает место исчисления сбора хлебов в «самах» в развитии русской урожайной статистики за XIX в. Эта старинная форма определения урожайности отвечала насущной потребности крестьянина-земледельца, внося ясность в его обычно скудные продовольственные ресурсы на целый год вперед. По сути дела ту же задачу перед текущей сельскохозяйственной статистикой ставило в дореформенной России и правительство. Его статистика «попечительного абсолютизма» сводилась в этой области к наблюдению за общим продовольственным положением по каждой губернии. И царские власти также стремились в первую очередь получить своевременное представление о количестве собранного зерна под углом зрения обеспечения местных губернских потребностей. Такая цель ставилась, как уже говорилось, и перед губернскими комиссиями народного продовольствия. Сопоставление сбора зерна с размером посевных площадей производилось тогда в самой общей форме. Вильсон об этом писал так: «Комиссии народного продовольствия соотношали свои показания если не с количеством земли, находившейся под посевами, то по крайней мере с пространством пахотной земли вообще»⁷⁶. Потребительский принцип — характерная черта сельскохозяйственной статистики при господстве феодально-крепостнических отношений.

Официальной статистики урожаев в «самах» царская бюрократия придерживалась вплоть до 80-х годов XIX в., даже после упразднения комиссий народного продовольствия. Объяснялось это, видимо, не только ее косностью, но и объективными обстоятельствами. В переходные 60—70-е годы XIX в. перестройка сельскохозяйственного производства на капиталистических основах еще далеко не завершилась, мобилизация земельной собственности делала еще первые шаги, и новые задачи перед сельскохозяйственной статистикой уяснялись постепенно. Деятельность земской статистики только еще развертывалась.

Вместе с тем можно отметить, что уже примерно к середине XIX в. официальная урожайная статистика в России принимает некие отличительные черты. К тому времени окончательно сложилась система местных учреждений, ведавших сбором и обобщением сведений об урожаях. Чиновники на местах приобрели в этой области необходимый опыт. В губернских комиссиях продовольствия установились приемы статистической обработки первичных материалов о сборе хлебов. У них накопился ряд многолетних показателей, отражавших местные особенности

⁷⁵ «Свод статистических сведений по сельскому хозяйству России к концу XIX в». Вып. 1. СПб., 1902, стр. IX.

⁷⁶ И. И. Вильсон. Указ. соч., стр. 76.

земледелия на землях разной ведомственной принадлежности, и эти особенности могли быть проверены на материалах такого же происхождения в соседних губерниях. Наконец, введение прежде всего по системе учреждений МВД общих для всех губерний и более детальных форм статистического учета обеспечило единообразие урожайной статистики, которая в 50—60-х годах XIX в. должна была давать более надежные данные об урожаях сравнительно с первыми десятилетиями того же столетия.

Основанный на трудовом опыте многих поколений прием определения урожаев в «самах» обнаружил исключительную живучесть. Он нередко продолжал сохраняться в официальном делопроизводстве царской России и в пореформенное время, до последних десятилетий XIX в. Урожай в «самах» встречается иногда даже в земской статистике. Что же касается бытового обихода русской дореволюционной деревни, то «самы» в нем безраздельно господствовали еще и в XX в.

Исчисление урожая хлебов в «самах» далеко не решительно отвергалось и многими специалистами. В этом отношении крайне показательны уже первые сравнительные оценки прежней статистики урожаев по ведомству МВД с начальным опытом в том же направлении земских управ. Авторы четвертого выпуска «Военно-статистического сборника», опубликованного в 1871 г., специально отмечали, что работы земских статистиков подтвердили обоснованность выводов комиссий народного продовольствия о сборах хлебов за предшествовавшие годы: «... Сличая цифры, помещаемые в отчетах этих управ по тем губерниям, где они уже действуют, с цифрами прежних лет, доставлявшимися упраздненными комиссиями,— не замечается существенной разницы, кроме, конечно, происходящей от различия в степени ежегодного урожая. Новые отчеты во всяком случае не показывают изменения в пользу увеличения общей цифры производства хлеба, как на то вообще рассчитывали, полагая, что комиссии народного продовольствия в видах обеспечения себе на всякий случай большего права на правительственное пособие склонны к уменьшению выводимых ими цифр»⁷⁷.

Можно указать ученых-статистиков и работников-практиков, которые и позднее находили возможным прибегать к статистическим данным об урожаях, исчисленных в «самах». Ю. Э. Янсон при сравнении средних годовых урожаев по разным губерниям безоговорочно использует такие данные, заимствуя их из официальных материалов, относящихся к первой половине 70-х годов⁷⁸. А. Фортунатов приводит случаи положительных оценок урожаев в «самах» некоторыми земскими статистиками. Так, обследовавший Гдовский уезд Петербургской губернии В. Е. Дроздов признавал эту форму «единственно возможною, хотя и вызывающею упрек в отсталости: здешний крестьянин вынужден и привык считать, на „сам“». Тот же автор называет заведовавшего статистическим бюро в Воронеже Ф. А. Щербину, который писал: «Воронежские статистики начинали с исследования урожаев по способу „сам“»⁷⁹. Следует напомнить мнение о статистике урожаев в старинном исчислении и самого А. Фортунатова. Как уже говорилось выше, он эти данные признавал наиболее близкими к конкретным многолетним записям сбора хлебов по отдельным именьям.

Данные об урожаях в «самах» счел возможным использовать в 1921 г. В. Г. Михайловский для составления сводной таблицы сред-

⁷⁷ «Военно-статистический сборник», вып. IV. «Россия», стр. 237—238.

⁷⁸ Ю. Э. Янсон. Опыт статистического исследования о крестьянских наделах и платежах. СПб., 1881, стр. 19—20, 70.

⁷⁹ А. Фортунатов. Указ. соч., стр. 18.

них урожаев в России за длительный период — с 1801 по 1917 г.⁸⁰ Именно такой прием обозначения степени урожайности хлебов был признан для данного случая наиболее правильным в ведущем статистическом журнале 20-х годов. Об этом писал М. И. Семенов в специальной статье, отдельный оттиск которой имелся в кремлевской библиотеке В. И. Ленина⁸¹. Как раз о сводной таблице Михайловского в статье говорилось так: «Изображение урожаев числами, кратными по отношению к высеву («сам»), значительно грубее, чем в пудах на десятину, но это обстоятельство является скорее достоинством таблицы, так как при выражении в пудах степень сравнимости показателей за отдельные годы несомненно была бы значительно меньшей»⁸².

Как известно, В. И. Ленин постоянно пользовался материалами ЦСУ, в том числе и его бюллетенями. Имея в виду именно это издание, он просил в особой записке 2 июня 1921 г. доставить ему полный комплект вышедших к тому времени бюллетеней ЦСУ для пополнения справочников, которые были у него постоянно под рукой: «Прошу собрать мне комплект (№№ 1—44) и поставить в вертушку»⁸³.

Безоговорочное противопоставление этих двух способов определения урожайности вообще едва ли правомерно. Каждый из них отражал особый, исторически обусловленный этап в развитии русской урожайной статистики. Каждый из них соответствовал уровню познаний современников и, что особенно существенно, давал ответы на различный круг интересовавших их вопросов, связанных с разными сторонами земледельческого производства. Это последнее обстоятельство чаще всего просто упускается из вида, и все дело сводится лишь к утверждению, что установление десятинной урожайности в пудах более точно, чем исчисление ее в «самах».

Сначала о большей точности урожайности хлебов, определяемой известным количеством зерна, полученного с единицы площади посевов. Она вне всякого сомнения более точна, если ставится цель установления сравнительного плодородия почвы в каждом конкретном случае при прочих равных условиях (качество семян, техника обработки земли, количество осадков и т. д.). Но едва ли будет менее точным подсчет реального количества снятого с поля зерна с учетом высева его в каждом конкретном хозяйстве, что и лежит в основе урожая в «самах». Все это, конечно, неизмеримо осложняется, когда встает вопрос о валовом сборе хлебов (или о среднем урожае) применительно к территории уезда, губернии или всей страны. Но сложность текущего статистического учета при ежегодных изменениях площадей запашки под различными хлебными культурами, при разной густоте их высева, при разное местных единиц измерения на обширной территории дореволюционной России и т. д. — все это делает результаты определения урожая хлебов по общей площади под запашкой не такими уже бесспорными. Недаром Сиринов напоминал о скептическом отношении ученых авторитетов к итогам «кропотливых и дорогостоящих подсчетов» в хлебной статистике XX в.

С интересующей нас точки зрения большее значение имеет то, какие стороны земледельческого производства в России могут получить сколько-нибудь обоснованное освещение по материалам урожайной статистики того или иного периода. Ответы на этот вопрос могут быть получены,

⁸⁰ «Бюллетень ЦСУ», № 50, 1921, стр. 4.

⁸¹ М. И. Семенов. К вопросу о закономерности колебаний урожаев — «Библиотека В. И. Ленина в Кремле». Каталог. М., 1961, стр. 432.

⁸² М. И. Семенов. К вопросу о закономерности колебаний урожаев. — «Вестник статистики», кн. XI, май — август 1922 г., № 5—8. М., 1922, стр. 63.

⁸³ «Библиотека В. И. Ленина в Кремле», стр. 22.

конечно, только в итоге разработки материалов такой статистики применительно к определенным условиям места и времени, что под силу лишь специальному историческому исследованию. В данном случае следует обратить внимание лишь на новые задачи, поставленные ходом исторического развития пореформенной России перед урожайной статистикой примерно на рубеже 70—80-х годов XIX в.

С того времени в социально-экономическом строе и в правительственной политике уже намечались видимые перемены. Товарно-капиталистическое производство делало заметные успехи не только в промышленности, но и в сельском хозяйстве. В частности, в сфере земледелия возрастало поступление товарного хлеба на внутренний и внешний рынки и ведущая роль при этом окончательно перешла от помещиков-дворян к крестьянству и отчасти к купечеству. Существенные изменения наблюдались в формах землепользования и землевладения — возрастал удельный вес частновладельческих земель крестьян, купцов, мещан за счет фонда дворянских имений, получала большое распространение крестьянская аренда земельных угодий. В хозяйственный оборот включились новые массивы земель, в особенности на черноземных окраинах.

Встав на путь буржуазных реформ, царское правительство отходило от прежней политики «попечительного абсолютизма». Оно отказалось от прямого вмешательства в хозяйственные взаимоотношения между помещиками и крестьянами. Заботы о местных хозяйственных нуждах были поручены вновь созданным учреждениям городского управления и земства. Пореформенный суд укреплял основы буржуазной частной собственности.

В обстановке утвердившегося в России капиталистического строя должно было измениться назначение и урожайной статистики. Определение средних урожаев по губерниям, равно как и общего количества хлеба на местах и по стране в целом теперь почти совсем утрачивало практическое значение. На первый план выдвигались задачи по возможности более точного установления степени урожайности с единицы посевной площади в зависимости от почвенных и климатических условий. Это требовалось как для расчетов доходности земельных владений, так и для обоснования рыночных цен на землю и величины арендной платы. Принцип капиталистической наживы стал находить отражение и в развитии урожайной статистики.

ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫЕ И МНИМЫЕ ОШИБКИ И НЕТОЧНОСТИ В МАТЕРИАЛАХ УРОЖАЙНОЙ СТАТИСТИКИ ПО ВЕДОМСТВУ МВД

Усиливая недоверие к статистике урожаев, основанной на сообщениях губернаторских отчетов, пристрастные критики преувеличивают значение встречающихся в ней ошибок и неточностей. Больше того, ей приписывают подчас не только отдельные противоречия, но и, казалось бы, явные несообразности. Поскольку некоторые из таких пристрастных оценок продолжают повторяться вплоть до наших дней, они заслуживают рассмотрения.

Само собою разумеется, что отрицать ошибки в официальной статистике урожаев, особенно в дореформенное время, было бы просто нелепо. В обширных цифровых материалах такой статистики, относящихся к разным культурам на землях различных ведомств по каждой из 50 губерний Европейской России, они вполне вероятны. При неоднократной переписке статистических ведомостей и тем более при издании их типографским способом ошибки умножаются еще за счет неизбежных опечаток и опечаток. Случаи этого иногда обнаруживаются и в беловиках ар-

живных ведомостей о посеве и сборе хлебов, прилагавшихся к ежегодным губернаторским отчетам⁸⁴. Несравненно больше таких ошибок в печатных сводках об урожаях по губерниям в приложениях к «Извлечениям из годовых отчетов» по МВД⁸⁵. Особенно часто они встречаются при указании степени урожая в «самах», хотя могут быть отмечены и в абсолютных цифрах посева или сбора хлебов в некоторых губерниях за отдельные годы. Однако такие неточности не так уже часты и довольно легко устанавливаются при сопоставлении с соответствующими показателями за другие годы или по смежным губерниям. Устранение их, как правило, вполне возможно по архивным оригиналам этих ведомостей, хранящимся в фондах МВД.

Подобного рода ошибки, опiski и опечатки свойственны почти каждому источнику, содержащему обильный цифровой материал. Считать их почему-то особенно свойственными урожайной статистике МВД нет никаких оснований.

Более обоснованными кажутся указания на противоречивость и даже некоторую нелогичность отдельных показателей урожайной статистики, основанной на губернаторских отчетах: разноречивость данных, несоответствие их по разным источникам, несоответствие статистических сведений тем или иным ходячим представлениям и т. д. Пожалуй, общий ответ на эти упреки в свое время был дан еще Ю. Янсоном, который в 80-х годах прошлого столетия писал: «Из того, что частные пропуски и неверные показания несомненно существуют, выводят, что и все наблюдение, взятое в его целом, никуда не годится или никогда годиться не может... Но такой взгляд проистекает из совершенного незнакомства с сущностью наблюдательных наук вообще. Никакое наблюдение обойтись без ошибок не может и всем истинам суждено быть только приблизительными»⁸⁶.

Наличие частных погрешностей не перечеркивает, разумеется, всю массу показателей о посевах и сборах хлебов в официальной урожайной статистике. Годовой комплект таких показателей по Европейской России состоит из нескольких тысяч многозначных чисел. При подобном обилии взаимно сравнимых и друг друга восполняющих сведений не всегда точные и иногда даже ошибочные цифры теряют всякое значение. Именно это и имел в виду А. Фортунатов, когда при сравнении разных источников урожайной статистики приходил к такому итоговому выводу: «Закон больших чисел оказывается настолько могущественным, что относительное выражение громадной массы догадок сближается с относительным выражением сравнительно небольшого числа точных наблюдений»⁸⁷.

К этому можно добавить, что, казалось бы, наиболее существенные упреки по адресу официальной статистики урожая в XIX в. нередко основаны на очевидных недоразумениях. Чаще всего это объясняется просто недостаточным ознакомлением современных исследователей с техникой составления разных статистических документов об урожаях хлебов и с их особенностями.

В этом отношении показательно расхождение годовых отчетов по министерству государственных имуществ и губернаторских отчетов при указании по отдельным губерниям размеров высева и сбора зерна на

⁸⁴ ЦГИА СССР, ф. 1281, оп. 6, 1857 г., д. 53, л. 96; ф. 1284, оп. 66, 1857 г., д. II, лл. 22—25; ф. 1281, оп. 6, 1861 г., д. 67, л. 84 (исправлен итог посева озимого в Херсонской губ.).

⁸⁵ «Журнал МВД», 1844, № 12; 1846, № 10, 1847, № 12; 1848, № 12; 1849, № 12; 1850, № 12; 1857, № 11; 1859, № 7; 1860, № 4; 1861, № 7.

⁸⁶ Ю. Э. Янсон. Теория статистики, стр. 54.

⁸⁷ А. Фортунатов. Указ. соч., стр. 62.

запашке государственных крестьян. Применительно к литовским и белорусским губерниям на это обратил внимание Н. Н. Улащик, который объясняет такие несовпадения тем, что «в одни годы в министерстве к крестьянским посевам и сборам приписывали фольварковые, а в другие нет». В этой связи он приходил к такому общему выводу: «Значит, несмотря на то, что в обоих источниках исходные сведения были одинаковы, для губерний Литвы и Западной Белоруссии отчеты губернаторов являются более точными, чем отчеты министерства, ввиду того, что в последних к крестьянским посевам и сборам иногда приписывали фольварковые»⁸⁸.

Наблюдения Н. Н. Улащика помогают вскрыть причины кажущегося разнобоя в таких же показателях двух названных источников и по другим губерниям. Так, посевы и сборы хлебов у государственных крестьян в Нижегородской губернии за 1854 г. и в Харьковской губернии за 1853—1856 гг. по годовому отчету министерства государственных имуществ указаны значительно большими, чем в соответствующих губернаторских отчетах⁸⁹. Но если считать запашку коннозаводских крестьян в этих губерниях, которая в губернаторских отчетах выделена в отдельную рубрику, то общее количество высеянного и собранного зерна у государственных крестьян во всех случаях совпадает совершенно точно по сообщениям обоих ведомств. Не менее наглядно такое же расхождение данных об урожаях у государственных крестьян по Новгородской губернии в годовых отчетах по МГИ за 1853 и 1855 гг. и в губернаторских отчетах за те же годы⁹⁰. И в данном случае цифры посева и сбора хлебов в этой губернии за оба указанных года окажутся совершенно тождественными, если к запашке на казенных наделах крестьян приплюсовать запашку на их собственных землях, которая в отчетах по губернии также учитывалась отдельно.

По-видимому, тем же самым объясняются встречающиеся несовпадения абсолютных показателей в губернаторских отчетах и в материалах МГИ о хлебопашестве казенных крестьян Прибалтики и Правобережной Украины. Такие несовпадения наблюдались, как правило, во всех трех прибалтийских губерниях, хотя и были сравнительно невелики, а также на Волыни и на Подольщине. Вероятнее всего в годовых отчетах министерства по Прибалтике при этом учитывались посевы и сборы хлебов на всех землях этого ведомства. В губернаторских же отчетах запашка казенных крестьян при этом выделялась особо. При сложном составе казенных крестьян на Правобережье это тоже объяснимо.

Вообще можно полагать, что расхождения между ведомственными сведениями о посевах и сборе хлебов в казенной деревне наблюдаются обычно в таких губерниях, где имелись государственные крестьяне нескольких разрядов или где были распространены разные формы землепользования и землевладения. Не случайно в первую очередь это было характерно как раз для Литвы, Прибалтики и Правобережной Украины, где специальное исследование о государственной деревне Н. М. Дружина отмечает особо сложный состав крестьян, «заметно отличавшихся

⁸⁸ Н. Н. У л а щ и к. Отчеты губернаторов..., стр. 48.

⁸⁹ «Извлечения из отчета министра государственных имуществ за 1854 г.» СПб., 1855, вед. № 11; ср. ЦГИА СССР, ф. 1287, оп. 2, 1854 г., д. 165, л. 349; «Извлечения из отчета министра государственных имуществ» за 1853, 1855 и 1856 гг., вед. № 11; ср. ЦГИА СССР, ф. 1281, оп. 5, 1854 г., д. 71, лл. 104—105; оп. 6, 1856 г., д. 93, лл. 121—122; д. 101, лл. 181—182.

⁹⁰ «Извлечение из отчета министра государственных имуществ» за 1853, 1855 гг., вед. № 11; ср. ЦГИА СССР, ф. 1281, оп. 5, 1854 г., д. 67, л. 137; оп. 6, 1856 г., д. 51, л. 120.

по своему социальному положению от коренной массы великорусского государственного крестьянства»⁹¹.

К числу мнимых ошибок урожайной статистики в дореформенной России относится якобы присущее ей занижение хлебных урожаев по всей черноземной полосе. Исходя из этого предвзятого домысла некоторые влиятельные в кругах царской бюрократии чиновники вносили в показатели урожайной статистики, поступавшие из черноземных губерний, совершенно произвольные поправки в сторону их увеличения. Таким приемом обосновывались явно преувеличенные сборы зерна по стране в целом, а тем самым «доказывалось» полное благополучие хозяйственного положения царской России накануне реформы 1861 г. и в первое пореформенное десятилетие. Несоответствовавшая этому официальная статистика урожаев просто объявлялась ошибочной.

Дело в том, что, по материалам МВД, средняя урожайность зерновых по Европейской России составляла в 1840—1847 гг. всего «сам-3,5», а в 1857—1863 гг.— «сам-3,4». Несмотря на заметное расширение посевов за эти 20—25 лет — с 59 млн. до 63,6 млн. четвертей,— чистый сбор зерна возрос в среднем всего со 150 млн. до 156 млн. четвертей⁹². По расчетам же экономистов того времени только на покрытие внутренних потребностей страны (исключая семена) в 30—50-х годах XIX в. требовалось не менее 170—175 млн. четвертей⁹³. Ежегодный дефицит в хлебном балансе страны, если исходить из данных официальной статистики МВД, составлял, таким образом, 20—25 млн. четвертей, а учитывая экспорт хлеба — до 30 млн. четвертей.

Такой вывод в России Николая I, разумеется, не мог быть признан. Чтобы смягчить затруднительное положение с хлебным балансом в стране, чиновные статистики безоговорочно завышали средний валовый сбор зерна до 230—250 млн. четвертей. Столь примитивным способом им удавалось показать наличие в стране хлебных излишков. У Кеппена эти излишки достигали 10 млн. четвертей в год, у Протопопова — 12,5 млн., у Тенгоборского — 20 млн. четвертей⁹⁴.

Наиболее полное и последовательное искажение материалов губернских отчетов в этом направлении было произведено известным экономистом середины XIX в. И. Вильсоном. Еще в первых трех изданиях его «Объяснений» к хозяйственно-статистическому атласу средняя урожайность зерновых «на круг» определяется как «сам четверть», что при посеве в 60 млн. четвертей повышало валовой сбор хлеба до 250 млн. четвертей. Исчисляя общий расход зерна (включая семена) в 219 млн. четвертей, Вильсон получал средний ежегодный излишек зерна в 31 млн. четвертей⁹⁵. Возвратившись к этим расчетам в четвертом издании той же работы, Вильсон обосновал свои выкладки более подробно. Именно это издание «Объяснений» и популяризовало мнение об исключительно высоких урожаях хлебов на черноземных почвах юга России.

Вильсон начинает с общего тезиса, что абсолютные цифры о посеве и сборе хлебов в урожайной статистике того времени «не заслуживают

⁹¹ Н. М. Дружинин. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева. т. I. М.—Л., 1946, стр. 42.

⁹² «Доклад высочайше учрежденной 26 мая 1872 г. Комиссии для исследования нынешнего положения сельского хозяйства и сельской производительности в России». СПб., 1873, стр. 9.

⁹³ П. И. Попов. Хлебофуражный баланс. 1840—1924 гг.—«Сельское хозяйство на путях восстановления». М., 1925, стр. 3.

⁹⁴ П. Кеппен. О потреблении хлеба в России.—«Журнал МВД», 1840, № 6, стр. 413; Д. Протопопов. О хлебной торговле в России.—«Журнал МГИ», 1842, кн. 3, стр. 97; Л. Тенгоборский. О производительных силах России, ч. 1, стр. 196—202.

⁹⁵ И. И. Вильсон. Указ. соч., изд. 3, 1857, стр. 71—72.

доверия». При этом он ссылается на обследования офицеров Генерального штаба, где иногда по отдельным губерниям по этому вопросу сохранились иные сведения. Основываясь на этом, Вильсон весьма решительно исправляет все показатели средней урожайности и озимых и яровых хлебов, выведенные им предварительно по материалам МВД за 1857—1863 гг., в сторону их резкого увеличения по всем без исключения черноземным губерниям. По озимым хлебам он повышает средний урожай для этого периода по Тульской губернии до «сам-4», по Казанской — до «сам-4,5», для прочих черноземных губерний центра, для Астраханской, Полтавской и Черниговской — до «сам-5», для остальных украинских губерний Левобережья и Правобережья — до «сам-5,5», для Нижнего Поволжья и Заволжья и южных степных губерний — до «сам-6». Примерно в такой пропорции Вильсон увеличивает средние показатели урожайности на рубеже 50—60-х годов XIX в. и для яровых хлебов, особенно завышая их для Нижнего Поволжья и Заволжья — до «сам-6», а для южных степных губерний — даже до «сам-6» — «сам-7»⁹⁶.

В целом Вильсон принимает средний урожай по всей Европейской России за 50—60-е годы для озимых в размере «сам-4,5», а для яровых — «сам-4». Исходя из высева озимых в 24,7 млн. четвертей и яровых в 38,9 млн. четвертей, он получает средний валовый сбор зерна в 266 млн. четвертей. Общий годовой расход хлеба, включая его экспорт, определяется им на этот раз в 258 млн. четвертей, т. е. на 39 млн. четвертей больше, чем он же считал примерно 13 лет тому назад. Таким образом, и в данном случае Вильсон сводит хлебный баланс России с годовым остатком в 8 млн. четвертей. Но этого ему все же показалось недостаточно. Он приплюсовывает к балансу средний чистый сбор за те же годы картофеля — 17 млн. четвертей — даже без практиковавшегося в таких случаях поправочного коэффициента (1 четверть зерна = 3 четвертям картофеля). Получив в итоге общий излишек около 25 млн. четвертей, он заключает: «Семь лет среднего урожая могут обеспечить продовольствие на один год вполне неурожайный»⁹⁷.

Представление об исключительно высоких урожаях на черноземных почвах встречало, однако, крайне скептическую оценку еще в печати николаевской России. Уже в 1840 г. автор статьи о внутренней торговле хлебом, опубликованной в наиболее содержательном тогда журнале «Отечественные записки», утверждал, что у нас «излишка в хлебе нет». Развивая свою мысль, он продолжал: «Где земледельцы плодороднейших мест при худом урожае одного года употребляют в пищу мякину и желуди, а при двухлетнем сряду неурожае терпят бедствия голода, там утвердительно должно сказать, без дальнейших пояснений, что излишества в хлебе никогда не было и не может быть»⁹⁸.

Через 30 лет даже в официальном издании военного ведомства о повсеместном плодородии в России черноземных земель также были высказаны трезвые суждения. В специальном разделе «Военно-статистического сборника» о состоянии сельского хозяйства проводилось в этом отношении различие между старинной житницей страны — черноземным центром — не только с нечерноземной полосой, но и со степными черноземными губерниями: «К югу, востоку, северо-западу и северу сборы хлеба сильно понижаются и переходят на юго-восточной и северо-западной окраинах в полный недостаток»⁹⁹.

⁹⁶ И. И. Вильсон. Указ. соч., изд. 4, 1869, стр. 77—109.

⁹⁷ Там же, стр. 112—113.

⁹⁸ Н. П. О торге хлебом во внутренних губерниях России.— «Отечественные записки», 1840, № 1, стр. 9.

⁹⁹ «Военно-статистический сборник», вып. IV. «Россия», стр. 248.

Предубеждение о сказочных урожаях на южных черноземах крепко удерживалось и позднее. Оно вызывало решительное возражение со стороны Ю. Э. Янсона, который в своем капитальном исследовании по сравнительной статистике сельского хозяйства в 1880 г. писал: «...У нас существуют самые неопределенные понятия об урожайности хлебов, затемняемые к тому же теми неверными представлениями, какие сложились о неисчерпаемых богатствах чернозема. Мы продолжаем верить в баснословные урожаи, несмотря на то, что беспрестанно слышим то о голоде в той или иной части «житницы Европы», то о неоправдавшихся надеждах на урожай вследствие несвоевременных дождей, засухи, нападения разных жучков и тому подобных непредвиденных случайностей»¹⁰⁰. Напомнив затем о наибольшем непостоянстве сбора хлебов во всех черноземных губерниях, Янсон приходит к заключению: «Самая большая производительность земледелия наблюдается в средней великорусской части черноземной степной полосы, в Уральском полесье, на крайнем севере... и в южной части западной окраины. Производительность черноземной степной полосы в полтора и два раза слабее, что не мешает ей иметь избыток хлеба, благодаря огромному пространству посевов, редкости населения и составу производимого хлеба»¹⁰¹.

К такому же выводу приходил и Д. П. Семенов в очерке о русском сельском хозяйстве, написанном для всемирной выставки в 1893 г. в Чикаго. Он тоже отмечал снижение урожайности хлебов в черноземных степных губерниях, также связывая это с резкой сменой там урожайных лет неурожайными: «Наибольшие количества хлеба производят южные и восточные губернии, в которых урожайность с единицы пространства сравнительно низка...

В большей части черноземной полосы и в особенности в степных ее местностях... урожаи средние или близкие к средним бывают сравнительно редко. В этом районе гораздо чаще сбор того или другого хлеба бывает либо необыкновенно обильным, либо крайне скудным»¹⁰².

Такие наблюдения, опровергавшие легенду о баснословных урожаях в царской России на черноземах вообще, подтверждают исследователями советского времени. Специальная статья об урожаях в Европейской России за время с 1883 по 1915 гг., опубликованная в 1927 г., наиболее скудные по урожаям годы отмечает исключительно в черноземной полосе. За эти 33 года низкие урожаи наблюдались в Астраханской, Самарской, Симбирской и Казанской губерниях четыре раза, в Уфимской, Оренбургской и Саратовской губерниях, в Донской области — три раза, в Херсонской, Екатеринославской, Воронежской, Пензенской губерниях и Бессарабии — два раза, в Тамбовской, Рязанской, Нижегородской и Пензенской — один раз. Исследователь к этому добавляет: «На сплошной территории остальных 33 губерний очень плохие урожаи в течение 33 лет не имели места»¹⁰³. В приложенной к статье картограмме ясно намечается снижение урожайности по направлению к юго-востоку страны.

Весьма примечательна также новейшая проверка «исправленных» для 50—60-х годов XIX в. Вильсоном показателей урожайности по черноземным губерниям, выполненная в 1961 г. В. К. Яцунским. Занимаясь их сравнительным изучением с погубернскими данными об урожаях из

¹⁰⁰ Ю. Э. Янсон. Сравнительная статистика России и западноевропейских государств, т. II, отд. I. «Статистика сельского хозяйства», стр. 429—430.

¹⁰¹ Там же, стр. 438.

¹⁰² «Сельское и лесное хозяйство России». СПб., 1893, стр. 132.

¹⁰³ М. В. Обухов. Движение урожаев зерновых культур в Европейской России в период 1883—1915 гг.—«Влияние неурожая на народное хозяйство России», ч. I. М., 1927, стр. 30—31.

разных источников за 1802—1811 гг. и за 1884—1887 гг., он пришел к твердому заключению, что «особенно завышены цифры Вильсона». По мнению В. К. Яцунского, этот автор «преувеличил сбор хлеба в черноземной полосе и особенно в южных и восточных степях». Далее районы преувеличенной Вильсоном урожайности уточняются им таким образом: «Цифры Вильсона завышены по крайней мере в степной Украине и на Дону, в Заволжье, в Среднем Поволжье, а также по Псковской (очевидно, опечатка, следует читать «Полтавской». — А. Н.), Черниговской и Харьковской губерниям»¹⁰⁴. Можно, видимо, лишь добавить, что в этом отношении не являлись исключением и другие черноземные районы России. Показатели урожайности Вильсона были заведомо увеличены и по Нижнему Поволжью и по Правобережной Украине.

Все эти соображения свидетельствуют о том, что многолетние средние урожаи в черноземных местностях в губернаторских отчетах не были преуменьшены. По данным этого источника, в 50—60-х годах XIX в. средние урожаи в разных губерниях за отдельные годы нередко достигали «сам-5», «сам-6» и даже большей величины и особенно часто встречались как раз в черноземных местностях. Но именно там же наблюдалось и самое значительное количество исключительно неурожайных лет, особенно в степных губерниях юга и юго-востока. В нечерноземных губерниях ежегодные сборы зерна, как правило, были гораздо меньше, но и неурожай там случались довольно редко.

Отсюда и получалось, что повышенные сборы хлебов в урожайные годы в черноземных губерниях за многолетний период погашались относительно более частыми и сильными неурожаями. И наиболее типичным это было для степного юга и юго-востока. При выведении средних урожаев за ряд лет это приводило к резкому снижению их как раз в черноземной полосе и особенно в степных губерниях, где земледелие велось примитивно и в наибольшей мере определялось погодными условиями.

Об этом колоритно писал в своих воспоминаниях сын Л. Н. Толстого — Сергей. Его свидетельство относится к 1873 г., но описанные им порядки не могли быть, конечно, иными и в предреформенные годы. Вот что он сообщает: «В то время самарская степь еще была мало распахана. Могучий полторааршинный чернозем был покрыт густой травой, разными злаками, ковылем, пыреем, овсюком и всевозможными полынями и душицами... Я всегда удивлялся тому, как самарские крестьяне вели свое хозяйство. Все их усилия были направлены на то, чтобы посеять как можно больше пшеницы на своей или арендованной земле. Они сеяли мало ржи и совсем не сеяли ни конопли, ни овса, ни огородных растений и не сажали картофеля. Поэтому, если пшеница плохо родилась (а это случалось очень часто, потому что урожай зависел от того, пройдет ли два-три дождя в мае), то они не только терпели большие убытки, но и голодали. Это было не правильное, а какое-то азартное земледелие»¹⁰⁵.

Неоднократные подтверждения этого содержатся и в материалах для географии и статистики России, собранных в 50—60-х годах XIX в. на местах офицерами Генерального штаба. Обследовавший Воронежскую губернию В. Михалевич указывал на прямую зависимость урожаев от количества атмосферных осадков. Недостаток влаги как коренную причину неурожая в Пензенской губернии называл подполковник Сталь.

¹⁰⁴ В. К. Яцунский. Указ. соч., стр. 122—123.

¹⁰⁵ С. Л. Толстой. Очерки былого. М., 1956, стр. 28, 30.

Полную зависимость урожаев в Екатеринославской губернии от наличия весенних дождей отмечал капитан В. Павлович¹⁰⁶.

Но особенно колоритны такого рода свидетельства по Донской области и по Херсонской губернии. Производивший описание земледелия в донских станицах штабс-капитан Н. Краснов считал, что «хлебопашество у казаков находится в младенческом состоянии», и описывал его так: «На едва вспаханной земле казак сеет хлеб довольно редко (около 6 мер пшеницы и 7 мер ржи на экономическую десятину), рассчитывая на урожай только в дождливые годы. При хорошей запашке и более густом сеянии казаки могли бы получить достаточные урожаи; но русское а в ось не позволяет урожаем превышать сам-четверт, а в сухие годы казаки даже теряют посеянное зерно»¹⁰⁷.

С условиями погоды связывал степень урожаев зерновых в Херсонской губернии подполковник Шмидт. Отмечая потенциально высокое плодородие местных почв, он писал: «Когда погода благоприятствовала, то урожаи травы и хлеба были необыкновенно высоки». Но такие удачные годы, по его наблюдениям, были исключениями: «Климат редко вполне благоприятствует растительности: он слишком непостоянен и сух. Вообще можно сказать: сколь здешняя почва готова вознаградить человека за самые малые труды, употребляемые на ее обработку, столько климатические условия ему не благоприятствуют. Влияние влаги в надлежащей степени составляет главное условие для хорошего урожая, так что самые урожайные годы были наиболее мокрые... Без достаточной же влаги и самая тучная почва здесь делается бесплодной»¹⁰⁸.

У того же автора есть стремление объяснить недостаточные урожаи на херсонском черноземе хищническим использованием его под неизменно повторявшимися посевами одних и тех же сортов зерновых, которые обеспечивали доходнейшую статью русского экспорта из черноморских портов. Шмидт пишет: «Главная причина уменьшения урожайности чернозема заключается в постоянном посеве одних лишь хлебных растений, вследствие чего чернозем истощается в минеральных частицах той формы, в которой они содействуют прозябению хлебных растений»¹⁰⁹.

Неминуемо резкие колебания в России урожаев в условиях примитивного земледелия на самых богатых почвах отмечал в свое время и К. Маркс. В письме к Н. Ф. Даниельсону от 19 февраля 1881 г. он указывал: «Почва, которая непрерывно истощается и не получает — путем искусственного, растительного и животного удобрения и т. п. — необходимых для ее восстановления элементов, будет все же, в зависимости от изменчивых влияний погоды, то есть от не зависящих от человека обстоятельств, продолжать приносить весьма различные по величине урожаи; однако при обзоре целого ряда лет, например с 1870 по 1880 г., застойный характер сельскохозяйственного производства выступает перед нами с поразительной ясностью. При таких обстоятельствах благоприятные климатические условия пролагают путь *голодному году*, вызывая быстрое поглощение и извлечение из почвы еще скрытых в ней минеральных удобрений. *Наоборот, голодный год* и тем более ряд следующих за ним неурожайных лет позволяют минералам, входящим в состав почвы, накопиться вновь и обнаружить свое благотворное действие, когда снова наступают благоприятные климатические условия. Этот процесс совершается, конечно, повсюду, однако *в других местах* он сдерживается

¹⁰⁶ В. Михалевиц. Указ. соч., стр. 77; Сталь. Указ. соч., стр. 431; В. Павлович. Указ. соч., стр. 73.

¹⁰⁷ Н. Краснов. Указ. соч., стр. 250.

¹⁰⁸ А. Шмидт. Указ. соч., ч. 2, стр. 12, 14.

¹⁰⁹ Там же, стр. 12.

и видоизменяется вследствие вмешательства самого земледельца. *Единственным регулирующим фактором* он становится там, где человек перестал быть „силой“ — ввиду недостатка средств»¹¹⁰.

Итак, данные официальной статистики урожаев в России применительно к черноземным губерниям не требуют особых поправок. Утвердившееся представление о необычайно высоких урожаях на любых черноземных почвах не соответствует действительности. Оно опровергается практическими наблюдениями за многолетними урожаями современников, которые неизменно подчеркивали определяющую роль при этом благоприятных условий погоды и в первую очередь достаточного количества весенних осадков. Последнее относилось ко всей черноземной полосе, но в наибольшей мере к степным губерниям, что и приводило к сравнительно невысоким средним урожаям в южных и юго-восточных районах страны. К. Маркс исходил из реального положения хлебопашества именно в России, когда указывал Даниельсону на неминуемое истощение плодородия почвы, не получающей удобрений, на неизбежность чередования при этом урожайных годов голодными и на полную зависимость в результате всего этого урожаев от стихийных природных условий.

Любопытно отметить, что это мнение К. Маркса в 20-е годы учитывали и наши статистики-аграрники. Оно известно было В. Г. Михайловскому, который в докладе о периодичности неурожая в дореволюционной России за XIX и начало XX в., сделанном 23 мая 1921 г. на коллегии ЦСУ, развивал следующий тезис: «Черноземная и нечерноземная полоса разнятся по земледельческой технике главным образом, тем что в первой удобрение почти не применяется, а в нечерноземной широко практикуется. Поэтому есть основание думать, что периодичность неурожая в России действительно зависит, как то думал Маркс (письмо к Н-ону), от необходимости естественного возобновления производительных сил почв, истощаемых рядом высоких урожаев. Где это возобновление производится искусственным путем (через удобрения), там отсутствует и периодичность неурожая»¹¹¹.

Довольно прочно укрепилось также суждение о неполноценности урожайной статистики МВД по сравнению с такими же данными по ведомству МГИ. Чаще всего при этом ссылаются на авторитет П. П. Семенова, который, отрицая достоверность официальной статистики урожаев, основанной на сообщениях комиссий продовольствия, отказался опубликовать ее материалы в предпринятом с 1866 г. издании «Статистических временников». Заявляя о том в предисловии к первому тому этих публикаций, он вместе с тем признавал «несравненно большую точность» подобных же сведений по казенным землям, «где количество посевов известно, а цифры урожаев отбираются от каждой волости»¹¹².

Как то ни удивительно, утверждение Семенова до сих пор не проверялось, хотя это вполне доступно даже по материалам тех же губернаторских отчетов. В архивных текстах таких отчетов, как правило, приведены конкретные размеры посева и сбора хлебов и указана степень их урожайности на землях каждого ведомства в отдельности. Естественно предположить, что сведения о средних урожаях на землях всех ведомств при соответствии их действительности должны подтверждать в пределах одной губернии общую для них динамику урожайности. Наиболее полно это могло отразить сопоставление средних урожаев как раз на

¹¹⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 35. М., 1964, стр. 128.

¹¹¹ «Бюллетень ЦСУ», № 50, 1921, стр. 3.

¹¹² «Статистический временник Российской империи». Серия первая, т. I, стр. XIII.

землях, подведомственных МВД и МГИ. Они имелись почти в каждой губернии Европейской России, были наиболее обширны и охватывали основную массу зерновых посевов. С данными по уделам такие сопоставления возможны только по отдельным губерниям, где было сосредоточено значительное количество удельных земель.

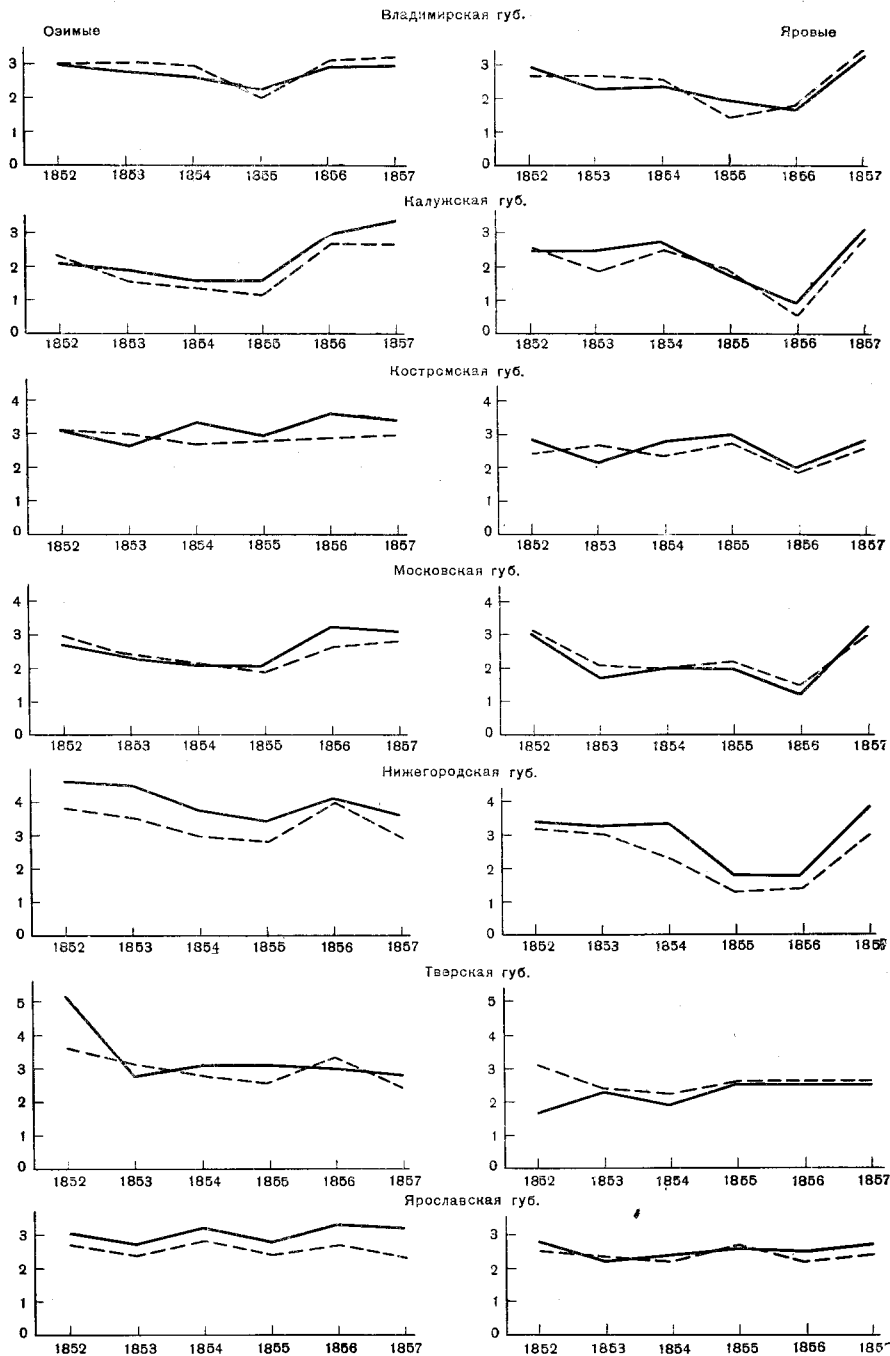
Сопоставления средних урожаев на землях разных ведомств допустимы лишь в тех случаях, когда и помещичьи имения и наделы государственных крестьян занимали в разных уездах большие пространства, т. е. находились примерно в одинаковых почвенных и климатических условиях. Они исключаются, разумеется, по Архангельской губернии, где помещичьи имения отсутствовали, а также по Симбирской губернии и по Донской области, где казенных земель почти не было. Подобные сопоставления могут быть не доказательны и там, где высевы зерна на землях МВД и МГИ составляли незначительную часть всех посевов губернии. В середине XIX в. к числу таких губерний с малым удельным весом посевов помещичьих имений можно отнести Вятскую (1,3% всех посевов губернии), Астраханскую (3%), Олонецкую (менее 5%) и Таврическую (около 10%). Невелик был тогда высеv зерновых на казенных землях в губернии Эстляндской (3%), Минской (7%), Могилевской (7%), Херсонской (9%), Подольской (около 10%) и в Бессарабии (до 10%). Во всех остальных 36 губерниях Европейской России показатели средней урожайности по обоим министерствам следует признать сопоставимыми. Для обоснованных суждений этого вполне достаточно, так как на эти губернии приходилось до 85% посевов зерновых как по ведомству МВД, так и по ведомству МГИ.

При сопоставлении средней урожайности в пределах каждой губернии на землях двух этих ведомств были использованы архивные ведомости о посевах и сборах хлебов за шестилетний период — с 1852 по 1857 г. Средняя урожайность в «самах» была специально вычислена по количеству высеянного и собранного за каждый год зерна на землях, подведомственных каждому министерству. По линии МВД учитывались все посевы зерновых в помещичьих имениях, т. е. общине для барской запашки и для крестьянских наделов. Для казенных имений министерства государственных имуществ средние урожаи определялись по удельным землям государственных крестьян. Во всех случаях расчеты производились отдельно для озимых и яровых хлебов.

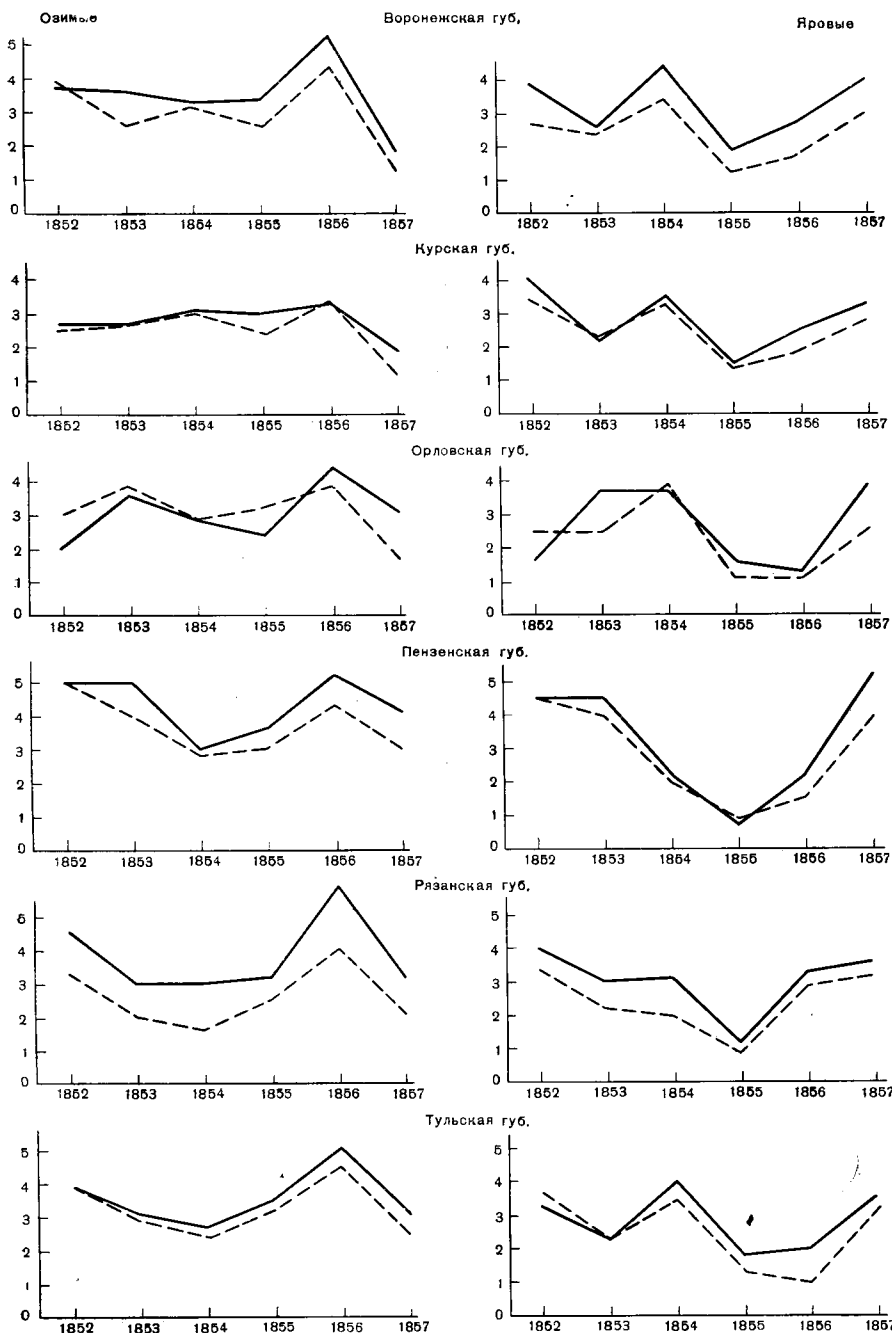
Полученные таким путем показатели урожайности наглядно свидетельствуют, что в 50-х годах XIX в. по обоим источникам они отличались незначительно. Но, что особенно существенно, колебания средних годовых урожаев на землях, подведомственных и МВД и МГИ, как правило, совпадали в каждой из 36 губерний Европейской России. Если снижался урожай в помещичьих имениях, то он уменьшался в том же году и на казенных землях. И, наоборот, увеличение среднего урожая по ведомству МВД соответствовало росту среднего урожая и государственных крестьян той же губернии. Нередко эти показатели оказываются или почти совпадающими или даже тождественными. Для большей наглядности составление средней урожайности по данным двух ведомств представлено в отдельных графиках для нечерноземных промышленных губерний и для черноземных губерний Центра. Сплошной линией на них обозначены колебания урожайности в помещичьих имениях, а пунктиром — в казенной деревне (см. стр. 252—253).

Общая динамика урожайности на землях обоих ведомств особенно ярко была выражена в губерниях Черноземного центра. Запашка государственных крестьян составляла там значительную долю всех посевов губерний. По размерам она, как правило, мало уступала запашкам

Среднегодовые урожаи по ведомству МВД и на казенных землях в центрально-промышленных губерниях за 1852-1857 гг. (в сагах)

Среднегодовые урожаи по ведомству МВД и на казенных землях в центрально-черноземных губерниях за 1852-1857 гг. (в сагах)

собственно помещичьих хозяйств и наделов крепостных, вместе взятых, а в Воронежской губернии даже превосходила их. К тому же казенные земли имелись почти во всех уездах этих губерний, что ставило их в сходные погодные условия с помещичьими имениями. А эти условия определяли степень урожайности здесь в большей мере, чем в нечерноземных губерниях.

Устойчивые совпадения в колебании средних урожаев в помещичьих имениях и на казенных землях крайне показательны. Они убедительно подтверждают, что исчисление урожайности хлебов чиновниками разных ведомств основывалось на конкретных данных и достаточно верно отражало изменения этой урожайности в пределах каждой губернии. Тем самым и абсолютные показатели посева и сбора хлебов, по данным МВД, приобретают не меньшую степень достоверности, чем такие же показатели для казенных земель. Официальную статистику урожаев по МВД нет оснований считать менее надежной, чем такого же рода материалы по министерству государственных имуществ.

Кстати сказать, при этом не подтверждается распространенное представление о будто бы заниженных показателях урожайности статистики МВД. Сопоставление ее с такими же материалами по МГИ приводит к обратному выводу. Средняя урожайность, по данным МВД, бывала чаще всего несколько большей, чем на казенных землях, что отражено и в приведенных графиках. Это вполне объяснимо, поскольку по ведомству МВД учитывались посевы и сборы хлебов не только на полях крестьян, но и на помещичьей запашке. Урожаи же у помещиков, как правило, были выше, чем у крестьян, особенно в нечерноземных губерниях, где большое значение имело удобрение земли и более совершенная обработка. А это увеличивало средние урожаи по ведомству МВД сравнительно с казенными землями.

Нет также оснований преувеличивать урожайность наделных земель государственных крестьян. Их большая хозяйственная независимость ограничивалась в сфере земледелия растущим малоземельем, отсутствием у них лугов и недостатком скота. Напомнив об этом применительно к казенной деревне нечерноземной полосы, Н. М. Дружинин пишет: «При таких условиях средние размеры урожая были ничтожны, а в неудачные годы — слишком засушливые или дождливые — не возвращали земледельцу даже посеянных семян»¹¹³. На невысокие урожаи у государственных крестьян тот же исследователь обращал внимание и в центрально-черноземных губерниях: «Недостаток удобрения и примитивная обработка пашни при наличии засух, градобитий и вредителей сильно понижали урожайность черноземного центра... Средний уровень урожайности в большинстве губерний равнялся 3—4 зерна на зерно посева»¹¹⁴.

Не удивительно, что сравнение средних урожаев только на крестьянских полях у крепостных и у государственных крестьян как в центрально-промышленных, так и в центрально-черноземных губерниях не показывает устойчивого и существенного превосходства в этом отношении казенной деревни. Сколько-нибудь заметно большие средние урожаи у государственных крестьян могут быть отмечены за отдельные годы лишь по некоторым губерниям и преимущественно то же в нечерноземной полосе. В первую очередь такие случаи встречались во Владимирской, Костромской и Московской губерниях. Но сравнительно скромный удельный вес посевов в этих губерниях на казенных землях и сложный

¹¹³ Н. М. Дружинин. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева, т. II, М., 1958, стр. 324.

¹¹⁴ Там же, стр. 350.

характер хозяйственной деятельности крестьян всех категорий в этом наиболее промышленном районе того времени исключает возможность более определенных выводов.

Остановимся, наконец, на правомерности сопоставления средней урожайности хлебов по разным губерниям. Пристрастные критики урожайной статистики МВД, отрицая ее связь с реальными измерениями собираемого на местах зерна, не допускают и единообразия определения средних годовых урожаев на всей территории Европейской России, что исключает, разумеется, их сравнительное изучение. Однако подобные утверждения решительно противоречат узаконенной регламентации общего для всей страны порядка ежегодных исчислений урожайности хлебов. Опровергаются они многими документами, подтверждающими обязательность такого порядка для всех губернских властей. К такому же выводу приводят сами показатели официальной статистики урожаев МВД по комплексам губерний, составляющих отдельные хозяйственные районы.

Урожайность хлебов зависела от многих факторов, сочетание которых могло отличаться ежегодно не только в разных губерниях, но и в отдельных уездах. И все же можно предположить, что на протяжении многолетнего периода в сходных почвенных и климатических условиях близ лежащих друг от друга губерний показатели для них средних урожаев при соответствии их действительности должны выявлять общую тенденцию изменений урожайности. Наиболее отчетливой такая тенденция могла проявляться при резком колебании средних урожаев, особенно в периоды смены сильных недородов годами исключительно урожайными.

Официальная статистика урожаев за 50-е годы XIX в. в этом отношении достаточно показательна. Даже средние годовые урожаи хлебов по Европейской России в целом, сильно сглаживающие пределы колебаний урожайности по губерниям, подтверждают неоднократную смену за это десятилетие урожайных лет неурожайными. При общем среднем урожае для 50-х годов «сам-3,5», за отдельные годы урожай изменялся следующим образом (в «самах») ¹¹⁵.

1851 г.	4,00	1856 г.	3,26
1852 »	3,83	1857 »	3,95
1853 »	3,61	1858 »	4,08
1854 »	3,51	1859 »	2,87
1855 »	2,60	1860 »	3,78

Для сравнения можно сказать, что по тем же данным на протяжении всей первой половины XIX в. более значительный неурожай, чем в 1855 г., был только в 1833 г. («сам-2,38»). А несколько большей урожай сравнительно с 1858 г. наблюдались лишь в 1818 и 1842 г. и 1843 г. («сам-4,1», «сам-4,39» и «сам-4,36»).

При сопоставлении урожайности разных губерний в границах более крупных хозяйственных районов данные статистики МВД показательнее рассматривать отдельно по озимым и яровым хлебам. Средние урожаи озимых и яровых за одни и те же годы нередко сильно отличались друг от друга и более наглядно оттеняют их колебания по разным губерниям. Группировка губерний по сельскохозяйственным районам Европейской России для середины XIX в. в нашей литературе более или менее установилась.

¹¹⁵ «Бюллетень ЦСУ», № 50, 1921, стр. 4.

И вот оказывается, что в 50-х годах общая тенденция изменений урожайности как озимых, так и яровых хлебов была выражена достаточно отчетливо по всем основным сельскохозяйственным районам. Кривые средней урожайности по отдельным губерниям в пределах этих районов на протяжении предреформенного десятилетия довольно точно указывали на смену урожаев неурожаями. В особо неурожайные годы или в наиболее урожайные он почти совпадали друг с другом. Наиболее наглядно это проявилось при недороде 1855 г. в западных губерниях, на Левобережной и Правобережной Украине, в центральных черноземных губерниях и в большей части степного юга. Не менее ярко то же явление наблюдалось в неурожайном 1859 г., в первую очередь в производящих черноземных районах: в Центральном черноземном, в Поволжье и во всех украинских губерниях, включая также южные степные.

Особенно характерны в этом отношении были колебания средних урожаев в губерниях Центрального черноземного района, на которые приходилось тогда до 25% всех зерновых посевов Европейской России. Общие же для всех губерний этого района урожайные и неурожайные годы выявились там достаточно определенно и по озимым и по яровым. Озимые хлеба в черноземных губерниях центра, как правило, не уродились в 1854, 1855, 1857 и особенно в 1859 г., а повышенные урожаи были в 1856, 1858 и отчасти в 1860 г. Яровые хлеба в тех же губерниях дали слабые урожаи в 1853 и 1859 гг. и катастрофически низкий сбор хлеба в 1855 г. Наилучшие же урожаи яровых наблюдались в 1854, 1857 и 1858 гг. Для губерний Черноземного центра общая тенденция подъемов и снижений средней урожайности за 1852—1857 гг. отчетливо намечена и на приведенном выше графике (см. стр. 252—253).

Такое совпадение в колебаниях средних погубернских урожаев по главным сельскохозяйственным районам страны не могло быть, конечно, случайностью. Оно объяснимо лишь при условии, что официальная статистика урожаев МВД действительно отражала сходные объективные условия, от которых зависели сборы хлебов во всех губерниях района. Обоснованность материалов этой статистики и в данном случае получает наглядное подтверждение.

* * *

Подведем итоги. Изучение литературы вопроса, ознакомление с действовавшим в дореформенной России порядком исчисления средних урожаев по отдельным губерниям и с этапами развития урожайной статистики, сопоставление материалов об урожаях по сведениям разных ведомств и по различным губерниям в пределах более крупных хозяйственных районов страны приводят к выводу, что официальная статистика урожаев вполне заслуживает серьезного внимания исследователей. Нет оснований отрицать, что ее материалы связаны были с действительным положением сельского хозяйства. В равной мере неосновательно считать, что именно урожайной статистике МВД почему-то особенно свойственны большие недостатки.

Само собою понятно, что материалы этой статистики, как любой исторический источник, должны подвергаться тщательному критическому анализу. Статистика урожаев по МВД не лишена, конечно, неточностей и прямых ошибок. Круг вопросов, на которые она может дать ответы, также, разумеется, ограничен, что подлежит установлению, кстати, путем лишь конкретных исследований. Однако пренебрегать на этом основании всеми содержащимися в этом уникальном источнике сведения-

ми по истории русского сельского хозяйства в дореформенное время было непростительным упущением.

Полное уяснение круга вопросов, на которые этот источник способен давать ответы, возможно лишь в результате конкретных исследований. Но, опираясь на авторитетные свидетельства занимавшихся этой темой специалистов, уже сейчас можно считать, что он содержит сведения, позволяющие достаточно обоснованно судить о существенных сторонах сельского хозяйства России во второй половине XIX в.

1. По крайней мере до 70-х годов XIX в. материалы официальной статистики урожаев незаменимы при изучении общего состояния и направления развития земледельческого производства как по всей России в целом, так и по ее основным хозяйственным районам.

2. Данные этой статистики допускают их сопоставление с соответствующими показателями более позднего времени и достаточно надежны для определения общей динамики урожайности хлебов в Европейской России на протяжении всего прошлого столетия (мнение Л. Грасса, А. Фортунатова, В. Михайловского).

3. Сообщения об ежегодных посевах и сборах хлебов, собиравшиеся в административных учреждениях царской России, вполне пригодны для цифровых характеристик урожаев зерновых по районам, охватывающим несколько губерний (В. Михайловский).

4. При сравнительном изучении общего положения земледелия в пореформенной России и в других капиталистических странах того времени допустимо использование абсолютных показателей не только о высеве, но и сборе хлебов (Ю. Янсон).

5. Единообразие учета хлебных урожаев, строго регламентированного к середине XIX в. для всей территории России, обеспечивает сопоставление состояния земледелия и уяснение его особенностей в различных районах страны (И. Вильсон).

6. Многолетние сведения урожайной статистики дают ясное представление в пределах каждой губернии: а) о смене хороших, средних и плохих урожаев; б) о количестве за любой период урожайных и неурожайных лет; в) о пределах колебаний средних урожаев за данный период времени (Л. Грасс).

Уместно в этой связи напомнить об отношении к урожайной статистике МВД В. И. Ленина, который, как известно, многократно указывал на необходимость самого тщательного критического подхода к правительственным статистическим материалам. В своих собственных трудах В. И. Ленин следовал этому требованию неукоснительно. Достаточно напомнить его детальный разбор вопроса о неполноценности официальной промышленной статистики в царской России в особых разделах главы VII «Развития капитализма в России» и в специальной статье 1898 г. «К вопросу о нашей фабрично-заводской статистике»¹¹⁶.

В. И. Ленину не раз приходилось обращаться и к урожайной статистике МВД, основанной на губернаторских отчетах. Так, в работе «По поводу так называемого вопроса о рынках» для доказательства роста валового производства хлебов Ленин берет сведения о среднегодовом посеве и сборе зерна (в тыс. четвертей) за 60-е годы XIX в. по Европейской России из «Военно-статистического сборника» (СПб., 1871). На основании этого В. И. Ленин вычисляет среднюю урожайность хлебов, показывая ее увеличение за 60—80-е годы XIX в. от «сам-3,12» до «сам-4,17»¹¹⁷. Сведения же о посеве и сборе хлебов в этом

¹¹⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 455—469; т. 4, стр. 1—34.

¹¹⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 98.

издании основаны были на материалах официальной статистики урожаяев МВД, о чем Ленину было прекрасно известно. В своем капитальном исследовании «Развитие капитализма в России», используя те же данные об урожаях за 60-е годы XIX в. из того же «Военно-статистического сборника», он прямо пишет: «Данные губернаторских отчетов»¹¹⁸. В обоих случаях Ленин пользуется этими данными безоговорочно. Больше того, он указывает на достаточную достоверность сведений об урожаях в этих отчетах: «Разница между данными губернаторских отчетов и данными д-та земледелия, как известно, незначительна»¹¹⁹.

И последнее соображение. Официальная статистика урожаяев в России XIX в. обычно интересует исследователей с точки зрения ее объективной достоверности. Вместе с тем она представляет для историков не меньший интерес и под углом зрения восприятия ее выводов современниками. Суждения их о валовом сборе хлебов и о степени урожайности основывались прежде всего на официальных материалах об этом же министерства внутренних дел. Изучение таких материалов лишь по этим мотивам совершенно необходимо. Только таким путем могут быть поняты многие стороны правительственной политики царизма, равно как и оценка внутреннего положения в стране за тот или иной период представителями разных направлений русской общественной мысли.

---

¹¹⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 247.

¹¹⁹ Там же, стр. 248 (примечание).

СООБЩЕНИЯ

Ю. В. АРУТЮНЯН

К ПРОБЛЕМЕ ОСВОЕНИЯ КУЛЬТУРЫ

Существующие различия между городом и деревней, людьми физического и умственного труда, квалифицированными и неквалифицированными работниками во многом связаны с неравномерностями в культурном развитии. Однако в результате широкого распространения культуры и в первую очередь повышения уровня образования всех слоев населения они постепенно устраняются. В процессах социальной интеграции культурный аспект является важнейшим после экономического.

Рост грамотности и образования — неизбежный спутник развития производительных сил. Бурный процесс индустриализации в СССР, естественно, сопровождался повышением грамотности и образования населения. Несмотря на вековую отсталость в прошлом, отсутствие письменности у многих народностей страны, СССР из страны безграмотности за короткий срок выдвинулся в число наиболее развитых в культурном отношении государств. По данным переписи 1897 г., в России лишь четверть населения (24%) было грамотным, в 1926 г. — уже половина (51,4%), в 1939 г. — 81,2%¹. Нетрудно заметить, что темпы роста грамотности последовательно убыстрялись. За 13 лет, с 1926 по 1939 г., уровень грамотности населения вырос значительно больше, чем за предыдущие 30 лет. В результате отставание СССР по уровню грамотности и образования от ведущих капиталистических стран было в основном преодолено, хотя и не полностью. Данные переписи 1959 г., отразив дальнейший значительный рост культуры, в то же время показали, что прослойка малообразованного населения в СССР все еще оставалась большей, чем в некоторых зарубежных странах². По-видимому, на уровне образования населения все еще сказываются историческое прошлое, далеко не одинаковые исходные рубежи культурного «старта», разная степень урбанизации и последствия войны.

Однако одни количественные показатели при оценке уровня грамотности и образования населения сами по себе недостаточны. Распространение образования в капиталистических странах является неоспоримым фактом, однако нельзя не видеть, что этот процесс внутренне противоречив.

Экономика сталкивается с политикой. Современная индустрия плохо уживается с безграмотностью населения. Однако укрепление господствующего положения эксплуататорских классов и групп в антагонис-

¹ «Культурное строительство СССР». М., 1940, стр. 7. Учено население от 9 лет.

² «Итоги Всесоюзной переписи населения в 1959 г. СССР» Сводный том. М., 1960, стр. 74—75; «Статистический ежегодник ЮНЕСКО», 1965, стр. 70, 72, 73, 74.

тическом обществе требует консервации культуры, так как овладение культурой позволяет массам активнее сопротивляться насилию и диктатуре господствующих классов. Ограничение «вредного» влияния культуры достигается различными путями:

а) идеологическим — создается псевдокультура, которая тормозит действительный культурный рост народа; познания заменяются предрассудками, теории — догмами, общественное сознание затуманивается расизмом, национализмом, религиозным и идеологическим фанатизмом;

б) социально-политическим — сохраняются кастовые, сословные и другие социальные барьеры к овладению образованием;

в) экономическим — материальное положение малоимущих слоев населения создает препятствия в получении образования.

Все эти пути господствующий класс использует обычно в сочетании. Каждое антагонистическое общество в зависимости от своего характера и степени развития отдает предпочтение той или иной форме, тому или иному средству. В современном буржуазном обществе обычно кастовые и сословные ограничения уступают место экономическим барьерам.

Величайшее значение социалистической революции и заключается в том, что она отбросила все ограничения, сделала культуру доступной для широких слоев населения, т. е. создала благоприятные условия для всемерной демократизации культуры.

Расширившимся объективным возможностям соответствует возросшая тяга населения к культуре и образованию. Социализм поднимает престиж образования. И это понятно. Ведь в капиталистическом обществе важным средством социального продвижения человека является частная собственность, а в наших условиях, где частная собственность упразднена, где положение человека зависит от качества его труда, его профессионально-квалификационного уровня, образование приобретает особый смысл. Оно превращается по существу в решающий фактор социального продвижения. Отсюда особая притягательная сила образования, интеллигентного труда и интеллигентных профессий. Не случайно почти вся молодежь, оканчивающая школу, стремится заниматься умственным трудом³.

С точки зрения социального развития это свидетельствует об огромном сдвиге в сознании людей и особом значении образования в наших условиях.

В этой связи следует уточнить понятие «культурная революция». На наш взгляд, это понятие следует использовать как в узком, так и в широком смысле слова. В узком смысле культурная революция — скачок; она завершилась, когда были устранены препятствия к распространению образования и культуры, когда изменились их идеологическая направленность и содержание. В широком смысле культурная революция — большой и длительный процесс, который завершится, когда будет построено коммунистическое общество. Конечная цель этого процесса — ликвидация всех социальных диспропорций, связанных с культурным неравенством, формирование всесторонне развитой личности.

Следовательно, важнейшим аспектом социального развития нашего общества на данном этапе является распространение современных достижений культуры среди самых широких слоев населения. Между тем знакомство с литературой, освещающей вопросы культурной рево-

³ «Социальные исследования». М., 1965, стр. 132; «Количественные методы в социологии». М., 1966, стр. 191.

люции, убеждает в том, что именно этот аспект совершенно не разработан нашими историками.

Из статьи Л. М. Зак⁴, точно отражающей проблематику и основные направления изучения культурной революции, видно, что проблема освоения культуры народом не только не раскрыта нашими историками, но по существу даже не поставлена. В поле зрения историков, занимающихся вопросами культуры, должна быть поставлена определенная задача — изучать культуру не как вещь в себе, а как вещь для народа, т. е. в их компетенцию должна входить не столько история создания тех или иных культурных ценностей (изучение этих вопросов надо предоставить узким специалистам по истории культуры и ее отраслей — литературы, живописи, театра и т. д.), сколько распространение этих ценностей в народе, усвоение их народом. И вот этой важной проблеме историки советского общества совсем не уделяют внимания. Дублируя деятельность историков культуры, они по существу подменяют ее. На наш взгляд, разумное разделение труда между историками культуры и историками советского общества, занимающимися проблемами культуры, позволит, наконец, заполнить тот вакуум, который образовался в изучении этого важного раздела развития общества.

В обширной проблематике освоения культуры историков интересовал, пожалуй, лишь один вопрос — ликвидация неграмотности в СССР. Но решение этого вопроса было по существу искажено, ибо изучение его основывалось на ошибочных статистических данных, где значительно завышалось число лиц, овладевших грамотой (в соответствии с инструкциями переписей 1897, 1926 и 1939 гг. грамотными считались лица, умеющие читать и писать или только читать). Если суммировать число лиц, освоивших грамоту с 1926 по 1939 г., то получится курьезный результат — эта сумма будет превышать общее число неграмотных, учетных статистика за эти годы. Такое искажение получается за счет неучтенных рецидивов неграмотности, а также того обстоятельства, что статистика суммировала повторно обучавшихся на курсах по борьбе с неграмотностью и тех, кто обучался на курсах, но не закончил их.

В исторической литературе по существу не поставлен вопрос о качественной стороне борьбы с неграмотностью, о фактических результатах «культурного похода». Авторы оперируют данными о числе учащихся на курсах ликбеза и окончивших эти курсы. Но каково было число людей, фактически овладевших грамотой, в какой мере рецидивы неграмотности, связанные с тем, что ликбез не давал иногда прочных знаний, отражались на итогах, остается невыясненным.

В. А. Куманев, приведя таблицу о числе учащихся на пунктах ликбеза, почерпнутую из статистического справочника «Культурное строительство СССР», пишет, что справочник даже преуменьшает итоговые показатели. По его утверждению, за четыре года только первой пятилетки грамоте было обучено 40—45 млн. человек⁵. Если воспользоваться материалами переписей населения, то окажется, что фактически овладевших грамотой было гораздо меньше. Для этого, однако, надо произвести несложные статистические расчеты, сравнив число неграмотных по переписям 1926 и 1939 гг. Это позволит, выяснив, в какой мере сократилось число неграмотного взрослого населения между переписями.

⁴ Л. М. Зак. Вопросы культурного строительства в советской исторической литературе.— «Культурная революция в СССР. 1917—1965 гг.» Сборник. М., 1967, стр. 393—423.

⁵ В. А. Куманев. Социализм и всенародная грамотность. Ликвидация массовой неграмотности в СССР. М., 1967, стр. 265.

По данным 1926 г., неграмотных в возрасте от 8 лет и старше было 57,1 млн. человек. В период переписи 1939 г. это население переместилось в возрастные группы от 20 лет и старше. При этом из 57,1 млн. дожило до переписи 1939 г., согласно исчислениям, 45,6 млн. человек. Перепись показала, что в стране в 1939 г. оставалось 28,5 млн. человек неграмотных в возрасте старше 9 лет, из них 24,3 млн. человек в возрасте от 20 лет и старше⁶. Таким образом, за 13 лет, с 1926 по 1939 г., по различным каналам, включая не только ликбез, но и «самообучение», фактически ликвидировало неграмотность лишь 27,4 млн. человек⁷. Эти итоговые цифры подтверждались и другими расчетами, произведенными Госпланом СССР по материалам переписи еще в 1940 г.⁸

Приведенные данные свидетельствуют, в частности, о необходимости более серьезного подхода к изучению опыта ликбезов: нашим исследователям следует выяснить, в какой мере курсы ликбеза помогли (а они действительно помогли) ликвидации неграмотности в стране. И здесь недостаточно ограничиться только отчетными данными о деятельности ликбеза. Желательно было бы проследить судьбы людей, прошедших ликбез, исследовать, как изменялся в дальнейшем их уровень грамотности.

Серьезное обобщение опыта ликбеза, выяснение причин его успехов и неудач, сильных и слабых сторон, несомненно, имеют практическое значение для развивающихся стран, сталкивающихся с аналогичными проблемами.

* * *

Вопрос изучения проблем освоения культуры народом включает в себя анализ процессов с учетом дифференциации населения на отдельные социальные группы и прослойки. Городское и сельское население, работники физического и умственного труда, люди разных квалификаций имеют далеко не одинаковое образование и по-разному усваивают культуру. Границы освоения культуры этими группами населения, естественно, совершенно различны. В этой связи вполне закономерен вопрос о различных конкретных проявлениях и оттенках единой культуры, связанных с наличием социальных групп, различающихся одна от другой по уровню образования и жизненному укладу. Однако при этом нельзя забывать, что речь идет о единой по своей идеологической сущности социалистической культуре.

Коммунистическая идеология настолько глубоко проникла в сознание, что она иной раз самым необычным образом соседствует с пережитками прошлого. В. И. Лебедев, исследовавший в Пензенской области движение за коммунистический труд на селе, обнаружил, что 9,8% участников этого движения верующие, но «смысл своей жизни видят в борьбе за строительство коммунизма»⁹.

⁶ По данным переписи 1939 г., оставалось неграмотным 18,8% населения старше 9 лет (культурное строительство СССР», 1940, стр. 7). Общая численность населения в 1939 г. старше 9 лет составила 151¼ млн. человек («Итоги Всесоюзной переписи населения в 1959 г.» Сводный том, стр. 49).

⁷ Пропорции ликвидировавших неграмотность из числа доживших до 1939 г. (45,6 млн. человек) распространены на первоначальное число неграмотных (57,1 млн. человек).

⁸ ЦГАНХ СССР, ф. 4372, оп. 37, д. 965, л. 85. Записка председателю Госплана СССР Н. А. Вознесенскому от начальника отдела культуры Госплана.

⁹ В. И. Лебедев. Роль движения за коммунистический труд в формировании научно-атеистических взглядов тружеников села.— «Вопросы формирования научно-атеистических взглядов». М., 1964, стр. 50—52.

Демократизация культуры в Советском Союзе способствует сближению города и деревни, рабочего класса и крестьянства. Основное содержание этого процесса заключается в подтягивании более отсталых по уровню образования и культуры групп населения к передовым. Естественно поэтому, что темпы роста образования на селе должны быть выше, чем в городе. Действительно, данные переписи населения 1939 и 1959 гг. убедительно показывают, что за этот период число лиц с высшим и средним образованием, включая неполное увеличилось в городе в 2 раза, а на селе — в 5 раз. Число лиц с образованием (мужчин в возрасте 16—59 лет и женщин — 16—54 года), приходящихся на каждую тысячу человек населения СССР, приведено в табл. 1.

Таблица 1*

	1939 г.			1959 г.		
	с высшим образованием	с незаконченным высшим и средним, в том числе неполным образованием	итого	с высшим образованием	с незаконченным высшим и средним, в том числе неполным образованием	итого
В городе	16	162	178	32	344	376
На селе	2	37	39	6	188	194

* «Итоги Всесоюзной переписи населения в 1959 г. СССР», стр. 81.

Хотя процесс сближения городского и сельского населения по уровню культуры идет достаточно быстро, различия между ними все еще весьма существенны, особенно между отдельными профессиональными прослойками, отличающимися одна от другой качеством труда. В этом смысле в связи с ростом профессионализации населения различия в культурном уровне в отдельных случаях становятся более заметными¹⁰. Так, в 30-х годах население сельской местности было почти одинаково малограмотным; в настоящее время, когда на селе работает большая группа лиц с образованием, состав населения в культурном отношении стал намного разнообразнее. Уровень образования населения старше 19 лет в сельской местности в 1959 г. виден по данным табл. 2.

Таблица 2*

Образование	Население	
	тыс. человек	%
Высшее законченное	608,1	0,93
Высшее незаконченное	405,0	0,62
Среднее специальное	2336,0	3,57
Среднее общее	1833,3	2,80
Неполное среднее	10102,5	15,48
Начальное и незаконченное семилетнее	19710,9	30,10 [†]
Ниже начального	30435,4	46,70
Итого	65431,5	100,0

* Подсчитано по данным: «Итоги Всесоюзной переписи населения в 1959 г. СССР», стр. 78.

¹⁰ Ю. В. Арутюнян. Подвижность социальной структуры сельского населения СССР.— «Вестник Московского университета». Серия философская, 1966, № 3; он же. Социальная структура сельского населения.— «Вопросы философии», 1966, № 5.

Тот факт, что большая категория сельского населения имеет образование ниже четырех классов, а часть жителей — высшее образование, связан в какой-то мере со структурой сельскохозяйственного труда. В те годы, когда сельское население практически было неграмотно и малограмотно, сельскохозяйственный труд не требовал специальных научных или технических знаний, было достаточно усвоенных от дедов привычек и навыков. Современная деревня нуждается уже в организаторах и специалистах, руководителях большого производства, хотя значительное число людей по-прежнему занято малопроизводительным физическим трудом, не требующим никакой квалификации. Самолет, опыляющий поля, уживается в современной деревне с ручной прополкой, ручной дойкой и многими другими примитивными операциями.

В связи с этим возникает вопрос: в какой степени образование охватывает те или иные слои населения? И прежде всего необходимо выяснить, существуют ли различия в распространении образования в государственном и колхозно-кооперативном секторах. По данным Всесоюзной переписи 1959 г., в целом по стране рабочие опережали колхозников по уровню образования (39% с семилетним образованием и выше против 21%)¹¹. Даже среди самого сельского населения, занятого в совхозах, грамотных людей относительно больше, чем в колхозах: на каждую тысячу человек начальное и выше образование в совхозах имело 780 человек, в колхозах — 676¹². Особенно заметно различие в образовании внутри секторов, между квалифицированными и неквалифицированными работниками. Например, подавляющее большинство председателей колхозов и их заместителей (70%) имело как минимум семилетнее образование; среди рядовых колхозников-животноводов, разнорабочих — лишь небольшая часть, примерно 20%¹³.

О различиях в уровне образования людей, занятых умственным и физическим трудом в государственном и колхозно-кооперативном секторах, можно более детально проследить по данным конкретно-социологического исследования (1964 г.) о среднем числе лет обучения жителей села Терпенье Украинской ССР (табл. 3).

Таблица 3

Вид труда	Государственный сектор	Колхозный сектор	Время обучения, лет	%
Умственный				
квалифицированный	12	8,2	12	100
неквалифицированный	8,2	9,9	9	72
Физический				
квалифицированный	7,4	5,9	6,8	54
неквалифицированный	5	3,8	4,2	34

Данные табл. 3 показывают, что различия по образованию наблюдаются в основном между людьми разных квалификаций.

Из сказанного следует, что демократизация основы культуры — образования происходит неравномерно и в первую очередь связана с квалификацией людей. В таком же направлении протекает процесс демократизации культуры во всех ее проявлениях (кино, литература, музыка и т. д.).

¹¹ «Итоги Всесоюзной переписи населения в 1959 г. СССР», стр. 176.

¹² Подсчитано по данным: «Итоги Всесоюзной переписи населения в 1959 г. СССР», стр. 125.

¹³ Там же, стр. 179, 181.

Один из основных вопросов истории культуры сводится к выяснению степени влияния той или иной культурной ценности на разные слои населения. Уже при самом общем подходе к этой проблеме очевидны различные степени освоения культурных ценностей разными категориями населения. Например, при исследовании распространения книг, газет среди жителей села Терпенье нами были обнаружены существенные различия, идущие не по линии классовых, а по линии профессиональных групп и прослоек, занятых разными видами труда. Так, число семейств колхозников, выписывающих в год не менее двух газет и журналов, примерно равнялось числу семейств рабочих. Практически не было никакой разницы в распространенности политической и художественной литературы.

Особенно резкий контраст и среди рабочих и среди колхозников наблюдался между работниками квалифицированного и неквалифицированного труда. Кривая, отражающая наличие художественной и политической литературы, газет и журналов в домашних библиотеках, стремительно падала вниз от группы квалифицированного умственного труда к группе неквалифицированного физического. Все или почти все работники квалифицированного труда, занятые в колхозах, на предприятиях и в государственных учреждениях, имели книги, выписывали не менее двух газет и журналов, в то время как $\frac{2}{3}$ семейств неквалифицированных рабочих и служащих вообще не имели дома произведений художественной литературы, а $\frac{1}{3}$ не выписывала никакой периодики. Аналогичные результаты получены и при изучении формуляров библиотек.

Итак, рассмотренные нами некоторые внешние признаки адаптации культуры свидетельствуют о своеобразии разных по квалификации социальных категорий населения и еще раз убеждают нас в необходимости внимательного и дифференцированного изучения процессов распространения культуры в различных социальных группах населения. В противном случае наука лишится полноценной истории культуры, а главное — реального представления о культурном уровне населения.

А. Я. ГРУНТ
ИЗ ИСТОРИИ
МОСКОВСКОГО ВОЕННО-РЕВОЛЮЦИОННОГО КОМИТЕТА
(Формирование ВРК)

За последние годы вышло несколько новых работ, посвященных установлению Советской власти в Москве. Советские историки много сделали для того, чтобы воссоздать реальную картину московских событий конца октября — начала ноября 1917 г. Вместе с тем некоторые вопросы остались вне поля их зрения и излагаются либо по старым, отжившим свой век схемам, либо вообще опускаются. Одним из них, имеющим немаловажное значение для понимания и оценки московского восстания, является вопрос об избрании Московского Военно-революционного комитета 25 октября 1917 г.

Решение о создании советских боевых центров для руководства восстанием было принято Московским областным бюро (МОБ) РСДРП(б) еще в конце сентября 1917 г. В постановлении указывалось, что для взятия власти Советами необходимо «немедленное создание боевых центров в Москве, Питере, Харькове (и других промышленных городах) из представителей Советов рабочих и солдатских депутатов, профессиональных организаций и фабрично-заводских комитетов»¹. Об организации боевых центров при Советах в общей форме упоминалось также в резолюциях, принятых пленумом МОБ 28 сентября² и узким составом МОБ 14 октября³.

Однако, судя по документам, в последующие дни этот вопрос ни в советских, ни в партийных органах конкретно не обсуждался. Имеется лишь глухое упоминание в выступлении А. Г. Шлихтера на заседании Московского комитета РСДРП(б) 25 октября о том, что «четыре дня тому [назад] говорили о создании центра, и теперь опять разговоры»⁴. Таким образом, можно считать установленным, что вплоть до 25 октября практических шагов для создания Военно-революционного комитета ни одним из руководящих московских партийных органов не принималось. Только 25 октября утром на заседании МК этот вопрос был поставлен уже совершенно конкретно. В нашем распоряжении имеется единственный документ — протокол этого заседания, по которому с достаточной полнотой можно судить о том, как шло обсуждение и какова была позиция отдельных членов комитета и МК в целом⁵. Ни один из мемуа-

¹ «Подготовка и победа Октябрьской революции в Москве». М., 1957, стр. 327.

² «Революционное движение в России в сентябре 1917 г. Общественно-политический кризис». М., 1961, стр. 99.

³ «Революционное движение в России накануне Октябрьского вооруженного восстания». М., 1962, стр. 83.

⁴ «Триумфальное шествие Советской власти», ч. 1. М., 1963, стр. 251—252.

⁵ В протоколе не сказано о том, сколько членов МК и кто персонально присутствовал на этом заседании. Если считать, что все, кто на нем был, приняли участие в обсуждении, то выходит, что на заседании присутствовало восемь человек: М. В. Лихачев (председатель заседания), Е. М. Ярославский, Р. С. Землячка, В. М. Смирнов, М. Ф. Владимирский, И. В. Цивцивадзе, О. А. Пятницкий и А. Г. Шлихтер.

ристов дополнительных подробностей об этом заседании не сообщает.

С самого начала выяснилось, что среди членов МК не было единства взглядов о том, представители каких партий и организаций должны войти в состав боевого советского центра. Так, Р. С. Землячка предлагала ввести в «семерку» представителей от Красной гвардии и от штаба Московского Военного округа⁶, М. Ф. Владимирский считал нужным представительство от профессиональных союзов и от гарнизона⁷, О. А. Пятницкий — от Всероссийского железнодорожного союза, а если возможно, то и от почтово-телеграфного союза⁸. И уж никто из присутствующих не выражал сомнения в том, что в этот боевой орган должны войти представители основных фракций Совета, т. е. наряду с большевиками также меньшевики и эсеры⁹. Больше того, И. В. Цивцивадзе и В. М. Смирнов прямо выражали опасения, что меньшевики и эсеры не войдут «и наш орган окажется висющим в воздухе»¹⁰. Предложения о введении в состав Военно-революционного комитета вижжелевцев и представителей почтово-телеграфного союза вызвали возражения (Землячка, Владимирский), поскольку засилье в них эсеров было общеизвестным. Очень сложным представлялся вопрос об участии в ВРК Совета солдатских депутатов, руководство которым находилось в руках эсеров. Некоторые члены комитета (Цивцивадзе) считали необходимым теперь же произвести перевыборы Совета солдатских депутатов, но это предложение не встретило поддержки, поскольку перевыборы Совета требовали времени, а его не было. «Каждый час дорог, — говорил А. Г. Шлихтер. — и центр немедленно нужно создать»¹¹.

В результате было принято решение: «Поручить сейчас же советской фракции создать немедленно боевой центр на пропорциональных основах из трех большевиков, меньшевика, эсера, кр[асногвардейца], одного от штаба. Соотношение сил: 4 : 3»¹². Персонально МК рекомендовал избрать в ВРК от большевиков В. М. Смирнова, Г. И. Ломова, Н. И. Муралова, А. И. Рыкова, С. Я. Будзинского и в качестве кандидата — Г. А. Усиевича¹³.

Само по себе решение о немедленном создании Военно-революционного комитета при Московском Совете было бесспорно правильным. В сложившейся обстановке наличие такого центра было совершенно необходимым. Однако позиция, занятая МК в вопросе о конструкции ВРК, никак не может быть признана безупречной. Обстоятельства требовали, и это подтвердилось дальнейшими событиями, формирования

⁶ «Триумфальное шествие Советской власти», ч. 1, стр. 251.

⁷ Там же, стр. 252.

⁸ Там же.

⁹ В моей работе «Победа Октябрьской революции в Москве» (М., 1961, стр. 140) сказано, что Р. С. Землячка, В. М. Лихачев и М. В. Владимирский «возражали против включения в ВРК представителей соглашательских партий». Это утверждение ошибочно. Возражения указанных товарищей касались не соглашателей вообще, а лишь представителей от Вижжеля и почтово-телеграфного союза. Следует отметить, что в работах последних лет авторы вообще оставляют без анализа это заседание МК, ограничиваясь краткими упоминаниями о том, что было принято решение создать советский боевой центр (С. Кукушкин. Московский Совет в 1917 году. М., 1957, стр. 151; Т. А. Логанова. Московская Красная гвардия в 1917 году. М., 1960, стр. 75; «1917 год в Москве». М., 1957, стр. 124; Г. С. Игнатьев. Октябрь 1917 года в Москве. М., 1964, стр. 38 и др.) или совсем о нем умалчивают (Г. Д. Костомаров. Революционные традиции. — «Москва в двух революциях». Сборник. М., 1958, стр. 43; он же. Московские большевики в борьбе за Октябрь. — «Великий Октябрь». Сборник. М., 1958, стр. 257; Г. С. Игнатьев. За народную власть. М., 1961, стр. 88 и др.).

¹⁰ «Триумфальное шествие Советской власти», ч. 1, стр. 252.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ Там же.

чисто большевистского боевого центра, способного быстро и решительно подавить сопротивление контрреволюции и взять власть. Линия же на введение в его состав соглашателей была свидетельством того, что среди руководящих работников МК еще не были изжиты иллюзии насчет возможности совместных действий с мелкобуржуазными партиями.

Первоначально предполагалось собрать объединенный пленум Советов и рабочих и солдатских депутатов в 3 часа дня, но сделать это в назначенное время не удалось. Пленум открылся в 6 часов вечера. Перед этим состоялось заседание бюро фракций Совета¹⁴. Нами не найден протокол этого заседания. О том, что на нем произошло, можно судить по воспоминаниям М. Ф. Владимирского и Е. Н. Игнатова¹⁵, а также по отдельным упоминаниям в ходе прений на пленуме Московских Советов рабочих и солдатских депутатов. Помимо представителей фракций, входивших в Московский Совет рабочих депутатов, на совещании присутствовали городской голова эсер В. В. Руднев и командующий Московским военным округом (тоже эсер) полковник К. И. Рябцев¹⁶. Большевики на совещании представляли члены Исполкома Моссовета П. Г. Смидович и Е. Н. Игнатов.

С информацией о петроградских событиях, из которой явствовало, что Временное правительство не арестовано, что силы сторон собраны, но ни одна не решается действовать, выступил полковник Рябцев¹⁷. Такое освещение событий вполне соответствовало настроениям и планам эсеров и меньшевиков, стремившихся сделать все возможное, чтобы не допустить в Москве восстания и перехода власти к Советам. В результате обсуждения совещание приняло резолюцию, которую решено было представить объединенному пленуму Советов рабочих и солдатских депутатов. Она гласила: «Для охраны революционного порядка и защиты завоеваний революции от натиска контрреволюционных сил в Москве образуется временный демократически-революционный орган, составленный из представителей Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, городского и земского самоуправлений, Всероссийского железнодорожного и почтово-телеграфного союзов и штаба Московского военного округа»¹⁸.

Реальный смысл этой резолюции сводился к отказу от взятия власти Советами и к полной передаче ее в руки эсеро-меньшевистской контрреволюции, поскольку в Московской городской думе, в штабе округа, в железнодорожном союзе (Викжель), в земском и городском самоуправлении прочно обосновались эсеры и меньшевики, поддерживавшие Временное правительство.

Нам остается неизвестным, были ли большевистские представители осведомлены об утреннем решении МК о конструкции ВРК. Но так или иначе П. Г. Смидович и Е. Н. Игнатов заняли на совещании примирен-

¹⁴ Так называлось собиравшееся нерегулярно совещание представителей политических партий, входивших в Совет рабочих депутатов.

¹⁵ «Очерки по истории Октябрьской революции в Москве». М.—Л., 1927; Е. Н. Игнатов. Московский Совет рабочих депутатов в 1917 году. М., 1925.

¹⁶ «Очерки по истории Октябрьской революции в Москве», стр. 269.

¹⁷ «Триумфальное шествие Советской власти», ч. 1, стр. 256. По свидетельству А. С. Ведерникова, эта информация была составлена на основании телеграммы министра Временного правительства Малянтовича, полученной в Москве утром 25 октября. Однако, заявил Ведерников, «эта телеграмма не проверена, и доверять я ей не могу. Бог знает от кого она поступила» (там же). Можно добавить, что даже если эта телеграмма действительно была отправлена Малянтовичем, то и в этом случае она не заслуживала доверия. В эти дни, как известно, Временное правительство и эсеро-меньшевистский ЦИК не скупилась на распространение заведомо ложной информации.

¹⁸ «Известия МСРД», 26 октября 1917 г.

ческую позицию. Не возражая принципиально против резолюции, они спорили лишь по вопросу о нормах представительства от организаций в планируемом органе¹⁹.

Один из участников совещания (фамилия в стенограмме отсутствует) на пленуме Моссовета объяснял такое поведение большевиков тем, что они рассматривали это решение как неофициальное, поскольку резолюция не голосовалась, и полагали, что «этот вопрос окончательно должен быть решен во фракции»²⁰. Такое объяснение представляется нам мало убедительным. Решался серьезнейший вопрос, и большевики обязаны были при всех условиях заявить о своей позиции и отстаивать ее. Они же фактически без боя уступили меньшевикам и эсерам, полагая, видимо, необходимым введение в новый орган представителей не только всех советских фракций, но и других «демократических» организаций.

Очевидно, П. Г. Смидович и Е. Н. Игнатов, как и определенная часть московских партийных работников, стремились избежать вооруженного столкновения и строили свою тактику на поисках мирных путей. Несмотря на то, что и резолюция МК предполагала введение в состав ВРК соглашателей, все же она серьезно отличалась от принятой бюро фракций «согласительной резолюции». В ней не говорилось об участии в ВРК думцев и представителей земского и городского самоуправления, а представительство вижжелевцев и почтово-телеграфного союза, как уже говорилось, было отвергнуто в ходе обсуждения²¹.

Только в 6 часов вечера собрался, наконец, объединенный пленум Московских Советов рабочих и солдатских депутатов²². Не говоря уже о том, что в некоторых работах ошибочно указывается время его созыва, а это немаловажно для ясного и правильного понимания событий^{22а}, в литературе очень мало внимания уделяется самому пленуму. Авторы, как правило, ограничиваются кратким упоминанием об избрании ВРК либо приводят большевистскую резолюцию и результаты ее голосования без всяких комментариев и критики ее содержания по существу²³. Иные же не останавливаются и перед прямой фальсификацией фактов, поскольку они не укладываются в заранее созданную схему. Так, Ж. А. Маурер утверждает, что выступивший на пленуме с докладом (?) П. Г. Смидович призывал пленум выработать план действий и «создать

¹⁹ Е. Н. Игнатов. Указ. соч., стр. 252.

²⁰ «Триумфальное шествие Советской власти», ч. 1, стр. 266.

²¹ В моей работе (Указ. соч., стр. 144) ошибочно указано, что в резолюции МК не говорилось о представительстве в ВРК штаба МВО. Эта ошибка дословно повторяется в работе Г. С. Игнатъева (Г. С. Игнатъев. Октябрь 1917 г. в Москве, стр. 45—46). Кроме того, Г. С. Игнатъев исходит из того, что П. Г. Смидовичу и Е. Н. Игнатову уже была известна резолюция МК, хотя этот факт нельзя считать установленным. Неправильно оценивает документы также Ж. А. Маурер, считая, что в резолюции МК речь идет о штабе Красной гвардии (Ж. А. Маурер. Октябрьское вооруженное восстание 1917 года в Москве. М., 1960, стр. 8).

²² Стенограмма не сообщает данных о числе присутствовавших на пленуме. Попытка большевиков подсчитать перед голосованием число его участников встретила протест со стороны эсеров и меньшевиков и не увенчалась успехом. В голосовании большевистской резолюции приняли участие 523, а меньшевистской — 489 человек («Триумфальное шествие Советской власти», ч. 1, стр. 266). Если учесть, что фракция эсеров в обоих случаях в голосовании участия не принимала, можно считать, что на пленуме присутствовало более 600 человек.

^{22а} Ж. А. Маурер указывает 3 часа дня (указ. соч., стр. 8), хотя и упоминает, что «История гражданской войны» дает другое время. В протоколе же, на который ссылается автор, ничего по этому поводу не сказано. Г. Д. Костомаров называет 5 часов (Г. Д. Костомаров. Революционные традиции, стр. 14 и др.).

²³ Г. Д. Костомаров. Революционные традиции, стр. 45; он же. Московские большевики в борьбе за Октябрь, стр. 257; «1917 год в Москве», стр. 125; Г. С. Игнатъев. За народную власть, стр. 89 и др.

«боевой орган, который должен руководить, по образцу Петроградского Совета, переходом всей власти к Советам»²⁴. Ни факты, ни сама тоналность выступления Смидовича здесь совершенно не соответствуют действительности. С. М. Кукушкин в специальной работе, посвященной Московскому Совету в 1917 г., без всяких к тому оснований заявляет, что «многие ораторы, особенно представители районов, резко выступили против «согласительной» резолюции»²⁵. Ничего подобного на самом деле не было, а представители районов вообще на пленуме не выступали.

Заседание открыл заместитель председателя Московского Совета П. Г. Смидович. Судя по его выступлению, большевистская фракция пришла на пленум либо не будучи информированной об утреннем решении МК, либо не имея единого и определенного мнения насчет позиции, которую следует занять. Во всяком случае мы не располагаем никакими документами, которые свидетельствовали бы о том, что фракция собралась накануне и приняла какие-либо решения. Ничего об этом не говорят и мемуаристы. В начале своего выступления Смидович указал на то, что сейчас совершается переход власти к Советам, за что Московский Совет неоднократно высказывался, но тут же оговорился, заметив, что «мы не знаем, совершился ли он еще» и «придет ли он к благополучному завершению»²⁶. В дальнейшем выступление Смидовича шло целиком в духе «согласительной резолюции». Он призвал к созданию «революционного центра власти», который будет гарантировать «порядок и спокойствие в Москве», причем неоднократно подчеркивал, что решение это должно быть принято единогласно всеми фракциями²⁷. Ни одного слова о необходимости решительных действий, о шагах, предпринятых большевиками на протяжении дня, Смидовичем сказано не было. Следует иметь в виду, что теперь, когда открытая борьба за власть уже началась, не было нужды конспирировать и затушевывать лозунг восстания. Такое выступление, естественно, не могло правильно ориентировать собрание на создание боевого органа, который бы, колеблясь, взял власть и подавил сопротивление контрреволюции. Оно скорее вселяло неуверенность в сердца депутатов и заставляло их думать о возможности «единого фронта» с меньшевиками и эсерами, о мирном переходе власти к Советам без вооруженного восстания.

Вслед за тем слово для информации о событиях в столице было предоставлено Н. И. Муралову²⁸, который довел до сведения собрания содержание утренней телеграммы Ногина, а также сообщил о попытках правительства закрыть рабочие газеты и о занятии силами ВРК Балтийского вокзала. Кроме того, в информации сообщалось о выступлении 24 октября на заседании Петроградского Совета Л. Д. Троцкого, который заявил, что накануне предстоящего открытия Всероссийского съезда Советов, который решит вопрос о переходе всей власти в руки Советов, выступление не входит в план Петроградского Совета, и что только если Временное правительство выступит само, то Петроградский Совет ответит на него контрвыступлением^{28а}. Ту же мысль высказал Троцкий и на

²⁴ Ж. А. Маурер. Указ. соч., стр. 9.

²⁵ С. М. Кукушкин. Московский Совет в 1917 году. М., 1957, стр. 151л.

²⁶ «Триумфальное шествие Советской власти», ч. 1, стр. 255.

²⁷ Там же.

²⁸ Текст информации в стенограмме отсутствует, но в газетном отчете («Известия МСРД», 26 октября 1917 г.) содержится прямая отсылка к телеграммам из Петрограда, опубликованным в том же номере газеты. Таким образом, можно считать, что Н. И. Муралов зачитал собранию именно эти сообщения.

^{28а} «Известия МСРД», 26 октября 1917 г.

заседании большевистской фракции съезда Советов. Это заседание состоялось днем 24 октября²⁹. Таким образом, Троцкий связывал вопрос о взятии власти со съездом Советов и считал, что взять ее можно без восстания, простым провозглашением на съезде, допуская вооруженную борьбу лишь как оборонительные действия в случае наступления со стороны Временного правительства. Эта позиция в сложившейся обстановке была равносильна прямому отказу от вооруженного восстания и в корне противоречила взглядам В. И. Ленина, который считал, что «было бы гибелью или формальностью ждать колеблющегося голосования 25 октября, народ вправе и обязан решать подобные вопросы не голосованиями, а силой; народ вправе и обязан в критические моменты революции направлять своих представителей, даже своих лучших представителей, а не ждать их»³⁰.

В. И. Ленину в Петрограде удалось сломить сопротивление противников восстания, убедить колеблющихся. С вечера 24 октября вооруженное восстание в столице стало развиваться в нарастающем темпе, и к утру 25 октября революционные силы овладели городом. В Москве же события пошли другим путем. Заявление Троцкого, сообщенное депутатам Московского Совета, несомненно оказало на них определенное влияние, создав иллюзию насчет того, что можно обойтись без восстания, что надо ждать провозглашения власти Советов на съезде, после чего она мирно будет провозглашена и в Москве. Выступление Троцкого было на руку соглашателям, которые прямо ссылались на него, призывая Совет не брать власть³¹. Вопрос о восстании и немедленном взятии власти оказался в значительной степени подменен вопросом о формировании «революционного органа» с соблюдением всех процедурных формальностей. Открывая пленум, Смидович говорил, что «мы сегодня должны это сделать, сколько бы времени от нас ни потребовалось»³². Информация Муралова была «дополнена» сообщениями меньшевиков и эсеров, которые, ссылаясь на телеграммы, полученные от Временного правительства, пытались убедить собрание в том, что Керенский продолжает сохранять власть, что к Петрограду подходят «революционные войска», и им, быть может, «удастся как раз внести объединение двух частей демократии, которые стоят друг против друга ошестинясь», что Викжель и почтово-телеграфный союз стоят на стороне Временного пра-

---

²⁹ «Пролетарская революция», 1922, № 10, стр. 90. Как известно, Троцкий еще 18 октября на заседании Петроградского Совета заявил, что большевики никакого восстания не готовят, но при первой попытке контрреволюции сорвать съезд Советов «вся революционная Россия ответит на нее самым решительным контр наступлением». Выступивший вслед за ним Каменев заявил, что он подписывается под каждым словом этого заявления («Рабочий путь», 19 и 20 октября 1917 г.). Когда же ЦК в связи с письмом В. И. Ленина о Каменеве и Зиновьеве на заседании 20 октября потребовал от Троцкого объяснений по поводу его выступления, последний заявил, что «оно было вынуждено тов. Каменевым», т. е. что Троцкий, опасаясь выступления Каменева против восстания, должен был выступить именно так («Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б). Август 1917 — февраль 1918 г.» М., 1958, стр. 107). Тогда ЦК удовлетворился этим объяснением. Однако последующие выступления Троцкого показывают, что заявление 18 октября не было вынуждено соображениями конспирации, а вытекало из совершенно определенной позиции в вопросе о восстании и взятии власти.

³⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 436.

³¹ Меншевик Исув заявил: «Товарищи московские большевики, по крайней мере в этом вы не должны перешеголять ваших товарищей, достаточных безумцев в Петрограде. Троцкий ответил ясно: «Мы власти не захватываем»» («Триумфальное шествие Советской власти», ч. 1, стр. 261).

³² Там же, стр. 255.

вительства³³. Тут же меньшевик Югов обрушился с градом вопросов на А. С. Ведерникова, который еще днем по поручению партийного центра руководил занятием телеграфа и междугородней телефонной станции. Смысл вопросов Югова сводился к тому, что Ведерников действовал «незаконно», поскольку «ни президиумы, ни исполнительные комитеты не принимают никаких решений»³⁴. Ведерников ответил на это, что действовал он от имени МК и что поскольку в сборе была только фракция большевиков, то она и приняла решение занять телеграф, что и было им выполнено³⁵. Ведерников добавил при этом, что большевики предполагали внести этот вопрос на утверждение Исполкома Совета, который должен был собраться в 11 часов, но он не собрался. Не собрался и в 3 часа и пленум Совета. «Поэтому, — как бы извиняясь закончил свои объяснения Ведерников, — если настоящее собрание найдет, что мне нужно сложить свои полномочия, я безусловно это сделаю»³⁶. Так слепое преклонение перед «законностью» и голосованием, против чего не раз предостерегал В. И. Ленин, вылилось в готовность ликвидировать даже те шаги, которые были предприняты партийным центром в направлении взятия власти на протяжении дня. Выступивший вслед за Ведерниковым А. П. Розенгольц пояснил, что большевистская организация считала нужным до избрания Советом революционного органа, который установит власть в Москве, осуществить «принятие самых решительных мер, чтобы мы сами не оказались сейчас арестованными», что большевики рассчитывают на одобрение Совета и надеются, что «не только большевистская, но и меньшевистско-эсеровские организации будут вместе с нами на стороне правительства»³⁷. Здесь обращают на себя внимание по крайней мере два обстоятельства: во-первых, сама квалификация действий партийного центра как «предупредительных». Из этого видно, что сами московские большевики не рассматривали их как начало восстания, полагая, видимо, что вопрос о взятии власти будет решен не борьбой масс, а Советом. Установление же охраны у пунктов связи и у Совета, а также перевод организаций «на боевое положение», о чем также сказал Розенгольц³⁸, предпринималось лишь на случай активного выступления контрреволюции. Во-вторых, большевистская фракция в Совете, как и МК партии, не только не думала в этот момент о разрыве с меньшевиками и эсерами, но, наоборот, не мыслила создания Военно-революционного комитета без их участия. И то и другое никак не могло способствовать переходу власти к Советам и ставило под удар саму ее

³³ «Триумфальное шествие Советской власти», ч. 1, стр. 256.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же, стр. 257. Никакими документами, подтверждающими заявление Ведерникова о решении большевистской фракции, мы не располагаем. Есть только решение партийного центра, поручившего А. С. Ведерникову и А. Я. Аросеву принять меры к занятию телеграфа, телефона и почтамта «в целях охраны» («Октябрь в Москве». Материалы и документы. М.—Л., 1932, стр. 143). Следует иметь в виду, что занятие телеграфа носило весьма условный характер. Караулы солдат 56-го полка были установлены только снаружи здания. Ведерникову, вошедшему в помещение, телеграфисты заявили, что «они подчиняются только Временному правительству и союзу» («Триумфальное шествие Советской власти», ч. 1, стр. 256). Никаких мер к реальному занятию телеграфа Ведерниковым предпринято не было. Как известно, и наружная охрана телеграфа и междугородней телефонной станции на следующий день была снята.

³⁶ Там же, ч. 1, стр. 257.

³⁷ Там же, стр. 257, 258. Видимо, слово «правительства» в конце выступления Розенгольца является оговоркой, поскольку совершенно неясно, о каком правительстве могла идти здесь речь. Во всяком случае в этой же стенограмме, опубликованной в сб. «Октябрьское восстание в Москве» (М., 1922, стр. 162), слово «правительства» заменено словом «Советов». Так, видимо, оно и было. Теперь фраза приобретает логический смысл.

³⁸ Там же, ч. 1, стр. 257.

судьбу, поскольку было очевидно, что без вооруженного восстания власть в свои руки пролетариат взять не сможет.

После выступления Розенгольца был объявлен перерыв на 20 минут, чтобы фракции могли обсудить сложившееся положение. Нам не удалось обнаружить протокол заседания большевистской фракции, и остается неизвестным, велся ли такой протокол вообще. Судя по краткости заседания (всего 20 минут), больших прений и споров на фракции не было³⁹. По свидетельству М. Ф. Владимирского⁴⁰, на фракции было оглашено утреннее постановление МК о создании боевого центра при Совете и в соответствии с ним принята резолюция: «Московские Советы рабочих и солдатских депутатов выбирают на сегодняшнем пленарном заседании революционный комитет из 7 лиц. Этому революционному комитету предоставляется право кооптации представителей других революционных демократических организаций и групп с утверждения пленума Совета рабочих и солдатских депутатов. Избранный революционный комитет начинает действовать немедленно, ставя своей задачей оказывать всемерную поддержку революционному комитету Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов»⁴¹.

Эта резолюция серьезно отличалась от расплывчатого и неуверенного выступления Смидовича и уж совсем ничего общего не имела с «согласительной резолюцией» бюро фракций. Прежде всего, и это было наиболее сильной ее чертой, в резолюции прямо и недвусмысленно указывалось на то, что задачей революционного комитета является поддержка Петроградского ВРК. Это означало, что московские пролетарии и солдаты считают себя частью общероссийских революционных сил, центр которых находится в столице, что вопрос о необходимости и неизбежности перехода власти к Советам не вызывает сомнений и Московский ВРК будет действовать именно в этом направлении. Вместе с тем резолюция, и в этом состояла ее слабость, не ставила вопроса о создании чисто большевистского ВРК, что настойчиво диктовалось обстановкой, и предоставлением права кооптации открывала дорогу в ВРК представителям мелкобуржуазных партий и организаций, находившимся под их влиянием. Здесь очередной раз дала о себе знать иллюзия, которой питались некоторые руководящие московские партийные работники, насчет возможности идти «единым фронтом» с соглашателями в момент наивысшего обострения борьбы с Временным правительством⁴².

Возобновившееся под председательством Е. Н. Игнатова заседание пленума пошло под знаком борьбы вокруг вопроса о том, должна ли власть перейти к Советам или остаться в руках Временного правительства. В зависимости от решения этого главного вопроса представители фракций подходили к решению других, вытекающих из него вопросов и, в частности, к составу и задачам, которые должен решать ВРК. Сама

³⁹ Г. С. Игнатьев без ссылки на источник указывает, что «согласительная резолюция, принятая на заседании фракции, была подвергнута резкой критике, а поведение Смидовича и Игнатова, сделавших ряд уступок эсерам и меньшевикам, осуждено» (Г. С. Игнатьев. Октябрь 1917 года в Москве, стр. 47). Никаких документальных или мемуарных подтверждений этим фактам нами не обнаружено.

⁴⁰ Очерки по истории Октябрьской революции в Москве. М.—Л., 1927, стр. 270.

⁴¹ «Известия МСРД», 26 октября 1917 г. Тексты всех резолюций в стенограмме пленума отсутствуют и потому даются по газетным отчетам.

⁴² В моей работе (Указ. соч., стр. 145) по поводу этой резолюции, между прочим, говорится: «Ее принятие означало отказ от избрания в ВРК представителей городской думы и других организаций, показавших свое контрреволюционное лицо». Следует признать, что такой вывод не вытекает из текста резолюции, в которой допускается кооптация широкого круга организаций и лиц. Эту ошибку почти дословно повторил Г. С. Игнатьев (Г. С. Игнатьев. Октябрь 1917 года в Москве, стр. 48).

по себе необходимость перехода власти к Советам никаких сомнений у большевиков не вызывала, и в этом отношении они были едины. Это был тот водораздел, который отделял большевистскую фракцию в Совете от всех остальных фракций и групп. Но способ этого перехода, видимо, для них был не совсем ясен. Выступивший от имени большевистской фракции Розенгольц говорил в духе только что принятой фракцией резолюции, указав, что вновь создаваемый орган «должен оказать активную поддержку Петроградскому Совету р. и с. д.», что действовать надо «быстро, решительно и немедленно»⁴³. Из всего этого вытекало, что большевики, казалось бы, полны решимости поднять массы на борьбу за власть Советов. Однако и выступлению Розенгольца, как и резолюции фракции, была свойственна определенная непоследовательность. Призывая поддержать Петроград, он тут же оговорился, что мы «не ставим себе задачи и захвата власти»⁴⁴. Но как можно было поддержать Петроградский Совет и не брать власть, этого оратор не объяснил. От имени большевиков он предложил Совету принять резолюцию, подготовленную фракцией в перерыве.

Выступления эсерки Ратнер и меньшевика Исува по смыслу совпали между собой и сводились к утверждению о бессмысленности и авантюристичности взятия власти Советами накануне созыва Учредительного собрания⁴⁵. В выступлении Исува обращает на себя внимание призыв к московским большевикам воздержаться от захвата власти по крайней мере до решения об этом II съезда Советов. Из этого видно что меньшевики, недооценивая большевистское влияние, явно рассчитывали склонить съезд на свою сторону и провести на нем эсеро-меньшевистские резолюции. Аргументация меньшевистского лидера свидетельствует о том, какую большую роль сыграло выступление Троцкого в Петрограде для усиления позиций соглашателей, и еще раз подчеркивает безусловную правоту и политическую прозорливость В. И. Ленина, призывавшего не ждать «колеблющегося голосования 25 октября», а брать власть немедленно, еще до открытия съезда Советов⁴⁶.

Резолюции, предложенные эсерами и меньшевиками, повторяли «согласительную резолюцию», принятую бюро фракций. Эсеровская резолюция отличалась от меньшевистской лишь тем, что в ней практическим предложениям о создании «временного демократически-революционного органа» предшествовало заявление о том, что фракция эсеров «отказывается поддержать большевистское движение и употребит всю силу своего партийного влияния, чтобы отвлечь массу от участия в восстании», и «будет протестовать против создания всяких организаций, направленных к захвату власти»⁴⁷.

Кроме эсеровских и меньшевистских лидеров, на пленуме выступили представители объединенцев и беспартийных. Их выступления заслуживают внимания постольку, поскольку они показывают колебания и двойственность позиций определенной части депутатов Московского Совета. Особенно показательны в этом отношении выступления объединенца Б. Я. Ясенева. В отличие от меньшевиков и эсеров, рассматривавших

⁴³ «Триумфальное шествие Советской власти», ч. 1, стр. 258.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 435—436.

⁴⁷ «Известия МСРД», 26 октября 1917 г. Следует иметь в виду, что внутри фракции эсеров полного единства не было. В то время как правое большинство фракции выступило открыто контрреволюционно, небольшая группа левых, хотя и не заявила публично о своем несогласии со всей фракцией, голосовала вместе с большевиками, а отдельные левые эсеры кооптировались в ВРК и честно в нем работали.

восстание в Петрограде как «безумие» и «авантюру», Ясенев заявил, что следует «пойти с теми рабочими, солдатами и крестьянами, которые поддерживают Петроград»⁴⁸. В этом позиция объединенцев совпадала с большевистской. Но, заявил тут же Ясенев, в создании революционных органов «должна принять участие вся революционная демократия» — профсоюзы, Викжель, земское и городское самоуправление⁴⁹. Здесь, таким образом, объединенцы полностью солидаризировались с «согласительной резолюцией».

Выступивший от имени беспартийных депутат Совета рабочих депутатов Кринский также стремился примирить непримиримое. С его точки зрения споры между фракциями возникли из-за «партийной завядлости», которую следует отбросить и прийти к единому решению. «Раскола быть не должно, ибо если мы расколемся, то мы будем разбиты»⁵⁰.

После краткой перепалки по вопросу о том, какая резолюция должна голосоваться первой (собрание решило, что большевистская), представители фракций выступили по мотивам голосования. Эсеры принять участие в голосовании отказались. Большевики и беспартийные заявили, что будут голосовать против большевистской резолюции. Объединенцы, согласные с необходимостью создания революционного органа, возражали против его конструкции («семерка») и потому от голосования воздержались⁵¹. Любопытно отметить, что по ходу прений не выступил ни один из эсеровских руководителей Совета солдатских депутатов. Это нельзя считать случайным.

Правозэсеровские лидеры президиума Совета солдатских депутатов занимали наиболее контрреволюционную позицию, которая ярко проявилась в дальнейшем. Но выступить с ней открыто перед рабочей и солдатской массой они не решались.

Такова была расстановка сил перед голосованием, в зависимость от которого оказалась поставленной сама судьба восстания. Влияние, которым пользовались большевики в Совете рабочих депутатов и среди рядовых солдат, позволяло им рассчитывать на успех. Вместе с тем отказ эсеров от участия в голосовании следует признать тактической ошибкой с их стороны, поскольку это резко ослабило позицию эсеро-меньшевистского блока в целом. Моральный эффект этого демонстративного отказа был весьма невелик и практического значения не имел.

Голосование дало подавляющий перевес большевикам. За их резолюцию голосовало 394 человека, против — 106, воздержались 23. Большевистская резолюция собрала 113 голосов за и 376 против⁵². Удар, полученный соглашателями, был сокрушительным. Они явно не ожидали, что пленум с таким единодушием пойдет за большевиками. Поскольку сорвать создание ВРК не удалось, перед соглашателями встал вопрос о том, входить или не входить в орган, против создания которого они так рьяно возражали. Эсеры этот вопрос решили для себя еще до голосования вполне определенно: в ВРК не входить и всеми силами и средствами бороться с восстанием. Иначе поступили меньшевики. Их представитель Югов заявил, что поскольку предупреждения об опасности предпринятого большевиками шага не возымели действия, меньшевики в этот орган войдут, «но не для тех целей, для которых вы идете, а для того, чтобы продолжать там ту же разоблачительную работу, которую мы делали в Совете для того, чтобы смягчить все те губительные по-

⁴⁸ «Триумфальное шествие Советской власти», ч. 1, стр. 260.

⁴⁹ Там же, стр. 260—261.

⁵⁰ Там же, стр. 264.

⁵¹ Там же, стр. 265.

⁵² Там же, стр. 266.

следствия, которые падут на голову пролетариата и солдат Москвы»⁵³. С заявлением о вхождении в ВРК для того, чтобы этот орган взял «именно ту линию, которая должна привести Россию к однородной власти, власти революционной демократии», выступили объединенцы⁵⁴.

Позиции эсеров и меньшевиков в вопросе об участии в ВРК, внешне различные, на самом деле мало чем отличались друг от друга. Что касается объединенцев, то их позиция не может быть признана абсолютно идентичной с эсеро-меньшевистской линией. Во всяком случае Г. А. Усиевич в своем выступлении на пленуме Советов рабочих и солдатских депутатов 9 ноября 1917 г. признавал, что «все время, пока объединенцы входили в ВРК, они работали вместе с нами, отдавали все силы, и в эти дни они сделали большую, крупную работу»⁵⁵. Вместе с тем очевидно, что неопределенная позиция объединенцев, их ставка на мирное соглашение с Комитетом общественной безопасности и на создание «однородного» социалистического правительства, не могла не влиять отрицательно на работу ВРК и не усиливать в нем соглашательские тенденции.

Так или иначе, мотивировки, с которыми выступили меньшевики и объединенцы, не встретили отпора со стороны пленума, и он утвердил их представителей в ВРК, так же как и кандидатуры, предложенные большевиками.

Еще в 1928 г. один из кандидатов в члены Московского ВРК П. Н. Мостовенко в предисловии к мемуарам А. Н. Вознесенского писал, что «составу ВРК решительно не везет»⁵⁶. И он был совершенно прав. «Невезение» с составом ВРК началось буквально с момента его избрания. Уже в самой стенограмме пленума искажена фамилия Н. И. Муралова, совсем не назван С. Я. Будзинский, а из меньшевистских представителей упомянут только М. Ф. Николаев⁵⁷. В газетных отчетах вместо П. Н. Мостовенко называется Москалев или Мосолов⁵⁸.

Путаница с персональным составом ВРК в работах, посвященных октябрьским событиям в Москве, увеличилась со второй половины 30-х годов, когда из истории произвольно стали вычеркиваться имена ряда деятелей; к сожалению, эта путаница продолжает иметь место и во многих работах последних лет. Так, в работах Г. Д. Костомарова⁵⁹ членами ВРК названы четыре большевика, из которых двое — А. Я. Аросев и П. Н. Мостовенко — были избраны кандидатами, а один, А. С. Ведерников, кооптирован позже. Остальные же вообще не упоминаются. Ж. А. Маурер называет только двух избранных⁶⁰, причем один из них, С. Я. Будзинский, был не членом, а кандидатом ВРК. Г. С. Игнатьев

⁵³ «Триумфальное шествие Советской власти», ч. 1, стр. 267. Выступлением Югова обрывается стенограмма пленума, опубликованная в указанном сборнике. Окончание ее на двух листах обнаружено нами в стенограмме заседания Совета рабочих депутатов 19 сентября 1917 г. (ГАОРСС МО, ф. 66, оп. 12, д. 35, лл. 24—25). Видимо, при разборке архива эти два листа случайно попали в другое место.

⁵⁴ ГАОРСС МО, ф. 66, оп. 12, д. 35, л. 25.

⁵⁵ Там же, д. 39, л. 14. При публикации стенограммы в 1948 г. эта часть выступления Г. А. Усиевича была произвольно опущена («Документы пролетарской революции», т. 2, М., 1948, стр. 274).

⁵⁶ А. Н. Вознесенский. Москва в 1917 году. М.—Л., 1928, стр. VII.

⁵⁷ ГАОРСС МО, ф. 66, оп. 12, д. 35, л. 25.

⁵⁸ «Известия МСРД», 26 октября 1917 г.; «Вперед», 26 октября 1917 г.

⁵⁹ Г. Д. Костомаров. Революционные традиции, стр. 45; он же. Московские большевики в борьбе за Октябрь, стр. 258.

⁶⁰ Ж. А. Маурер. Указ. соч., стр. 10. Правда, автор тут же дает такое примечание: «От большевиков также вошли В. Смирнов, Н. Муралов, А. Рыков и А. Ломоз, оказавшиеся впоследствии штрейкбрехерами революции и предателями социализма». Но это примечание не исправляет положения.

упоминает только трех большевиков⁶¹, из которых один, Е. М. Ярославский, в ВРК вообще не входил, а другой, А. С. Ведерников, как уже говорилось, был кооптирован позже. В моей работе опущены фамилии Н. И. Муралова и А. И. Рыкова и т. д.⁶² Неполно указан состав ВРК в «Очерках истории Московской организации КПСС»⁶³ и т. д.

Военно-революционный комитет был избран в составе семи членов и шести кандидатов. Персонально в него вошли: от большевиков в качестве членов комитета А. Ломов (Г. И. Оппоков), В. М. Смирнов, Г. А. Усиевич, Н. И. Муралов; кандидатами — А. Я. Аросев, П. Н. Мостовенко, А. И. Рыков (последний практического участия в работе не принимал, так как был отозван в Петроград) и С. Я. Будзинский; от меньшевиков — члены М. И. Тейтельбаум и М. Ф. Николаев; от объединенцев — И. Ф. Константинов, кандидатами Л. Е. Гальперин и В. Я. Ясенев.

Таким образом, из 13 избранных членов и кандидатов ВРК 8 были большевиками и 5 — представителями меньшевиков и объединенцев. Среди избранных 9 были членами Совета рабочих депутатов и 4 являлись членами Совета солдатских депутатов, причем все четверо были большевиками.

В дальнейшем состав ВРК значительно вырос за счет кооптации в него ряда лиц, представлявших различные организации. Но это уже выходит за рамки нашего сообщения и является предметом специального исследования.

---

⁶¹ Г. С. Игнатъев. За народную власть, стр. 89. В позднейшей работе автор дает более полный состав ВРК, но и тут пропущена фамилия А. И. Рыкова (Г. С. Игнатъев. Октябрь 1917 года в Москве, стр. 49).

⁶² А. Я. Грунт. Указ. соч., стр. 146. В статье «Московский ВРК» («Советская историческая энциклопедия», т. 3. М., 1963, стб. 589) состав избранного 25 октября 1917 г. ВРК дан мною полностью. Полный список избранных в ВРК приведен в коллективных работах: «История Великой Октябрьской социалистической революции», М., 1967, стр. 231 и «Октябрь в Москве», М., 1967, стр. 322, а также в монографии Г. А. Трукана «Октябрь в Центральной России». М., 1967, стр. 258.

⁶³ «Очерки истории московской организации КПСС. 1883—1965», М., 1966, стр. 275.

ПАМЯТИ А. А. НОВОСЕЛЬСКОГО

(1891—1967)

27 октября 1967 г. на 77-м году оборвалась жизнь видного советского историка, опытного организатора науки и талантливого педагога, коммуниста Алексея Андреевича Новосельского. Свыше 50 лет своей жизни он отдал служению отечественной науке.

А. А. Новосельский родился 4 (16) октября 1891 г. в Тамбове в семье учителя. Окончив местную гимназию, он поступил в Московский университет. В 1915 г. А. А. Новосельский закончил с золотой медалью университет и был оставлен при нем для подготовки к профессорскому званию. После успешной сдачи магистерских экзаменов А. А. Новосельский был принят в 1919 г. преподавателем в Московский университет. Годом раньше началась его служба в Дрвелехранилище (ныне — часть ЦГАДА), продолжавшаяся до 1930 года.

Одновременно с работой в архиве А. А. Новосельский с 1922 по 1929 г. был научным секретарем секции русской истории Института истории РАНИОН, возглавлявшейся акад. М. М. Богословским.

В 1930—1935 гг. А. А. Новосельский работал заведующим научно-библиографическим сектором Всесоюзной библиотеки им. В. И. Ленина, а в 1935—1942 гг. — сначала сотрудником, а потом — заведующим отделом в Музее антропологии Московского университета. С 1942 г. вся трудовая и научная деятельность А. А. Новосельского тесно связана с Институтом истории АН СССР.

Одновременно с исследовательской работой А. А. Новосельский занимался педагогической деятельностью, он вел занятия в Московском институте истории, философии и литературы (1939—1941), а затем в Московском историко-архивном институте (1943—1956), сперва в качестве доцента, а с 1946 г. — профессора.

В университете А. А. Новосельский занимался у видных ученых — М. М. Богословского, М. К. Любавского, А. Н. Филиппова и др. Его учителем был А. И. Яковлев; с ним и Ю. В. Готье он работал в Институте РАНИОН и был дружен многие годы.

Первые работы А. А. Новосельского свидетельствуют о том, что он уже прочно стоял на позициях марксизма-ленинизма в освещении русской истории.

В 1926 г. появилась первая печатная работа А. А. Новосельского «Побеги крестьян и холопов и их сыск в Московском государстве второй половины XVII в.» Вслед за ней были опубликованы такие его исследования, как «Правящие группы в служилом городе XVII в.», «Коллективные дворянские челобитья по вопросам межевания и описания земель в 80-х годах XVII в.», «Распространение крепостнического землевладения в южных уездах Московского государства в XVII в.» и ряд других.

Ранние работы А. А. Новосельского свидетельствовали о глубоком интересе автора к изучению истории крестьянства в XVII в. на южных окраинах Русского государства и правительственной политики по отношению к беглым крестьянам. Все они были основаны на тщательном анализе огромного количества неизвестных в науке источников, содержали оригинальные выводы.

Интерес к исследованию колонизации южных районов России в XVII в. А. А. Новосельский сохранял в течение всей своей жизни. В 40-х годах им были напечатаны работы «Отдаточные книги беглых как источник для изучения народной колонизации на Руси в XVII веке», «Вольные и перехожие люди южных уездов Русского государства в XVII в.» и др. В 1929 г. А. А. Новосельский напечатал книгу «Вотчинник и его хозяйство в XVII в.»— оригинальное исследование по истории крестьян и сельского хозяйства России.

Глубокий интерес А. А. Новосельского к историческим судьбам русского крестьянства, которое своим упорным трудом осваивало бескрайние просторы России в тяжелой борьбе не только с силами природы, но и помещиками-крепостниками, и было вынуждено обороняться от частых разорительных набегов кочевников, закономерно привел исследователя к тому, что он обратился к истории внешней политики России. В 1948 г. была опубликована докторская диссертация А. А. Новосельского «Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в.», представляющая собою фундаментальное марксистское исследование внешней политики России, основанное на тщательном и тонком анализе огромного количества источников, отложившихся в фондах Посольского и Разрядного приказов. Будучи настоящим патриотом своей родины, А. А. Новосельский ярко и образно раскрыл длительную и трудную борьбу русского народа с татарской опасностью; впервые в науке вскрыл причины постоянной военной активности Крымского ханства, крившиеся в его экономике (знать прибегала к набегам на оседлые народы для увеличения доходов). Он прекрасно показал влияние татарской опасности на всю внутреннюю и внешнюю политику России в XVI—XVII вв.

Считая завершение этого труда, который он мыслил довести до конца XVII в., делом всей своей жизни, А. А. Новосельский свыше двадцати лет, вплоть до самой смерти, продолжал работать над написанием второго тома, собрал и систематизировал колоссальный материал для этой книги.

А. А. Новосельский активно участвовал в качестве редактора и автора больших разделов в подготовке таких коллективных трудов, как «История Москвы» (т. I. М., 1952), «Очерки истории СССР. XVII в.» (М., 1955), а также вузовского учебника «История СССР» (два издания. М., 1956 и 1964).

А. А. Новосельский внес крупный вклад в развитие советского источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин. Он участвовал в подготовке многих важных публикаций документов: «Памятники истории крестьян и холопов в Московском государстве» (т. 3*—5, литографированное издание под ред. А. А. Новосельского и А. И. Яковлева. М., 1925), «Акты хозяйства боярина Морозова» (ч. 1—2, под ред. А. И. Яковлева. М.—Л., 1940—1945) и др.

Особенно развернулась публикаторская деятельность А. А. Новосельского в 1953 г., когда он возглавил сектор публикации источников в Институте истории. В качестве ответственного редактора или члена редколлегии А. А. Новосельский участвовал в издании тематических сборни-

ков и серий публикаций: «Воссоединение Украины с Россией», «Крестьянская война под предводительством С. Разина» и др.

Считая важнейшим условием развития конкретных исследований по истории издание источников, А. А. Новосельский много сделал для расширения публикаторской работы. С 1953 г. он был активным членом редколлегии неперIODических сборников «Исторический архив», а с 1955 г. — одноименного журнала. В 1955 г. А. А. Новосельский возглавил издание неперIODических сборников «Материалы по истории СССР».

Будучи высококвалифицированным археографом, А. А. Новосельский придавал важное значение обобщению опыта публикации источников. Под его руководством и при непосредственном участии были подготовлены «Правила издания исторических источников» (М., 1955; 2-е изд., М., 1956), которыми до сих пор пользуются все исследователи.

Обладая широким научным кругозором, А. А. Новосельский прилагал немало усилий, чтобы преодолеть известное отставание в разработке вопросов источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин. Для достижения этой цели он в своем секторе стремился подготовить кадры специалистов, установить и расширить творческие контакты с учеными Пушкинского дома, Института истории языка АН СССР, Главного архивного управления при Совете Министров СССР, Московского историко-архивного института и других учреждений, занимающимися публикацией источников. Благодаря энергии и настойчивости А. А. Новосельского в 1955 г. было возобновлено издание неперIODических сборников «Проблемы источниковедения». В 1955—1963 гг. под его редакцией вышли сборники IV—XI.

А. А. Новосельский был исключительно опытным редактором. Десятки его товарищей и учеников бесконечно благодарны ему за ту большую помощь, которую он оказал им в качестве ответственного редактора и консультанта их книг. В течение многих лет А. А. Новосельский был деятельным членом редколлегии «Исторических записок».

А. А. Новосельский был замечательным педагогом, он подготовил много квалифицированных научных работников. Из числа его учеников около двадцати человек защитили кандидатские и докторские диссертации. Автору этих строк посчастливилось быть учеником А. А. Новосельского, слушать его лекции по истории СССР периода феодализма в Историко-архивном институте.

Лекции А. А. Новосельского привлекали к себе внимание слушателей не столько внешней формой, сколько глубиной содержания, исключительной четкостью в подаче материала, строгой научной логикой, в изложении фактов отечественной истории, которые он знал великолепно. Он умел дать почувствовать студентам, как мыслили и действовали исторические деятели, представлял их реальными живыми людьми.

А. А. Новосельский был исключительно строгим, требовательным человеком, прежде всего к самому себе, к своим работам. Высокая требовательность к результатам своего труда, превосходное знание огромного фактического материала в сочетании с тонким историко-ведческим анализом документов, глубиной обобщения изучаемых явлений, ясностью, четкостью и лаконичностью в изложении сложнейших проблем — вот наиболее характерные черты «почерка» А. А. Новосельского как исследователя. В своем научном творчестве он был необычайно целеустремленным, был «верен» нескольким темам, но зато глубоко их исследовал.

А. А. Новосельский не спешил с публикацией своих работ. Замысел и выводы многих его исследований вынашивались годами. А. А. Ново-

сельский не любил скороспелых и пухлых работ. Он не раз предостерегал своих учеников от желания скорее напечататься, порою тонко шутил и иронизировал по поводу того, что некоторые, более молодые ученые, намного обогнали его по количеству печатных работ. А. А. Новосельский был внутренне собранным человеком, прекрасным организатором. Он исключительно четко, по-деловому вел научные заседания, не терпел многочасовых заседаний и тактично, но решительно вынуждал увлекающихся ораторов ценить время слушателей. От докладчиков и выступающих в прениях он добивался ясности и лаконизма в выражении главного, существенного, строгого соблюдения регламента, и люди были вынуждены подчиняться этим справедливым требованиям, более тщательно готовиться к своим выступлениям. Заседания сектора источниковедения, которым он руководил, были хорошей школой для научных работников разных поколений.

Список его собственных печатных работ сравнительно невелик, но все они чрезвычайно «весомы» и еще при его жизни прочно вошли в золотой фонд советской исторической науки.

А. А. Новосельский требовал от своих учеников самостоятельной постановки новых в науке вопросов, предостерегал их от перегрузки работ фактами, хотя бы и совершенно неизвестными. Беседуя с учениками, А. А. Новосельский любил спрашивать: «А для чего Вы пишете свою работу? Какую идею Вы хотите обосновать?»

На протяжении более полувека А. А. Новосельский много сделал для развития исторической науки, которой он жил. Выйдя в 1963 г. на пенсию, он не прекращал своих научных розысканий в ЦГАДА, готовил к печати второй том труда о борьбе Русского государства с татарами во второй половине XVII в., а также коллективные дворянские челобитные. А. А. Новосельский внимательно следил за всеми работами по истории СССР, выходящими не только в Москве, но и на периферии, причем и в последние годы жизни, хотя силы начали слабеть, он как и в молодости не замыкался в узком кругу тем и работ «своего периода». Особенно пристально следил А. А. Новосельский за появлявшимися в СССР и за рубежом работами по методологии истории, а также по источниковедению и вспомогательным историческим дисциплинам. А. А. Новосельский продолжал руководить аспирантами в Историко-архивном и Педагогическом институтах, редактировать работы своих товарищей и учеников, вел оживленную переписку с рядом местных историков, среди которых были и его питомцы, руководил научным кружком сотрудников в ЦГАДА. До последнего дня своей жизни А. А. Новосельский регулярно занимался в ЦГАДА. В последние годы он как-то особенно жадно тянулся к людям, а они в свою очередь шли к нему за советом и поддержкой, и Алексей Андреевич охотно делился своим богатым опытом и знаниями.

Труды и дела А. А. Новосельского будут долго служить отечественной науке.

С. М. Троицкий

СПИСОК ТРУДОВ А. А. НОВОСЕЛЬСКОГО

1925

Ред.: «Памятники истории крестьян и холопов в Московском государстве XVII в.», тт. 3—5. М. (совместно с А. И. Яковлевым), литограф. изд.

1926

Побеги крестьян и холопов и их сыск в Московском государстве во второй половине XVII в.— «Труды Института истории РАНИОН», вып. I.

1928

Правящие группы в служилом «городе» XVII в.— «Ученые записки Института истории РАНИОН», т. 5.

1929

Вотчинник и его хозяйство в XVII в. М.— Л.
Коллективные дворянские челобитья по вопросам межевания и описания земель в 80-х гг. XVII в.— «Ученые записки Института истории РАНИОН», т. 4.

1930

Подготовка текста: «Лавочные книги Новгорода Великого 1583 г.». М., литограф. изд.

1938

Распространение крепостнического землевладения в южных уездах Московского государства в XVII в.— «Исторические записки», т. 4.

1945

К вопросу об экономическом состоянии беглых крестьян на юге Московского государства в первой половине XVII века.— «Исторические записки», т. 16.

1946

Отдачные книги беглых как источник для изучения народной колонизации на Руси в XVII в.— «Труды Историко-архивного института», т. 2.

1947

Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. Автореферат.— «Известия АН СССР. Серия истории и философии», т. IV, № 3.
Земский собор 1639 г.— «Исторические записки», т. 24.

1948

Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М.— Л.
Из истории донской торговли в XVII веке.— «Исторические записки», т. 26.

Рец.: Н. А. Смирнов. Россия и Турция в XVI—XVII вв., т. 1—2. М., 1946.— «Вопросы истории», № 2.

1949

Роспись крестьянских дворов, находящихся во владении высшего духовенства, монастырей и думных людей по переписным книгам 1678 г.— «Исторический архив», т. 4. М.

1950

Ред.: Разрядный приказ (начало XVI в.— 1711 г.). Опись столбцов дополнительного отдела архивного фонда № 210. М.

Отв. ред.: Н. В. Устюгов. Башкирское восстание 1737—1739 гг. М.— Л.

1951

Отв. ред.: Л. В. Черепнин. Русские феодальные архивы XIV—XV вв., ч. 2. М.

1952

«История Москвы», т. I. М. (Автор следующих разделов: Захват Москвы интервентами и борьба с ними русского народа (1610—1611); Освобождение Москвы от интервентов. Московское восстание 1648 г. (совместно с С. В. Бахрушиным).

К вопросу о значении «урочных лет» в первой половине XVII в.— В кн.: «Академику Б. Д. Грекову ко дню 70-летия». Сб. статей. М.

Ред.: «История Москвы», в 6-ти томах, т. I. М.

Член ред. колл.: «Академику Б. Д. Грекову ко дню 70-летия». Сб. статей. М.

1953

Отв. ред.: Н. И. Павленко. Развитие металлургической промышленности России в первой половине XVIII в. Промышленная политика и управление. М.

Член ред. колл.: «Воссоединение Украины с Россией». Документы и материалы в 3-х томах, тт. 1—3. М.

Член ред. колл.: «Исторический архив», тт. 8—9. М.

Член глав. ред. колл.: «Очерки истории СССР. Период феодализма. IX—XV вв.», в 2-х частях. М.

1954

Совместная борьба русского и украинского народов против турецко-татарских захватчиков.— «Доклады и сообщения Института истории АН СССР», вып. 2.

Рец.: Ценный труд по истории Украинской ССР («История Украинской ССР», т. I. Киев, 1953).— «Вопросы истории», № 6 (совместно с А. А. Зиминим и В. Д. Мочаловым).

Ред.: «Крестьянская война под предводительством Степана Разина». Сб. документов, т. I. М.

Отв. ред.: В. Д. Королюк. Ливонская война. Из истории внешней политики русского централизованного государства во второй половине XVI в. М.

Член ред. колл.: «Исторические записки», тт. 45—49. М.

Член ред. колл.: «Исторический архив», т. 10. М.— Л.

Член глав. ред. колл.: «Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия в первой четверти XVIII в. Преобразование Петра I». М.

1955

Издание исторических источников в СССР. М. (Доклады советской делегации на X Международном конгрессе историков в Риме). На рус. и франц. яз. (совместно с В. И. Шунковым).

«Очерки истории СССР. Период феодализма XVII век». М. (Автор следующих разделов: Введение; Сельское хозяйство; Феодальное землевладение. Боярство, дворянство и церковь; Крестьяне и холопы; Введение к главе «Обострение классовой борьбы»; Городские восстания в русском государстве в середине XVII в. Земский собор 1648—1649 гг.; Крестьянская война под предводительством С. Т. Разина; Основные этапы внутренней политики в XVII в.; Введение к главе «Внешняя политика»; Международное положение русского государства в 20—30-х годах и Смоленская война 1632—1634 гг.; Русско-турецкие и русско-крымские отношения в 30—40-х годах; Сношения России со странами Азии; Введение к главе «История народов СССР в XVII в.»; Начало формирования русской нации (совместно с Л. Н. Пушкаревым и Н. В. Устюговым).

- Рец.: «Труды Московского государственного историко-архивного института», т. 7. М., 1954.— «Исторический архив», № 4.
- Рец.: «Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII в.». М. (Совместно с Н. В. Устюговым).
- Отв. ред.: Е. И. Индова. Крепостное хозяйство в начале XIX века. По материалам вотчинного архива Воронцовых. М.
- Отв. ред.: «Проблемы источниковедения», т. 4. М.
- Член ред. колл.: «Материалы по истории СССР», тт. 1—2. М.
- Член глав. ред. колл.: «Очерки истории СССР. Период феодализма. Конец XV — нач. XVII в.». М.
- Член ред. колл.: «Исторические записки», тт. 50—54. М.
- Член глав. ред. колл. и ред. отд. томов: «Революция 1905—1907 гг. в России». Документы и материалы. М., 1955—1965.

1956

- Важные проблемы исторической науки (Беседа с доктором ист. наук А. А. Новосельским).— «Литературная газета», 4 августа.
- Издание исторических источников в СССР. Сообщ. на X Международном конгрессе историков в сентябре 1955 г.— «Исторический архив», № 2; То же в кн.: «X Международный конгресс историков». Рим. Доклады советской делегации. М. (совместно с В. И. Шунковым).
- «История СССР», т. 1. М. (Автор следующих разделов: Социально-экономический строй России в XVII в. Начало складывания всероссийского рынка. Обострение классовой борьбы. Крестьянская война под предводительством С. Т. Разина; Государственное устройство России в XVII в.; Русско-польская и русско-шведская войны 50—60-х годов; Войны с Турцией и Крымским ханством в 70—80-х годах. «Вечный мир» с Польшей в 1686 г.; Украина и Белоруссия в XVII в.; Народы Поволжья, Приуралья и Европейского Севера в составе Русского государства; Культура Украины и Белоруссии; Начало складывания русской нации).
- Рец.: «Материалы по истории СССР», т. 3. М.
- Отв. ред.: А. А. Преображенский. Очерки колонизации Западного Урала в XVII — начале XVIII в. М.
- Отв. ред.: «Проблемы источниковедения», т. 5. М.
- Член ред. колл.: «Исторические записки», тт. 55—58. М.
- Член ред. колл.: «История СССР», т. 1. С древнейших времен до 1861 г. М.
- Член глав. ред. колл.: «Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия во второй половине XVIII века». М.

1957

- Рец.: «Крестьянская война под предводительством Степана Разина». Сб. документов, т. 2, ч. 1. М.
- Отв. ред.: «Материалы по истории СССР», т. 4. М.—Л.
- Отв. ред.: «Материалы по истории СССР», т. 5. М.
- Отв. ред.: Н. В. Устюгов. Солеваренная промышленность Соли Камской в XVII веке. К вопросу о генезисе капиталистических отношений в русской промышленности. М.
- Член ред. колл.: «Декреты Советской власти», т. I. М.
- Член ред. колл.: «Исторические записки», тт. 59—61. М.
- Член глав. ред. колл.: «Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия во второй четверти XVIII века». М.
- Член ред. комис.: «Документы внешней политики СССР», т. 1—4. М., 1957—1960.
- Член ред. комис.: «Переписка председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны. 1941—1945 гг.», т. 1—2. М.

1958

- О публикации исторических источников в СССР за 40 лет.— «История СССР», № 3. (Совместно с В. А. Кондратьевым).
- Отв. ред.: «Проблемы источниковедения», т. 6. М.
- Член ред. колл.: «Исторические записки», тт. 62—63. М.

1959

- Рец.: «Крестьянская война под предводительством Степана Разина», т. 2., ч. 2. М.
- Отв. ред.: С. И. Волков. Крестьяне дворцовых владений Подмосковья в середине XVIII в. (30—70-е гг.). М.
- Отв. ред.: «Материалы по истории СССР», т. 6. М.

Отв. ред.: «Проблемы источниковедения», т. 7—8. М.
 Член ред. кол.: «Исторические записки», тт. 64—65. М.
 Член ред. комис.: «Декреты Советской власти», т. 2. М.

1960

Член ред. колл.: «Исторические записки», тт. 66—67. М.
 Член ред. комис.: «Внешняя политика России XIX и начала XX века», т. 1. М.

1961

Дворцовые крестьяне Комарицкой волости во второй половине XVII века.— В кн.: «Вопросы истории сельского хозяйства, крестьянства и революционного движения в России». М.
 Разновидности крымских статейных списков XVII века и приемы их составления.— В кн.: «Проблемы источниковедения», т. 9. М.
 Распад землевладения служилого «города» в XVII веке (по десятиям).— В кн.: «Русское государство в XVII веке». М.
 Отв. ред.: «Проблемы источниковедения», т. 9. М.
 Член ред. колл.: «Исторические записки», тт. 68—70. М.

1962

Вольные и переходные люди в южных уездах русского государства в XVII в.— В кн.: «Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР», сб. 5. М.
 «О развитии вспомогательных исторических дисциплин».— «Вопросы архивоведения», № 4 (совместно с В. А. Кондратьевым).
 Отв. ред.: «Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР». Сб. 5. К 70-летию доктора ист. наук В. К. Яцунского. М.
 Отв. ред.: Н. И. Павленко. История металлургии в России XVIII века. Заводы и заводоуправления. М.
 Отв. ред.: «Проблемы источниковедения», т. 10. М.
 Ред.: «Крестьянская война под предводительством Степана Разина». Сб. документов, т. 3. М.
 Член ред. колл.: «Исторические записки», тт. 71—72. М.

1963

Дела «о крестьянстве» как источник для изучения истории закрепощения свободного сельского населения на Юге России в XVII веке.— В кн.: «Археографический ежегодник за 1962 год». М.
 Отв. ред., сост. палеограф. описаний, изд. списков: «Правда Русская», т. 3. М.
 Ред.: А. А. Герасимов. Филиграния XVII века на бумаге рукописных и печатных документов русского происхождения. М.
 Отв. ред.: «Проблемы источниковедения», т. 11. М.
 Член ред. колл.: «Исторические записки», тт. 73—74. М.

1964

«История СССР», т. 1. Изд. 2-е перераб. и доп. М. (Автор следующих разделов: Социально-экономический строй России в XVII веке. Начало складывания всероссийского рынка. Обострение классовой борьбы. Крестьянская война под предводительством С. Т. Разина; Государственное устройство России в XVII веке. Переход к абсолютизму; Русско-польская и русско-шведская войны 50—60-х годов; Войны с Турцией и Крымским ханством в 70—80-х годах. «Вечный мир» с Польшей в 1686 г., Украина и Белоруссия в XVII веке; Народы Поволжья, Приуралья и Европейского Севера в составе Русского государства; Культура Украины и Белоруссии; Формирование русской нации).
 Отв. ред.: В. И. Буганов. Московское восстание 1662 г. М.
 Отв. ред.: «Восстание 1662 г. в Москве». Сб. документов. М.
 Отв. ред.: Е. И. Индова. Дворцовое хозяйство в России. Первая половина XVIII века. М.
 Отв. ред.: «Малоисследованные источники по истории СССР XIX—XX вв. (Историко-ведческий анализ)». М.
 Член ред. колл.: «Декреты Советской власти», т. 3. М.
 Член ред. колл.: «История СССР», т. 1. Изд. 2-е перераб. и доп. М.

1965

Отв. ред.: А. Н. Копылов. Русские на Енисее в XVII веке. Земледелие, промышленность и торговые связи Енисейского уезда. Новосибирск.

Отв. ред.: М. М. Штрагге. Демократическая интеллигенция России в XVIII веке. М.
 Член ред. колл.: «Исторические записки», тт. 75—78. М.
 Член ред. колл.: «Исторические связи народов СССР и Румынии в XV—начале XVIII в.». Документы и материалы в 3-х томах, т. 1. М.

1966

Отв. ред.: И. А. Булыгин. Положение крестьян и товарное производство в России. Вторая половина XVIII века. М.
 Отв. ред.: С. М. Троицкий. Финансовая политика русского абсолютизма в XVIII веке. М.
 Член ред. колл.: «Исторические записки», т. 79. М.

1967

Член ред. колл.: «Исторические записки», т. 80.

1968

Член ред. колл.: «Исторические связи народов СССР и Румынии в XV—начале XVIII в.». Документы и материалы в 3-х томах, т. 2. М.

ЛИТЕРАТУРА О ЖИЗНИ И ТРУДАХ А. А. НОВОСЕЛЬСКОГО

- Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России. Сб. статей к 70-летию А. А. Новосельского. М., 1961. Из содержания: Н. В. Устюгов. Творческий путь А. А. Новосельского; Список научных работ А. А. Новосельского.
- К 70-летию со дня рождения А. А. Новосельского.— «Исторический архив», 1961, № 6.
- Семидесятилетие А. А. Новосельского.— «Вопросы истории», 1962, № 1.
- Новосельский Алексей Андреевич.— В кн.: «Научные работники Москвы». Л., 1930.
- И. А. Булыгин. А. А. Новосельский. Некролог.— «История СССР», 1968, № 1.
- Алексей Андреевич Новосельский. [Историк. Некролог].— «Советские архивы», 1967, № 6.
- Алексей Андреевич Новосельский [1891—1967. Историк. Некролог].— «Вопросы истории», 1968, № 3.
- С. Симонов.— «Историк-марксист», 1929, т. 13.
- А. А. Новосельский. Вотчинник и его хозяйство в XVII в. М.— Л., 1929.
- Рец. Евреинов.— «Sb. Věd pravnich a štatnich», ч. 1930, т. XXX, № 8.
- А. А. Кизеветтер.— «Современные записки», 1931, № 45.
- А. А. Новосельский. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М.— Л., 1948.
- Рец.:
- К. Базилевич.— «Вопросы истории», 1950, № 1.
- К. Базилевич.— «Новый мир», 1949, № 3.
- Б. Б. Кафенгауз.— «Известия АН СССР». «Серия истории и философии», 1949, № 3.
- Е. Н. Кушева.— «Советская книга», 1949, № 5.
- И. П. Петрушевский.— «Ученые записки ЛГУ. Серия востоковед. наук», 1952, вып. 3.
- W. Czapiński. «Przegląd historyczny», 1952, r. 42.
- H. Jabłoński. «Historische Zeitschrift», 1955, Bd. 180, № 1.

Составитель Н. Я. Крайнева

ПАМЯТИ М. П. ВЯТКИНА

(1895—1967)

7 декабря 1967 г. скончался Михаил Порфирьевич Вяткин, видный советский ученый-историк, крупный специалист по истории народов СССР и экономической истории России, член редколлегии «Исторических записок».

Михаил Порфирьевич родился и вырос на Урале, в семье учителя. Закончив в 1913 г. Шадринское реальное училище, М. П. Вяткин поступил на историко-филологический факультет Петербургского университета, где учился до лета 1917 г. В 1921 г. он окончил историко-филологический факультет Томского университета и был оставлен при кафедре русской истории. В 1922 году правлением Томского университета М. П. Вяткин был откомандирован в Ленинград, где и протекала вся его последующая научно-педагогическая деятельность.

В Ленинграде, Михаил Порфирьевич вел большую преподавательскую работу сначала в средней школе, а затем в ряде ленинградских вузов. В 1934 г. М. П. Вяткин начинает свою плодотворную деятельность в Ленинградском отделении Института истории АН СССР, продолжавшуюся до последних дней его жизни.

Уже первые работы Михаила Порфирьевича, опубликованные им в середине 20-х годов и посвященные мануфактуре, промышленному перевороту, развитию капитализма в России, определили его интерес к социально-экономической истории России. М. П. Вяткин принял активное участие в широко известном многотомном издании по истории крепостной мануфактуры, осуществленном ЛОИИ (тогда еще Историко-археографическим институтом).

Михаил Порфирьевич был в числе тех советских ученых, которые первыми занялись изучением истории народов нашей страны. Общеизвестны заслуги М. П. Вяткина в изучении исторических судеб казахского народа. Под его руководством и при самом активном участии были подготовлены и изданы два тома «Материалов по истории Казахской ССР», которые ввели в научный оборот большой и интересный архивный материал. В 1941 г. вышел в свет написанный М. П. Вяткиным по существу первый обобщающий труд по истории Казахстана с древнейших времен по 1870 г. Результатом многолетних исследований Михаила Порфирьевича явилась его докторская диссертация «Батыр Срым», успешно защищенная им в 1944 г. и в 1947 г. изданная отдельной книгой. В этой обстоятельной монографии история движения батыра Срыма Датова была дана на широком фоне социально-экономических отношений в казахском обществе конца XVIII века. Работа М. П. Вяткина получила высокую оценку научной общественности и была удостоена Государственной премии. Михаил Порфирьевич был также автором ряда глав и одним из редакторов коллективного труда «История Казахской ССР».

Ближайшее участие принимал М. П. Вяткин и в подготовке трудов по истории Киргизии. Он был одним из авторов и редакторов коллек-

тивной «Истории Киргизии», руководил работой сотрудников АН Киргизской ССР по проблеме разложения патриархально-феодалных и возникновения капиталистических отношений в Киргизии.

Одновременно с этим М. П. Вяткин принял самое активное участие и в таких коллективных начинаниях Института истории АН СССР и его Ленинградского отделения, как «Очерки истории СССР периода феодализма», «Краткая история СССР»; он был одним из редакторов и авторов первого тома «Очерков истории Ленинграда», участвовал в подготовке следующих томов.

По инициативе и под руководством М. П. Вяткина в Ленинградском отделении Института истории с середины 50-х годов развернулась большая работа по изучению экономических предпосылок Великой Октябрьской социалистической революции. Под его редакцией вышел ряд томов документальных публикаций и «Трудов ЛОИИ», посвященных истории российского империализма. Синтезом прежних занятий историей Средней Азии и большой исследовательской работы по истории империализма в России явилась изданная в 1962 г. монография М. П. Вяткина «Монополистический капитал в Средней Азии». Наконец, в 1965 г. в издательстве «Наука» вышло исследование М. П. Вяткина «Горнозаводской Урал в 1900—1917 гг.», где весьма детально на обширном архивном материале раскрываются специфические особенности промышленного развития Урала в эпоху империализма, обстоятельно изучено положение рабочего класса, что в конечном итоге имеет большое значение для понимания общих закономерностей развития российского капитализма и империализма.

Последние годы своей жизни Михаил Порфирьевич много работал над большим трудом, посвященным социально-экономическому развитию Средней Азии. Всего М. П. Вяткиным было написано и опубликовано свыше 70 работ.

М. П. Вяткин был не только видный ученый-исследователь. Около 10 лет он возглавлял Ленинградское отделение Института истории АН СССР, отдавая много сил воспитанию научных кадров, умело направляя их на исследование актуальных проблем отечественной и всемирной истории. Много лет Михаил Порфирьевич возглавлял кафедру истории СССР Ленинградского педагогического института им. М. Н. Покровского, активное участие принимал в работе различных советов и конференций, редколлегий исторических журналов. Его ученики успешно трудятся сейчас в разных уголках нашей страны. Особенно много было сделано М. П. Вяткиным для воспитания кадров историков для ряда национальных республик (Казахстан, Киргизия, Карелия). Заслуги М. П. Вяткина, ученого-коммуниста, были высоко оценены Советским правительством. Он был награжден орденами Трудового Красного Знамени и Знак почета, медалями, в связи с семидесятилетием ему было присвоено высокое звание заслуженного деятеля науки РСФСР. Академия наук Киргизской ССР избрала М. П. Вяткина своим членом-корреспондентом.

Михаил Порфирьевич прожил большую и яркую жизнь. Все мы, хорошо знавшие и уважавшие его как крупного ученого и большой души человека, глубоко принципиального и одновременно внимательного к людям, тяжело переживаем его кончину. Но остались его замечательные книги, его многочисленные ученики и друзья, а это означает, что дело, которому так самоотверженно и беззаветно служил Михаил Порфирьевич Вяткин, продолжается и развивается. Светлая память о нем навсегда сохранится в наших сердцах.

Ю. Е. Новиков, С. И. Потолов

СПИСОК ТРУДОВ М. П. ВЯТКИНА

1927

Торговый капитализм в России. Книга для чтения. М.— Л.

1934

К вопросу истории крепостной мануфактуры.— В кн. «Крепостная мануфактура в России», т. V. Московский суконный двор». Л.

1936

Путевые записки лекаря Зибберштейна.— «Исторический архив», т. 1. М.

1938

Рец.: Материалы по истории туркмен и Туркмении, т. 2. М., 1938.— «Историк-марксист», т. 6.

1939

Журнал оренбургского муфтия.— «Исторический архив», т. 2. М.

1940

Казахское общество в середине XVIII в. (Сокращенная глава из кн. «Батыр Срым»).— «Известия Казахстанского филиала АН СССР. Серия ист.», вып. I. Алма-Ата. Материалы по истории Казахской ССР, т. IV. М.— Л. (Подгот. материала и автор следующих разделов: Политический кризис и хозяйственный упадок в Малой орде в конце XVIII — начале XIX в.; Археографическое введение. (совместно с Н. К. Дмитриевым); Объяснительная записка к карте. (Приложение № 1); Примечания (совместно с М. И. Стеблин-Каменской).

«Сказки» XVIII века как источник для истории Казахстана.— «Проблемы источниковедения». Сб. 3. М.— Л.

Тюленгуты в XVIII веке.— «Известия Казахстанского филиала АН СССР. Серия ист.», вып. I. Алма-Ата.

1941

К вопросу об образовании Казахского государства.— «Большевик Казахстана», № 2. Очерки по истории Казахской ССР, т. I. (С древнейших времен до 1870 г.). Л.

1942

Освободительное движение в Казахстане в конце XVIII и в XIX веке.— В кн.: Преподавание истории в условиях Великой Отечественной войны, ч. I. История СССР. Алма-Ата (совместно с Х. Адильгиреевым).

Восстание 1916 года в Казахстане.— Там же.

Гражданская война в Казахстане.— Там же.

Ледовое побоище [5 апреля 1242 г.].— «Большевик Казахстана», № 7.

Минин и Пожарский. [Краткий ист. очерк].— «Большевик Казахстана», № 8.

1943

Сост. и член ред. колл.: История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней. Алма-Ата.

1945

К вопросу о крестьянских войнах в Казахстане.— «Вопросы истории», № 3—4.

1947

Батыр Срым. М.— Л., 392 с. Пер. на казах. яз. Алма-Ата, 1951.
Ред.: Бекмаханов Е. Казахстан в 20—40-х годах XIX века. Алма-Ата.

1948

Сост. и ред.: Материалы по истории Казахской ССР, т. 2, ч. 2. (1741—1751 гг.). Алма-Ата.

1949

История Казахской ССР. С древнейших времен до наших дней. Изд. 2-е, испр. и доп. т. 1—2. Алма-Ата (член-ред. колл. и автор следующих разделов в т. 1: Изучение истории казахского народа в прошлом и настоящем. (Введение); Гл. IV. Казахстан в период монгольского завоевания; Гл. V. Образование казахской народности и Казахского государства; Гл. VI. Общественно-политический строй Казахского ханства. (Совместно с Я. Я. Зутисом); Гл. VII. Раздробленность Казахского ханства и попытки его объединения Тауке-ханом (совместно с С. Л. Фуксом); Гл. IX. Принятие казахами российского подданства; Гл. X. Казахстан в середине XVIII в.; Гл. XI. Восстание казахов младшего жуза под руководством Батыра Срыма Датова; Гл. XII. Социально-экономический строй казахского общества в первой половине XIX века).

1950

Барщина в России.— БСЭ, изд. 2. т. 4. (Совместно с Б. Д. Грековым).

1951

Емельян Пугачев. Стенограмма публ. лекции. Л.
Эпопея о русском труженике. (О романе Е. Федорова «Каменный пояс» — трилогия: «Демидовы», «Наследники», «Хозяин каменных гор».)— «Труд», 21/XII.

1952

Письмо в редакцию. [По поводу своих работ].— «Вопросы истории», № 2.

1954

Рец.: История Москвы, т. 2. Период феодализма XVIII в. М., 1953.— «Вопросы истории», № 3.
То же — «Вечерний Ленинград», 22/III.

1955

Экономическая жизнь Петербурга в период разложения и кризиса крепостничества.— В кн.: «Очерки истории Ленинграда», т. 1. М.— Л.
Отв. ред.: Очерки истории Ленинграда, т. 1. М.— Л.

1956

[Изложение доклада о поездке советской делегации историков в Финляндию].— «Вестник АН СССР», № 5.
История Киргизии, т. I. Фрунзе (Член ред. колл. и автор следующих разделов: Предпосылки присоединения Киргизии к России (совместно с А. Хасановым); Присоединение Северной Киргизии к России (совместно с А. Хасановым).
Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия во второй половине XVIII в. М. (Автор следующих разделов: Борьба рабочих людей и приписных крестьян на мануфактуре в 50—60-х гг.; Крестьянское движение и борьба рабочих людей в 70—80-х гг., (совместно с П. Г. Рынзюнским); Промышленность).

1957

Страницы из истории нашего города. [К истории Ленинграда].— «Пропагандист», № 2.

Ред.: Джагерчинов Б. Д. Важный этап из истории киргизского народа. (К 100-летию присоединения Киргизии к России). Фрунзе.

Член ред. колл.: Исторические записки, т. 61.

Член ред. колл.: Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. Сб. статей. М.—Л.

1958

Член ред. колл.: Исторические записки, тт. 62, 63.

1959

Отв. ред.: Из истории империализма в России. Сб. статей. М.—Л.

Член ред. колл.: Исторические записки, т. 64, 65.

1960

Ред.: История СССР, т. II. М., 1959.— «История СССР», № 5 (совместно с Ш. М. Левиным).

Отв. ред.: Русско-шведские экономические отношения в XVII в. Сб. документов. М.—Л. (совместно с И. Н. Фирсовым).

Член ред. колл.: Исторические записки, тт. 66, 67. М.

1961

Член ред. колл.: Исторические записки, тт. 67—70. М.

Член ред. колл.: Критика новейшей буржуазной историографии. Сб. статей. М.—Л.

1962

Монополистический капитал в Средней Азии. Фрунзе.

Платино-промышленная анонимная кампания.— В кн.: Монополии и иностранный капитал в России. М.—Л.

Отв. ред.: Монополии и иностранный капитал в России. М.—Л.

Член ред. колл.: Исторические записки, тт. 71, 72. М.

1963

Краткая история СССР, ч. I. С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. М.—Л. (Член ред. колл. и авт. следующих разделов: Общая характеристика феодализма в тл. II; Гл. VI. Образование абсолютистской монархии в России в первой половине XVIII в.; Гл. VII. Крепостная Россия во второй половине XVIII в.).

Промышленность.— В кн.: «История Киргизии», т. I. Фрунзе (совместно с А. Джаманкараевым).

Отв. ред.: Монополии в металлургической промышленности России. 1900—1917. Документы и материалы. М.—Л.

Член ред. колл.: Исторические записки, тт. 73, 74. М.

Член ред. колл.: История Киргизии, т. I. Фрунзе.

1964

Отв. ред.: Знаменский О. Н. Июльский кризис 1917 года. М.—Л.

1965

Горнозаводской Урал в 1900—1917 гг. М.—Л.

Член ред. колл.: Исторические записки, тт. 75—78. М.

1966

Член ред. колл.: Исторические записки, т. 79. М.

1967

Член ред. колл.: Исторические записки, т. 80. М.

ЛИТЕРАТУРА О ЖИЗНИ И ТРУДАХ М. П. ВЯТКИНА

- Вяткин Михаил Порфирьевич.— В кн.: Научные работники Ленинграда. Л., 1934.
 Вяткин Михаил Порфирьевич.— Советская историческая энциклопедия, т. 3. М., 1963.
 Вяткин М. П.— В кн.: «Историки-лауреаты государственных премий (1941—1952)». Библиограф. указатель литературы. Сост. Н. Я. Чачуа. Тбилиси, 1955.
 Вяткин М. П.— В кн.: «Лауреаты государственных премий в области ист. наук. Библиогр. указатель». Харьков, 1954.
 Вяткин М. П.— В кн.: «Лауреаты государственных премий в области науки 1939—1949. Материалы к библиографии». Л., 1949.
 70-летие М. П. Вяткина.— «История СССР», 1966, № 3.
 Вяткин М. П. (Извещение о смерти).— «Вечерний Ленинград», 1967, 9/XII; «Ленинградская правда», 1967, 10/XII; «Советская Киргизия», 1967, 10/XII.
 Вяткин М. П. [Некролог].— «Советская Киргизия», 1967, 10/XII, с портр.

СТАТЬИ И РЕЦЕНЗИИ О РАБОТАХ М. П. ВЯТКИНА

- Зиманов С. З. К вопросу о предпосылках и образовании Внутренней орды.— «Вестник АН КазССР», 1956, № 1.
 Толыбеков С. Е. О реакционной борьбе казахских султанов и батыров Младшего жуза против добровольного присоединения к России.— «Вестник АН КазССР», 1955, № 6.
 Юшков С. В. К вопросу о феодальной собственности в досоветском Казахстане.— «Вестник АН КазССР», 1951, № 9.
 Юшков С. В. Об основных моментах истории казахского государства. (В досоветский период).— «Известия АН КазССР», № 49. Серия ист., вып. 4, 1948.
 Фукс С. Л. Некоторые вопросы истории казахского государства.— «Известия АН КазССР», серия юридич., вып. 3, 1951.
 Вяткин М. П. Батыр Срым. М.— Л., 1947.— Гос. премия II степени.— «Правда», 1948, 30/V, № 151.
 Рец.: «Вестник АН СССР», 1948, № 7.
 С. С.— «Преподавание истории в школе», 1949, № 6.
 Балясников Н.— «Вечерний Ленинград», 1948, 4/VI.
 Бекмаханов Е. Б.— «Вестник АН Казах. ССР», 1948, № 8.
 Нуров Г.— «Советская Киргизия», 1948, 25/VIII.
 Устюгов Н. В.— «Вопросы истории», 1948, № 2.
 Сост.: Вяткин М. П. История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней. Алма-Ата, 1943.
 Рец.: Панкратова А. М.— «Большевик Казахстана», 1943, № 10.
 Вяткин М. Тюленгуты в XVIII в.— «Известия Казахстанского филиала АН СССР. Серия ист.», 1940, вып. I.
 Рец.: Устюгов Н.— «Историк-марксист», 1941, № 4.
 Вяткин М. П. Горнозаводской Урал в 1900—1917 гг. М.— Л., 1965.
 Рец.: Tarnovski Th.— «Kritika», 1967, vol. 3, № 3.

Составитель П. В. Промина.

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

П. Н. Абрамов. К истории первого этапа Октябрьской революции в деревне (октябрь 1917 — май 1918 г.)	3
Н. К. Фигуровская. Банкротство «аграрной реформы» буржуазного Временного правительства	23
С. С. Хесин. Русский флот накануне Октября (положение, численность, состав)	68
С. В. Тютюкин. Ленинский лозунг поражения «своего» правительства в империалистической войне	101
Р. Ш. Ганелин. Царизм, буржуазия и американский капитал перед Февральской революцией 1917 г.	132
Б. В. Ананьич. Внешние займы царизма и думский вопрос в 1906—1907 гг. . .	172
М. С. Симонова. Аграрная политика самодержавия в 1905 г.	199
А. С. Нифонтов. Статистика урожаев в России XIX в. (по материалам губернаторских отчетов)	216

СООБЩЕНИЯ

Ю. В. Арутюнян. К проблеме освоения культуры	259
А. Я. Грунт. Из истории Московского Военно-революционного комитета (формирование ВРК)	266
С. М. Троицкий. Памяти А. А. Новосельского (1891—1967)	278
Список трудов А. А. Новосельского	282
Ю. Е. Новиков, С. И. Потолов. Памяти М. П. Вяткина (1895—1967)	287
Список трудов М. П. Вяткина	289

Исторические записки
т. 81

*Утверждено к печати Институтом истории
Академии наук СССР*

Редактор издательства И. И. Зелкин
Технический редактор Н. Ф. Егорова

Сдано в набор 7/III 1968 г.
Подписано к печати 27/VI 1968 г.
Формат 70×108¹/₁₆. Бумага № 2
Усл. печ. л. 25,9. Уч.-изд. л. 25,8. Тираж 2000.
Т-09263. Тип. зак. 5098. Цена 1 р. 65 к.
Издательство «Наука».
Москва, К-62, Подсосенский пер. 21
2-я типография издательства «Наука»
Москва, Г-99, Шубинский пер., 10